

Санкт-Петербургский государственный университет

# **КОНФЛИКТОЛОГИЯ XXI ВЕКА ПУТИ И СРЕДСТВА УКРЕПЛЕНИЯ МИРА**

Осуществлено при финансовой поддержке РФФИ  
(проект №19-011-20005)  
и Комитета по науке и высшей школе  
Правительства Санкт-Петербурга

Материалы III Санкт-Петербургского  
международного конгресса конфликтологов

Санкт-Петербург

15–16 ноября 2019 года

Санкт-Петербург  
2019

УДК 316.48  
ББК 60.5+66.3 (2Рос)1+ 87,65  
К 65

Редакционная коллегия

канд. соц. наук, доц. *Д.А. Абгаджав* (ред.);  
д. филос. наук, проф. *А.В. Алейников* (отв. ред.);  
канд. полит. наук, доц. *А.Г. Пинкевич* (ред.);  
д-р полит. наук, проф. *А.И. Стребков*;  
канд. полит. наук, доц. *А.Н. Сунами*.

**Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира:** материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г. — СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2019. — 414 с.  
DOI 10.31312/978-5-6043166-1-0

ISBN 978-5-6043166-1-0

Сборник включает материалы — избранные тезисы докладов и выступлений участников III Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов (15–16 ноября 2019 г., Санкт-Петербург).

*Материалы публикуются в авторской редакции.*

St Petersburg State University

**CONFLICTOLOGY  
OF THE XXI CENTURY  
WAYS AND MEANS OF PEACE BUILDING**

Congress is supported by the Russian Foundation for Basic Research  
(No 19-011-20005)  
And by Committee on Science and Higher Education  
of the Government of St Petersburg

Materials of III St Petersburg International  
Congress of Conflictologists

St Petersburg

15–16 November 2019

St Petersburg  
2019

## Editorial Board

PhD, Associate Professor, *D.A. Abgadzava (editor)*;  
Doctor of Philosophy, Professor *A.V. Aleinikov (executive editor)*;  
PhD, Associate Professor, *A.G. Pinkevich (editor)*;  
Doctor of Political Sciences, Professor *A.I. Strebkov*;  
PhD, Associate Professor, *A.N. Sunami*.

**Conflictology of the XXI Century. Ways and Means of Peace Building:**  
Materials of III St Petersburg International Congress of Conflictologists.  
St Petersburg, 15–16 November 2019. — StPb., “Fund of Conflictology’  
Development”, 2019. — DOI 10.31312/978-5-6043166-1-0 — 414 c.

ISBN 978-5-6043166-1-0

The congress papers include materials — selected abstracts of reports and speeches of participants of the III St Petersburg International Congress of Conflictologists (15–16 November 2019, St Petersburg).

*The published materials were redacted by the authors.*

## СОДЕРЖАНИЕ

1. <i>Абалян А.И.</i> Этнополитический конфликт в Западной Сахаре: перспективы урегулирования. . . . .	22
2. <i>Абгаджавя Д.А.</i> Риск и социальный порядок: опыт конфликтологической рефлексии . . . . .	24
3. <i>Абдуллаев Н.В.</i> Экономический анализ факторов конфликтогенности современного глобального мира. . . . .	26
4. <i>Агаджанов В.В.</i> Этнонациональные конфликты: пределы рационализации . . . . .	28
5. <i>Алейников А.В.</i> Рефлексивные стратегии рисков и динамика конфликтов в российском обществе . . . . .	30
6. <i>Аль-Обаиди Н.</i> Роль международного права в экстремистском интеллектуальном терроризме . . . . .	34
7. <i>Амосова Е.И., Иванова Е.Н.</i> Конфликты супругов в кризисных семьях . . . . .	36
8. <i>Артемов Г.П.</i> Конфликтогенность нормативной структуры профессиональных этических кодексов . . . . .	39
9. <i>Артюхина В.А.</i> Мониторинговые исследования социальной напряженности в регионе: опыт алтайской социологической школы. . . . .	41
10. <i>Бабаева Ю.В., Иванова Е.Н.</i> Методы работы с системными конфликтами в семейной медиации . . . . .	43
11. <i>Бандейкина Н.Н.</i> Конфликты в бирюзовых организациях . . . . .	45
12. <i>Баранов А.В.</i> Конфликтогенные факторы формирования национальной идентичности молодежи в современном Крыму . . . . .	47
13. <i>Баранова Г.В.</i> Протестная активность как фактор устойчивости государства . . . . .	49
14. <i>Бертран Дж.</i> Брексит и Каталония. Влияние идентичности на урегулирование конфликта . . . . .	51
15. <i>Большаков А.Г.</i> Идеологический молодежный экстремизм: причины, параметры, технологии конфликтологического анализа . . . . .	54
16. <i>Большаков А.Г.</i> Типы внутренних вооруженных конфликтов в регионе Центральной Азии: в контексте новых интеграционных проектов России и Китая . . . . .	56
17. <i>Бондарев В.Г., Стребков А.И.</i> Социальные факторы этнополитических конфликтов . . . . .	58

18. Булгакова О.С. Конфликты в медицине как отражение работы активных механизмов адаптационной защиты разного уровня организации личности: диагностика, пути решения . . . . .	61
19. Бурлакова И.И. Эмоциональное выгорание педагога: проблема и пути решения . . . . .	64
20. Возьмитель А.А. Травматические события 1990-х в России: последовательное нарастание конфликта . . . . .	67
21. Волкова А.В. Конфликтогенные факторы цифрового гражданского участия. . . . .	69
22. Газимагомедов Г.Г., Безуглый В.Ф. Конфликтологическое обеспечение национальной безопасности как альтернатива правовому обеспечению . . . . .	71
23. Гайнутдинова Л.А. Социокультурный конфликт как угроза традиционному гражданскому обществу. . . . .	74
24. Галанкин Л.Н. Психофизиология функции критичности в решении конфликтов . . . . .	77
25. Галстян Х.С. Интеграционная парадигма трансформации этнополитических конфликтов постсоветского пространства. . . . .	79
26. Гартвик Е.В. Технология медиации в психологической работе с подростковыми конфликтами . . . . .	81
27. Глазырин В.А. Правовые институты и предупреждение конфликтогенности полиэтнических отношений . . . . .	86
28. Глухова А.В. Новая холодная война или «мир без мира»? (о природе современного глобального конфликта) . . . . .	88
29. Говорухина К.А., Телятник Т.Е. Анализ конфликтогенных факторов и тенденций мирового политического процесса (по материалам СМИ и интернет-источников) . . . . .	90
30. Головин Ю.А. Социальная справедливость как конфликтогенный фактор . . . . .	93
31. Голубев Д.С. Роль транснациональных этнических групп в кросс-границной диффузии этнополитической конфликтности: дискуссии о факторах и механизмах. . . . .	95
32. Горбачев М.В. Конфликтный потенциал политических проектов цивилизационного уровня . . . . .	98
33. Горбачева Е.С. Инновационные технологии управления конфликтами в организации как способ оптимизации внутренних бизнес-процессов в работе компании. . . . .	101
34. Горшенина Е.В., Шашков А.В. Половозрастные особенности динамики склонности к агрессии у подростков как составляющей школьного буллинга. . . . .	104

35. <i>Грибкова О.В.</i> Конфликтологическое образование психологов в высших учебных заведениях . . . . .	109
36. <i>Грошева И.А., Грошев И.Л.</i> Подросток в образовательной среде: конфликтное существование в условиях модернизации. . . . .	112
37. <i>Гуриева С.Д., Удавихина У.А.</i> Удовлетворенность карьерой как фактор профессиональной успешности медиатора . . . . .	114
38. <i>Диев В.С.</i> Рациональные решения в «обществе риска»: методологические и ценностные основания. . . . .	117
39. <i>Довгань В.А.</i> Организационно-правовые основания регулирования конфликтов в вузе . . . . .	119
40. <i>Дубовицкая Т.Д., Горшенина Е.В.</i> Конфликт в художественном произведении как предмет конфликтологического анализа и медиации. . . . .	121
41. <i>Ефанов А.А.</i> Моральные паники как форма существования скандала . . . . .	124
42. <i>Ефанова Е.В.</i> Публичное пространство: сотрудничество или конфликт? . . . . .	126
43. <i>Ефимова О.С.</i> Конфликтологическое образование психологов на современном этапе . . . . .	128
44. <i>Жакупов Ж.А.</i> Казахстанский опыт развития медиации как альтернативного способа урегулирования конфликтов . . . . .	131
45. <i>Завершинский К.Ф.</i> Социокультурная динамика политической памяти как источник конфликтов и согласия: теоретические экспликации и практики . . . . .	134
46. <i>Зайцев И.О.</i> Сравнительный анализ роли религиозного фактора: на примере политических конфликтов в Сирии и Северной Ирландии. . . . .	137
47. <i>Залаяев Р.И.</i> Потенциал постановлений Конституционного суда Российской Федерации в разрешении политических споров . . . . .	140
48. <i>Иванов А.В.</i> Праворадикальные тренды в Республике Татарстан в виртуальном пространстве: конфликтологический анализ . . . . .	143
49. <i>Иванов О.Б., Ильинская Ю.И.</i> Возможности медиации в урегулировании градостроительных конфликтов . . . . .	145
50. <i>Иванова Е.Н.</i> Практичная теория медиации. . . . .	147
51. <i>Игнатьева И.Ф.</i> Геоэкономические конфликты в пространстве геополитики. . . . .	149
52. <i>Исаев Б.А.</i> Проблема соотношения факторов и акторов революций . . . . .	153

53. <i>Какадий И.И.</i> Принципы управления конфликтом и предпосылки его предупреждения . . . . .	155
54. <i>Карпенко А.Д., Маврин О.В.</i> Особенности развития медиации в Российской Федерации: многоплановость подхода к исследованию . . . . .	159
55. <i>Князькова А.А., Кручинин В.А.</i> Причины возникновения конфликтов в высшей школе . . . . .	161
56. <i>Колесникова О.Н.</i> Особенности урегулирования и разрешения конфликтов студентов вуза . . . . .	165
57. <i>Колосова В.В., Пиллаи С.С.</i> Формирование конфликтологической компетентности специалиста как современный аспект социализации личности. . . . .	168
58. <i>Коновалов В.Н.</i> Операционализация теории секьюритизации в контексте региональной безопасности . . . . .	170
59. <i>Коновалова В.Г.</i> Трудовые отношения в условиях gig-экономики: риски и конфликты . . . . .	173
60. <i>Корнеева В.А.</i> Спортивная дипломатия: от «мягкой силы» государства до ее национальной безопасности . . . . .	175
61. <i>Крюков Н.А., Крюкова Т.В.</i> Очередные задачи цифровизации в конфликтологии . . . . .	178
62. <i>Крюкова К.В.</i> Регулирование лоббистской деятельности — форма антикоррупционной политики (на примере Европейского союза) . . . . .	181
63. <i>Кузнецов Н.В.</i> Функции конфликтологического образования в современной России . . . . .	183
64. <i>Куконков П.И.</i> Экспертиза социальных напряжений в системе прогнозирования и предупреждения социальной деструкции . . . . .	185
65. <i>Кулакова Т.А.</i> Конфликтогенные факторы реализации инновационных проектов в России. . . . .	187
66. <i>Курочкин А.В.</i> Координационная эффективность государственного управления инновационными процессами: новые риски и конфликто разрешающий потенциал . . . . .	189
67. <i>Лабуш Н.С.</i> Конфликтогенность массмедийного пространства современной России. . . . .	192
68. <i>Лавров Н.В., Лаврова Н.М., Лавров В.В.</i> Служба медиации в дошкольном образовательном учреждении . . . . .	195
69. <i>Лагутин О.В.</i> Конструирование политической идентичности в модернизационных циклах развития российского государства . . . . .	197



70. <i>Леонов Н.И.</i> Проблема тезауруса современной конфликтологии . . . . .	199
71. <i>Леонов И.Н.</i> Концепция «спирали конфликта» Р. Руммеля . . . . .	201
72. <i>Леонтьева Э.О.</i> Китайская миграция как конфликтогенный фактор на Дальнем Востоке: миф о «желтой угрозе», его история, смыслы, идеологические и социальные коннотации . . . . .	203
73. <i>Лепехин Н.Н., Тихомирова Н.В.</i> Психологические предикторы устойчивости молодежи в конфликте . . . . .	206
74. <i>Литвинова Т.Н.</i> Краткосрочные и долгосрочные последствия чеченского конфликта . . . . .	209
75. <i>Лучшева Л.В.</i> Конфликты и адаптация иностранных студентов в образовательной среде российских вузов (на примере вузов Республики Татарстан). . . . .	213
76. <i>Магомедсалихов Х.Г.</i> Конфликтная модель дагестанского общества: традиции и современность . . . . .	216
77. <i>Маженина Е.А.</i> Современные практики социального протеста в системе жизнеобеспечения. . . . .	218
78. <i>Мальцева Д.А., Дедуль А.Г.</i> Трансформация государственного управления в условиях «общества риска» . . . . .	221
79. <i>Мансуров Т.З.</i> Построение проектов национального развития Республики Абхазия в условиях формирования конкурирующих интеграционных процессов на постсоветском пространстве . . . . .	223
80. <i>Милецкий В.П., Яколенко А.Д.</i> Современные форматы функционала институтов конфликто разрешения российского общества в сфере обеспечения прав человека . . . . .	225
81. <i>Мириманов Ж.А.</i> На пути к лучшему сотрудничеству между судьями, медиаторами и адвокатами. Новые вызовы для развития судебной медиации с помощью инструментария СЕРЕJ. . . . .	228
82. <i>Митяева А.М.</i> Содержательные аспекты деятельности школьных служб медиации . . . . .	231
83. <i>Морева Ю.Е.</i> Психологические аспекты насилия в этнических конфликтах . . . . .	234
84. <i>Морозова В.Н.</i> Немецкий опыт интеграции мигрантов: проблема обновления механизмов «мультикульти» и интеграционный парадокс. . . . .	236
85. <i>Мусина Н.К.</i> К вопросу о государственном регулировании межэтнических отношений в Республике Казахстан . . . . .	239

86. <i>Нагайцев В.В.</i> К вопросу определения понятия «конфликтность в обществе» . . . . .	242
87. <i>Нагайчук А.Ф., Нагайчук М.А.</i> Технология модерации в регулировании социально-политических конфликтов. . . . .	244
88. <i>Нагайчук А.Ф., Филатова Н.В.</i> Православная этика и дух миротворчества: к постановке вопроса о потенциале развития православной конфликтологии в России . . . . .	248
89. <i>Наумова Е.И.</i> Конфликты в цифровом обществе. . . . .	252
90. <i>Негров Е.О., Лагутин О.В.</i> Модели конфликтного поведения молодежи (на примере Северо-Западного и Сибирского федеральных округов) . . . . .	254
91. <i>Нечаев Д.Н.</i> Институты, акторы и эффективность региональной медиации: особенности интеллектуального центра (на примере города Воронежа) . . . . .	256
92. <i>Николаева А.А.</i> Особенности межэтнических конфликтов в образовательной организации . . . . .	259
93. <i>Николаенко Я.Н., Зазулин Г.В.</i> Возможности применения технологии виброизображения в оценке способов разрешения конфликтов (на основе подхода Г. Шварца). . . . .	262
94. <i>Никулина Т.И., Чепурко Ю.В.</i> Мотивация и стратегии поведения в конфликте у работников железной дороги . . . . .	264
95. <i>Никулина Т.И., Галстян М.Н., Дичина Н. Ю.</i> Профилактика самоповреждающего поведения среди несовершеннолетних . . . . .	267
96. <i>Новопашина Л.А., Хасан Б.И.</i> Конфликтная реальность как базовое содержание магистерской программы «конфликт-менеджмент» . . . . .	270
97. <i>Орлинская О.М.</i> Механизмы воздействия институтов парламентаризма на взаимоотношения центра и регионов в федеративных государствах с целью достижения политического консенсуса. . . . .	273
98. <i>Островский А.Н.</i> Современные городские конфликты, причины их возникновения и способы разрешения глазами социального медиатора . . . . .	278
99. <i>Осьмук Л.А.</i> Нонконформизм и конфликтогенность студенчества: мифы и реальность . . . . .	280
100. <i>Отахонов Ф.Х.</i> Медиация в Узбекистане: проблемы и перспективы развития. . . . .	283
101. <i>Познякова О.Л.</i> Драма как методологический инструментальный моделирования и прогнозирования конфликта . . . . .	286

102. <i>Помыткина Т.Ю.</i> Факторы конфликтного взаимодействия «врач — пациент» . . . . .	288
103. <i>Попенкова Д.И.</i> Использование института медиации: международный опыт . . . . .	291
104. <i>Попов М.В.</i> Содержание забастовочного социально-трудового конфликта. . . . .	293
105. <i>Попова О.В.</i> Конфликтный потенциал государственной политики идентичности . . . . .	297
106. <i>Радостева М.В.</i> Способы управления и диагностика социально-трудовых конфликтов в образовательной организации. . . . .	299
107. <i>Рац С.В.</i> Карибский кризис как объект противостояния двух сверхдержав XX в. . . . .	302
108. <i>Рогочая Г.П., Улько Е.В.</i> Психологический анализ установок молодежи к разрешению конфликтов с участием посредников: этнокультурный аспект . . . . .	304
109. <i>Родионова А.П.</i> Возможности применения медиативных технологий урегулирования споров в торговом мореплавании . . . . .	307
110. <i>Рукавишников А.Б., Смирнов Н.Г.</i> Социальная безопасность как система неконфликтных способов взаимодействия . . . . .	309
111. <i>Рябенко В.Н.</i> Анализ эффективности альтернативных технологий урегулирования конфликта в международной коммерческой деятельности. . . . .	312
112. <i>Савва Е.В.</i> Проблемы построения теоретической модели этнополитического конфликта. . . . .	315
113. <i>Савельев А.А.</i> Социальные расколы как препятствие к формированию устойчивых партийных систем на посткоммунистическом пространстве (на примере Украины и Молдавии) . . . . .	318
114. <i>Савченко И.А.</i> Исследование конфликтности на этнической основе в образовательном процессе . . . . .	321
115. <i>Савченко И.А., Андреева К.В., Коневский К.П.</i> Перспективные методы исследования социально-трудовых конфликтов . . . . .	323
116. <i>Садакова Д.А.</i> Мультикультурализм как идеология и практика . . . . .	326
117. <i>Садакова Д.А., Рымкевич Я.А.</i> Социальные институты как агенты адаптации детей мигрантов в принимающем обществе. . . . .	328
118. <i>Садыкова Л.Р.</i> Конфликты иммиграции в полиэтническом пространстве . . . . .	330

119. <i>Самсонова Т.Н.</i> Об управляемости политических конфликтов и их роли в функционировании социально-политических систем . . . . .	333
120. <i>Сатинова С.В.</i> Опыт систематизации ошибок медиаторов. . . . .	335
121. <i>Сенюшкин Е.А.</i> Управление этнополитическими рисками: конфликтологический анализ . . . . .	337
122. <i>Сенюшкина Т.А.</i> Капитализация знаний как конфликтогенный фактор университетского образования . . . . .	340
123. <i>Сирота Н.М.</i> Американско-китайское противостояние и российский фактор . . . . .	342
124. <i>Соколова А.О., Смирнов Р.О.</i> Медиатизация политических конфликтов на примере московских протестов 2019 г. . . . .	345
125. <i>Соловьев А.К.</i> Демографические факторы социальных конфликтов в условиях реформирования пенсионной системы. . . . .	348
126. <i>Сорокина Н.Д.</i> Роль социальных институтов в урегулировании конфликтов . . . . .	350
127. <i>Стецкевич М.С.</i> Место религиозных конфликтов в политической жизни Англии XVIII–XIX вв. . . . .	354
128. <i>Стребков А.И., Мусаев А.И.</i> Междисциплинарность в подготовке конфликтологов: состояние и перспективы . . . . .	356
129. <i>Сулимов К.А.</i> Конфликтное измерение многоуровневой политики в современной России: вызовы и возможности . . . . .	358
130. <i>Сунами А.Н.</i> Конфликтология риска . . . . .	360
131. <i>Сунами А.Н., Павлова Е.В.</i> Цифровизация образования: риски и конфликты. . . . .	362
132. <i>Сунами А.Н., Труфанов Г.А.</i> Наркоконфликт и неолиберальная свобода. . . . .	364
133. <i>Сухенко В.А.</i> Оценка рисков в процессе урегулирования убытков как фактор выбора стратегии управления страховым конфликтом . . . . .	366
134. <i>Тимофеева Л.Н.</i> Макроконфликты социальности в политике: вызовы и пути решения. . . . .	370
135. <i>Титов В.Б.</i> Использование методологии дифференциальной психофизиологии для изучения управляемости социально-политического конфликта . . . . .	372
136. <i>Титова Л.Г.</i> Конфликты в пространстве социума: проблема создания устойчивой социальной среды . . . . .	374
137. <i>Федорин С.Э.</i> О предмете дисциплины «философия конфликта» . . . . .	376

138. <i>Фейгин А.В.</i> Конфликтологический анализ феномена экстремизма. . . . .	378
139. <i>Храмова Е.В.</i> Методология конфликтологического аудита в исследовании технологий воздействия на идеологический молодежный экстремизм. . . . .	380
140. <i>Черномаз П.А.</i> Цивилизационный подход как основа понимания причин международных конфликтов . . . . .	383
141. <i>Черняк Т.В.</i> Конфликтологическая экспертиза в ситуации обвинения в разжигании межнациональной розни. . . . .	387
142. <i>Шакиров С.Е.</i> Суд биев как институт посредничества в культуре казахского народа . . . . .	390
143. <i>Шевелева Д.А.</i> Столкновение с Другим как источник конфликта в аспекте сосуществования западной и восточной цивилизаций. . . . .	392
144. <i>Шевченко А.В.</i> Вербализация глобального недоверия, или Блеск и нищета дипломатического дискурса. . . . .	395
145. <i>Шентякова А.В.</i> Экспертная оценка конфликтогенных факторов реализации государственной политики идентичности. . . . .	397
146. <i>Шибанова Н.А.</i> Маркеры конфликта в группах молодежного гендерного экстремизма . . . . .	399
147. <i>Ширяев Э.</i> Атаки на репутацию в политике: вклад в конфликтологию. . . . .	401
148. <i>Шрайбер А.Н.</i> Междисциплинарный анализ основных факторов социальной напряженности и конфликтности в региональном социуме . . . . .	403
149. <i>Щербакова О.И.</i> Психотехнологии в процессе обучения конфликтологии . . . . .	406
150. <i>Юрченко И.В.</i> Конфликтные и интеграционные аспекты развития политического процесса в современном российском обществе: полипарадигмальный анализ . . . . .	409
151. <i>Яковенко А.Д.</i> Специфика подготовки студентов по направлению «педагогическая конфликтология». . . . .	411

## CONTENTS

1. <i>Abalyan A.I.</i> Ethnopolitical conflict in Western Sahara: prospects of resolution . . . . .	22
2. <i>Abgazhava D.A.</i> Risk and social order: the experience of conflictological reflection . . . . .	24
3. <i>Abdullaev N.V.</i> Economic Analysis of conflict factors in contemporary global world . . . . .	26
4. <i>Agadzhanov V.V.</i> Ethnic-national conflicts: the limits of rationalization . . . . .	28
5. <i>Aleinikov A.V.</i> Reflective risk strategies and dynamics of conflicts in the Russian society . . . . .	30
6. <i>Al-Obaidi N.</i> The role of the international law in the face of extremist intellectual terrorism . . . . .	34
7. <i>Amosova E.I., Ivanova E.N.</i> Conflict of spouses in crisis families . . .	36
8. <i>Artemov G.P.</i> Conflicts of the normative structure of professional ethical codes . . . . .	39
9. <i>Artykhina V.A.</i> Monitoring studies of social tension in the region: the experience of the Altai sociological school . . . . .	41
10. <i>Babaeva YV., Ivanova E.V.</i> Methods of work with system conflicts in family mediation. . . . .	43
11. <i>Bandeykina N.N.</i> Conflicts in turquoise organizations. . . . .	45
12. <i>Baranov A.V.</i> Conflict factors of forming the national identity of youth in contemporary Crimea . . . . .	47
13. <i>Baranova G.V.</i> Protest activity as a stability state factor . . . . .	49
14. <i>Bertran J.</i> Brexit and Catalunya. How identity may influence the conflict resolution . . . . .	51
15. <i>Bolshakov A.G.</i> Ideological youth extremism: causes, parameters, conflict analysis technologies . . . . .	54
16. <i>Bolshakov A.G.</i> Types of political conflicts in the region of Central Asia: in the context of new integration projects of Russia and China. . . . .	56
17. <i>Bondarev V.G., Strebkov A.V.</i> Social factors of ethnopolitical conflicts . . . . .	58
18. <i>Bulgakova O.S.</i> Conflicts in medicine as a reflection of the work of active mechanisms of adaptive protection of different levels of personality organization: diagnostics, solutions . . . . .	61
19. <i>Burlakova I.I.</i> The emotional burnout of a teacher: a problem and solution. . . . .	64

20. <i>Vozmitel A.A.</i> Traumatic events in the 90's in Russia – consistent growth of social conflict . . . . .	67
21. <i>Volkova A.V.</i> Conflict factors of digital civil participation. . . . .	69
22. <i>Gazimagomedov G.G., Bezuglyy V.F.</i> Conflictological support of the national security as an alternative to the legal support . . . . .	71
23. <i>Gainutdinova L.A.</i> Sociocultural conflict as a threat to a traditional civil society . . . . .	74
24. <i>Galankin L.N.</i> Psychophysiology of the function of critically in conflict resolution. . . . .	77
25. <i>Galstyan Kh. S.</i> The integration paradigm of transformation of ethno political conflicts in post-soviet space. . . . .	79
26. <i>Gartvik E.V.</i> Technology of mediation in psychological work with adolescent conflicts . . . . .	81
27. <i>Glazyrin V.A.</i> Legal institutions and conflict prevention in polyethnic relations . . . . .	86
28. <i>Glukhova A.V.</i> «Cold war» or «world without peace»? (About the phenomenon contemporary global conflict). . . . .	88
29. <i>Govorukhina KA., Telyatnik T.E.</i> Analysis of conflict factors and trends in the world political process (based on media and internet sources) . . . . .	90
30. <i>Golovin Y.A.</i> Social justice as a conflictogenic factor . . . . .	93
31. <i>Golubev D.S.</i> The role of transnational ethnic groups in cross-border diffusion of ethnopolitical conflict: debate on factors and mechanisms . . . . .	95
32. <i>Gorbachev M.V.</i> Conflict character of political projects of civilizational level . . . . .	98
33. <i>Gorbacheva E.C.</i> Innovative technologies of conflict management in the organization as a way to optimize internal business processes in the company. . . . .	101
34. <i>Gorshenina E.V., Shashkov A.V.</i> Age-and-age features of dynamics of an inclination to aggression in adolescents as a component of school bullying . . . . .	104
35. <i>Gribkova O.V.</i> Conflictological education of psychologists in higher educational institutions. . . . .	109
36. <i>Grosheva I.A., Groshev I.L.</i> Teenager in the educational environment: conflict of existence in modernization . . . . .	112
37. <i>Gurieva S.D., Udavikhina U.A.</i> Career satisfaction as a factor of mediator's professional success. . . . .	114
38. <i>Diev V.S.</i> Rational decisions in a «risk society»: methodological and value-based grounds . . . . .	117



39. <i>Dovgan V.A.</i> Organizational and legal bases of conflict regulation in the university . . . . .	119
40. <i>Dubovitskaya T.D., Gorshenina E.V.</i> Conflict in fiction as a subject of conflictological analysis and mediation. . . . .	121
41. <i>Yefanov A.A.</i> Moral panics as a form of scandal existence. . . . .	124
42. <i>Efanova E.V.</i> The public space: cooperation or conflict? . . . . .	126
43. <i>Efimova O.S.</i> Conflictological education of psychologists at the present stage. . . . .	128
44. <i>Zhakupov Zh.A.</i> Kazakhstan experience of mediation development as an alternative method for conflict settlement . . .	131
45. <i>Zavershinskiy K.F.</i> Sociocultural dynamics of the political memory as a source of the conflicts and agreement: theoretical explications and practices. . . . .	134
46. <i>Zaytsev I.O.</i> Comparative analysis of a religion impact on political conflicts: on the example of the confrontations in Syria and Northern Ireland . . . . .	137
47. <i>Zalyaev R.I.</i> The potential of the decisions of the constitutional court of the Russian federation in the resolution of political disputes. . . . .	140
48. <i>Ivanov A.V.</i> Right-wing radical trends in the Republic of Tatarstan in the virtual space: conflict analysis . . . . .	143
49. <i>Ivanov O.B., Ilyinskaya J.I.</i> Mediation opportunities in the town planning conflicts . . . . .	145
50. <i>Ivanova E.N.</i> Practical theory of mediation. . . . .	147
51. <i>Ignatyeva I.F.</i> Geoeconomic conflicts in the space of geopolitics . .	149
52. <i>Isaev B.A.</i> Problem of correlation of factors and actors of revolution . . . . .	153
53. <i>Kakadiy I.I.</i> The principles of conflictmanagement and preconditions of the conflict prevention . . . . .	155
54. <i>Karpenko A.D., Mavrin O.V.</i> Features of mediation development in the Russian Federation. diversity of the research approaches . .	159
55. <i>Knyazkova A.A., Kruchinin V.A.</i> The causes of the conflicts origin in higher schools . . . . .	161
56. <i>Kolesnikova O.N.</i> Features of settlement and resolution of conflicts of university students . . . . .	165
57. <i>Kolosova V.V., Pillay S.S.</i> The formation of the conflicting competence of the specialist as a modern aspect of personality socialization . . . . .	168
58. <i>Kononov V.N.</i> Operationalization of the theory of securitization in the context of regional security. . . . .	170



---

59. <i>Konovalova V.G.</i> Labor relations in the conditions of gig-economy — risks and conflicts . . . . .	173
60. <i>Korneeva V.N.</i> Sports diplomacy: from soft power of the state to its national security . . . . .	175
61. <i>Kryukov N.A., Kryukova T.V.</i> Next tasks of digitalization in conflictology . . . . .	178
62. <i>Kryukova K.V.</i> Regulation of lobby activities form of anti-corruption policy (on the example of the European Union) . .	181
63. <i>Kuznetsov N.V.</i> Functions of conflictological education in modern Russia. . . . .	183
64. <i>Kukonkov P.I.</i> Examination of social stress forecasting and warning system of social destruction . . . . .	185
65. <i>Koulakova T.A.</i> Conflict factors of the implementation of innovative projects in Russia. . . . .	187
66. <i>Kurochkin A.V.</i> Coordination efficiency of the innovation processes' public administration: new risks and conflict resolution potential. .	189
67. <i>Labush N.S.</i> The conflict potential of mass-media space of modern Russia. . . . .	192
68. <i>Lavrov N.V., Lavrova N.M., Lavrov V.V.</i> Mediation service in preschool educational institution . . . . .	195
69. <i>Lagutin O.V.</i> Constructing political identity in the modernization cycles of the Russian state's development . . . . .	197
70. <i>Leonov N.I.</i> Problem of thesaurus of modern conflictology. . . . .	199
71. <i>Leonov I.N.</i> The “conflict helix” concept of R. Rummel . . . . .	201
72. <i>Leont'eva E.O.</i> Chinese migration as a conflict factor in the Far East: “the yellow threat” myth, its history, meanings, ideological and social connotations . . . . .	203
73. <i>Lepekhin N.N., Tikhomirova N.V.</i> Psychological predictors of young people conflict resilience . . . . .	206
74. <i>Litvinova T.N.</i> The short-term and long-term effects of the Chechen conflict. . . . .	209
75. <i>Luchsheva L.V.</i> Conflicts and adaptation of foreign students in the educational environment of Russian universities (on the example of universities of the republic of Tatarstan). . . . .	213
76. <i>Magomedsalam Kh. G.</i> Conflict model of Dagestan society: traditions and modernity . . . . .	216
77. <i>Mazhenina E.A.</i> Modern practices of social protest in the life system. . . . .	218
78. <i>Maltseva D.A., Dedul A.G.</i> Transformation of governance in the conditions of “risk society” . . . . .	221

79. <i>Mansurov T.Z.</i> Construction of projects of national development of the Republic of Abkhazia in the conditions of forming competing integration processes in the post-soviet space . . . . .	223
80. <i>Miletskiy V.P., Yakolenko A.D.</i> Modern formats of functional institutions of conflict resolution of the Russian society in the field of human rights . . . . .	225
81. <i>Mirimanoff J.</i> Towards a better cooperation between judges, mediators and lawyers. New challenges for developing court-related mediation through CEPEJ toolkits . . . . .	228
82. <i>Mityaeva A.M.</i> Substantive aspects of school mediation services. . . . .	231
83. <i>Moreva Iu.E.</i> Psychological aspects of violence in ethnic conflicts . . . . .	234
84. <i>Morozova V.N.</i> German experience of migrant integration: the problem of renewing multicultural mechanisms and integrational paradox . . . . .	236
85. <i>Mussina N.K.</i> To the question of state regulation of inter-ethnic relations in the Republic of Kazakhstan . . . . .	239
86. <i>Nagaitsev V.V.</i> On the definition of “conflictiness in society” . . . . .	242
87. <i>Nagaichuk A.F., Nagaichuk M.A.</i> Moderation technology in the regulation of socio-political conflicts . . . . .	244
88. <i>Nagaichuk A.F., Filatova N.V.</i> Orthodox ethics and the spirit of peacekeeping: to pose the question about the orthodox conflictology potential development in Russia . . . . .	248
89. <i>Naumova E.I.</i> Conflicts in digital world . . . . .	252
90. <i>Negrov E.O., Lagutin O.V.</i> Models of conflict behaviour of youth (on the example of the North-West and Siberian federal districts) . . . . .	254
91. <i>Nechayev D.N.</i> Institutes, actors and efficiency of the regional mediation: peculiarities of the intellectual center (on the example of Voronezh city). . . . .	256
92. <i>Nikolaeva A.A.</i> Peculiarities of the interethnic conflicts in the educational organization . . . . .	259
93. <i>Nikolaenko Ia.N., Zazulin D.V.</i> Opportunities of the vibroimage technology applying in the evaluation of the conflict resolution methods (based on the G. Schwartz approach). . . . .	262
94. <i>Nikulina T.I., Chepurko J.V.</i> Motivations and strategies of behavior in conflict among railway workers . . . . .	264
95. <i>Nikulina T.I., Galstyan M.N., Dichina N.Yu.</i> Prevention of self-harming behavior among minors. . . . .	267

96. <i>Novopashina L.A., Khasan B.I.</i> Conflict reality as the basic content of the master's program "conflict management" . . . . .	270
97. <i>Orlinskaya O.M.</i> Mechanisms of the impact of parliamentary institutions on the relationship of the center and regions in the federal states in order to achieve the political consensus. . . . .	273
98. <i>Ostrovskiy A.N.</i> Modern urban conflicts, causes of its occurrence and resolution methods from the social mediator's point of view .	278
99. <i>Osmuk L.A.</i> Nonconformism and conflictogenity of students: myths and reality . . . . .	280
100. <i>Otakhonov F.Kh.</i> Mediation in Uzbekistan: problems and prospects for development. . . . .	283
101. <i>Poznjakova O.L.</i> Drama as a methodological tool for modeling and forecasting a conflict . . . . .	286
102. <i>Pomytkina T.Yu.</i> Factor of the «doctor-patient» conflict interaction . . . . .	288
103. <i>Popenkova D.I.</i> Use of the institute of mediation: international experience . . . . .	291
104. <i>Popov M.V.</i> Contents of the sustainable social and labor conflict. .	293
105. <i>Popova O.V.</i> Conflict potential of state identity policy . . . . .	297
106. <i>Radosteva M.V.</i> Management methods and diagnosis of social and labor conflicts in an educational organization. . . . .	299
107. <i>Ratz S.V.</i> The Caribbean crisis as an object of confrontation between two superpowers of the XX century . . . . .	302
108. <i>Rogochaya G.P., Ulko E.V.</i> Psychological analysis of youth settings to resolution of conflicts with the participation of intermediaries: ethno-cultural aspect . . . . .	304
109. <i>Rodionova A.P.</i> Opportunities to use the mediation technologies for dispute resolution in trade shipping . . . . .	307
110. <i>Rukavishnikov A.V., Smirnov N.G.</i> Social security as a system of non-conflict methods of interaction. . . . .	309
111. <i>Ryabenko V.N.</i> Analysis of the efficiency of alternative technologies for conflict resolution in international commercial practice. . . . .	312
112. <i>Savva E.V.</i> Problems of construction of the theoretical model of ethno-political conflict . . . . .	315
113. <i>Savelev A.A.</i> Social cleavages as the obstacle to the formation of stable party systems in post-communist states (On the example of Ukraine and Moldova) . . . . .	318
114. <i>Savchenko I.A.</i> The study of conflictness on the ethnic basis in the educational process . . . . .	321

115. <i>Savchenko I.A., Andreeva K.V., Konevsky K.P.</i> Prospective methods for studying social and labour conflicts . . . . .	323
116. <i>Sadakova D.A.</i> Multiculturalism as an ideology and practice . . . . .	326
117. <i>Sadakova D.A., Rymkevich Y.A.</i> Social institutions as agents of adapting migrant children in a host society. . . . .	328
118. <i>Sadykova L.P.</i> Immigration conflicts in polyethnic space . . . . .	330
119. <i>Samsonova T.N.</i> On the manageability of political conflicts and their role in the functioning of sociopolitical systems. . . . .	333
120. <i>Satikova S.V.</i> Experience in systematizing the errors of mediators. . . . .	335
121. <i>Senyushkin E. A.</i> Management of the ethno-political risks: the conflict studies analysis . . . . .	337
122. <i>Senyushkina T. A.</i> Capitalization of knowledge as a conflict factor of the university education . . . . .	340
123. <i>Sirota N.M.</i> Us-China confrontation and the Russian factor. . . . .	342
124. <i>Sokolova A.O., Smirnov R.O.</i> Mediatization of political conflicts on the example of Moscow protests of 2019. . . . .	345
125. <i>Solovev A.K.</i> Demographic factors of social conflicts in the conditions of pension system reform . . . . .	348
126. <i>Sorokina N.D.</i> The role of social institutions in conflict settlement . . . . .	350
127. <i>Stetskevich M.S.</i> Place of religious conflict in the political life of England of XVIII–XIX centuries . . . . .	354
128. <i>Strebkov A.I., Musaev A.I.</i> Interdisciplinarity in the training of conflictologists: state and prospects. . . . .	356
129. <i>Sulimov K.A.</i> The conflict dimension of multilevel politics in contemporary Russia: challenges and opportunities. . . . .	358
130. <i>Sunami A.N.</i> Conflict studies of the risk . . . . .	360
131. <i>Sunami A.N., Pavlova E.V.</i> Digitalization of education: risks and conflicts . . . . .	362
132. <i>Sunami A.N., Trufanov G.A.</i> Drug conflict and neoliberal freedom . . . . .	364
133. <i>Sukhenko V.A.</i> Risk assessment in the claim handling process as a factor conflict management strategy choice in insurance coverage disputes . . . . .	366
134. <i>Timofeeva L.N.</i> Macro-conflicts of sociality in politics: challenges and solutions . . . . .	370
135. <i>Titov V.B.</i> Using the methodology of differential psychophysiology to study the manageability of socio-political conflict . . . . .	372

---

136. <i>Titova L.G.</i> Conflicts in the space of society — the problem of creating a sustainable social environment . . . . .	374
137. <i>Fedorin S.E.</i> About the subject of the discipline “philosophy of conflict” . . . . .	376
138. <i>Feygin A.V.</i> Conflictological analysis of the phenomenon of extremism . . . . .	378
139. <i>Khramova E.V.</i> Conflictology audit methodology in research of technologies of influence on ideological youth extremism . . . . .	380
140. <i>Chernomaz P.A.</i> Civilizational approach as a basis for understanding the causes of international conflicts . . . . .	383
141. <i>Chernyak T.V.</i> Conflict examination in situation charges of inciting ethnic hatred . . . . .	387
142. <i>Shakirov S.E.</i> The court of biys as a mediation institution in the Kazakh culture . . . . .	390
143. <i>Sheveleva D.A.</i> Collision with other as the source of conflict in the aspect of the coexistence of western and eastern civilizations . . . . .	392
144. <i>Shevchenko A.V.</i> The verbalization of global mistrust, or the brilliance and poverty of diplomatic discourse . . . . .	395
145. <i>Shentyakova A.V.</i> Expert assessment of conflict-generating factors in the implementation of public identity policy . . . . .	397
146. <i>Shibanova N.A.</i> Markers of conflict in youth gender extremism groups . . . . .	399
147. <i>Shiraev E.</i> Character attacks in politics: a conflictology approach . . . . .	401
148. <i>Shrayber A.N.</i> Interdisciplinary analysis of the main factors of social tension and conflict in a regional society . . . . .	403
149. <i>Shcherbakova O.I.</i> Psychotechnologies in the process of teaching conflictology . . . . .	406
150. <i>Yurchenko I.V.</i> Conflict and integration aspects of the development of the political process in modern Russian society: polyparadigm analysis . . . . .	409
151. <i>Yakovenko A.D.</i> The specifics of training students in “pedagogical conflictology” . . . . .	411

**Абалян А.И.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ЗАПАДНОЙ САХАРЕ:  
ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ***

**Abalyan A.I.**

St Petersburg State University, St Petersburg

***ETHNOPOLITICAL CONFLICT IN WESTERN SAHARA:  
PROSPECTS OF RESOLUTION***

Этнополитический конфликт в Западной Сахаре является одним из самых длительных в современной системе международных отношений: начавшись в 1975 г., он до настоящего момента не имеет видимых перспектив урегулирования. Основной причиной возникновения конфликта, или «последней колониальной войны XX века», послужила оккупация королевством Марокко преимущественно пустынной территории на северо-западном побережье Африки, в период колониального владычества (1884–1975 гг.) называемой Испанской Сахарой, на основании этнической и конфессиональной близости коренного сообщества, сахрави, с населением Марокко. Несмотря на то что притязания Марокко решением Международного Суда были признаны неправомерными из-за недостаточности деколонизальных связей между народами, и, таким образом, согласно резолюции 1514 Генеральной Ассамблеи ООН, Западная Сахара имела право на самоопределение путем свободного волеизъявления ее жителей, для реализации своего сценария власти Марокко организовали так называемый «Зеленый марш» — мирную безоружную многотысячную процессию марокканцев с Коранами в руках на территории Западной Сахары, символизировавшую единство марокканцев и сахрави, что отчасти вынудило Испанию к подписанию Мадридских соглашений (14 ноября 1975 г.), предусматривающих передачу двух третей территории Западной Сахары под контроль Марокко и одной трети под контроль Мавритании.

Значительную роль сыграла также поддержка США и Франции, опасавшихся в рамках логики холодной войны возможной левой ориентации Западной Сахары, из-за активной деятельности Фронта ПОЛИСАРИО (Народного фронта освобождения Сагиет-эль-Хамра и Рио-де Оро) — национально-освободительного движения за независимость Западной Сахары с сильным леворадикальным

уклоном, аналогичного поддерживаемому СССР алжирскому Фронту национального освобождения. Фронт ПОЛИСАРИО отверг условия Мадридских соглашений, что послужило поводом для военной оккупации страны марокканскими вооруженными силами, сопровождавшейся высоким уровнем насилия в отношении гражданского населения. Вследствие чего большинство сахрави были вынуждены скрываться в лагерях беженцев в западной части соседнего Алжира, где они получили права автономии, гарантированной алжирским правительством, под властью ПОЛИСАРИО.

Институционализация сторон конфликта произошла в феврале 1976 г., когда Фронт ПОЛИСАРИО провозгласил создание независимой Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР), получившей признание более шестидесяти государств и ставшей полноправным членом Организации Африканского Единства. Тем не менее ни поддержка большей части мирового сообщества, ни резолюции СБ ООН, осуждавшие вторжение и призывавшие к началу переговорного процесса, не привели к прекращению оккупации.

В конце 1970-х гг. Мавритания отказалась от претензий на подконтрольную ей часть бывшей колонии, а в 1984 г. признала независимость САДР, оставив Марокко единственным военным противником ПОЛИСАРИО. До начала 1980-х гг. Фронт действовал достаточно успешно, пользуясь финансовой, военной и политической поддержкой Алжира и Ливии, однако впоследствии, особенно в период президентства Р. Рейгана многократно возросшая военная и техническая помощь марокканскому правительству со стороны США, выражавшаяся в том числе в строительстве 2500-километрового комплекса песчаных стен для предотвращения проникновения ПОЛИСАРИО практически на всю территорию Западной Сахары, привела к войне на истощение, вынудившей стороны в 1991 г. при посредничестве ООН подписать соглашение о прекращении огня и проект мирного договора.

Одним из основных условий заключенного перемирия было согласие конфликтующих сторон на проведение референдума о статусе Западной Сахары, реализация которого, несмотря на многолетние усилия институтов ООН и других международных организаций, так и не осуществлена до настоящего момента. Главная проблема, вызывающая непреодолимые разногласия между Марокко и представителями САДР, заключается в определении участников плебисцита, с учетом того, что сахрави в результате конфликта составляют меньшинство населения Западной Сахары,



за счет военных жертв, беженцев и значительного числа марокканских граждан, переселяемых с 1975 г. на оккупированные территории с целью изменения демографического и лингвистического состава населения, размывания традиционной кочевой культуры и «марокканизации» Западной Сахары. В день составления настоящих тезисов Совет Безопасности ООН принял резолюцию об очередном продлении мандата Миссии ООН по проведению референдума в Западной Сахаре /МООНРЗС/, что свидетельствует, с одной стороны, о сохраняющейся стагнации в переговорном процессе, но, с другой, демонстрируя активное участие стран мирового сообщества, дает надежду на перспективы мирного урегулирования конфликта в «последней африканской колонии».

### **Абгаджав Д.А.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

#### ***РИСК И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК: ОПЫТ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ\****

### **Abgazhava D.A.**

St Petersburg State University, St Petersburg

#### ***RISK AND SOCIAL ORDER: THE EXPERIENCE OF CONFLICTOLOGICAL REFLECTION***

Главная особенность конфликтологической рефлексии заключается в специфическом осмыслении и размышлении о социальной реальности, в обнаружении конфликта в качестве онтологически фундированного феномена, определяющего смысл и направленность социальных процессов, а также феномена, порождающего социальный порядок. Предметом конфликтологической рефлексии выступает социальная реальность в целом, либо любой ее отдельный элемент. В этом отношении термин «конфликтологическая рефлексия порядка» предполагает критический анализ природы, сущности и конститутивных предпосылок социального порядка.

Специфичность конфликтологической рефлексии заключается в том, что она позволяет исследователю быть не ангажированным,

---

\* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ) (№ 19-18-00115).



выйти за пределы своей социальной ниши, групповых, классовых, политических и других интересов, поскольку из признания конфликта в качестве фундаментального явления, конституирующего социальный порядок, вытекает и одновременная легитимация разнообразных и разнонаправленных интересов социальных акторов, занимающих определенные позиции в пределах сложившегося социального порядка. Неангажированность и преодоление заинтересованности исследователя есть крайне важное условие адекватного восприятия действительности, утверждающего правомерность множественности перспектив видения социальной реальности.

Любой порядок есть следствие социальных конфликтов, структурирующих отношения между различными социальными акторами посредством выстраивания иерархии и соподчинения между ними [1]. Конфликты выступают в качестве феномена не только порождающего, но и модифицирующего и разрушающего существующий социально-политический порядок.

Конфликт и риск тесно взаимосвязаны друг с другом, ибо конфликт всегда есть рисковый вид деятельности, т. е. такой тип деятельности, который не гарантирует достижения поставленной цели, будь то модификация или трансформация сложившегося социально-политического порядка. Так, акторы вследствие неблагоприятного исхода конфликта, могут добиться обратного результата и ухудшить положение, закрепив свой статус на более низком ярусе социальной иерархии в рамках существующего порядка. Особенно это актуально для современных (посттрадиционных) обществ. Вместе с тем подобное утверждение не означает того факта, что для досовременных социальных порядков риск был чем-то неизвестным и чуждым. Риски присущи любым типам порядков, они отличаются, говоря словами Э. Гидденса, лишь своим «профилем» [2, с. 49]. В сравнении с предыдущими эпохами, когда жизнь человека и стабильность порядка в значительной степени зависела от природных факторов, сегодня они стали играть менее значимую роль. Данная мысль не должна вводить в заблуждение — природные риски, их роль и значение для существования социальных порядков в современных условиях вовсе не отменяются, они как бы отходят на второй план, выводя на авансцену рукотворные риски (экономические, социальные, политические, техногенные и пр.), вызванные стремлением людей вмешиваться в реальность с целью ее модификации.

Феномен риска крайне важен и с практической и с эвристической точек зрения. Риск всегда предполагает рефлексию, т. е. активный анализ выгод и издержек последствий, избранного способа достижения цели. В контексте размышления о риске и социальном порядке конфликт выступает фактором, позволяющим избавиться от ограничений, накладываемых существующим социально-политическим порядком, препятствующих реализации актуальных интересов и целей социальных акторов. В этом отношении риск и конфликт, будучи в связке, характеризуют стремление к переменам, желание изменить социальный мир, согласовать принципы порядка с новыми реалиями. Можно сказать, что они есть своего рода механизм корректировки порядка, а значит, и изменения условий жизни в соответствии с новыми потребностями и интересами социальных акторов.

### **Список литературы:**

1. *Abgadzava D., Strebkov A., Sunami A.* The conflict and the problem of social political order // 2<sup>nd</sup> International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2015 (Aug 26 – Sept 01) / SGEM 2015 Conference Proceedings. Book 2, vol. 1. P. 377.
2. *Гидденс Э.* Последствия современности. М.: Праксис, 2011. 352 с.

**Абдуллаев Н.В.**

Санкт-Петербург

### **ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО МИРА**

**Abdullaev N.V.**

St Petersburg

### **ECONOMIC ANALYSIS OF CONFLICT FACTORS IN CONTEMPORARY GLOBAL WORLD**

Современный мир характеризуется ростом конфликтов практически по всему миру. Согласно исследованиям Гейдельбергского института по изучению международных конфликтов, два последних десятилетия характеризуются значительным ростом числа конфликтов по всему миру. К примеру, если общее число конфликтов в 2001 г. было равно 155, то в 2018 г. их уже было 374 [1].

Основными причинами роста конфликтогенности называются смена политической системы, стремление к автономии или суверенитету, борьба за доступ к природным ресурсам и территориям. Борьба за смену политической системы представлена как борьба за смену идеологических, религиозных, социально-экономических и правовых ориентиров политической системы.

Значительному росту числа конфликтов в мире способствовало невиданное ранее повышение уровня жизни населения в мире во второй половине XX столетия. Удовлетворение растущих потребностей повлекло за собой рост таких отраслей, как автомобильная промышленность, потребительские товары, энергетика, телекоммуникационная отрасль и сфера здравоохранения.

Наиболее напряженные конфликты связаны с борьбой за доступ к энергетическим ресурсам. Другими полезными ископаемыми, за получение которых идет ожесточенная борьба, являются:

- Алмазы. На сегодняшний день столкновение экономических интересов в сфере добычи и торговли алмазами стало источником кровавых конфликтов в таких африканских странах, как Ангола, ЦАР, Конго, Либерия и Сьерра Леоне. Столкновения заинтересованных группировок привели к миллионным жертвам и бегству местного населения.
- Пресная вода. По мнению ведущего гуманитарного информационного портала по глобальным кризисам и катастрофам ReliefWeb, в наиболее ожесточенные конфликты за доступ к пресным водным ресурсам вовлечены страны бассейна Нила, Тигра, Ефрата, Меконга, Кавери, Гильменд и т. д.
- Древесина. Борьба за контроль поставок древесины привела к значительным жертвам в Камбодже, Конго, Индонезии, Либерии.
- Минералы (кобальт, медь, уран и т. д.).

В современном глобальном мире можно выделить следующие факторы конфликтогенности:

- политические и институциональные факторы: слабые государственные институты, борьба элит, политическая изоляция на государственном уровне, нарушение общественного договора, политика идентичности;
- социально-экономические факторы: поляризация общества, социальная и экономическая изоляция и маргинализация отдельных групп населения, слабое общественное согласие и единство или их отсутствие, бедность;

- природные факторы (ресурсы и окружающая среда): борьба за ресурсы, нехватка природных ресурсов в стране в силу роста народонаселения или уровня жизни населения, нерациональное использование ресурсов, разрушительный урон окружающей среде.

### **Список литературы:**

1. Conflict Barometer. Heidelberg Institute for International Conflict Research [Электронный ресурс]. URL: <https://hiik.de/conflict-barometer/bisherige-ausgaben/?lang=en> (дата обращения: 15.10.2019).

### **Агаджанов В. В.**

Приволжский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Нижний Новгород

### **ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ: ПРЕДЕЛЫ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ**

### **Agadzhanov V.V.**

Volga branch of the Federal Research sociological center of RAS, Nizhny Novgorod

### **ETHNIC-NATIONAL CONFLICTS:THE LIMITS OF RATIONALIZATION**

В основе радикальной поляризации социальной сферы лежит архаичная дихотомия «Мы — не Они», при том, что *Они* — вовсе *не люди*; неудивительно, что такое резкое размежевание максимально выпукло проявляется в области межэтнического (межнационального) взаимодействия, зачастую принимая форму конфликта. Древний, как сам социальный мир, феномен конфликта обретает последовательно рациональную форму в относительно новой научной дисциплине — конфликтологии. При этом гуманитарные, социально-философские и социологические проблемы конфликта представляются тесно связанными с центральным стержнем западной цивилизации — с *разумом (Ratio)*, со сложившейся в рамках новоевропейского этапа ее развития концепцией человека, общества и познания, которую можно назвать классическим рационализмом — он предполагает не только разумное описание общества и человека, но и их познаваемость.

Поэтому в конфликтологии использование классического рационализма основано на объективном переходе от ценностной рациональности традиционного общества к целевой, а далее к формальной рациональности новоевропейской цивилизации (по М. Веберу), где классическая рациональность — это рациональность «классического» капитализма с его рационализацией всех социальных сфер, включая и духовное производство, и все поведение индивида; однако такая ситуация не кажется нам универсальной.

Представляется, что в процессе развития рационализма западной цивилизации выявились разнообразные области, недоступные процедуре рационализации, и обозначились ограничения для конкретных видов познания. Так, в социогуманитарной области одной из наиболее ярких является несоизмеримость ценностной и целевой рациональности, или взаимная «непроницаемость» понимания между западной цивилизацией и цивилизациями Востока. Мы имеем в виду их духовную несоизмеримость и трудную рационализируемость восточных духовных практик.

Если исходить из предположения о наличии в деятельности как категории бытия человека пяти основных, соответствующих иерархии социального поведения и социальных отношений (относящихся и к этнонациональным отношениям), уровней ее детерминации, то этносы (нации), имеющие аналогичную иерархию бытия и вступающие в конфронтационные взаимодействия, демонстрируют конфликтность также в пяти сферах:

- 1) в сфере объективно-природной — конфликт потребностей по поводу обладания теми или иными ресурсами;
- 2) в сфере объективно-социальной — конфликт интересов по поводу обладания экономическими результатами или властью;
- 3) в сфере бессознательного — конфликт установок и стереотипов;
- 4) в сфере нереплексивного сознания — конфликт идеологий всех видов и ценностей;
- 5) в сфере рефлексивного сознания — конфликт рефлексивных стратегий, противоборствующих властных и идеологических групп управления.

При этом устранение конфликта в любой из сфер не ведет к его полному устранению. Рационализация конфликта, нейтрализация, смягчение его негативных последствий возможны, во-первых, если на 1, 2 и 5-м уровнях находятся компромиссные решения; во-вторых, на 4-м уровне, где существует, как правило, ценностно-смысловая

несоизмеримость, достигается или некоторая толерантность, или подчинение этого уровня конфликта вышеуказанным трем уровням.

Если выполнены вышеупомянутые условия, касающиеся 1, 2, 4 и 5-го уровней, тогда можно рассчитывать на изменения на 3-м уровне, то есть коррекцию установок и стереотипов, которые препятствуют разрешению конфликтов в целом и задают последние границы рационализации и разрешения конфликтов.

Если хотя бы одна из сторон конфликта не относится к западной цивилизации, то даже в новейшее время эскалация социального конфликта не идет по вышеописанному пути. Чаще всего энергично начавшийся конфликт, не закончившись явной победой одной из сторон и основательно истощив ресурсы, переходит из активной формы в латентную форму. Однако при накоплении ресурсов, идеологическом обострении или внешнем инициировании такой латентный конфликт может в любой момент активизироваться.

### **Алейников А.В.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

#### ***РЕФЛЕКСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РИСКОВ И ДИНАМИКА КОНФЛИКТОВ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ\****

### **Aleinikov A.V.**

St Petersburg State University, St Petersburg

#### ***REFLECTIVE RISK STRATEGIES AND DYNAMICS OF CONFLICTS IN THE RUSSIAN SOCIETY***

Фокусом нашего интереса является проблематика влияния риск-рефлексий в различных социокультурных условиях и политических режимах на динамические и структурные показатели конфликта.

То, что воспринималось как опасное сегодня, в другом месте и в другое время воспринимается иначе. Исследователи установили, что предметом конфликта являются разные представления политических сил и социальных групп о том, кто виноват в создании рисков [1], борьба «за определение, что рискогенно, а что — нет» [2].

---

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00115).

Арон Вилдавски и Карл Дейк выделяют несколько теорий восприятия риска [3]:

— теория знания, в основе которой лежит представление о воспринимающих риск как простых регистраторах опасности (социальные и политические явления воспринимаются как опасные, потому что социальные субъекты знают об их опасности);

— теории личности, согласно которой устойчивые индивидуальные различия людей систематически коррелируют с их восприятием опасности — они или устойчиво идут на риск, либо избегают его;

— экономическая теория в одной версии утверждает, что на риск более охотно идут богатые. В постматериалистической же версии — это обоснование перевернуто;

— политические теории — споры о риске рассматриваются как борьба интересов;

— теории культуры утверждают, что люди выбирают, чего бояться, исходя из мировоззрений, идеологий, ценностей и верований, для поддержания своего образа жизни. *Исходя из этого, формы социально-экономических и политических отношений определяют «отличающиеся представления о том, что составляет риск, а что нет».*

Таким образом, конфликты («великие битвы нашего времени по поводу опасностей» в терминологии Вилдавски и Дейка) «сводятся в сущности к борьбе вокруг доверия либо недоверия к социальным институтам».

Виды проявления риска в акте доверия (по П. Штомпке) [4]:

— риск того, что другие поведут себя по отношению к нам плохо или их поступки попросту обманут наши ожидания — возникает из возможности того, что поведение (власти) будет не соответствовать нашим ожиданиям;

— «риск доверчивости» — оказание доверия тому, кто этого не заслуживает, «стыд из-за того, что мы так сильно ошиблись», «разочарование харизматичным лидером, который растратил общественные деньги»;

— несоответствующее поведение стороны, которая осведомлена о выделяемом ей кредите доверия и его принимает;

— риск превышения власти и доверия со стороны тех, кому мы передали контроль за тем, что для нас представляет ценность, кому «мы отдаем часть нашей свободы», использование этой ситуации в своих интересах.

По данным Левада-центра, 61 % опрошенных россиян постоянно боятся болезни близких, 42 % — мировой войны, 33 % — *произвола властей*. При этом страхи возврата к репрессиям и ужесточения режима оказались сильнее боязни СПИДа, болезни, старости, бедности и т. д. [5].

Любопытны данные еще одного опроса, в ходе которого изучалось отношение к протестным акциям в Москве. Приведем лишь один показатель — о вмешательстве Запада в избирательную кампанию по выборам в Московскую городскую думу говорят лишь 26 % опрошенных [6].

Однако, по мнению члена Совета Федерации Андрея Климова, эти данные говорят лишь о том, что «иностранная мозаичная технология, когда отдельные эпизоды воспринимаются как стечение обстоятельств, ничего общего не имеющее с внешними силами, работают» [7].

Таким образом, существует конфликтный разрыв взаимных оценок социальными и политическими акторами рисков, опасностей и угроз, представлений, установок и суждений о них. Также существует разрыв в понимании обязательств по отношению к риску и неопределенности и совместимости/столкновению риск-рефлексий о «побочных эффектах» у принимающих решения — а значит, и берущих на себя ответственность за сделанный выбор — и тех, на ком непосредственно может сказаться этот выбор. Неспособность к апроприации конструктивных элементов риск-рефлексий в стратегии управления конфликтами, когда управленческие решения принимаются в ситуациях неопределенности, разрушает состояние безопасности. Рефлексивные риск-стратегии нацелены не на оценку реальных опасностей потерь или возможностей выигрыша, осознанную готовность осуществлять политический выбор в условиях неопределенности, личностное и национальное принятие вызовов, а на формирование упрощенных представлений о реальных рисках и опасностях, формирование чувства социальной тревоги и страха. Его следствием является нежелание институционализировать нормативно-ценностные регуляторы для работы с рискогенностью современного развития России, неполнота анализа ситуации и получаемой информации, неразвернутость оснований выбора политических и экономических стратегий, неверные управленческие решения. Одним из основных препятствий к повышению качества государственного управления остается утрата культуры решения задач



стратегического уровня по оценке рисков и готовности принять риск, что является опасным для стабильности государства, поскольку соответствующие «политически рефлексивные» риски угрожают функционированию социальной структуры [8].

Мы полагаем, что данный параметр «управленческой способности» [9] власти к работе с рисками и конфликтами можно отнести к характеристикам феномена «недостойного правления» (bad governance) [10].

### Список литературы:

1. *Tulloch J., Lupton D.* Risk and everyday life. London: Sage Publications, 2003.
2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. *Вилдавски А., Дейк К.* Теории восприятия риска: кто боится, чего и почему? //THESIS. 1994. Вып. 5.
4. *Штомпка П.* Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012.
5. Социологи назвали главные страхи россиян. URL: <https://www.levada.ru/2019/10/29/sotsiologi-nazvali-glavnye-strahi-rossiyan/> (дата обращения: 29.10.2019).
6. Большинство россиян заметили протесты в Москве и не верят во вмешательство Запада. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/04/bolshinstvo-rossiyan-zametili-protesty-v-moskve-i-ne-veryat-vo-vmeshatelstvo-zapada/> (дата обращения: 29.10.2019).
7. Граждане России не чувствуют руку Запада. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4118856/> (дата обращения: 29.10.2019).
8. *Douglas M., Wildavsky A.* Risk and culture: An essay on the selection of technological and environmental dangers. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1982.
9. *Понкин И.В.* Теория девиантологии государственного управления: Неопределенности, риски, дефекты, дисфункции и провалы в государственном управлении. М.: Буки-Веди, 2016.
10. *Гельман В. Я.* «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2019.

**Аль-Обаиди Н.**

Университет Аль-Китаб, Киркук, Ирак

***РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ЭКСТРЕМИСТСКОМ  
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ТЕРРОРИЗМЕ***

**Al-Obaidi N.**

AL-Kitab University, Kirkuk, Iraq

***THE ROLE OF THE INTERNATIONAL LAW IN THE FACE  
OF EXTREMIST INTELLECTUAL TERRORISM***

Intellectual terrorism is the first pillar of all terrorist acts. It is practiced in a variety of ways, such as accusing others, intellectual misrepresentation and spreading rumors, whether by religious or ideological leaders. These terrorist practices are based on religious, or philosophical views. Intellectual terrorism also works to silence the mouths, stone the minds, confiscating freedoms and fight the thoughts and ideas. It is also possible to confront and combat it through open dialogue, scientific criticism and the enactment of laws to protect freedom of thought without having any violation and infringement on it. Legislative authorities have been concerned with the enactment of special laws to combat terrorism in all its forms, some of which only describe and enumerate acts of terrorism, while others define them without explicitly stating the subject of intellectual terrorism.

Intellectual terrorism is the most dangerous type of terrorism. It is the real source of terrorism. It is the basis for political terrorism, terrorism of power, religious terrorism, terrorism by killing with weapons, car bombs and explosive belts. It is the real incubator for failure, defeats, retreat and delay.

In fact the intellectual terrorism is a global phenomenon that is almost present in all societies, although it exists in varying proportions, different from one society to another. It is not a modern phenomenon, but it exists in all societies since ancient times.

Without doubt, intellectual terrorism is the result of extremism and extremism in religion, and this extremism is due to the fact these people take from jurisprudence and from Sharia its craftsmanship, and stand at the discretion of the first people, and the rigidity of the texts, without reference to the comprehensive texts of the law, Its aims and objectives, the achievement of its public interests and its essence and content, and the search for its rule and its significance.

These extremists in religion impose their ideas and opinions on the assumption that they are right, and in return do not accept an opinion contrary to them, they adopt the slogan that says “who is not with us is against us”, which leads to the spread of the term “intellectual terrorism.”

Hence, it is possible to say that there is a close relationship between intellectual terrorism and religious extremism. Intolerance and extremism in religion lead to intellectual terrorism, which eventually leads to physical terrorism.

Those who practice intellectual terrorism usually use initially bombastic words and sentences that raise feelings and emotions in the face of reformer, for example, if you write an article that you did not understand or did not like, you see he reminds you of your clear history and how you should not slip into such writings, so when you do not have any interest, as a good adviser he will have pity on you, so you will be asked to repent or to return to your mind to consider that you deviated from the straightway drawn by the rulers of the important leader, his supporters and the other beneficiaries, then if you do not benefit from his speech then desperate diseases must have desperate remedies, for In the street language that is full of cheap accusations and questioning of your suspicious connections, in your mind and your understanding, are the dominating over the scene.

Most terrorist groups adopt a peculiar religious ideology and blind fanaticism of the religious teachings they believe in. This is accompanied by an exclusionary approach to the intellectual violators, which has serious consequences for the human rights and fundamental freedoms in the Middle East.

It is noted that extremism and terrorism does not recognize national values and does not stand at the international borders, there must be a genuine international cooperation to limit the notification and encirclement and then eliminate it, which can only be achieved by the following:

1. Intensive international action through the diplomatic way to conclude bilateral and collective agreements on security and intelligence cooperation and facilitate the arrest of criminals, especially terrorists who committed crimes in Iraq, Syria and Libya, or through the provocative religious discourse to confirm the right of countries that have been subjected to terrorist attacks in order to have fair trial and fair punishment.

2. The instigators, proponents or supporters of violence and terrorism in the Middle East are, according to the law, indigenous actors or perpetrators, in association with the original perpetrators of all crimes

committed, to be brought before the International Criminal Court in accordance with article 8 of the Rome Statute of 1998, (Interpol) to implement it in cooperation with the local police and to take precautionary measures against them such as a travel ban or to restrict their freedom and to confiscate or freeze their funds that is used for achieving terrorist intentions in order to reduce their criminal risk.

3. Security Council resolutions 2199 (2015) and 2253 (2015) concerning the harassment of extremist terrorism by preventing the purchase of smuggled oil from Iraq and Syria and preventing the illicit circulation of antiquities are important steps forward. However, these resolutions need to be implemented at the international level

4. Experts emphasize that extremist groups and through a series of complex networks of people and companies deployed in some European countries and Latin America and with the help of some businessmen in some countries of the Middle East are doing money laundering is very large and proceeds to finance the extremist organization and cause the continuation of his ideology and criminal approach.

5. The establishment of national mechanisms to implement Security Council resolution 1624 (2005), which obliges all States to address all forms of violent extremism or any calls for hatred on national, racial or religious grounds, which constitute a serious threat and a source of extremist ideology.

**Амосова Е.И., Иванова Е.Н.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

### ***КОНФЛИКТЫ СУПРУГОВ В КРИЗИСНЫХ СЕМЬЯХ***

**Amosova E.I., Ivanova E.N.**

St Petersburg State University, St Petersburg

### ***CONFLICT OF SPOUSES IN CRISIS FAMILIES***

Преодоление семейных кризисов — важная задача, на определенном этапе встающая перед каждой семьей. Ю.В. Корчагина определяет кризисные семьи как семьи, переживающие внутренний или внешний кризис [1]. Он может быть как нормативным, так и ненормативным. Нормативный кризис в той или иной степени переживает каждая семья в определенные периоды совместной жизни и при изменениях в составе семьи (В. Сатир, Е. Дюваль [2] и др.). Ненормативный кризис может возникнуть на любом этапе

жизни семьи и являться реакцией на событие, которое можно определить как кризисное. В.А. Сысенко отмечает, что кризис затрагивает разные сферы жизни. Важную роль играют потребности сексуальные, эмоциональные, в значимости своего я, преувеличенные потребности, в частности в тратах вследствие зависимости, бытовые, во взаимопомощи и взаимоподдержке, а также в определенном проведении досуга [3].

Т.В. Андреева делит семейные конфликты по причинам возникновения на три группы: из-за несправедливости в распределении труда, из-за невоспитанности и неудовлетворения потребностей супругов [4]. У.Ф. Харли обращает внимание на то, что потребности мужчин и женщин различаются, что также провоцирует конфликты [5].

В исследовании, проведенном на базе «Центра социальной помощи семье и детям», приняли участие 16 супругов, обратившихся в центр с запросом на разрешение конфликта в семье, а также 16 супругов, не являвшихся клиентами центра.

Супруги, являвшиеся клиентами центра, оценивали свои отношения как кризисные. Их нервно-психическое состояние подтверждало, что они пребывали в состоянии глубокого кризиса (Д. Каплан) [6]. Они имели больше дисфункциональных мотивов вступления в брак, большую частоту внутрисемейных конфликтов, чаще считали противоречия неразрешимыми по сравнению с некризисными семьями. Более половины кризисных клиентов выясняли отношения с применением неконструктивных стратегий и вербальной агрессии.

Наиболее распространенными были разногласия по поводу проведения досуга, финансов, содержания хозяйства и быта, отсутствия взаимопонимания, неудовлетворенной потребности в значимости. Было выявлено статистически значимое различие двух групп по шкале «удовлетворенность браком». В кризисной группе оно было значительно ниже.

У респондентов группы клиентов центра отмечалась высокая активность в конфликтах, большинство сфер взаимодействия являются конфликтными, особенно вопросы воспитания детей, проявления автономности супругами, нарушения ролевых ожиданий.

У супругов, находящихся под патронажем центра, отмечено более лояльное отношение к разводу, меньшая ориентация на совместное проведение времени и ролевая перегрузка женщины в семье. В группе под патронажем центра в большей степени исключительно женщина отвечает за воспитание детей, выполняет

психотерапевтическую функцию, поддерживает эмоциональный климат в семье, является организатором развлечений и поддерживает семейную субкультуру, мужчина при этом не стремится взять на себя роль хозяина в доме.

Корреляционный анализ показал взаимосвязь высокой удовлетворенности браком с эгалитарным типом взаимоотношений, низкой конфликтностью из-за проявлений доминирования одним из супругов, взаимосвязь удовлетворенности браком с участием мужчины в процессе воспитания детей.

Менее лояльное отношение к разводу имеет прямую связь с эгалитарным типом семьи, низким числом конфликтов в ситуациях проявления автономии супругами и высокой значимостью детей в жизни супругов.

Таким образом, семейный кризис представляет особо опасный для появления конфликтов период и характеризуется общим расстройством семьи как системы. Особое внимание при работе с кризисными семьями необходимо уделять расхождениям в вопросах воспитания детей, самостоятельности и ролевого распределения у супругов.

### **Список литературы:**

1. *Корчагина Ю.В.* Неблагополучные семьи: факторы риска и методы работы. Методическое пособие по профилактике и преодолению жестокого обращения, девиантного поведения и алкогольной зависимости в семье. М.: МГПИ. Учебно-методическое издание, 2008.
2. *Абитов И.Р.* Психология семьи: учебно-методическое пособие. Казань: ЧОУ ВПО «Академия социального образования», 2014.
3. *Сысенко В. А.* Супружеские конфликты. М., 1989.
4. *Андреева Т. В.* Семейная психология: учеб. пособие. СПб.: Речь, 2004.
5. *Шуман С.Г., Шуман В. П.* Конфликты в молодой семье: причины, пути устранения. Минск: Университетское, 2003.
6. *Олифиревич Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф.* Психология семейных кризисов. СПб.: Речь, 2007.

**Артемов Г. П.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ НОРМАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ  
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЭТИЧЕСКИХ КОДЕКСОВ\****

**Artemov G. P.**

St Petersburg state University, St Petersburg

***CONFLICTS OF THE NORMATIVE STRUCTURE  
OF PROFESSIONAL ETHICAL CODES***

Профессиональные этические кодексы включают в себя как позитивные, так и негативные предписания, соблюдение которых имеет значение для успешного осуществления определенной профессиональной деятельности. В докладе рассматриваются этические кодексы врачей, инженеров и адвокатов\*\*. В этих кодексах выделяются те предписания, реализация которых может приводить к конфликту мотивации реального поведения представителей определенных профессиональных сообществ.

В международном кодексе медицинской этики содержатся следующие позитивные и негативные предписания, регулирующие поведение врачей. В кодексе отмечено, что врач должен: «действовать в интересах пациента при оказании медицинской помощи»; «оказывать неотложную помощь в качестве гуманитарной обязанности» и др. В кодексе также отмечено, что врач не должен: «допускать, чтобы на его суждения влияла личная выгода»; «получать финансовые льготы или другие стимулы» и др. [1]. В данном случае в реальном поведении врача может возникнуть конфликт мотивации, обусловленный необходимостью оказывать бескорыстную помощь пациентам и при этом не ориентироваться на соображения личной выгоды.

В этическом кодексе инженеров также содержится перечень позитивных и негативных предписаний. Здесь говорится о том, что инженеры должны: «всегда стремиться служить общественным интересам»; «утверждать только те инженерные документы, которые соответствуют применимым стандартам» и др. В то же время

\* Доклад подготовлен в рамках гранта РФФИ №19-011-00234.

\*\* Полные тексты кодексов размещены в коллекции Центра изучения этики профессий Иллинойского технологического института (URL: <http://ethics.iit.edu/ecodes/>).

в кодексе отмечено, что инженеры не должны: «помогать или поощрять незаконную практику проектирования»; «принимать финансовые или другие ценности, прямо или косвенно, от внешних агентов в связи с работой, за которую они несут ответственность» и др. [2]. Требование руководствоваться общественными интересами в реальном поведении инженеров может вступать в конфликт с требованием отказываться от материального поощрения за выполненную работу.

В международном кодексе адвокатов говорится о том, что представители данной профессии должны: «защищать интересы своих клиентов и не обращать внимания на любые неприятные последствия для себя или для любого другого лица»; «оказывать помощь со скрупулезной заботой и усердием» и др. В кодексе также утверждается, что адвокаты не должны: «приобретать финансовую заинтересованность в предмете дела, которое они ведут»; «ставить на первое место свое право на компенсацию за свои услуги, а не интересы своих клиентов» [3]. Здесь, как и в двух предыдущих случаях, требование добросовестно выполнять профессиональный долг в реальном поведении конкретных представителей профессии может вступать в противоречие с требованием воздерживаться от финансовой заинтересованности в успехе дела.

Анализ выделенных фрагментов профессиональных этических кодексов позволяет сделать вывод о том, что содержащиеся в этих нормативных документах позитивные и негативные предписания могут в определенных ситуациях приводить к конфликту мотивации поведения представителей соответствующих профессиональных сообществ.

### **Список литературы:**

1. World Medical Association. International Code of Medical Ethics (2006). URL: <http://ethics.iit.edu/ecodes/node/4233> (дата обращения: 12.10.2019).
2. Code of Ethics for Engineers (2007). URL: <http://ethics.iit.edu/ecodes/node/4098> (дата обращения: 12.10.2019).
3. International Bar Association. International Code of Ethics (1988). URL: <http://ethics.iit.edu/ecodes/node/3460> (дата обращения: 12.10.2019).



**Артюхина В.А.**

Алтайский государственный университет, Барнаул

***МОНИТОРИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ  
НАПРЯЖЕННОСТИ В РЕГИОНЕ: ОПЫТ АЛТАЙСКОЙ  
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ\****

**Artykhina V.A.**

Altai State University, Barnaul

***MONITORING STUDIES OF SOCIAL TENSION IN THE REGION:  
THE EXPERIENCE OF THE ALTAI SOCIOLOGICAL SCHOOL***

Социальная напряженность, периодически возникающая в современном российском обществе, имеет свои источники и факторы возникновения и, кроме того, региональную специфику. Социальная напряженность как особый социальный феномен представляет собой, с одной стороны, латентную стадию развития многообразных социальных конфликтов, с другой стороны, предстает как состояние общественного сознания на открытых этапах конфликта. Исследование основных характеристик социальной напряженности в обществе чрезвычайно важно в контексте деятельности по управлению социальными конфликтами [1].

Важным источником получения полезных в этом ключе сведений выступают социологические исследования. Цель последних в самом общем виде заключается в сборе данных о настроениях населения, основных источниках их недовольства. Такие исследования способны поставлять информацию для более эффективного управления и воздействия на основные источники напряженности в обществе.

Мониторинг, реализуемый Алтайским государственным университетом с 1992 г., представляет собой повторное социологическое исследование, реализуемое на каждом этапе по схожей методике и инструментарию. Полученные в ходе исследований результаты позволяют отследить динамику социальных настроений населения и строить прогнозы развития социальной напряженности и его уровня в контексте региона [2].

В качестве примера приведем методику измерения протестных настроений как структурного элемента социальной напряженности.

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-411-220001 «Разработка и продвижение комплекса мер социального характера по снижению уровня социальной напряженности и конфликтности населения в Алтайском крае в 2018-2020 гг.»

При этом замеряются, как правило, показатели двух основных проявлений протестных настроений: а) личных намерений респондентов протестовать; б) признания ими вероятности протестных акций в местах их проживания в ближайшей перспективе. По такому принципу проводятся всероссийские опросы omnibusного типа исследователями «Левада-центра», ВЦИОМа и ФОМа.

Важные требования, предъявляемые к профессионально организованным социологическим мониторингам, заключаются в следующем: во-первых, регулярность проведения, позволяющая отследить динамику социальных изменений и настроений граждан; во-вторых, однотипная методика проведения, т. к. похожие инструментариумы обеспечивают сопоставимость данных, полученных на разных этапах мониторинговых исследований; в-третьих, полнота операционализации исходных понятий, разнообразие и комплексный характер основных показателей социологического исследования социальной напряженности в региональном социуме; в-четвертых, дифференцированный подход к разным регионам, учет специфики комплекса типичных проблем и факторов, их определяющих, в рамках отдельных регионов.

Соблюдение означенных выше требований является важнейшей предпосылкой выполнения одной из важнейших функций эмпирических социологических исследований мониторингового характера — прогнозирования [3]. На основе первичных данных, полученных в ходе реализации последовательных этапов мониторинга, строятся научно обоснованные прогнозы, связанные с перспективами развития уровня социальной напряженности, основными причинами и факторами ее развития, с вопросами эффективности урегулирования тех или иных видов конфликтов в региональном социуме.

### **Список литературы:**

1. *Степанов Е.И.* Управление региональными конфликтами в России: средства и способы обеспечения эффективности // Конфликтология. 2009. № 1. С. 16–33.
2. *Нагайцев В.В.* Методология диагностического исследования социальных конфликтов // Известия АлтГУ. 2010. № 1–2. С. 195–198.
3. *Конаков В.В., Щанкина Г.И.* Роль мониторинга в социально-экономическом развитии региона // Проблемы методологии и методики мониторинга социально-экономического развития регионов Российской Федерации. Саранск: ГКУ Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», 2017. С. 35–37.

**Бабаева Ю. В., Иванова Е. Н.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***МЕТОДЫ РАБОТЫ С СИСТЕМНЫМИ КОНФЛИКТАМИ  
В СЕМЕЙНОЙ МЕДИАЦИИ***

**Babaeva Y. V., Ivanova E.N.**

St Petersburg State University

***METHODS OF WORK WITH SYSTEM CONFLICTS  
IN FAMILY MEDIATION***

Семья — один из самых древних социальных институтов. Без семьи не могло бы существовать общество, государство, религия. В ней происходят основные процессы человеческой жизни, она является базой и основой развития любого человека. Практически ни один человек не может представить свою жизнь без семьи. С ней связывают понятие счастья и благополучия многие люди.

В настоящее время существует множество определений понятия «семья». Мы будем придерживаться определения М. Боуэна, согласно которому «семья — это социальная система, закономерности функционирования которой лежат в основе ее нормы и патологии, и, соответственно, нормы или патологии людей, входящих в эту семейную систему» [1]. Так как семья — это особая социальная группа, то и конфликты внутри семьи имеют свои особенности. Так, большинство семейных конфликтов являются системными. В данной работе под системой понимается совокупность элементов, находящихся во взаимодействии, и, образующих единое целое. Самым главным свойством системы является ее целостность.

Исследования показывают, что 80 % проблем, возникающих во время взаимодействия людей, находятся на имплицитном уровне, и во время взаимодействия членов семьи друг с другом это проявляется особенно сильно, поэтому поверхностное решение конфликтов не приводит к желаемому результату. В таких случаях необходим более глубокий подход, например с помощью системной медиации.

Проанализировав опыт работы «Службы конфликтологического консультирования и медиации» Института философии и специализированную литературу, мы сделали вывод, что существует много разных подходов, с помощью которых решаются конфликты

в семье. В рамках данной работы, посвященной системным конфликтам в семье, нас больше всего интересует медиация.

В процессе работы с семейными конфликтами конфликтолог может обращаться к разнообразным методикам:

1. Различные виды генограмм. Генограмма — это схематично изложенная структура семьи, затрагивающая разные поколения, с краткой информацией о каждом родственнике. Виды генограмм: геносоциограмма, фотогенограмма, генограмма с использованием различных игрушек, кубиков. Геносоциограмма — это видоизмененная генограмма с расширенным количеством информации. Построение генограмм помогает сторонам наглядно увидеть, какие взаимоотношения складываются в семье, обратить внимание на важные моменты.

2. Коллажи — это такая техника, когда клиенту предлагается наклеить картинки, фотографии детали из журналов, газет, которых будет объединять что-то общее. На таком коллаже можно и рисовать, и писать. Коллаж делается каждым из членов семьи и таким образом, чтобы другие не видели процесса и не принимали в нем участие. После того как клиенты приносят коллаж на консультацию, им предлагается изучить то, что получилось друг у друга. Выбираемые картинки для коллажа могут выявить темы и проблемы, которые остаются вне вербального обсуждения.

3. Опросники позволяют выяснить или уточнить характеристики данной семейной системы, например, опросник «Методика оценки уровня выполнения семьей ее основных функций» Е. В. Драпака, А. Ю. Монаховой.

Для работы с семейными конфликтами актуальны и психотерапевтические методы, например, метафорические карты, схемы, разные виды расстановок. Это не будет означать, что специалист-конфликтолог перешел границу между психологическим и конфликтологическим консультированием, так как он использует психотерапевтические методики в других формах, проявлениях и с другими целями.

### **Список литературы:**

1. Варга А.Я., Хамитова И.Ю. Теория семейных систем Мюррея Боуэна // Московский психотерапевтический журнал. 2005. № 1. С. 139. URL: [http://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n1/85401\\_full.shtml](http://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n1/85401_full.shtml) (дата обращения: 15.06.2019).

**Бандейкина Н. Н.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

## **КОНФЛИКТЫ В БИРЮЗОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ**

**Bandeykina N. N.**

St Petersburg State University, St Petersburg

## **CONFLICTS IN TURQUOISE ORGANIZATIONS**

В нашу мевшей книге Фредерика Лалу «Открывая организации будущего» автор поднимает важный вопрос актуальности способов управления современными организациями. Нынешние способы решать текущие проблемы организаций практически исчерпали себя и зачастую усугубляют, а не снимают их. То же самое касается и методов управления конфликтами в организациях.

Автор проводит исторический анализ организационных моделей и выделяет *инфракрасную, пурпурную, красную, янтарную, оранжевую, зеленую и бирюзовую* эволюционные стадии. Каждая из этих стадий представляет определенное мировоззрение, потребности, когнитивное и моральное развитие. Каждой из них соответствует свой способ сотрудничества. Восхождение к бирюзовой парадигме начинается, когда мы учимся отделять себя от собственного «я» (эго), сводить к минимуму стремление все контролировать, хорошо выглядеть, вписаться в систему [1, с. 63]. Бирюзовая модель организационного развития связана с последней ступенью в иерархии потребностей Маслоу — «самореализацией».

Изучение конкретных примеров бирюзовых организаций, среди которых можно назвать AES (энергетический сектор — международная компания, 40 тыс. чел.), Vuurtzorg (медицина — Германия, 7000 чел.), FAVI (металлургия — Франция, 500 чел.), MorningStar (пищевая промышленность — США, до 2400 чел.), RHD (социальная служба — США, 4000 чел.) и другие, привело автора к трем важным открытиям.

**1. Самоуправление.** В Бирюзовых компаниях нет иерархий, задачи любого уровня сложности решаются благодаря взаимодействию равноправных коллег.

**2. Целостность.** Бирюзовые компании поощряют сотрудников проявлять в работе не только узкопрофессиональные качества, но и остальные личностные черты, то есть побуждают работников обратиться к своей внутренней целостности и быть на работе тем, кто мы есть на самом деле.

**3. Эволюционная цель.** Бирюзовые компании живут своей жизнью и обладают собственными представлениями о направлении дальнейшего развития. Сотрудников побуждают не стараться предвидеть изменения и контролировать будущее, а «прислушаться» к желаниям организации относительно своих целей [1, с. 77].

Новые формы сотрудничества и управления в бирюзовых компаниях, по всей вероятности, должны порождать конфликты, свойственные указанным явлениям. Работа любого коллектива без руководителя и постоянных совещаний может легко превратиться в хаос, отсутствие менеджеров среднего звена — нарушить координацию действий между командами, принцип «доверие вместо контроля» — снизить дисциплину на рабочем месте. Но, как показывает практика, в подобных организациях четко отлажены механизмы регулирования и разрешения конфликтов.

В традиционных компаниях многие спорные и конфликтные вопросы переправляются боссу, чтобы тот все уладил. В самоуправляющихся организациях разногласия решаются между равноправными коллегами с использованием специального процесса разрешения конфликта. В условиях отсутствия иерархии разрешение противоречий — настолько важный процесс, что ему зачастую обучают каждого нового сотрудника. Автор приводит пример крупнейшей в мире компании по переработке томатов MorningStar. В основе механизма разрешения конфликтов данной организации используются следующие принципы, базовые социальные ценности: никогда не использовать силу против других людей и уважать обязательства других. Процесс разрешения конфликтов детально описан в «Принципах коллеги», главном документе компании, в котором зафиксированы внутренние процессы самоуправления MorningStar.

Процесс разрешения конфликтов, называемый «Открытое общение и достижение соглашения», применим к любой разновидности разногласий. Это может быть столкновение различных мнений по поводу технического решения или конкретный межличностный конфликт, покушение на систему ценностей компании или, например, вопросы оценки качества работы. Какова бы ни была проблема, процесс начинается с того, что один человек обращается к другому с просьбой обсудить возможность достичь соглашения.

На первом этапе они садятся вместе и пытаются разобраться лично. Если не могут найти решение — выбирают посредника среди коллег. Дальнейший шаг — созыв группы из коллег, имеющих отношение к обсуждаемому запросу. Обязанность группы — выслушать и помочь прийти к согласию. В качестве последнего

шага в группу может быть включен основатель, президент компании, чтобы добавить собранию морального авторитета.

Если разногласия носят личный характер, то стороны в курсе, что надо соблюдать конфиденциальность на протяжении процесса и после окончания. Оппонентам не рекомендуется распространять конфликт, формировать группу поддержки и создавать соперничающие партии [1, с. 145].

Опыт других компаний тоже показал эффективность данного механизма разрешения конфликтов: сначала разговор один на один, потом посредничество уважаемого коллеги и, наконец, посредничество группы коллег. Процесс эффективен при определенных условиях — в частности, когда в организации поддерживается определенная культура; люди чувствуют себя в безопасности, если побуждать их держать друг друга в сознании своей ответственности, тогда есть и соответствующие навыки у сотрудников, и процессы, позволяющие прорабатывать разногласия спокойно.

### **Список литературы:**

1. Лалу Ф. Открывая организации будущего / пер. с англ. В. Кулябиной. 3-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.

### **Баранов А.В.**

Кубанский государственный университет, Краснодар

### ***КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМУ\****

### **Baranov A.V.**

Kuban State University, Krasnodar

### ***CONFLICTOGENIC FACTORS OF FORMING THE NATIONAL IDENTITY OF YOUTH IN CONTEMPORARY CRIMEA***

Реинтеграция Крыма в российское общество — длительный процесс, в том числе проявляющийся в укреплении российской национальной идентичности. Молодежь относится к социально-

\* Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».



демографическим группам, в которых российская идентичность конструируется особенно сложно.

Цель тезисов — установить конфликтогенные факторы формирования национальной идентичности крымской молодежи на основе анкетного опроса. Опрос проведен с участием автора под руководством д. п. н., проф. И.В. Юрченко (лето 2018 и 2019 г., выборка 630 чел. 16–35 лет, Республика Крым (далее — РК) и г. Севастополь). Выборка пропорциональна по гендеру, типам населенных пунктов, этническому составу. Работает и совмещает работу с учебой 39,8 % респондентов, только учится 57,9 %, остальные ведут домашнее хозяйство [1].

Важна иерархия идентичностей, позволяющая судить о мере интеграции. Респонденты ощущают себя в первую очередь «представителем человечества» — 31,8 % в РК и 34,9 % в Севастополе, жителем полуострова — 23,2 % в РК и 12,9 % в городе, россиянином — 18,2 % в РК и 20,1 % в Севастополе, жителем города или села — 7,6 % в РК и 14,1 % в городе, «человеком своей национальности» — 7,4 % в РК и 5,6 % в городе, жителем Юга России — 2,6 в РК и 4,4 % в городе, «человеком определенной веры» — 3,2 % в РК и 1,6 % в Севастополе. Результаты связаны с высоким процентом учащейся молодежи в выборке. Поддержали воссоединение (с разной степенью категоричности) 66,2 % в РК и 80,0 % в Севастополе, а не поддержали 16,2 и 8,0 % [1].

Большинство опрошенных положительно оценивают состояние межэтнических и конфессиональных отношений. Но лично переживали оскорбления /конфликты на почве национальной, религиозной нетерпимости 30,6 % в РК и 24,1 % в Севастополе. Испытывали дискриминацию по половому, возрастному, религиозному или национальному признаку 24,2 % респондентов в РК и 19,5 % в Севастополе [1].

Межэтническая и межконфессиональная дистанции выявляет уровень доверия, степень интеграции общества. Уровень межэтнической дистанции по шкале Э. Богардуса в отношении русских в РК — 2,17 балла из 9; украинцев — 2,61; крымских татар — 3,38. В г. Севастополе дистанции увеличенные: к русским — 2,43 балла, украинцам — 2,91, крымским татарам — 4,26. Уровень межконфессиональных дистанций в отношении христиан всех конфессий — 2,92 балла в РК и 3,38 в Севастополе, а мусульман — 3,54 в РК и 4,16 в Севастополе [1].

Выявлен значительный потенциал межэтнической и межконфессиональной терпимости. Частота встречаемости установок



абсолютной близости («Готов принять как члена семьи») составила: 56,9 % в отношении русских, 46,2 % — украинцев, 26,2 % — крымских татар. В отношении христиан установка абсолютной близости — 34,6 %, а мусульман — 24,6 %. Частота встречаемости установки абсолютной неприемлемости («Я не хотел бы видеть их в стране») в отношении украинцев — 0,8 %, русских — 1,5 %, крымских татар — 7,7 %. В отношении конфессий установка абсолютной неприемлемости — 3,8 % для христиан и 8,5 % для мусульман [1].

Итак, конфликтогенными факторами конструирования российской идентичности молодежи в Крыму выступают этническая и конфессиональная сегментация регионального сообщества, асимметрия межэтнических дистанций, восприятие рисков межгрупповых конфликтов. Налицо объективные причины такого положения, но их глубокий анализ требует дополнительного исследования.

### **Список литературы:**

1. Текущий архив кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета.

### **Баранова Г.В.**

Академия ФСО России, Орел

### ***ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ ГОСУДАРСТВА***

### **Baranova G. V.**

FSO Academy of Russia, Oryol

### ***PROTEST ACTIVITY AS A STABILITY STATE FACTOR***

Социально-политическая активность в многообразии ее протестных форм оказывает неоднозначное влияние на развитие постсоветского российского общества. Несмотря на то что по сути своей протестная активность имеет конфликтогенный характер, отдельные формы ее проявления характеризуют выражение конструктивной социально-политической активности в виде ответственных инициатив граждан на основе их солидарности для оказания воздействия на политическую власть с целью решения проблемных вопросов. К ним относятся санкционированные акции, не имеющие

негативных последствий, способствующие скрытию насущных проблем, своевременному принятию координированных управленческих решений для изменения сложившихся ситуаций, отношений, что влияет на снижение социальной напряженности, предотвращение открытых социально-политических конфликтов [1]. Доля такого рода протестных акций в период 2005–2018 гг. в разных регионах России колеблется от 60 до 86 % (от общего числа). В них участвует более 60 % протестующего населения страны [2].

Однако игнорирование мнения людей по поводу существующих проблем способствует росту социальной напряженности, порождающей развитие деструктивных форм протестной активности, выражающейся в самоорганизованных несанкционированных протестных действиях, имеющих негативные последствия, что дестабилизирует общество, создает угрозы устойчивому развитию российского государства. Так, из 40 % несанкционированных акций протеста (за указанный период), в которых участвовало до 36 % протестующего населения, около 8 % имели силовой характер, сопровождаясь материальным ущербом, угрозами здоровью людей, с участием в них более 10 % граждан (от общего числа протестующих в указанный период) [2].

Сравнительный анализ расчетных значений показателей дестабилизации в регионах Центрального федерального округа (на основе разработанного инструментария) позволил обнаружить, что в основном дестабилизирующее воздействие протестной активности находится в пределах «низкого» и «допустимого» уровней, однако приближаясь в отдельных регионах (в определенные периоды) к «повышенному» [3].

В современном обществе выражение протестных форм социально-политической активности широкое распространение получило через СМИ и сеть Интернет [4]. Наряду с конструктивными функциями самоинициативного, самоконтролируемого распространения и обмена информацией, позволяющими гражданам объективно разобраться в социально-экономической и общественно-политической ситуации, существуют и приобретают все более широкое распространение протестные деструктивные информационные воздействия. Последние обладают функциями манипулирования сознанием и поведением людей, мобилизуя их к конфликтным действиям, имеющим негативные последствия.

Причины объединения людей для достижения общественных целей и неоднозначность характера выражения гражданских

инициатив — от конструктивных, способствующих развитию демократического общества в нашей стране, до деструктивных, порождающих угрозы его устойчивому развитию, — определяются проблемами взаимоотношения общества с государством и образованными им общественными и политическими институтами. Детальный анализ протестной активности, предоставляющий возможность осуществлять непрерывный мониторинг ее причин и степени воздействия на стабильность регионального и общегосударственного развития, позволяет совершенствовать механизмы государственного управления с целью обеспечения устойчивости государства.

### **Список литературы:**

1. *Ансофф И.* Стратегическое управление [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4155>. (дата обращения: 12.14.2014)].
2. *Баранова Г.В.* Социальная напряженность и формы ее выражения: региональные особенности: монография / Академия ФСО России. Орел, 2015. 187 с.
3. *Баранова Г.В.* Концептуальные основы исследования социально-политической активности в современном российском обществе: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. М.: РГГУ, 2018.
4. *Березняков Д.В.* Протестная активность в современной России: региональные аспекты // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 5 (109). С. 300–307.

### **Бертран Дж.**

Университет им. Помпеу Фабры, Барселона, Испания

### ***БРЕКСИТ И КАТАЛОНИЯ. ВЛИЯНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ НА УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА***

### **Bertran J.**

University Pompeu Fabra, Barcelona, Spain

### ***BREXIT AND CATALUNYA. HOW IDENTITY MAY INFLUENCE THE CONFLICT RESOLUTION***

We try to make an analysis of the parallelism between the Catalan conflict and Brexit. Note parallelisms not similarities, since one implies comparative problems and similarities implies similar problems and equal solutions.

Let's mention a few. Brexiteers claim the financial conditions imposed by the European Union implies a deficit "the amount payed to the EU by the UK excides the amount received in the other direction". In Catalonia Catexiteers called "fiscal deficit", so is the money collected in taxes exceeds by far the money received via investments from the Spanish government in the Catalan territory.

The negotiator of the conflict theoretically should utilize different techniques and modes of calculation to reach a middle point.

In terms of social unbalances, we have also see different parallelisms, the main one appears when the UK claims that having to adjust to the common rules of the EU means that the real power of the UK is in jeopardy, they fear that their personality will be taken away.

The Catalan conflict recalls that the rules imposed by Spain lets no room to decide, for instance, a more advanced immigration policy, or a more developed tax framework that will speed the development of Cataluña; as per education, the obligation to follow certain directions limits the sovereignty of Cataluña in historical grounds. New myths are created, others are eliminated.

More parallelisms, a society divided, in two parts, a bit more than 50 percent of the Brits decided to exit, and almost half of the Catalans are pro-independence.

Another common denominator in both negotiations are emotions, making rational discussions more difficult. Actually it is common in both conflicts to see how much "positions" are so defined and how much each part stays on it, whatever the topic is to be debated.

The questions that any negotiator will have to face are:

- what started the initial positions of each part?
- when did it all happen?
- when did one individual take a side in the conflict?

Many more parallelisms exist, buy today we would like to focus the attention on how to negotiate conflicts, and avoid social divisions using identity as a tool.

For us the answer of the initial position of the individual, which is sustained no matter what we debate, is a simplistic definition of identity that triggers emotions: To be Catalan, to be British.

The negotiations become hard to maneuver when they move from rational negotiations, to emotional. From numbers to emotions. We enter into a new level, in which negotiators do not offer the solutions because the solutions are in the hands of the people, people need to make an individual introspect, to figure out why their positions are so impossible to bend.

Identity in these two conflicts spark emotions, the Catalans that want independence have an idea of themselves and a perception of the others, in that case the rest of the Spaniards. In the case of the Brexiteers, they trigger their emotions by having an idea of themselves as “different from the rest of the Europeans”. (Words at that point matter) they say “different than the others “...not, “better than the others”. Avoiding rationalizing emotions with words to intelligently escape obvious accusations.

We would like to manifest that when the conflicts are in place, all the parts make mistakes and then the conflicts become centered in the mistake made. Like a layer of conflicts were going to the essence becomes not only difficult but seemingly irrelevant.

Today we would like to focus on “emotions that identity generates “making negotiations impossible. At that point the only possible way to go back to the negotiation table with emotions in a more reduced level is via a personal evolution, and individual evolution to frankly see what is identity, what is to be Catalan, and what is to be an UK citizen.

We need to evolve from Catalan to Spanish, from UK national to European, then the emotions to defend the differences in economical social or other issues will be opening.

Take perspective and see in a positive way our labels of identity and then be open about questioning each label to see how solid they are:

- names are solid ones?
- passports, and the nationality attached are solid?
- religious beliefs give an exchangeable identity?
- languages are creating identity?
- el Quixote is Spanish, Hamlet is British?

Choice is a way to take one part, (when I buy a product and discard the other in a supermarket), (if I belong to a football club I am not from any other. Conflict escalates, objectivity is also questioned, and when the line between me and the other is drowned, it is because we believe we are better.

First will be choice, then disagreements and after conflicts. After this short debate we should find out that we are more like a puzzle of identities. We are Catalans also very Spanish and very British too, Brits are also very Catalan. Topics, made us believe that we are very different but a genuine analysis of the topics, farther beyond a simplistic acceptance may guide us to a more precise approach to our identities. Negotiating among us will be easier than with others.

## **Большаков А.Г.**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

### ***ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПРИЧИНЫ, ПАРАМЕТРЫ, ТЕХНОЛОГИИ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА\****

## **Bolshakov A.G.**

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan

### ***IDEOLOGICAL YOUTH EXTREMISM: CAUSES, PARAMETERS, CONFLICT ANALYSIS TECHNOLOGIES***

Система профилактики идеологического молодежного экстремизма предполагает участие государства и гражданского общества. Роль и место государства (спецслужб, правоохранительных органов и др.) обычно прописаны в законодательстве. Функции гражданского общества и его различных сегментов (некоммерческих организаций, общин, диаспор, советов и др.) отличаются в зависимости от страны или региона.

Государство прежде всего осуществляет функции противодействия идеологическому молодежному экстремизму, хотя в некоторых случаях активно занимается его профилактикой (например, в плане создание и финансирования антиэкстремистских молодежных программ). Гражданское общество призвано осуществлять профилактику идеологического молодежного экстремизма (начиная от решения проблем трудоустройства молодежи, заканчивая программами адаптации молодых людей, отошедших от экстремистской деятельности), функции противодействия — это скорее исключительный случай, когда населения защищает себя и свою территорию от нападений террористов-наемников.

В рамках нашего проекта идеологический молодежный экстремизм подразделяется на левацко-анархистский, салафитский, гендерный, правонационалистический, радикально-либеральный и др. Есть ряд молодежных групп и движений, где идеология выражена не столь четко и очень часто заменяется «плюшевыми идеологиями» и сублимациями психологического толка. Интересно, что развитие идеологического молодежного экстремизма имеет

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31001.

свою территориальную специфику, поскольку футбольные фанаты с националистической риторикой характерны для больших городов, имеющих свои футбольные клубы, а поклонники радикального ислама представлены на Урале, в Поволжье и наиболее многочисленны в национальных республиках этих регионов.

Необходимость в проведении конфликтологической экспертизы связана с двумя случаями: во-первых, субъекты имеют разногласия, неразрешимые стандартными средствами; во-вторых, психологическая или экономическая цена принимаемого решения крайне высока для человеческой судьбы или жизнедеятельности социальной структуры. Субъектами конфликтологической экспертизы выступают: эксперт (например, представитель силовых структур с подготовкой конфликтолога), заказчик (например, НКО, специализирующееся в сфере профилактики экстремизма) и клиент (включенный в экспертируемую конфликтную ситуацию).

Экспертиза является важнейшим элементом системы профилактики идеологического молодежного экстремизма. Конфликтологическая экспертиза понимается как оценка масштаба, сложности, динамики и возможностей управления конфликтом. Экстремистское деяние может быть рассмотрено как конфликт, оно полностью подходит в качестве предмета анализа для конфликтологической экспертизы.

Конфликтологическая экспертиза — это процесс изучения и фиксации проблем, поиска ресурсов, необходимых для разработки технологии регулирования конфликта. Она целесообразна, когда участники конфликта не способны самостоятельно справиться с ситуацией или имеется необходимость отследить динамику конфликта для эффективного его урегулирования / трансформации / разрешения. Конечной целью такой экспертизы является выработка предложений по снижению конфликтной напряженности в обществе, профилактике, раннему предупреждению, урегулированию и разрешению конфликтов.

Параметрами конфликтологической экспертизы являются: причины конфликта, действующие лица (скрытые организаторы, подстрекатели, союзники), относительная сила и настоящие цели сторон, стадия развития конфликта, условия обострения или разрешения, удобный момент для вмешательства третьей силы, перспективы эскалации и деэскалации, ожидаемые последствия продолжения конфликта, возможности его приостановления и разрешения.

**Большаков А.Г.**

Казанский федеральный университет, Казань

***ТИПЫ ВНУТРЕННИХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ  
В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ  
ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ И КИТАЯ***

**Bolshakov A.G.**

Kazan Federal University, Kazan

***TYPES OF POLITICAL CONFLICTS IN THE REGION  
OF CENTRAL ASIA: IN THE CONTEXT OF NEW INTEGRATION  
PROJECTS OF RUSSIA AND CHINA***

Центральная Азия является одним из значимых регионов современной Евразии. Ее современные границы так окончательно и не определены. Мною выбрана «узкая» трактовка Центральной Азии. Во всех новых (или относительно новых) российских и китайских интеграционных проектах Северо-Восточной Евразии (ОДКБ, ШОС, ЕАЭС, проект по созданию Нового шелкового пути) важнейшим регионом является именно он.

Значение внутренних вооруженных конфликтов в Центральной Азии определяется двумя основными причинами: во-первых, данный регион является ключевым для российской внешней политики, с учетом ее ставки на стратегическое сотрудничество с Китаем; во-вторых, большая численность населения региона, свыше 70 млн чел. Поэтому любой крупный конфликт в Центральной Азии вызывает значительные человеческие жертвы и массовый исход беженцев (например, конфликты в 1990 и 2010 гг. в Киргизии).

Наиболее многочисленные конфликты связаны с внутренней нестабильностью, спецификой политических режимов, действием экстремистского подполья в государствах Центральной Азии; с 1991 г. страны региона пережили ряд переворотов, «цветных революций», вооруженных мятежей и др. В регионе существует разветвленная сеть исламистского подполья. Несмотря на серьезное давление со стороны светских правительств региона, радикальная его часть неоднократно предпринимала насильственные действия в отношении представителей власти и правоохранительных органов, вплоть до попыток вооруженного мятежа.

Для стран Центральной Азии является проблемой эффективное осуществление власти и участие в политическом процессе



широкого спектра общественных сил. Существуют противоречия между региональными политическими и экономическими элитами, которые угрожают внутренней стабильности государств Центральной Азии. Это межэтнические конфликты, гражданская война в Таджикистане 1992–1997 гг., межэтнический конфликт в узбекском городе Ош в Киргизии 2010 г. можно отнести к этническим (этнорелигиозным) вооруженным конфликтам.

Остальные конфликты не были длительными или масштабными, наиболее известны межэтнические конфликты в Чуйской области Киргизии, Алматинской и Южно-Казахстанской областях Казахстана, которые привели к жертвам и серьезному имущественному ущербу, но данный тип конфликтов в Центральной Азии не является многочисленным.

Неравномерное распределение населения Центральной Азии приводит к крайней перенаселенности отдельных районов, в которых в условиях дефицита водных и земельных ресурсов, социальных благ (электричество, инфраструктура) и рабочих мест межэтнические отношения остаются напряженными. В качестве примера можно привести сложные отношения в приграничных районах Ферганской долины между киргизами с одной стороны и узбеками, и таджиками с другой.

Это пограничные конфликты в Центральной Азии между Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном. За 28 лет после распада СССР страны Центральной Азии, за исключением Казахстана, не провели делимитации и демаркации своих границ. Остро проблема границ стоит в отношениях Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Ситуация осложняется наличием густонаселенных анклавов на территории сопредельных государств, при этом невозможно четко очертить границу — иногда она проходит по улице населенного пункта.

Исторически Центральная Азия испытала столкновения мощных межгосударственных интересов внешних сил достаточно давно, в эпоху «большой игры», когда она еще не сформировалась как политический регион. Независимое существование в последние десятилетия стало началом нового активного соперничества внешних сил в регионе, но оно предстало в более мягкой форме, что создавало дополнительные возможности. Центральная Азия расширяет свои контакты с внешним миром, исходя из более широкого и рационального набора экономических, политических и военных целей.

**Бондарев В.Г.**

Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», Санкт-Петербург

**Стребков А.И.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ\******Bondarev V.G.**

North Western branch of Federal State Budget Funded Educational Institution of Higher Education "The Russian State University of Justice", St Petersburg

**Strebkov A.I.**

St Petersburg State University, St Petersburg

***SOCIAL FACTORS OF ETHNOPOLITICAL CONFLICTS***

Актуальность заявленной проблемы располагается в двух плоскостях социальной жизни современного российского социума. Первая плоскость связана с потребностями государства и государственного управления в сохранении стабильности и исключении национального аспекта, постоянно провоцирующего конфликт. Подтверждение этого среза актуальности мы находим в основополагающих политико-юридических документах государства, в стратегиях его существования и развития. Так, в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», в которой выражена система приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач и механизмов реализации государственной национальной политики, указывается в п. 8, что она носит комплексный межотраслевой социально ориентированный характер и призвана развивать потенциал многонационального народа Российской Федерации, а в п. 5, прямо указывает на то, что в зоне особого внимания государства находится «создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия в Северном Кавказе». Обращая внимание на принципы, которыми должна руководствоваться национальная политика российского государства, указывается, что

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31376\19.

межнациональные (межэтнические) противоречия могут и должны разрешаться мирным путем, что обеспечивает межнациональный мир и согласие, гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений. То есть поддержание межнационального мира и согласия, профилактика возникновения конфликтных ситуаций является актуальной задачей государственного управления, которое в качестве предмета управления включает социально-экономические условия национального существования и развития наций и этносов, а тем самым признает значимость социальных факторов в возникновении противоречий и конфликтов в межнациональных отношениях и поэтому в профилактические меры по разрешению межнациональных противоречий и конфликтов включает их социальное положение. Наиболее емко понимание государством значения социальных факторов (качество и уровень жизни) в профилактике социальных и межнациональных конфликтов и противоречий выражено в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (Указ Президента от 31.12.2015 г.), в которой достойное качество и уровень жизни граждан включается в национальную безопасность, а в целях обеспечения государственной и общественной безопасности государство создает механизмы предупреждения и нейтрализации социальных и межнациональных конфликтов, в которых качество и уровень жизни играет исключительную роль.

Другой плоскостью актуальности является недостаточное теоретическое обоснование влияния социальных факторов на этнополитические конфликты, незначительное внимание теоретическому значению обоснования тесной, генетической связи конфликтов с социальным положением наций и этносов. Сегодня в исследованиях в сфере политологии сложилась ситуация, при которой пласт проблем взаимосвязи политики с экономическими и социальными сферами упускается из политологического анализа, а в некоторых случаях совершенно игнорируется, и вследствие этого деактуализируется огромное поле социально-политических проблем, требующих, во-первых, теоретического политологического осмысления, а во-вторых, практического политического вмешательства и решения.

Подвергая анализу влияние социальных факторов на современный этнополитический конфликт, в ряду которых выделяется частная собственность как отношение и в то же время продукт различий в условиях существования индивидов, а вместе с этим

разнонаправленных и противоположных интересов, порождающих в результате столкновения последних конфликт, ведущий к большему, чем прежде, обособлению и высвобождению энергии нового конфликта, посредством которого индивиды или целые народы стремятся изменить «дельту» существующих социальных различий. В данном случае конфликту как способу взаимодействия придается положительное функциональное значение, т. е. фиксируется в конфликте не только разрушительная, но и созидательная сила, принадлежащая обществу.

Для уяснения положительной функции межнационального или межэтнического конфликта, необходимо определиться с пониманием этничности. Придавая методологическое значение понятию «этничность», ибо от понимания, или, лучше сказать, от определения, этничности зависят заключительные результаты исследования этнополитического конфликта, необходимо провести экспликацию понятийного аппарата, и особенно такого понятия, как «этничность», как атрибутивного признака этноса со свойственной ему мировоззренческой матрицей, отображающей при определенных условиях функцию рационализации социальной реальности, соединяя в себе множество линий взаимодействия в социальном пространстве.

Слабость сформировавшихся подходов к определению понятия «этничность» в таких направлениях исследования, как примордиализм, инструментализм и конструктивизм, в том, что в рамках этих подходов, в этом лабиринте идей и смыслов не удастся найти законченное решение и открыть природу этничности. Это возможно лишь при условии понимания субъективно-объективной природы этничности, как его существенного атрибутивного признака, методологически возвращающего исследование этноса к поиску социометрии его сущности, раскрывающего этнос как конкретное социальное образование. Возвращение к социометрической концепции этноса позволяет за национальным увидеть социальное и тем придать социальному приоритет в определении причин этнических конфликтов.

Заявляя о том, что одним из главных следствий существенных различий в трактовках феномена этничности является различное понимание межэтнических и этнополитических конфликтов, авторы критически оценивают представления или понимание этнополитического конфликта, которые сложились как во вполне знакомых (примордиализм, конструктивизм и инструментализм), так

и в менее известных, но получивших признание в отечественной политологической литературе подходах, таких как факторные, когнитивные и цивилизационно-политические подходы (Здравомыслов А.Г. Степанов Е.И., Авксентьев В.А. и др.).

Современные государства заинтересованы в том, чтобы социальные противоречия были стерты в этнонациональных коллизиях и в этническом дискурсе, для чего искусственно внедряется этническая идентичность, вызывая тем самым конфликтность на совершенно иных, искусственных основаниях. Этому искусственно вызываемому процессу противостоит так называемая этнизация, которая не позволяет социальным противоречиям раствориться в межэтнических схватках, что также говорит о взаимосвязи этнического и социального.

Исходя из представленного анализа этнополитический конфликт можно определить как действительные и мнимые исторически обусловленные противоречия в господствующих отношениях между различными политическими этносами или нациями, сложившиеся в действительных или мнимо различных средах, детерминированных в первую очередь социально-экономическим положением наций.

### **Булгакова О.С.**

НПЦ «Психосоматическая нормализация», Санкт-Петербург

***КОНФЛИКТЫ В МЕДИЦИНЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ РАБОТЫ АКТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ АДАПТАЦИОННОЙ ЗАЩИТЫ РАЗНОГО УРОВНЯ ОРГАНИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ: ДИАГНОСТИКА, ПУТИ РЕШЕНИЯ***

### **Bulgakova O.S.**

SPC «Psychosomatic normalization», St Petersburg

***CONFLICTS IN MEDICINE AS A REFLECTION OF THE WORK OF ACTIVE MECHANISMS OF ADAPTIVE PROTECTION OF DIFFERENT LEVELS OF PERSONALITY ORGANIZATION: DIAGNOSTICS, SOLUTIONS***

При конфликтной ситуации формируется острая нейрогуморальная реакция, начинает доминировать симпатическая вегетативная нервная система. Возникают признаки стрессовой

функциональной рассогласованности: ухудшение концентрации внимания, отвлекаемость, ошибочные действия, потеря инициативы, негативные мысли, нарушение суждений, спутанное и импульсивное мышление, поспешность в решении.

В итоге каждый участник конфликта формирует защиты.

Здесь, пусковым стимулом конфликта является то, что во время формирования защиты, как ответа на стимулы окружающей среды, участники диалога врач — пациент не отдают себе отчета в том, что диалог «считывают» люди, находящиеся в особых условиях моментального существования: для первого играет роль профессиональная деформация личности (выгорание и вахта), для вторых — сильный отрицательный стресс.

Обе стороны могут находиться в состоянии дезадаптации, и может возникнуть конфликт (вне зависимости от того, какую — пассивную или активную — защиту применят оппоненты).

*В таблице приведены активные и пассивные защиты на разном уровне организации личности больного человека.*

Медицинский работник формирует свои специфические защиты, основанные на особенностях профессии и фоновых личностных характеристиках.

<b>Уровень организации личности</b>	<b>Активные защиты</b> (энергозатратны, искажают объективную реальность)	<b>Пассивные защиты</b> (энергомалозатратны, искажают объективную реальность)
<b>территориальный</b>	больница или палата, платная или для ВИПов	просьба не трогать и оставить в покое там, где находится
творческий	разрушительное самовыражение (например, изменение колористики при написании картины, деформация видения мира)	еще более глубокий уход в чужое творчество
социальный	у меня связи, я высоко сижу, я свой, я блатной, у меня знакомства в медицине	не пойду на больничный лист, ничего в жизни не изменилось
поведенческий	агрессия, нападение	поиск социальной поддержки, выученная беспомощность, изоляция

психологический	регрессия, отказ, рационализация, обратная реакция	отрицание, забывание (вытеснение), социальная идентификация, проекция
психофизиологический	блокировка памяти неприятных событий, искажение понимания событий	замедление скорости обработки поступающей информации
физиологический	сверхпороговая активация рецепторного аппарата или какой-либо функции	частичная блокировка рецепторного аппарата или какой-либо функции

Необходимо напомнить, что защиты искажают окружающую действительность, но приносят хоть и временное, но облегчение.

Учитывая такую сложную природу конфликтов с пациентами, медицинские работники должны быть не только квалифицированными специалистами своего направления, но и хорошими психологами.

У больного человека и близких ему людей в период острого стрессорного воздействия полностью и качественно деформируются личностные характеристики. Возможно искажение поступающей информации в кору головного мозга, что может нести за собой адреналовую реакцию, опосредованную формированием активной защиты на любом уровне организации личности, которая в реальном осмыслении будет казаться патологической (неадекватной). Но для самого человека она единственно правильная в данной реальной ситуации.

Учитывая то, есть веские основания для жалоб пациента или нет, медицинский работник и должен скорректировать свое поведение, которое может варьироваться от честного признания своей ошибки или невежливого поведения и извинений для успокоения пациента до помощи ему в преодолении страхов и предубеждений.

Какая бы перед врачами в этот момент ни стояла задача, каким бы доминантом в данный момент официально сотрудник скорой или неотложной помощи ни был, самым правильным будет включить любую свою пассивную защиту, чтобы нивелировать разрушительную силу первой.

Даже если медицинский сотрудник не добьется в этот момент времени своей цели, он не создаст обстановку битвы и, как

адекватный человек, изыщет возможность через некоторое время добиться своего.

Надо отметить, что, если и будут две-три адреналовые волны, каждая из них будет слабее предыдущей. Это связано с опытом переживания — самая сильная адреналовая реакция бывает на первичный раздражитель.

В современной действительности необходимо более подробно изучать механизмы профессиональных конфликтов, искать методы диагностики. И вероятно, в приоритете будут разрабатываться аппаратные (компьютерные) психофизиологические методы.

### **Бурлакова И.И.**

Московский государственный психолого-педагогический университет,  
Москва

#### ***ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ ПЕДАГОГА: ПРОБЛЕМА И ПУТИ РЕШЕНИЯ***

### **Burlakova I.I.**

Moscow State psychological and pedagogical University, Moscow

#### ***THE EMOTIONAL BURNOUT OF A TEACHER: A PROBLEM AND SOLUTION***

Понятие и определение синдрома «эмоциональное (психическое) выгорание» (англ. *burning out*) были впервые введены в науку в 1974 г. американским психиатром Г. Фрейденбергером, который таким образом охарактеризовал работников, находящихся в состоянии хронического стресса, спровоцированного тесным межличностным контактом с коллегами.

В современном представлении эмоциональное выгорание определяется как «...профессиональный кризис в любой трудовой деятельности», и «связан он не с межличностным общением в рамках профессиональной деятельности, а с самой деятельностью человека, в целом» [1].

Д. Этзион определяет выгорание как «психологическую эрозию», считая, что выгорание возникает медленно, постепенно и совершенно незаметно для профессионала из-за несоответствия между индивидуальными и средовыми характеристиками или ожиданиями, которые испытывает работник, и требованиями профессиональной среды [2].



Вопрос эмоционального выгорания педагога редко выносится на открытое обсуждение. Однако постоянное реформирование системы образования заставляет ученое сообщество чаще обращать внимание на обозначенную проблему.

К основным факторам, способствующим эмоциональному выгоранию педагогов относят [3]: высокую ответственность за обучающихся; высокую эмоциональную и интеллектуальную нагрузку; дисбаланс между интеллектуально-энергетическими затратами и морально-материальным вознаграждением; работу с трудными детьми.

Под эмоциональным выгоранием в психолого-педагогической литературе понимается истощение физических, психологических и интеллектуальных сил. Выгорание включает в себя *три компонента* [3]: эмоциональную истощенность; деперсонализацию; редукцию личных и профессиональных достижений. Эмоциональная истощенность проявляется в постоянной усталости; неудовлетворенности собой и окружающими; опустошенности по отношению к работе и личной жизни. Деперсонализация характеризуется циничным отношением ко всему происходящему. Редукция ведет к снижению продуктивности и личностно-профессиональному обесцениванию. Педагог не чувствует своей компетентности, но чувствует неуспех в профессиональной сфере, что приводит к снижению самооценки.

*Симптомами* эмоционального выгорания педагога выступают [3]: негативные установки педагога в отношении своей профессиональной деятельности, коллег, обучающихся и их родителей; снижение личностной и профессиональной самооценки; чувство собственного неуспеха и т. д. Чувство истощения проявляется через усталость, раздражительность, слабость, иногда скрытую агрессию. Длительное подавленное эмоциональное состояние является причиной экзистенциального (душевного) кризиса и пустоты (фрустрации). Чтобы не доводить ситуацию до критического уровня, необходимо вовремя выявить синдром эмоционального сгорания у педагога, признать наличие проблемы, заняться коррекцией состояния.

В книге С. Маслач и М. Лейтера «Правда о выгорании» представлена теория развития выгорания по выраженности симптомов, которая хорошо описывает ситуацию в образовании [4]:

1. «Медовый месяц». Сколь бы стрессовой ни была работа, человеком движет энтузиазм. Но чем дольше в таких условиях работает

человек, тем ниже становится его энергетический запас. Первая стадия выгорания хорошо проявляется у молодых педагогов. Ими движет энтузиазм, любопытство, желание покорять новые профессиональные вершины. Но большая нагрузка, отсутствие практического опыта ослабляет силы молодого педагога.

2. «Недостаток топлива». Возникают первые признаки истощения. Снижается работоспособность и продуктивность. Если же присутствуют дополнительные стимулы (например, в виде достойной зарплаты), то человек продолжит работу с прежней продуктивностью, загнав проблему выгорания внутрь организма.

3. «Хронические симптомы». Раздражительность, подавленность, усталость, — последствия стрессовой работы. На этом этапе работник страдает от нехватки времени и сил. На этой стадии выгорания находятся учителя, перешагнувшие 10 летний рубеж педагогической карьеры.

4. «Кризис». Неудовлетворенность усиливается, здоровье слабеет, возникают заболевания, ограничивающие работоспособность. Симптомы данной стадии выгорания усугубляются тем, что педагог уже никогда не уйдет из школы, ему страшно что-то менять в своей жизни.

5. «Пробивание стены». В жизни сторающего накапливается множество проблем, которые человек уже не может и не хочет решать. Превращение в «робота» — самый опасный и яркий симптом выгорания, он же — признак профессиональной деформации личности.

Освоение такой науки, как ортобиотика (от греч. *orthos* — «правильный, прямой» и *bion* — «жить»), — науки о самосбережении здоровья, разумном образе жизни и труда, гармонизации человека и окружающей природы — способствует улучшению качества жизни профессионала. Ортобиотика рассматривает вопросы философии оптимизма, гигиенические правила, универсальные средства самосбережения.

К сожалению, в институте не учат будущих педагогов основам ортобиотики. Обучающиеся не владеют здоровьесберегающими технологиями для профилактически эмоционального выгорания.

### **Список литературы:**

1. *Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2005.
2. *The Burnout Companion to Study and Practice. A Critical Analysis / eds T. Cox, A. Griffiths.* London, 1998.

3. Практикум по психологии профессиональной деятельности и менеджменту / под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2001.
4. *Maslach C., Leiter M. The Truth About Burnout. San Francisco, 1997.*

**Возьмитель А.А.**

Институт социологии РАН, Москва

***ТРАВМАТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ 1990-Х В РОССИИ:  
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ НАРАСТАНИЕ КОНФЛИКТА***

**Vozmitel A.A.**

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

***TRAUMATIC EVENTS IN THE 1990'S IN RUSSIA:  
CONSISTENT GROWTH OF SOCIAL CONFLICT***

Оговоримся сразу: из всего потока травматических изменений 1990-х гг. мы будем анализировать лишь те, что привели к изменению социального лица общества и повседневной жизни людей вопреки их воле, надежде и чаяниям.

Развал СССР, против которого проголосовало 73 % взрослого населения страны, — главное из этих изменений. Это было первое насилие над демократически настроенным народом, не сразу осознанное им как травма, грозящая его жизни, поскольку Союз вроде бы продолжил свое существование, но уже в форме Союза Независимых Государств.

Развал СССР и шоковая терапия, поставившие большинство российского общества на грань выживания, ввели его не только в состояние изумления и страха, но и всеохватывающей неопределенности. Что происходит? Куда движется страна? Чего ожидать от будущего? Разъяснения можно было получить у новой власти, но она воздерживалась от каких бы то ни было комментариев, поскольку именно состояние неопределенности позволяло ей решать главную политическую задачу. Под разговоры о предстоящем благоденствии, за счет крайнего обнищания основной массы населения создавался новый класс собственников — из спекулянтов, фарцовщиков, валютчиков, теневиков, цеховиков, воров, бандитов, бывших аппаратчиков ВЛКСМ, «челноков» и т.п., на который власть могла бы опираться, сознательно разрушая основы социализма в России.

Второе общенациональное травматическое событие — малая гражданская война в октябре 1993 г. была спровоцирована Гайдаром и Чубайсом, «отменившими» указами Ельцина уже принятый парламентом закон об именных приватизационных чеках (счетах в Сбербанке), не подлежащих продаже, дававших право каждому гражданину страны на приобретение своей доли в государственных или муниципальных предприятиях. «Втихую» от общественности и парламента, который в это время находился в отпуске, без какого бы то ни было обсуждения, опять же указами Президента был принят курс на ваучерную приватизацию, самый невыгодный, «лохотронный» вариант для простых законопослушных граждан. Естественно, демократический Верховный Совет не смирился с таким наглым политическим шулерством и в полном соответствии с Конституцией (что признал Конституционный суд) отрешил Ельцина от власти. Как известно, закончилось это все артиллерийским разгромом парламента, его разгоном и расстрелом без суда и следствия сотен защитников демократически избранного законодательного собрания. Заодно сапогом ее «гаранта» была втоптана в грязь Конституция РСФСР.

Третья общенациональная травма в форме очередного массового ограбления народа и создания за его счет нового слоя собственников — финансовых спекулянтов и игроков — произошла в августе 1998 г. Незадолго до дефолта народ всячески уверяли в том, что его не будет. Это подтвердил даже сам президент РФ. Поэтому никакого ажиотажа по скупке долларов не было. Но зато их спокойно и активно приобретали банки, физические лица и многочисленные структуры, обладавшие инсайдерской информацией, сказочно обогатившиеся в ходе девальвации рубля.

Как видим, взаимоувязанные в своей последовательности базовые травматические события заложили основы новой стратификации общества, в составе которой появились различные группы собственников лояльные власти и обеспечивающие, по ее мнению, необратимость перемен.

Произошло значимое жесткое обособление явно противоположных интересов новых собственников и власти с одной стороны и народа с другой. Возникло общество без общности, большинства и меньшинства, не имеющих общезначимой системы, норм, ценностей и типов социального взаимодействия, обеспечивающих взаимное приспособление названных базовых групп социума. Отсутствие общей цивилизационной идентичности этих групп и есть

то, что не дает возможности России выбраться из колеи непродуктивного развития. Увы, отечественный либерализм с начала XX в. всегда находился и находится в цивилизационном диссонансе с народом и страной, которую он так и не смог понять и принять.

**Волкова А.В.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

**КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ  
ЦИФРОВОГО ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ\***

**Volkova A.V.**

St Petersburg State University, St Petersburg

**CONFLICT FACTORS OF DIGITAL CIVIL PARTICIPATION**

Цифровизация преобразует ценностно-смысловую парадигму современного общества, порождает как исключительные возможности, так и конфликты. «Цифровая бдительность» (*digital vigilantism*), как защитная реакция со стороны граждан, выступающих за общепринятые нормы и правопорядок, возвращает нас к базовым вопросам об отношениях государства и общества, к проблеме размывания институциональных границ и новому анархизму. Сегодня проблему этой мобилизующей формы «общественного порицания» (наказания) или общественной поддержки трактуют шире, чем первоначальные научные работы в сфере охраны правопорядка и криминологии. Все чаще она рассматривается в контексте негативных последствий и эффектов, как практика поиска, высмеивания, осуждения и травли людей, которые совершили нечто или еще только подозреваются в совершении преступления или неблагоприятного поступка. Отправной точкой активности является моральное возмущение (общее чувство оскорбления) — как правило, в отношении события, которое было зафиксировано и передано через мобильные устройства и через социальные платформы. В ответ на это правонарушение пользователи мобилизуются и формируют реакции, обладающие лавинным характером. Кампании цифровой бдительности способствуют выражению

\* Исследование выполнено по гранту РФФИ 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

опосредованной коллективной идентичности, которая может быть основана на национальных, религиозных или этнических формах солидарности.

По всему миру ученые фиксируют и анализируют серии громких инцидентов в средствах массовой информации, когда бдительность граничит с самосудом, что ставит проблему нового типа гражданской ответственности и государственной управляемости. Эта проблема интернациональна и особенно остро ощущается в мегаполисах и технологически продвинутых регионах.

В РФ множатся группы, перехватывающие у государственных органов инициативу по выявлению нарушителей и возмездия, которое из-за практики распространения в социальных сетях фото- и видеоматериалов становится настоящим перформансом. В их числе — популярные псевдополицейские организации и движения («СтопХам», «Лев против» и др.), которые самовольно взяли на себя контроль над общественным порядком. Их рейды провоцируют насилие, драки, повышают уровень напряженности в обществе, демонстрируют молодежи примеры хамства и агрессии.

Важно учитывать и тот факт, что в процессах осуществления цифровой бдительности цифровые медиа не являются только лишь нейтральными платформами обмена информацией. Платформы социальных сетей и сетевые ресурсы извлекают выгоду из конфликтной активности пользователей, возникающих в результате денонсационных кампаний, а это значит — могут терпеть или даже культивировать такие согласованные формы социального вреда. Цифровая бдительность возникает в случаях, когда требование справедливости является более социальным, чем правовым феноменом. Эмоции и реакции доминируют над фактами, что роднит цифровую бдительность с таким явлением, как постправда. Но это новое в плане практики соблюдения законов и расширения моральных границ, с целью достижения справедливости, что заставляет всерьез задуматься о специфике восприятия гражданами цифрового публичного пространства.

### **Список литературы:**

1. *Dennis K.* Keeping a close watch — The rise of self-surveillance and the threat of digital exposure // *Sociological Review*. 2008. Vol. 56, No. P. 347–357.
2. *Johnston L.* What Is Vigilantism? [Электронный ресурс] // *The British Journal of Criminology*. 1996. Vol. 36, No. 2. P. 220–236.

URL: doi:10.1093/oxfordjournals.bjc.a014083 (дата обращения: 14.06.2019).

3. *Trottier D.* Denunciation and doxing: towards a conceptual model of digital vigilantism [Электронный ресурс] // *Global Crime*. 2019. URL: doi: 10.1080/17440572.2019.1591952 (дата обращения: 16.06.2019).
4. *Trottier D.* Revisiting privacy in public spaces in the context of digital vigilantism [Электронный ресурс] // *Surveillance, Privacy and Public Space*. Taylor and Francis. 2018. P. 141–156. URL: doi: 10.4324/9781315200811 (дата обращения: 15.06.2019).

### **Газимагомедов Г.Г., Безуглый В.Ф.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

#### ***КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ПРАВОВОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ***

### **Gazimagomedov G.G., Bezuglyy V.F.**

St Petersburg state University, St Petersburg

#### ***CONFLICTOLOGICAL SUPPORT OF THE NATIONAL SECURITY AS AN ALTERNATIVE TO THE LEGAL SUPPORT***

Национальная безопасность как объект изучения науки находит в какой-то степени атмосферный слой Земли. Подобно тому, как атмосфера защищает нашу планету от внешнего воздействия ультрафиолетового излучения, а также участвует в критически важных биохимических процессах, обеспечивающих жизнедеятельность человека, национальная безопасность, в свою очередь, является своеобразным щитом двойного назначения, призванным оберегать личность, общество и государство от внешних и внутренних угроз.

Фундаментальное значение национальной безопасности для жизнедеятельности человека признается академическим сообществом, которое со своей стороны рассматривает как одно из средств обеспечения и укрепления национальной безопасности разработку специальной образовательной программы для подготовки специалистов в данной области знания. Речь в данном случае идет о программе по специальности 40.05.01 — «правовое



обеспечение национальной безопасности», подготовку по которой ведут 72 вуза страны [1]. Из названия программы очевидно, что приоритет в осмыслении национальной безопасности отдается праву, что, на наш взгляд, делает само обеспечение национальной безопасности, а также ее изучение односторонним, ограничивая методологические возможности познания предмета в самом их корне. Право концентрируется на оценивании результатов действий и их осуждении, если эти действия привели к вредоносным последствиям. Иными словами, право в большей степени работает со следствиями явлений, а не с их истинными причинами, при этом нужно отметить, что право, как явствует из Стратегии национальной безопасности, не может, на наш взгляд, дать четкое обозначение понятию угрозы [2]. В качестве примера несостоятельности права можно указать так называемую борьбу мирового сообщества с международным терроризмом, где вся борьба зачастую сводится к простой ликвидации последствий. Приведем также пример этой несостоятельности из другой сферы жизни. Так, например, Центробанк России для борьбы с выводом капиталов предложил идею разрешить ему самостоятельно блокировать счета и операции с имуществом лиц, контролирующих финансовые организации, до принятия соответствующего судебного постановления, ибо привлечение к ответственности бенефициаров финансовых организаций в рамках существующей правовой процедуры происходит с запозданием, а бенефициарам за это время удается вывести свои активы за рубеж [3].

В противоположность правовому пониманию обеспечительной деятельности, которое не может выйти за рамки собственного прокрустового ложа, конфликтология способна с помощью междисциплинарной природы своей методологии охватить объект изучения во всей его целостности, обнаруживая каждый раз абстракцию в предметности. Способность эта достигается в силу того, что междисциплинарность конфликтологии имеет в своей основе диалектический метод познания действительности, который, в отличие от «правового нюансирования», опирается на «всеобщие законы движения и развития природы, человеческого общества и мышления» [4] и приходит к выводу о единстве человеческого знания.

Конфликтологическая парадигма говорит о том, что так же, как и естествознание является основой любого другого знания, так и национальная безопасность имеет в своем основании социально-экономическую материальную основу. Исходя из этого, можно



сделать вывод о том, что угроза и конфликт отражают, в сущности, одно состояние человека и общества, поскольку угроза есть осознание индивидом его ухудшающегося социально-экономического положения. В этом смысле угрозу можно охарактеризовать как «потенциально возможные опасные следствия причин конфликта» и отнести угрозу к латентной его стадии [5]. Только благодаря диалектическому методу, который рассматривает явления в их связи с общим целым, мы можем распознать, как понятия угрозы и конфликта переплетаются между собой во взаимодействии.

Общепризнанным является тот факт, что великие научные открытия совершаются на стыке наук. В этой связи развитие и разработка образовательных программ, которые готовят специалистов по конфликтологическому обеспечению национальной безопасности может не только преодолеть все недостатки правового обеспечения, но вместе с тем, выявляя действительные формы причинно-следственных связей, открыть возможности построения такой системы национальной безопасности, при которой индивиды, общество и государство будут представлять собой единую конструкцию, при столкновении с которой различного рода риски, угрозы и опасности будут с легкостью разбиваться и нивелироваться, подобно тому, как и морские волны всякий раз разрезаются кораблем правильно выстроенной конструкцией.

### Список литературы:

1. Вузы России со специальностью правовое обеспечение национальной безопасности — 40.05.01 // Вузотека.ру URL: <https://vuzopedia.ru/спец/222/vuzu> (дата обращения: 30.10.2019).
2. Газимагомедов Г.Г., Стребков А.И. Конфликтологическое прочтение «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.» // Конфликтология. 2015. № 3. С. 130–145.
3. ЦБ хочет блокировать имущество и деньги реальных собственников финансовых организаций // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2019/10/16/813937-hochet-blokirovat> (дата обращения: 30.10.2019).
4. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 145.
5. Рукинов В.А., Стребков А.И. Угрозы политической безопасности как латентная форма конфликта // Конфликтология. 2015. № 1. С. 80–94.

**Гайнутдинова Л.А.**

Российский государственный педагогический университет  
имени А.И. Герцена

***СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНФЛИКТ КАК УГРОЗА  
ТРАДИЦИОННОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ***

**Gainutdinova L.A.**

Herzen State Pedagogical University of Russia

***SOCIOCULTURAL CONFLICT  
AS A THREAT TO A TRADITIONAL CIVIL SOCIETY***

Сегодня западные страны становятся местом постоянного проживания не только миллионов выходцев из стран Северной Африки и мусульманского Востока, осевших здесь в поисках лучшей жизни, но и все увеличивающегося числа представителей второго и третьего поколений этих «новых жителей» [1, с. 135]. Будучи неспособными освободиться от своей этнической идентификации, они продолжают симпатизировать миру, из которого вышли, и придерживаться тех форм поведения, которые являются привычными и легитимными в рамках системы ценностей их родной цивилизации. Такая демографическая трансформация ведет к укреплению и активизации в социально-политической жизни тех сил, которые бросают вызов традиционным институтам демократии, в том числе и гражданскому обществу. Речь идет об усилении позиций праворадикальных политических партий, опирающихся на все большую озабоченность представителей коренного населения Запада различными негативными последствиями роста иммиграции.

По мере социально-политической активизации новых этнических групп в составе европейского населения некоторые деструктивные тенденции в дальнейшем будут лишь обостряться и приобретать новые особенности. Учитывая высокий уровень рождаемости в этой среде, а также упрощение процедуры натурализации иммигрантов в первом и, особенно, последующих поколениях, можно прогнозировать появление в ближайшем будущем новых субъектов социально-политической жизни, что, несомненно, приведет к трансформации не только политического процесса, но и всей структуры традиционного гражданского общества.

Активизации экстремистских тенденций в социально-политической жизни стран Запада порождает атмосферу беспокойства,

названную французским политологом Д. Моизи «культурой страха» [4, с. 9.], одним из доминирующих компонентов которой является «страх быть уничтоженными радикальными исламистами или же подвергнуться демографическому завоеванию ими по мере превращения континента в некую “Еврабию”» [5]. После террористических актов, совершенных в последние годы в западно-европейских странах, европейцы начали сознавать, что суровой реальностью их существования является превращение их стран не только в объекты для нападений террористов, но и территории их базирования.

Конечно, пока рано высказываться по поводу реальных последствий для гражданского общества, к которым может привести обретение политических прав все большей части жителей стран западной демократии, вышедших из незападных обществ. Однако можно предположить, что для значительных масс «новых жителей» Европы их интеграция в политическую жизнь этих стран окажется столь же болезненной и трудной, как и интеграция в общественную жизнь. Произошедшее в последние годы обострение внешнеполитического конфликта между странами Запада и некоторыми странами мусульманского Востока привело к существенному распространению в среде мусульманского населения западных стран идей радикального исламизма.

Эта проблема закладывает серьезные основания для реализации сценария, когда на смену социально-классовым конфликтам, определявшим на протяжении большей части прошлого столетия содержание всех социально-политических процессов западных демократий, придут социокультурные конфликты, обусловленные возрастающей этнонациональной и конфессиональной неоднородностью общества. И это может стать чрезвычайно тяжелым испытанием для гражданского общества. Как считают Л. Даймонд, Х. Линц и С. Липсет, этнические конфликты представляют собой «наиболее трудноразрешимый... тип общественных конфликтов» [2, р. 42]. Действительно, в процессе классовых конфликтов прошлого в недрах традиционного гражданского общества были выработаны достаточно эффективные механизмы их разрешения: возникли соответствующие институты и процедуры, благодаря которым достигался консенсус в сфере социально-экономических отношений. Однако ничем аналогичным, что можно было бы использовать для решения этнических конфликтов и вообще столкновений на почве национальных и культурных разногласий,

западные демократии не располагают. Так, американский политолог Дж. Маркофф, анализируя перспективы разрешения современных социокультурных конфликтов, писал, что конфликты, выраженные в понятиях коллективных идентичностей, в значительно меньшей степени, нежели конфликты, сформулированные в классовых понятиях, могут быть предметом переговорного компромисса [3, р. 293]. А отсутствие в политической культуре многих иммигрантских общин традиций толерантности и навыков политической дискуссии делает появление механизмов демократического разрешения социокультурных конфликтов достаточно проблематичным, что, скорее всего, в ближайшее будущее усилит приверженность представителей этнических меньшинств к радикальным формам отстаивания своих интересов. Развитие этих тенденций может привести к существенным изменениям основных характеристик традиционного гражданского общества.

### **Список литературы:**

1. *Ванштейн Г.И., Преображенская А.* Правый радикализм в политической жизни современной Европы // Политика стран Запада: содержание, акторы, институциональные проблемы. М., 2006.
2. *Diamond L., Linz J., Lipset S.M.* Introduction // *Politics in Developing Countries. Comparing Experiences with Democracy* / ed. by L.Daimond. Boulder, 1995.
3. *Markoff J.* Globalization and the Future of Democracy // *Journal of World-System Research*. Summer 1999. Vol. 5, No. 2.
4. *Moisi D.* The Clash of Emotions // *Foreign Affairs*. Jan. — Febr.2007. Vol. 86, No. 1.
5. *Ye'orBat.Eurabia: The Euro-Arab Axis.* London, 2006.

**Галанкин Л.Н.**

Государственный университет морского и речного флота  
имени адмирала С.О. Макарова, Санкт-Петербург

***ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ ФУНКЦИИ КРИТИЧНОСТИ  
В РЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ***

**Galankin L.N.**

Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping,  
St Petersburg

***PSYCHOPHYSIOLOGY OF THE FUNCTION OF CRITICALLY  
IN CONFLICT RESOLUTION***

Источником внутренних конфликтов служат заблуждения, представляющие собою знания, не отражающие существенную сторону объекта, непригодные для причинно-следственного решения задач, но из-за не критичности субъекта, принимаемые им за истинные ассоциации. Некритичность при психозе характеризуется агнозией больного своей болезнью. Некритичность у здорового человека не носит клинических качеств, ограничиваясь непониманием своей агнозии о существовании в объекте свойства, существенного для субъекта. Критичность — сложное понятие, хотя любой врач умеет отличить ее от не критичности. «На сегодняшний момент не существует единого определения критичности, как в психиатрической, так и психологической литературе» [1; 2; 3], критичность «...осуществляет самоконтроль над высказываемыми мыслями и совершаемыми действиями» [4], это «...умение оценивать свои мысли... подвергать гипотезы всесторонней проверке» [5], существует «методика исследования критичности мышления... на основе установления развития сюжета по серии последовательных картинок» [6].

Физиологической основой образования ассоциаций, лежащих в основе критичности, служат нервные связи, отражающие мир в форме психических знаков, которые могут сопоставляться друг с другом, образуя идеи, условные рефлексy. Если пробелы в незнании мира заполняются заблуждениями, пустыми именами, якобы широкими, но, по сути, многозначными, неточными обобщениями и классификациями из внутренне несвязанных практик, то такие концепции, напоминая видимость логической последовательности, фактически образуют эклектическое знание. «Эклектика

обычно маскируется ссылками на необходимость охватить все многообразие существующих явлений единым интегрирующим взглядом, не упуская при этом реальных противоречий» [6].

Некритичное использование эклектических концепций, заблуждений оборачивается вредом для практики, софистикой в рассуждениях и порождает конфликт. На стадии конфликта чувство критичности, формируемое в ассоциативном процессе — вероятно, как и все чувства, — сопровождается внутренними реакциями организма, сравнимыми с постагрессивными колебательными реакциям (ПАКР). «Известно, что существует стадийность общей ответной реакции организма на агрессию, что объясняется наличием колеблющейся реакции, название и интерпретация которой различные, в зависимости от автора: синдром адаптации по Selye; послеагрессивная колеблющаяся реакция (ПАКР), служащая для восстановления гомеостатического равновесия по Laborit» [7].

Закключение. Чувство критичности, возникающее в ответ на конфликт, выступающий как раздражитель, можно рассматриваться, как неспецифические постагрессивные колебательные реакции (ПАКР), которые, можно регистрировать с помощью инструментального исследования физиологических микродвижений, для улучшения контроля за решением конфликта.

### Список литературы

1. Кожуховская И.И. Критичность психически больных. М.: Изд-во МГУ, 1985. 80 с.
2. Мещерякова К.В., Рязанова А.Ю. Особенности экспериментально-психологического исследования нарушений критичности при судебно-психологической экспертизе // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». — 2009. № 3. С. 67–70.
3. Мещерякова К.В., Рязанова А.Ю. Особенности нарушений критичности в несовершеннолетних обвиняемых с органическим расстройством личности // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2017. № 1 (16), Т. 3, С. 35–41.
4. Стоименов Й.А., Стоименова М.Й., Коева П.Й. и др. Психиатрический энциклопедический словарь. К.: МАУП, 2003. 1200 с. С. 469.
5. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов / под ред. канд. мед. наук С.Н. Бокова. Воронеж: Изд. НПО «МОДЭК», 1995. С. 275.
6. Там же. С. 72–73.

7. Эkleктика / В кн.: Философия: Энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=404252&pg=1596> (дата обращения: 10.06.2019).
8. Шутеу Ю., Бэнозилэ Т., Кафрицэ А. и др. Шок: Терминология и классификация, шоковая клетка, патофизиология и лечение. Бухарест: Воен. изд., 1981. С. 45.

### **Галстян Х.С.**

Ереванский государственный университет, Ереван, Армения

#### ***ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА***

### **Galstyan Kh. S.**

Yerevan State University. Yerevan

#### ***THE INTEGRATION PARADIGM OF TRANSFORMATION OF ETHNO POLITICAL CONFLICTS IN POST-SOVIET SPACE***

В теории и практике политической науки широко используется интеграционная парадигма как концептуальная модель формирования более крупных экономических, политико-культурных и цивилизационных объединений, в рамках которых интеграционные субъекты с помощью сотрудничества достигают максимальных взаимных выгод с минимальными издержками для всех сторон. Помимо налаживания сотрудничества на более высоком уровне, интеграционная парадигма обладает также большим потенциалом трансформации конфликтных взаимоотношений и формирования более крупных политических и экономических сообществ, где конфликты при наличии устойчивых взаимных ожиданий между государствами, как правило, урегулируются мирными способами.

Не секрет, что в постсоветском пространстве самым большим и амбициозным интеграционным объединением является Евразийский экономический союз. Евразийский экономический проект постепенно набирает обороты. Все новые страны и участники этого общемирового процесса присоединяются к идее построения единого экономического пространства, выражают желание к более тесному сотрудничеству с ЕАЭС, ставя перед собой цель

обеспечения благополучия, взаимовыгодного сотрудничества, стабильности и суверенности своих национальных экономик. Очевидно, что по мере распространения границ ЕАЭС, включения новых игроков и расширения евразийской интеграционной идеи появляются новые вызовы и проблемы, которые, в свою очередь, требуют неадекватных решений, нестандартных подходов и новых парадигмальных концепций.

Одной из таких проблем, с которой в ближайшем будущем, по всей вероятности, столкнется ЕАЭС, является проблема интегрирования конфликтных территорий и так называемых «непризнанных государств» в единое экономическое, политическое и культурно-цивилизационное пространство Евразийского союза. Ведь не секрет, что в евразийском пространстве существуют немало таких реальных и потенциальных конфликтогенных очагов сопротивления, которые из локального, регионального масштаба могут трансформироваться в крупномасштабные вооруженные столкновения глобального характера. И поэтому как с теоретической, так и с практической точки зрения разработка новых парадигмальных подходов к пониманию методов урегулирования старых, наболевших конфликтов на территории евразийского пространства является вопросом первостепенной, стратегической важности.

В частности, с точки зрения евразийской интеграции, основываясь на теоретическом и практическом потенциале опыта евро-регионов весьма перспективным может показаться применение интеграционной парадигмы «евразийских регионов» — как новой модели приграничного сотрудничества в контексте рассмотрения возможности урегулирования этнополитических конфликтов и налаживания механизмов сотрудничества на евразийском пространстве. А использование понятия «евразийские регионы», с одной стороны, может включать в себе смысловое поле еврорегионов, а с другой — дополняться новым концептуальным содержанием.

В случае использования понятия «евразийского региона», по нашему мнению, существенной отличительной чертой может стать непризнанность государственных образований и наличие ярко выраженных конфликтных отношений между приграничными государствами. Присвоение данным государственно-территориальным образованиям статуса «евразийского региона», с одной стороны, может существенно снизить конфликтное восприятие, а с другой — способствовать интеграционным процессам и, в частности, процессам урегулирования этнополитических конфликтов.



**Гартвик Е.В.**

Управление судебного департамента, Санкт-Петербург

## **ТЕХНОЛОГИЯ МЕДИАЦИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ С ПОДРОСТКОВЫМИ КОНФЛИКТАМИ**

**Gartvik E. V.**

Office of the judicial Department, St Petersburg

## **TECHNOLOGY OF MEDIATION IN PSYCHOLOGICAL WORK WITH ADOLESCENT CONFLICTS**

Ни одна общественная среда не может существовать без конфликтов, и подростковые коллективы не являются исключением. Мы должны научить подростков правильно конфликтовать, чтобы не стать жертвой и не совершить противоправного деяния.

Школьные прогулы и приобщение к асоциальной группе сверстников являются началом проявления противоправного поведения. Далее следует издевательство над слабыми, мелкое хулиганство, отнимание карманных денег у младших. Любой подросток может стать как участником этих действий, так и жертвой.

Неблагоприятные условия жизни и воспитание в семье, проблемы овладения знаниями и связанные с этим неудачи в учебе, неумение строить отношения с окружающими и возникающие на этой основе конфликты, различные психофизические отклонения в состоянии здоровья, как правило, ведут к кризису духа, потере смысла существования.

В силу сложного характера поведенческих нарушений их предупреждение и предотвращение требует хорошо организованной системы социальных воздействий и внедрения инновационных технологий в работу с детьми. К числу таких инновационных технологий и относят медиативные технологии. Сегодня институт медиации, заработавший солидную репутацию в ходе применения в западных странах, вызывает все больший интерес в России, в частности в работе с детьми.

По сути, процедура медиация — это переговоры, так как подразумевается участие «третьей стороны», которая хорошо владеет эффективными процедурами переговоров и может помочь людям в процессе конфликта координировать действия, чтобы они привели к желаемому результату.

Любое преступление — это всегда конфликт.

По мнению О.В. Аллахвердовой, медиация как форма разрешения конфликтов представляет социально-психологический феномен. Суть медиации состоит в создании условий, которые приводят к снижению эмоционального напряжения, принятию конструктивных решений, к урегулированию конфликтов. Важную роль в процессе медиации играет медиатор, деятельность которого характеризуется рядом психологических особенностей. При этом медиация направлена на урегулирование проблем взаимодействия, в котором ущемлены реально или предполагаемо интересы участников [1].

В ходе медиации медиатор активизирует способности подростка и значимых для него взрослых решать проблемы и выходить из затруднительных ситуаций; налаживает связи между конфликтующими сторонами, при необходимости работает с психологической травмой подростка. И тем самым способствует снижению его склонности к противоправным формам поведения.

Медиация в подростковой среде позволяет решить ряд задач:

1. Удовлетворение потребностей жертвы: возмещение ущерба, восстановление чувства безопасности, возможность поделиться личной историей и быть услышанной, получить ответы на волнующие вопросы.

2. Принятие ответственности несовершеннолетним правонарушителем: он должен совместно с жертвой принять решение о размере и форме возмещения ущерба.

3. Привлечение ближайшего социального окружения подростка, совершившего правонарушение, для помощи и поддержки в этих процессах.

При проведении медиации с подростками следует учитывать ряд специфических особенностей, которые обусловлены личностными особенностями этой категории лиц. При этом одного метода разрешения конфликтов недостаточно, поскольку преступление относится к особой категории социальных конфликтов.

В соответствии с российским законодательством первоначальная работа с криминальным конфликтом начинается на уровне судопроизводства и выполняется профессионалами (дознатель, следователь, адвокат, прокурор, судья), которые представляют государство как субъект права. На этом этапе определяется степень виновности участников криминального конфликта и в соответствии с этим определяется мера наказания виновного, или виновных, исходя из существующих норм права. Этот вид разрешения конфликтной ситуации использует насилие (подавление

воли виновного) в качестве средства и гарантии выхода из конфликта, минимизации его последствий и предотвращения возникновения новых конфликтных ситуаций.

В «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2016 годы» подчеркивалось, что профилактическим аспектам работы с подростками-правонарушителями и их сопровождению необходимо уделять основное внимание [2]. Данная задача сохраняется и в Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 г. и в плане мероприятий на 2017–2020 гг. по ее реализации, утвержденных распоряжением Правительства Российской Федерации 22 марта 2017 г. № 250р. [3; 4].

Важным мероприятием в рассматриваемом направлении был Всероссийский научно-практический семинар с международным участием «Актуальные проблемы и технологии юридической психологии детства: от девиантного развития к нормативному поведению», проходивший на факультете юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета 9 ноября 2017 г., в рамках которого обсуждались проблемы социальной ситуации развития современных подростков, преступности несовершеннолетних и психокоррекции преступного поведения. Участниками семинара было предложено более активно внедрять инновационные технологии психотерапевтической и психокоррекционной работы с несовершеннолетними осужденными, создавая для этого необходимые научные, организационные и материально-технические предпосылки [5].

Учитывая изложенное, полагаем, что процедура медиации с подростками, попавшими в трудную жизненную ситуацию в результате совершения преступления, должна представлять собой сложную систему взаимодействия служб и ведомств, деятельность которых направлена на: а) первичную профилактику, которая ставит своей целью нивелирование неблагоприятных социально-средовых факторов и развитие устойчивости подростка к их влиянию; б) выявление так называемых групп риска, с которыми проводится активная работа; в) разработка комплекса мер по предупреждению правонарушений у несовершеннолетних, уже вступивших в конфликт с законом, в том числе отбывающих наказание в уголовно-исполнительных учреждениях или находящихся по судебному решению в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа.

Такая структура предполагает создание в Российской Федерации целостной системы правосудия, дружественной к несовершеннолетнему. В связи с этим представляет особый интерес опыт других стран, в которых подобные модели успешно функционируют.

Процедуры медиации давно используются для профилактики рецидивной преступности и снижения ее уровня во многих странах мира: Австралия, США, Канада, страны Европы [6].

Обосновывая необходимость введения медиации, как элемента восстановительного правосудия в нашей стране, Р.Р. Максудов отмечает: «Прежде всего, существующее правосудие отличает невнимание к нуждам жертв преступлений. Многие жертвы нуждаются в восстановлении чувства безопасности, доверия к людям, в компенсации материального ущерба и ответах на вопросы (“почему я?”, “повторится ли это со мной?”, “не я ли виноват в этом?”, “что я ему сделал?”). Болезненные переживания — страх, горе, незащитность, недоверие к людям, самообвинение — могут много лет мучить потерпевшего. Для некоторых жертв преступлений очень важна возможность поделиться личной историей и получить ответы на вопросы непосредственно от правонарушителей» [7].

Процедура медиации позволяет «очеловечить» уголовное судопроизводство, через решение ряда задач:

1. Удовлетворение потребностей жертвы: возмещение ущерба, восстановление чувства безопасности, возможность поделиться личной историей и быть услышанной, получить ответы на волнующие вопросы.

2. Принятие ответственности правонарушителем: он должен совместно с жертвой принять решение о размере и форме возмещения ущерба.

3. Привлечь ближайшее социальное окружение для помощи и поддержки в этих процессах [6].

Практика применения медиации в Калининском районном суде г. Челябинска показала, что эффективность превентивного характера процедуры медиации имеет положительный результат. Все несовершеннолетние правонарушители, прошедшие через указанную процедуру, в дальнейшем не совершили преступлений. Ранее рецидив преступлений в данной категории лиц находился на уровне 30 %.

До сих пор нет однозначного ответа специалистов на вопрос о том, что понимать под управлением и разрешением конфликтов.

В настоящее время признается, что разрешение конфликта — это прежде всего его локализация или устранение, а управление не обязательно означает уменьшение величины конфликта, а скорее связано с его урегулированием и контролем, пресекающим враждебность, агрессию путем достижения взаимоприемлемых соглашений.

Подростки учатся разрешать конфликты в процессе общения со взрослыми, с родителями, с педагогами. Подражая, они воспроизводят способы разрешения конфликтов без осознания самого конфликта. Занимаясь решением данной проблемы, мы неоднократно имели возможность убедиться в рассудительности и находчивости подростков в конфликтной ситуации. Это необходимо учитывать и применять в работе медиативных служб.

### **Список литературы:**

1. Аллахвердова О.В. Медиация как социально-психологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета: Сер. 6. 2007. Вып. 2, ч. I. С. 151–159.
2. Указ Президента РФ от 01 июня 2012 г. «Национальная Стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы».
3. Посредничество в уголовных делах. Рекомендация № R (99) 19, принятая Комитетом Министров Совета Европы 15 сентября 1999 г., и пояснительные заметки // Вестник восстановительной юстиции. 2001. № 2. С. 95.
4. Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р «Об утверждении Концепции развития до 2017 г. сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в РФ».
5. Дебольский М.Г. Актуальные направления психологического обеспечения деятельности воспитательных колоний // Сб. тезисов участников Всерос. науч.-практ. семинара с междунар.-м участием «Актуальные проблемы и технологии юридической психологии детства: от девиантного развития к нормативному поведению». М.: МГППУ, 2017. С. 87–89.
6. Общая Декларация «Основные принципы использования программы восстановительного правосудия в уголовных делах», принятая 24.12.2001 г. Экономическим и Социальным Светом ООН.

7. *Максудов Р.Р.* Восстановительное правосудие: концепция, понятия, типы программ // Программы восстановительного правосудия. Пособие для ведущих / под ред. Л.М. Карнозовой и Р.Р. Максудова. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа» (в печати). URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/st/maksudov2005.htm> (дата обращения: 12.06.2018).

### **Глазырин В.А.**

Уральский государственный юридический университет,  
Екатеринбург

#### ***ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ***

### **Glazyrin V.A.**

Ural State Law University, Yekaterinburg

#### ***LEGAL INSTITUTIONS AND CONFLICT PREVENTION IN POLYETHNIC RELATIONS***

Любым обществам свойственны противоречия. В определенных ситуациях они приводят к конфликтам. В поликультурных социумах существуют риски обострения межэтнических отношений. Уровень их остроты может быть разным. Так, С. Хантингтон, размышляя об истоках конфликтов в эпоху, наступившей после окончания холодной войны между мировыми системами капитализма и социализма, рассматривая конфликты цивилизаций, отмечал, что их эффект и последствия могут быть более заметны в «расколотых странах» [1, с. 210–237]. Эти государства, по его мнению, похожи на двуликих Янусов, рассматривают себя «мостом» между различными культурами, цивилизациями, пытаются ответить на вопрос: «Что лучше — Запад или Восток?» [1, 209]. Поэтому, отмечал этот американский политолог, страны, разделенные линиями цивилизационных разломов, сталкиваются с проблемами по поддержанию своей целостности [1, с. 207].

Бессмысленно отрицать культурное, этническое, конфессионное многообразие России. Цель работы заключается в том, чтобы рассмотреть значение институтов права в предупреждении конфликтогенности полиэтнических отношений в современном российском обществе.

Фундаментальная основа предотвращения межэтнических конфликтов заключается в формировании общенациональной идентичности российских граждан. Однако надо сознавать, что российская идентичность является сложным конструктом. С одной стороны, она связана с тем, что россияне считают своим общим достоянием. Это, например, длительный опыт совместной жизнедеятельности народов страны, русский язык, значимые для всех исторические события, такие как победа в Великой отечественной войне и полет Ю. А. Гагарина в космос. С другой стороны, общероссийская идентичность имеет этнокультурное преломление. Здесь для становления общероссийской идентичности прежде всего имеет значение восприятие различными социоэтническими общностями своей принадлежности к российскому социуму как блага для них.

Как обеспечить общую российскую идентичность в условиях этнокультурного многообразия? У этого вопроса множество аспектов. Полагаем, что без осознания роли правовых институтов в становлении российской национальной идентичности дать надлежащее объяснение процессам ее формирования невозможно.

Россия имеет федеративное устройство. Воплощение принципов и норм федерализма, закрепленных Конституцией страны, может не совпадать с реальностью, оказаться в той или иной мере декларативным. Тем не менее проблемы в сфере отношений между «центром» федерации и ее субъектами должны решаться в правовом поле и никак иначе.

Очевидно, что для предупреждения этнокультурных конфликтов нужен устойчивый гражданский мир, подразумевающий взаимодействие индивидов, сообществ, в том числе различных этнокультурных групп, в духе согласия. Гражданскому миру требуется надлежащая институциональная база. Ею в современных обществах и государствах является право, правовые установления, которые позволяют осуществлять институциональные преобразования, умеряющие произвол и дискриминацию в системе социальных отношений.

Все то, что в социуме связано с культурной и религиозной спецификой этносов, является выражением их ценностей, деятельностью их сообществ и организаций и до тех пор, пока она не вступает в противоречия с конституционными основами обществ и правами других людей, должна находиться под защитой государства. Современные правовые институты предоставляют

возможность этническим группам свободно реализовывать свои устремления в рамках их культуры. Наоборот, игнорирование правовых принципов и норм, приписывание особых прав каким-либо этносам, конфессиям ведет к дискриминации тех, кто к ним не принадлежит, пробуждает межэтническую и межконфессиональную напряженность.

Рассматривая вопрос о предупреждении конфликтогенности межэтнических отношений, отметим, что права и свободы отдельных людей не могут умаляться этническими и конфессиональными сообществами на основании факта их принадлежности к ним, также подчеркнем, что лидеры этнокультурных сообществ не обладают безусловным правом выразить и представлять интересы всех его членов.

Итак, формулируя итоговое положение работы, скажем, что становление порядка права есть важнейшее институциональное условие предупреждения конфликтогенности полиэтнических отношений.

### **Список литературы:**

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2014.

### **Глухова А.В.**

Воронежский государственный университет, Воронеж

### ***НОВАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА ИЛИ МИР БЕЗ МИРА?***

***(О природе современного глобального конфликта)***

### **Glukhova A.V.**

Voronezh State University, Voronezh

### ***«COLD WAR» OR «WORLD WITHOUT PEACE»?***

***(About the phenomenon contemporary global conflict)***

В разгар холодной войны А. Эйнштейн произнес пророческие слова: «Что за скверная эпоха сегодня на дворе: проще расщепить атом, чем разрушить предрассудок!» Однако три десятилетия спустя после окончания холодной войны мир вступил в новую фазу конфронтации и гонки вооружений «в условиях глубоко изменившегося миропорядка, революционных прорывов в области военных технологий и с новым поколением политических лидеров



и элит, пораженных недугом национализма, милитаризма и исторического невежества. Их разум затуманен ажиотажем по поводу экзотических вооружений, желанием расквитаться за прошлые обиды или набрать очки в грядущей “большой игре” на грани войны» [1, с. 28]. Понятие «холодная война» перестает быть изысканной метафорой.

В пользу утверждения о начале новой холодной войны между Россией и Западом говорят следующие аргументы: каждая сторона делает виновной исключительно другую сторону; отношения отмечены антагонизмом и игрой с нулевой суммой; совместные интересы воспринимаются только как периферийные; обе стороны связывают улучшение отношений с фундаментальным изменением позиции другой стороны; кооперация временная и преследует тактические мотивы, тогда как возможные поля конфликтов тенденциозно преувеличиваются; милитаристские демонстрации силы множатся и служат осуществлению несовместимых целей. Наличие ядерного оружия прекращает возможность ведения большой войны, но за счет бесконечного состояния «мир без мира» (Дж. Оруэлл).

Противоположная позиция, отрицающая состояние новой холодной войны, указывает на основополагающие различия: мир больше не живет под постоянной угрозой ядерного апокалипсиса; вооружения не находятся в состоянии постоянной боевой тревоги; нет системного идеологического конфликта: конфронтация универсальных и традиционных ценностей является не более чем пропагандистским маневром; отношения между Россией и Западом в их конфронтационном варианте больше не являются организационным принципом международной системы; перманентные разговоры о холодной войне выгодны для тех сил с обеих сторон, которые имеют свой персональный интерес от конфронтации — для ВПК и телевизионных пропагандистов.

Основательное и взвешенное осмысление того факта, что обе конфронтирующие стороны в действительности являются частями единого целого, т. е. глобального мира, приводит к выводу: *холодная война не рентабельна, экономически не выгодна*. Но доверие возникнет только в том случае, если будут познаны и приняты в расчет корни недоверия у другой стороны, включая самокритичную переоценку собственного поведения. Говоря словами А. Эйнштейна, «проблемы никогда не удастся разрешить при помощи того способа мышления, благодаря которому они

и возникли» [2, с. 8]. Следовательно, для обеих сторон нужна новая повестка, «стратегическое видение», включая обработку, сравнение и идентификацию точек согласия; предвидения и прогнозы, представляемые каждой стороной, и медленное продвижение к обновленному сближению.

### **Список литературы:**

1. *Арбатов А.Г.* Диалектика судного дня: гонка вооружений и их ограничения // Политические исследования. 2019. № 3. С. 27–48.
2. *Greiner B.* Einsteinunddieneun Zwerge. Historischeszum INF-Vertrag // AusPolitik und Zeitgeschichte. URL: 18–19/2019/http://www.bpb.de/apuz/289937/einstein-und-die-neun-zwerge-historisc (дата обращения: 13.06.2019).

### **Говорухина К.А., Телятник Т.Е.**

Кубанский государственный университет, Краснодар

### ***АНАЛИЗ КОНФЛИКТОГЕННЫХ ФАКТОРОВ И ТЕНДЕНЦИЙ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА***

*(по материалам СМИ и интернет-источников)*

### **Govorukhina K.A., Telyatnik T.E.**

Kuban State University, Krasnodar

### ***ANALYSIS OF CONFLICT FACTORS AND TRENDS IN THE WORLD POLITICAL PROCESS***

*(Based on media and Internet sources)*

В современных международных отношениях появляется целый ряд моделей, которые по-разному интерпретируют роль конфликтов в современном мире. Так, согласно Э. Гидденсу, последствием глобализации может выступить нестабильность в общественной и политической жизни. В результате этого процесса возрастает зависимость людей от различных объективных и субъективных факторов. Возрастает риск, связанный с функционированием и деятельностью разных экономических институтов (банки, рынки, биржи). Возникают принципиально новые источники риска, практически не поддающиеся прогнозированию, как, например, экологические катастрофы. Известный американский ученый Ф. Фукуяма размышляет о безраздельном господстве политического

либерализма в мире и прогнозирует приближение бесконфликтной эры существования человечества. Но после завершения холодной войны ситуация изменилась, что привело к увеличению количества локальных и региональных конфликтов.

В XXI в. направленность конфликтов изменилась: появилась религиозно-террористическая окраска, о чем свидетельствуют нерешенные конфликты современности (например, конфликты Ближневосточного региона).

Современное использование глобальных и национальных социальных медиа (блогосфера, социальные сети) выступает основным технологическим инструментом внешнего воздействия [1]. Интернет-пространство изобилует огромным количеством ресурсов, которые могут быть использованы в целях создания определенной политической медиареальности. Освещение событий оппозиционными СМИ может страдать определенной степенью искажения информации: контент, состоящий из фото- и видеоматериалов, демотиваторов, пропагандистских плакатов и других новостных сообщений в таком случае описывает политическую ситуацию в выгодном для «оппонента» свете.

В условиях участвовавших информационных атак, когда глобальные информационные интернет-ресурсы имеют высокий уровень распространения в большинстве государств мира, становится легче осуществлять незаметное, но весьма влиятельное воздействие на национальный политический режим. Причем такого рода влияние чаще всего не обладает четкостью действий, характеризуется инициированием массовых протестных акций и разжиганием социальных конфликтов. К сожалению, противодействовать таким тенденциям в информационном пространстве становится все сложнее. Внешняя технологическая поддержка оппозиционных ресурсов затрудняет борьбу с нежелательным контентом. Поэтому очевидна необходимость превентивного проведения работы по созданию в онлайн-пространстве альтернативной информационно-коммуникационной инфраструктуры, способной противостоять информационной агрессии и обеспечивать в Интернете конкурентоспособность традиционных национальных символов, идей, смыслов и ценностей.

Современная мировая политика характеризуется несколькими особенностями, обусловленными факторами конфликтогенности. К ним можно отнести: угрозы использования оружия в конфликте между государствами или другими субъектами мировой

политики; продажу обычных вооружений государствам с агрессивными авторитарными режимами, нарушение режима нераспространения ядерного и другого оружия массового поражения; международное вооруженное вмешательство в дела третьих стран; нехватку ресурсов при увеличивающемся населении мира; борьбу за мировое лидерство и доминирование государств, военных блоков, международных организаций и др. Все эти факторы определяют причины современных международных политических конфликтов.

Выделяют два источника конфликтогенности политических процессов, обусловленных глобализацией:

— коренные различия в уровнях социально-экономического и политического развития человеческих сообществ, в их образе жизни, в отношении к основным проблемам бытия, в системах ценностей;

— большие перепады потенциалов отдельных участников.

Новый миропорядок отличают от его предшественников не только обстоятельства зарождения, но и ряд существенных черт. Особенно необходимо выделить следующие факторы, которые могут повлиять на усиление конфронтации в конфликтогенных зонах: расширение и усложнение понятий национальной мощи, постепенный отход от игр с нулевой суммой, стимулирование интеграционных процессов разных типов и степени интенсивности, ликвидация ограничений между внутренней и внешней политикой, расширение и усложнение понятия национальной мощи и т. д. Кроме традиционных критериев мощи, в глобализационную эпоху усиливают влияние новые критерии, такие как скорость освоения новых наукоемких технологий, воздействие Интернета, колебания и курсы мировых финансовых рынков. Те государства, которые обладают этими критериями, автоматически становятся ведущими акторами политического процесса.

Таким образом, смена правил игры на международной арене может привести к двум сценариям развития событий — в первом случае это может быть новая сложная конфигурация сил, во втором случае — эскалации региональных и международных конфликтов. Современные правительства, независимо от того, каков политический режим в них, не способны полностью контролировать цифровое виртуальное пространство. В глобализирующемся пространстве роль СМИ должна быть более значимой в информационной среде, а усиление пропагандирующей функции

в урегулировании конфликтов будет способствовать конкретизации методов разрешения международных конфликтов.

### **Список литературы:**

1. *Володенков С.В.* Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Изд-во Московского университета; Проспект, 2015. 272 с.

### **Головин Ю.А.**

Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова,  
Ярославль

### **СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ФАКТОР**

### **Golovin Y.A.**

Yaroslavl State University, Yaroslavl

### **SOCIAL JUSTICE AS A CONFLICTOGENIC FACTOR**

В Конституции Российской Федерации определено, что Россия — это социальное государство, т. е. определяется верховенство принципов социальной справедливости во всех сферах жизнедеятельности граждан. Однако современное состояние российского общества и ситуация в стране не отвечает представлениям населения о социальной справедливости, которую они видят в равенстве людей. Это создает предпосылки конфликтного взаимодействия власти и общества.

22 февраля — 6 марта 2019 г. Ресурсный центр поддержки НКО и гражданских инициатив и кафедра социально-политических теорий Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова провели опрос общественного мнения среди жителей Ярославской области в возрасте 18 лет и старше. Опрос проводился методом (телефонного интервью) по месту жительства респондентов по заранее разработанной анкете. В опросе приняли участие 648 человек — представители различных социально-демографических групп, проживающие в различных населенных пунктах Ярославской области. Выборка репрезентативна для области в целом. Уровень достоверности данных составляет в целом по области 95 %, статистическая погрешность находится в рамках диапазона 5,0 %.

В результате опроса выяснилось, что каждый третий житель Ярославской области социальную справедливость воспринимают как равенство в уровне жизни (32,6 %). Видят социальную справедливость в равных условиях для реализации способностей людей 17,1 % респондентов, равенстве всех граждан перед законом 13,9 %. Реже смысл этого понятия сводится к гарантиям социально незащищенных граждан (9,6 %), взаимосвязи общественного положения людей с их личностными достижениями (8,3 %), участию обычных граждан в выработке управленческих решений власти (4,8 %). Для 4,5 % опрошенных социальная справедливость заключается в том, чтобы каждый член общества следовал принципам общечеловеческой морали (4,5 %). Чем старше и образованнее респонденты, тем чаще для них социальная справедливость означает относительное равенство уровня жизни людей и условий для их самореализации. О том, что социальная справедливость — это отсутствие существенных различий в уровне жизни людей особенно часто говорят жители сельских населенных пунктов. В остальном ответы респондентов, относящихся к разным социальным группам, близки.

На вопрос о том, справедливо ли устроено современное российское общество, 33,2 % респондентов назвали его справедливым, в обратном уверены 42,3 %. Еще 24,5 % затруднились ответить на вопрос. Большинство жителей Ярославской области уверены в том, приблизить российское общество к идеалу социальной справедливости поможет усиление социальной политики государства в целях минимизации последствий материального неравенства (59,3 %).

В феврале 2019 г. среди представителей общественных и некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность на территории Ярославской области, был проведен экспертный опрос. Всего в опросе приняли участие 82 эксперта (руководители и сотрудники общественных и некоммерческих организаций Ярославской области).

Для половины экспертов современное российское общество несправедливо (51,3 %). К такому выводу их подтолкнула существующая пропасть между богатыми и бедными, уверенность в неравномерном распределении ресурсов государства, а также личные встречи со случаями социального и правового неравенства. С дискриминацией в Ярославской области в 2018 г. сталкивались 45,6 % представителей некоммерческого сектора. Чаще всего она была по экономическому признаку (51,2 %), возрасту (36,6 %) индивидуальным особенностям человека (22,0 %), профессии (22,0 %) и т. д. Кроме этого, негативно на рассуждения о справедливости российского

общества повлияло и чувство недооцененности работы «третьего сектора», о которой сообщили 38,2 % от всех экспертов. По личным субъективным ощущениям они «получают меньше, чем отдают обществу».

При анализе ответов экспертов о социальной справедливости оказалось, что многие из них хотели бы жить в справедливом и рационально устроенном обществе, построенном на идеях сильного государства, порядка, приоритета национальных интересов и социальных гарантий (60,5 %). В обществе, где главным образом соблюдалось бы равенство условий для реализации способностей людей и равенство всех граждан перед законом при его неукоснительном соблюдении.

### **Голубев Д.С.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

#### ***РОЛЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В КРОСС-ГРАНИЧНОЙ ДИФфуЗИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ: ДИСКУССИИ О ФАКТОРАХ И МЕХАНИЗМАХ***

### **Golubev D.S.**

St Petersburg State University, St Petersburg

#### ***THE ROLE OF TRANSNATIONAL ETHNIC GROUPS IN CROSS-BORDER DIFFUSION OF ETHNOPOLITICAL CONFLICT: DEBATE ON FACTORS AND MECHANISMS***

В течение долгого времени основные научные дискуссии о роли этнических меньшинств во внутригосударственных конфликтах разворачивались вокруг сравнительного изучения структурных условий, способствующих мобилизации таких групп для оспаривания социально-политического статус-кво. Однако в последние годы пристальное внимание исследователей к феномену транснациональных этнических групп привело к пониманию того, что изучение факторов этнической мобилизации должно быть дополнено изучением механизмов, посредством которых некоторые из таких групп, проживающих на территории более одного государства, становятся проводниками конфликтности, приводя к кросс-граничной диффузии этнополитического насилия.

Этническая группа, будучи меньшинством в одном государстве, может одновременно составлять большинство населения в другом,



как правило соседнем, государстве (например, русские, венгры, арабы) или же в масштабах региона (например, курды, берберы, туареги). Когда члены такой группы оказываются вовлечены в вооруженную этнополитическую борьбу в одном государстве, это неизбежно влияет на мотивацию и возможности их этнических «собратьев» в другом или других государствах проживания. Общий процесс, посредством которого наличие внутреннего конфликта в одной стране повышает вероятность начала аналогичного конфликта в другой (обычно соседней) стране обычно описывается как «конфликтное заражение» или «конфликтная диффузия» [1–4]. Транснациональные этнические связи внутри или между родственными группами, особенно благодаря демонстрационному эффекту и эффекту научения, могут быть одним из ключевых каналов, вокруг которых строится механизм кросс-границного перетекания этнополитической нестабильности, вооруженных конфликтов и даже гражданских войн [5; 6].

Целый ряд как теоретических, так и эмпирических исследований пытались ответить на вопрос, что делает транснациональные этнические группы такими эффективными передатчиками конфликтности. В частности, было подтверждено, что схожие группы часто делают похожий выбор, находясь в одинаковых или схожих структурных (контекстных) условиях, что приводит к одинаковым результатам [7]. Если для одной группы контроль над определенной территорией, самоуправление или языковой статус являются достаточно важными вопросами, чтобы за них сражаться, они же, вероятно, станут такими же важными и для представителей родственной группы, оказавшихся в аналогичных условиях по другую сторону национально-государственной границы. В то же время как только члены такой транснациональной группы оказываются вовлечены в вооруженный конфликт в одном государстве, идентичностные сходства с ними становятся политически значимы для представителей этой же группы в другом государстве (других государствах), что существенно усиливает эффекты стратегического воодушевления и тактического научения [8; 6, с. 149]. Одна группа может эмулировать модель успешной мобилизации другой группы, особенно если они являются этнически родственными друг другу и находятся в схожих социально-политических условиях.

Другие авторы, прослеживая аналогичный «эффект заражения», делают акцент на обратной причинно-следственной связи, возникающей в результате действий правящего режима, спровоци-



рованных ощущением угрозы. В рамках данного сценария правительство делает выбор в пользу превентивного подавления устремлений оппозиционной этнической группы, если они рассматриваются как потенциально угрожающие статус-кво в свете того, что другая этническая группа, родственная данной, вовлечена в результативную вооруженную борьбу в соседнем государстве. Некоторые авторы получили эмпирическое подтверждение корреляции между наличием гражданской войны в соседних странах и решением правящего режима прибегнуть к репрессиям против оппозиции в собственной стране [9]. В реальности, однако, эффект от таких действий, как правило, бывает обратным от желаемого, поскольку восприятие безопасности для такого этнического меньшинства изменяется, вынуждая его прибегнуть к отстаиванию своих прав, в том числе и посредством вооруженной борьбы. Некоторые исследования подтвердили правомочность такого сценария на примере изучения конкретных кейсов, в частности курдов как одного из хрестоматийных примеров транснациональной этнической группы — передатчика конфликтности [10].

### Список литературы:

1. *Buhaug H., SkredeGleditsch K.* Contagion or Confusion? Why Conflicts Cluster in Space // *International Studies Quarterly*. 2008. Vol. 52, No. 2. P. 215–233. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2008.00499> (дата обращения: 11.06.2019).
2. *Cederman L.E., Girardin L., and SkredeGleditsch K.* Ethnonationalist Triads: Assessing the Influence of Kin Groups on Civil Wars // *World Politics*. 2009. Vol. 61, No. 3. P. 403–437. URL: <https://doi.org/10.1017/S0043887109000148> (дата обращения: 11.06.2019).
3. *Голубев Д.С.* Диффузия внутригосударственных вооруженных конфликтов посредством модели эпидемиологического заражения Кермака — Маккендрика: оправдана ли концептуальная аналогия? // *Теории и проблемы политических исследований*. 2016. Т. 6, № 6А. С. 7–17.
4. *Голубев Д.С.* Факторы вероятности трансграничного распространения внутригосударственных вооруженных конфликтов // *Политические исследования*. 2019. № 2. С. 41–58.
5. *Ayres W.R., Saideman S.* Is Separatism as Contagious as the Common Cold or as Cancer? Testing International and Domestic Explanations // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2000. Vol. 6, No. 3. P. 91–113. URL: <https://doi.org/10.1080/13537110008428605> (дата обращения: 11.06.2019).

6. *Forsberg E.* Transnational Transmitters: Ethnic Kinship Ties and Conflict Contagion 1946–2009 // *International Interactions*. 2014. Vol. 40, No. 2. P. 143–165. URL: <https://doi.org/10.1080/03050629.2014.880702> (дата обращения: 11.06.2019).
7. *Elkins Z., Simmons B.* On Waves, Clusters, and Diffusion: A Conceptual Framework // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2005. Vol. 598, No. 1. P. 33–51, URL: <https://doi.org/10.1177/00002716204272516> (дата обращения: 11.06.2019).
8. *Lake D., Rothchild D.S.* Spreading Fear: The Genesis of Transnational Ethnic Conflict // *The International Spread of Ethnic Conflict: Fear, Diffusion, and Escalation*, ed. David A. Lake and Donald S. Rothchild. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1998. P. 3–32.
9. *Danneman N., Ritter E.H.* Contagious Rebellion and Preemptive Repression // *Journal of Conflict Resolution*. 2013. Vol. 58, No. 2. P. 254–279. URL: <https://doi.org/10.1177/00022002712468720> (дата обращения: 11.06.2019).
10. *Brathwaite K.* Repression and the Spread of Ethnic Conflict in Kurdistan // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2014. Vol. 37, No. 6. P. 473–491. URL: <https://doi.org/10.1080/1057610X.2014.903451> (дата обращения: 11.06.2019).

### **Горбачев М.В.**

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

#### **КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО УРОВНЯ**

### **Gorbachev M.V.**

Lomonosov Moscow State University, Moscow

#### **CONFLICT CHARACTER OF POLITICAL PROJECTS OF CIVILIZATIONAL LEVEL**

Современная социально-политическая жизнь изобилует многочисленными конфликтами между политическими лидерами, партиями, социальными группами, государствами, военно-политическими блоками, транснациональными корпорациями, цивилизациями. Эти конфликты происходят на разных уровнях, в разных плоскостях социально-политической реальности. Они отличаются направленностью и скоростью протекания. Составляющие данных

конфликтов подробно изучаются в отечественных и зарубежных социально-гуманитарных науках. В последнее десятилетие список указанных выше конфликтов был дополнен конфликтами между масштабными политическими проектами, которые получили наименование «цивилизационные политические проекты» [1]. Эти конфликты являются наименее изученными.

Цивилизационные политические проекты относятся к проектам макроуровня. Более того, субъекты цивилизационного политического проектирования постоянно стремятся включить в свое проектное поле новых участников. Эти участники чаще всего не относятся к макрокультурному пространству, с которым эти субъекты аффилированы. В результате они становятся центром «притяжения» для государств и обществ, которые принадлежат к альтернативным цивилизационным идентичностям. Обозначенный фактор приводит к возникновению конфликтов между цивилизационными политическими проектами. Объяснение сущности таких конфликтов связано с поиском ответов на следующие вопросы. Какова природа подобных конфликтов? Как эти конфликты влияют на архитектуру глобального порядка? Существует ли эффективные механизмы решения конфликтов такого уровня? Получение ответов на данные вопросы требует обращения к методологическим основам цивилизационно-проектной концепции интерпретации политики.

Основаниями цивилизационно-проектного видения социально-политической реальности выступают следующие концепты. Во-первых, «цивилизационный политический проект». Его можно определить как объединение нескольких государств и обществ в сложную систему, которая функционирует в рамках особых ценностных координат, отражающих уникальные и универсальные качества определенной цивилизации [2]. Во-вторых, «структура цивилизационного политического проекта». Она состоит из двух частей: социокультурный фундамент проекта, включающий ценности определенной цивилизации; институциональная надстройка проекта — представлена политическими институтами регионального и глобального уровней. В-третьих, концепт «цивилизационное политическое проектирование», подразумевающий формирование глобальных и региональных политических институтов на основании «культурных кодов» определенной цивилизации при поддержке «стержневого государства», аффилированного с этой цивилизацией [3]. В-четвертых, «стержневое государство» цивилизационного политического проекта. Оно генерирует идеи

и ресурсы, необходимые для конструирования цивилизационного политического проекта, создает его институциональные основы [4]. В-пятых, констелляция цивилизационных политических проектов. Она основана на ряде объективных и субъективных факторов. К объективным факторам относятся: ресурсный потенциал «стержневого государства»; возможности пространственного расширения проекта, создаваемого им; характер взаимодействия между «стержневым государством» и остальными участниками проекта и др. Субъективные ориентиры включают в себя: ценностные основания социокультурного фундамента проекта; механизмы выстраивания проектной преемственности; характер взаимодействия между социокультурным фундаментом и институциональной надстройкой проекта и др.

Исходя из общих оснований цивилизационно-проектной концепции интерпретации политической реальности, исследуем обстоятельства взаимодействий цивилизационных политических проектов. Итак, взаимодействие между ними происходит в двух формах: конкуренция и конфликт. Обе формы детерминированы следующими факторами. Во-первых, характером цивилизаций», на основании которых «стержневые государства» формируют двухуровневую структуру проекта. От «характера цивилизации» зависит набор ценностей, которые «стержневые государства» инкорпорируют в социокультурный фундамент цивилизационного политического проекта. Затем эти ценности определяют специфику построения институциональных образований данных проектов. Конфликтный / неконфликтный характер ценностного фундамента цивилизационных политических проектов детерминирует их констелляции, которые выстраиваются в различных макрорегионах современного мира. Во-вторых, фактор исторического противостояния между «стержневыми государствами» цивилизационных политических проектов. Данный фактор оказывает существенное влияние на уровень конфликтности на границах соприкосновения цивилизационных политических проектов, которые были выстроены на основании исторических аналогов. В частности, наиболее острая борьба между цивилизационными политическими проектами наблюдается в случаях выстраивания магистральных преемственностей между проектами, конкурировавшими между собой в прошлом, и их «аналогами», взаимодействующими между собой в настоящем, потенциальном будущем [5]. В-третьих, прогнозируемыми или внезапными «распадами» цивилизационных политических проектов. И в том

и в другом случае «стержневые государства» альтернативных цивилизационных политических проектов задействуют социокультурный потенциал цивилизаций, с которыми они аффилированы. В результате государства и общества цивилизационных политических проектов, которые утратили свою интегративную целостность, оказываются включенными в другие проекты. Это процесс изменения состава проектных участников сопровождается столкновениями интересов, конфликтами различного уровня.

### **Список литературы:**

1. Павленко В.Б. Концепция глобальных проектов: идейно-теоретические истоки и современное развитие // Общество. Государство. Право. 2008. № 2. С. 76–89.
2. Митрохина Т.Н., Горбачев М.В., Соколов А.Г. Политические проекты в дискурсивном пространстве современной российской политики. Саратов: ССЭИ РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. 224 с.
3. Горбачев М.В. Политический проект как проблема политологического анализа // Политическая концептология. 2018. № 2. С. 47–57.
4. Труды по руссиеведению: сб. науч. тр. / ИНИОН РАН; гл. ред. И.И. Глебова Вып. 4. М., 2012.
5. Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / ИНИОН РАН; отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2017. Ч. 1. 984 с.

### **Горбачева Е.С.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ  
В ОРГАНИЗАЦИИ КАК СПОСОБ ОПТИМИЗАЦИИ ВНУТРЕННИХ  
БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В РАБОТЕ КОМПАНИИ***

### **Gorbacheva E.S.**

St Petersburg state University, St Petersburg

***INNOVATIVE TECHNOLOGIES OF CONFLICT MANAGEMENT  
IN THE ORGANIZATION AS A WAY TO OPTIMIZE INTERNAL  
BUSINESS PROCESSES IN THE COMPANY***

Мы живем в эпоху стремительного развития научных, социально-гуманитарных и промышленных технологий, где постоянно

происходит внедрение инноваций, но также скоротечно протекает и их устаревание. Кроме того, возникает инновационный конфликт, имеющий основанием инерционное развитие, потенциал сопротивления процессу постоянного обновления. Это обязывает ученых искать решение проблем через призму нестандартного мышления и использования комбинации опробованных оптимальных способов управления с новейшими технологиями. Шаблонный метод уже не приносит эффективного результата. Для высоких показателей необходима системность, это объясняет появление новейших систем знаний, которые находятся на стыке уже известных фундаментальных наук и современных социальных задач. Например, рекомбинантная меметика, когнитивная экономика и т. п. Важной задачей является применение актуальных парадигм знаний прикладного системного анализа, методов антикризисного управления и др. в области, в которой они применяются незначительно — конфликтологии.

**Решение проблемы управления конфликтом с применением методов системного анализа.** В системном анализе понятие «проблемы» и «проблемной ситуации» носят разный характер. Проблемная ситуация (ПС) является объективным стечением обстоятельств, которое существует вне зависимости от восприятия. Это инцидент, спровоцировавший конфликт. Проблема — субъективное восприятие. Проблема существует исключительно в голове [1]. В этой связи есть возможность взаимодействовать с двумя составляющими и выбрать подходящее нам улучшающее вмешательство (УВ), т. е. тип управленческого решения, которое изменит ПС так, чтобы хотя бы один из ее участников оценил изменение положительно, и неотрицательно — все остальные. Существует типы УВ, применение каждого из которых возможно в определенных условиях.

**Absolution** — невмешательство. Решение проблемы заключается в том, что проблема решится самостоятельно.

**Resolution** — частичное решение проблемы. По аналогии с законодательством можно ввести меры пресечения и санкции на определенный вид взаимодействий.

**Solution** — наилучшее решение проблемы при заданных условиях. Оптимальный тип решения. Например, найм консалтинговых организаций, которые проведут мероприятия по снижению уровня недовольства в коллективе.

**Dissolution** — растворение проблемы. Нахождение решения путем расширения начальных условий. Решение проблемы в данном

случае лежит за пределами рамок, в которые задача была поставлена. При таком типе УВ наиболее остро стоит вопрос с сотрудниками (подразделениями) — конфликтогенами, но прежде нужно их выявить.

После стадии диагностики, когда склонные к конфликтам субъекты определены, можно приступать к разработке мероприятий по урегулированию конфликтов.

**Внедрение CRM-системы для эффективного управления конфликтами.** Для создания концепции урегулирования конфликтов в организации логичным представляется обратиться к ТРИЗ (теория решения изобретательских задач), учитывая условия прикладного системного анализа.

Метод контрольных вопросов (список вопросов Т. Эйлоарта) [2] был актуален на поиске новой идеи. Найдена область решения, это сфера применения IT-продуктов в предпринимательской деятельности, а именно рынок CRM-систем [3].

CRM-система помогает реализовать многофункциональную структуру методов взаимодействия персонала и реорганизовать систему его коммуникации между собой. ПО позволяет наладить удаленную работу для части сотрудников или подразделения. Таким образом, сепаратируется наиболее подверженная конфликтам часть персонала — им предоставляется возможность удаленной работы. В итоге получаем организационно-управленческую инновацию, поскольку отходим от привычной организационно-управленческой структуры в сторону изменения ее в сетевую с применением проектного управления.

Применяя в рамках конфликт-менеджмента технологии и методы инженерных систем знаний, можно найти нестандартное решение, дающее большую оптимизацию. Комплексный технологотехнический подход оправдывает себя и дает перспективы для дальнейшего развития методологии и интеграции в систему знаний конфликтологии.

### **Список литературы:**

1. Прикладной системный анализ // Решение проблем. URL: <http://drb-blog.ru/trable-shooter-problem-solvers/reshenie-problem-sistemnyj-analiz.html> (дата обращения: 17.10.2019).
2. Метод контрольных вопросов. URL: <https://newgoal.ru/metod-kontrolnyx-voprosov-dlya-resheniya-tvorcheskix-zadach/> (дата обращения: 30.10.2019).



3. Горбачева Е.С. Программа адаптации CRM-системы для повышения эффективности внутренних бизнес-процессов // Электронный архив ТПУ. URL: <http://earchive.tpu.ru/handle/11683/54808?mode=full> (дата обращения: 30.10.2019).

**Горшенина Е.В., Шашков А.В.**

Сочинский государственный университет, Сочи

***ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ООБЕННОСТИ ДИНАМИКИ СКЛОННОСТИ  
К АГРЕССИИ У ПОДРОСТКОВ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ  
ШКОЛЬНОГО БУЛЛИНГА***

**Gorshenina E.V., Shashkov A.V.**

Sochi State University, Sochi

***AGE-AND-AGE FEATURES OF DYNAMICS  
OF AN INCLINATION TO AGGRESSION IN ADOLESCENTS  
AS A COMPONENT OF SCHOOL BULLING***

Процесс гуманизации современного российского общества, как тренд развития цивилизованного человечества, проявляется в изменении отношения к ситуациям, которые ранее считались вполне обыденными и поэтому нормальными. На протяжении ряда лет в современной России все более отчетливо выражен тренд на неприемлемость бытового насилия и жестокости. Школьный буллинг — вполне рядовое явление лет тридцать назад — сегодня выступает наиболее ярким маркером осознания обществом ценности личности, уважении ее границ и прав. Увеличивается количество исследований этого явления, выделяются гранты на его профилактику.

Школа — это дисциплинарное пространство, в котором становление личности ребенка, его социализация протекает в системном конфликте между социальной нормативностью и природным стремлением к мгновенному удовлетворению потребностей. Это, безусловно, порождает целый спектр внешних и внутренних конфликтов, энергия которых обеспечивает динамику социальных и личностных процессов развития. Но иногда конфликты внутри школы принимают деструктивную форму, выплескиваются в агрессию по отношению к другим людям, аутоагрессию.

Агрессия, агрессивное поведение изучаются давно. Различные психологические направления затрагивают проблему жестокого



поведения и каждое выделяет свои причины его возникновения, свои методы его исследования и диагностики. В литературе приводятся различные определения агрессии (К. Хорни, Д. Доллард, О. Ю. Михайлова, В.Д. Менделеевич, М.Н. Заостровцевой и Н.В. Перешейной и др.). Согласно этим определениям, можно обозначить несколько признаков агрессии и условий ее возникновения. Это и определенный вид психологической защиты человека, и попытка преодолеть препятствие на пути к удовлетворению потребностей, и одна из поведенческих реакций разрешения неблагоприятной для человека ситуации, и физическое или вербальное поведение, направленное на причинение вреда кому-либо, вызывающее у него психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности).

В целом агрессия понимается как личностный ресурс, используемый для достижения целей и результатов. Однако в школе есть ряд дисциплинарных ограничений для проявления агрессии, и, как следствие, она может найти выход в деструктивном направлении.

В образовательных организациях агрессия проявляется по-разному. Одной из наиболее жестоких форм проявления агрессии является буллинг.

Понятие «буллинг» появилось в 1905 г. в первой публикации об этой проблеме. Один из первых его исследователей, Д. Олвеус, определял буллинг как «особый вид насилия, когда один человек (или группа) физически нападает или угрожает другому человеку (группе), последний из которых слабее и не может себя защитить ни физически, ни морально». [1]

Один из ведущих Интернет-ресурсов сайт «Травлинет» (травлинет.рф) определяет буллинг как систематическую травлю более слабого ученика одноклассником или коллективно [2].

Буллинг как социальное явление становится объектом многочисленных научных исследований, среди которых, на наш взгляд, наиболее интересными и информативными являются работы Д. Лэйн, И.Н. Кона, И. Бердышева и др.

Исследование предикторов школьной травли в южном Таиланде продемонстрировало, что буллинг связан с возрастом и физическим насилием в семье. Результаты, полученные в Тайване, показали, что распространенность насильственного поведения уменьшалась с увеличением возраста учащихся средней школы [3].

Исследования насилия в школе С.Эспии и С.Весли выявили связь буллинга со школьным климатом, качеством взаимоотношений

между школьниками и учащимися и учителями, поведением учащихся, относящихся к группе риска, мониторингом такого поведения [4].

Одной из причин возникновения буллинга, как считает А. Адлер, является стремление к преодолению чувства неполноценности, которое ребенок переживает довольно долго. Самоутверждение за счет более слабых сверстников позволяет хулигану обрести временный баланс, канализировать пусть и в деструктивной форме это чувство неполноценности [5].

Исследователь С.А. Козлова отмечает: «агрессивность, если она и заложена в человеке как механизм защиты, может приобретать отрицательные или относительно положительные формы проявления в зависимости от той социальной среды, в которой растет и развивается ребенок, от характера социального опыта, который он приобретает, живя среди людей. Существует определенная зависимость буллинга от структуры семьи, от складывающихся в ней взаимоотношений» [6].

Школа — иерархически организованная система ограничений и требований, которые не могут не ограничивать свободу участников образовательного процесса. Эти ограничения системны и не могут быть преодолены напрямую, так как являются необходимыми условиями образовательного процесса. И это в целом, накладываясь на возрастные особенности участников, провоцирует их канализировать естественную агрессию в ответ на ситуацию фрустрации социально неприемлемым деструктивным способом — унижением слабого и т. п. Причем заинтересованность в сохранении системы присутствует у всех участников. Поэтому явление буллинга характерно не только для ученических коллективов, но и для учителей.

В нашей статье представлены предварительные результаты исследования причин школьного буллинга. В рамках исследования было проведено измерение таких показателей агрессивности, как физическая агрессия, гнев и враждебность. В исследовании приняли участие 7227 учеников с 5-го по 11-е классы школ города Сочи, гендерный состав выборки — 4123 девочки и 3104 мальчика.

Цель исследования — выявление возрастной динамики выраженности склонности к физической агрессии, проявлению гнева и враждебности как потенциальных причин буллинга.

В исследовании, помимо прочих, использовался опросник ВРАQ-24 разработанный А. Бассом и М. Перри для диагностики склонности к агрессии.

Полученные результаты мы обработали частотным анализом распределения в классах учеников с разными уровнями выраженности параметров склонности к агрессии, а затем провели их сравнительный анализ *t*-критерием Стьюдента между классами

Частотный анализ показывает, что доля мальчиков с низким уровнем физической агрессии увеличивается от 5-го класса к 6-му классу (от 12,1 % к 18,9 %), затем идет на спад с 7-го по 9-й класс, в среднем это 11 %, а к 11-му классу заметно возрастает — 19,8 %. У мальчиков с высоким уровнем агрессии после 5-го класса (21,3 %) уровень физической агрессии снижается — с 6-го по 8-й класс это 17 % в среднем, повышается к 9-му классу — 22,4 %, а затем снова идет на спад и к 11-му классу составляет 13,8 %.

Доля мальчиков с высоким уровнем гнева демонстрирует схожую динамику — незначительно повышается от 5-го к 6-му классу (от 20,9 % к 22,4 %), а затем в 7-м и 8-м классе заметно снижается — 16,4 % и 17,5 %. В 9-м классе доля мальчиков с высоким уровнем склонности к гневу заметно увеличивается — 21,1 %, а в 10-м и 11-м классе неуклонно снижается — 17,5 % и 15,7 %. Что касается мальчиков с низким уровнем гнева, то их доля последовательно уменьшается, начиная с 6-го класса (9,9 %) к 2,8 % в 11-м классе.

Доля мальчиков с высоким уровнем враждебности начиная с 5-го класса значительно выше доли мальчиков с низким уровнем этого параметра — 16,4 % к 7,7 %. Это соотношение сохранится до 11-го класса и составит в нем 11,5 % к 7,4 %. Анализ динамики количества мальчиков с выраженной враждебностью от 5-го к 11-му классу показывает, что наибольшее их количество наблюдается в 9-м классе — 21,6 % что также соответствует тренду, наблюдаемому нами в динамике других параметров склонности к агрессии.

Доля девочек с низким уровнем физической агрессии уменьшается от 5 класса (27,3 %) к 9 классу (14 %), но затем наблюдается резкий скачок увеличения их доли в выборке к 11-му классу — 29,4 %. У девочек с высоким уровнем агрессии пик агрессии приходится на 9-й класс — от 15,2 % в 5-м классе к 25,9 % в 9-м, а затем идет на спад — 20,3 % в 11-м.

Доля девочек с высоким уровнем гнева постепенно повышается к 9-му классу — от 16,4 % в 6-м к 20,2 % в 9-м, а затем уменьшается к 11-му классу — 15,7 %. Динамика доли девочек с низким уровнем гнева достаточно неравномерна и уменьшается или увеличивается от класса к классу, но в 11-м классе (22 %) оказывается больше, чем в 5-м — 19,5 %.

Таким образом, частотный анализ представленности в возрастных группах детей с высоким и низким уровнями выраженности параметров склонности к агрессии показывает, что к 9-му классу доля и мальчиков, и девочек с высокими показателями склонности к агрессии увеличивается.

Чтобы статистически подтвердить выявленный частотный тренд, мы провели сравнительный анализ средних значений по *t*-критерию Стьюдента между классами. Были получены следующие статистически значимые различия. У девочек вплоть до 9-го класса не наблюдается статистически достоверной разницы в параметрах склонности к агрессии, однако при переходе в девятый класс картина меняется. Девятиклассницы демонстрируют более выраженную физическую агрессию, чем восьмиклассницы, —  $t = -3,353$  при  $p = 0,001$  ( $p \geq 0,01$ ), гнев —  $t = -2,373$  при  $p = 0,018$  ( $p \geq 0,05$ ) и враждебность —  $t = -2,31$  при  $p = 0,021$  ( $p \geq 0,05$ ). В 10-м классе мы наблюдаем обратный процесс: выраженность физической агрессии и гнева снижается —  $t = 2,549$  при  $p = 0,011$  ( $p \geq 0,05$ ) и  $t = 2,837$  при  $p = 0,005$  ( $p \geq 0,05$ ). Важно отметить, что такой параметр, как враждебность, остается на прежнем уровне — статистических различий в сравнении средних не выявлено.

У мальчиков несколько иная картина. У шестиклассников статистически менее выражена физическая агрессия по сравнению с пятиклассниками —  $t = 2,256$  при  $p = 0,024$  ( $p \geq 0,05$ ). При переходе в девятый класс параметр склонности к физической агрессии у мальчиков статистически значимо возрастает —  $t = -2,171$  при  $p = 0,03$  ( $p \geq 0,05$ ). Однако в десятом классе данный параметр значимо снижается — десятиклассники менее склонны к физической агрессии чем девятиклассники —  $t = 2,382$  при  $p = 0,017$  ( $p \geq 0,05$ ). Эта тенденция к уменьшению выраженности склонности к физической агрессии сохраняется и в 11-м классе — у одиннадцатиклассников физическая агрессия выражена меньше, чем у десятиклассников, —  $t = 2,118$  при  $p = 0,035$  ( $p \geq 0,05$ ). Выраженность гнева и враждебности у мальчиков, обучающихся в разных классах средней школы статистически значимо не различаются.

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее сензитивными к проявлению поведения характерного для буллинга являются учащиеся 9-х классов. На этой образовательной и возрастной ступени не только увеличивается число детей с высокими значениями данных параметров, но и статистически достоверно проявляется выраженность одного из параметров агрессии — склонности к физической агрессии.

### **Список литературы:**

1. *Ольвеус Д.* Буллинг в школе: что мы знаем и что мы можем сделать. М., 1993.
2. Травлинет: [сайт]. URL: травлинет.рф.
3. *Laeheem K., Baka D.* Risk Factors Related to Youths' Violence Behaviors in the Three Southern Border Provinces of Thailand // *Songklanakarin Journal of Social Sciences and Humanities.* 2009. Vol. 15, No. 6.
4. *Aspy C.B., Vesely S.K., Ofman R.F.* et al. School-related assets and youth risk behaviors: Alcohol consumption and sexual activity // *Journal of School Health.* 2012. No. 82.
5. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. СПб.: Питер, 2003.
6. *Козлова С.А.* Анализ причин проявления агрессивности у современных дошкольников // *Современное дошкольное образование,* 2008. № 1. С. 62–64.

### **Грибкова О.В.**

Московский государственный психолого-педагогический университет,  
Москва

### **КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПСИХОЛОГОВ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ**

### **Gribkova O. V.**

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow

### **CONFLICTOLOGICAL EDUCATION OF PSYCHOLOGISTS IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS**

В настоящее время увеличиваются требования к подготовке психологов в высших учебных заведениях. Это связано как с развитием научно-технического прогресса, так и с теми изменениями, которые происходят вслед за этим в современном обществе в целом. Немаловажную роль здесь играют изменения и во всей системе образования, происходящие на всех ступенях от дошкольного до вузовского. В данном случае это и новые стандарты, и обучение детей с ОВЗ в массовых учебных заведениях, увеличивающееся количество эмигрантов, сложная экономическая ситуация, частые стрессовые ситуации и т. д. и т.п.

Как известно, в высшем учебном заведении человек начинает осваивать профессиональные знания и умения, познавать систему профессиональных ценностей и образ жизни, свойственные для выбранной им области деятельности, что во многом определяет успешность прохождения дальнейших этапов профессионального развития, которое начинается с момента выбора будущей профессии. В данном контексте и возникает вопрос о профессиональной компетентности выпускников высших учебных заведений, удаленности настоящего образования студентов от практической деятельности психолога, а также о критериях эффективности, которые должны отражать не только усвоенные знания, умения, способы деятельности, но и развитие определенных способностей, качеств личности, компетенций.

Принципиально важным становится формирование конфликтологических компетенций у психологов в высших учебных заведениях. Под компетенциями, по А.А. Вербицкому, понимаем требования к образовательной подготовке обучающегося, а под компетентностью — реализованные на практике компетенции, которые определяют уровень владения ими на практике. Формирование конфликтологических компетенций в подготовке психологов актуально, и это обусловлено как современным состоянием общества, так и большой значимостью в современных условиях психологической адаптации личности к постоянно изменяющимся в социуме взаимоотношениям. Конфликты встречаются во всех сферах деятельности человека и являются необходимым элементом для развития личности человека. Деятельность психолога в настоящих условиях подразумевает разрешение возникающих конфликтных ситуаций на разных уровнях практической деятельности. Решение проблемы управления конфликтом подразумевает выявление особенностей межличностного взаимодействия участников конфликта, т. е. диагностику конфликта; владение конструктивными методами выхода из конфликта — коррекцию; умение использовать методы профилактики конфликтных ситуаций и умение грамотно разрабатывать рекомендации участникам конфликта, а также умение нести в массы конфликтологическую компетентность — просвещение.

Проблемы совершенствования профессиональной подготовки психологов в высшей школе отражены в трудах Г.М. Абрамовой, И.В. Дубровиной, Е.А. Климова [1–3]; вопросы методологии проектирования педагогических технологий на основе личностно

ориентированного, контекстного подходов, рассмотрены в исследованиях Н.Е. Астафьевой, А.А. Вербицкого, И.А. Зимней [4–7].

Согласно вышеназванным подходам, наряду с фундаментальным образованием нужно формировать у студентов умение встраиваться в практическую деятельность, переключаться на любые виды практики и презентовать свои знания, умения, личностные качества, компетенции уже обучаясь в вузе. А овладение конфликтологическими компетенциями на сегодняшний день становится реальностью благодаря современным технологиям, которые могут обеспечивать усвоение определенного объема информации и способствовать развитию профессиональных компетенций будущих специалистов уже в аудиториях вузов.

### **Список литературы:**

1. *Абрамов А.В.* Проблемное обучение в контексте компетентностного подхода. Тюмень: ТГПУ, 2008. 86 с.
2. *Вербицкий А.А.* Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования // *Инновационные проекты и программы в образовании.* 2011. № 4. С.3–6.
3. *Вербицкий А.А.* Педагогические технологии контекстного обучения: науч.-метод. пособие. М., 2010. 55 с.
4. *Баринов К.А., Власов А.Б., Строганов В. Ю., Ягудаев Г. Г.* Формирование организационной структуры управления промышленным предприятием с использованием многоролевых деловых игр // *Наука и образование: электронное научно-техническое издание.* 2011, № 8. С. 1–12.
5. *Вербицкий А.А.* Компетентностный подход и теория контекстного обучения: Мат. к четвертому заседанию методологического семинара. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 84 с.
6. *Вербицкий А.А.* Контекстное обучение: психолого-педагогические проблемы и перспективы // *Активные методы профессиональной подготовки студентов в системе университетского образования: сб. науч. трудов.* Грозный: Изд. ЧИГУ, 1986.
7. *Вербицкий А.А.* Новая образовательная парадигма и контекстное обучение: монография. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 1999. 75 с.

### **Грошева И.А.**

Филиал АНО ВО «Московский институт государственного управления и права» в Тюменской области, Тюмень

### **Грошев И.Л.**

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова

## ***ПОДРОСТОК В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: КОНФЛИКТНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ***

### **Grosheva I. A.**

Branch ANO VO «MIGUP» in the Tyumen region, Tyumen

### **Groshev I. L.**

Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal A.I. Proshlyakov, Tyumen

## ***TEENAGER IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT: CONFLICT OF EXISTENCE IN MODERNIZATION***

В условиях модернизации образовательной среды учащиеся старшего школьного возраста сталкиваются с целым рядом трудностей: подготовка к сдаче экзаменов в условиях реорганизации школ; усвоение материала по отдельным предметам; конфликтные взаимоотношения с родителями, учителями, одноклассниками и др. Среди часто встречающихся: усиление давления на школьников со стороны учителей, получивших установку на определенные показатели сдачи основного государственного экзамена (ОГЭ), и родителей, имеющих завышенные ожидания успехов от своих детей. Школьная среда, по мнению многих исследователей, представляет собой латентную сферу взаимоотношений, поскольку реакция официальных лиц на конфликтные ситуации часто сводится к замалчиванию либо к «насильственному» примирению [1]. По результатам исследования учителей Челябинска и Челябинской области (N=287), проведенного в 2014 г., выявлено, что каждый третий педагог не способен разрешить внезапно возникший конфликт [2]. В итоге страдают школьники: оказываются под давлением интеллектуальных и эмоциональных перегрузок, психологических стрессов, физиологического истощения, приводящих к печальным последствиям, вплоть до суицида.

В марте 2019 г., с целью выявления социального самочувствия несовершеннолетних, в одной из школ Тюменского района



авторами статьи проведен сплошной опрос, охвативший 117 человек в возрасте от 14 до 16 лет, обучающихся в 8–9-х классах (юноши — 55 (47 %), девушки — 62 (53 %). Возраст большей половины опрошенных — 15 лет.

В ходе опроса выяснилось, что респондентов тревожит наличие материальных трудностей (30,8 %), рост жестокости среди сверстников (24 %) и отсутствие взаимопонимания со взрослыми (21,4 %). Причем среди девушек более значимыми, по сравнению с юношами, оказались материальные трудности (59,6 % против 32,7 %) и отсутствие взаимопонимания в семье (40,3 % против 23,6 %). Выяснилось, что для решения своих проблем несовершеннолетние скорее обратятся за помощью к друзьям, чем к родителям, учителям или психологам.

Отношения несовершеннолетних с окружающими (родителями, школой, друзьями) предлагалось сравнить со следующими высказываниями: «Мы — партнеры, мы всегда придем на помощь» (равноправие), «Все, что ты делаешь, — это здорово!» (поддержка), «Ты должен быть лучше всех!» (лидеры), «То, чем ты занимаешься, — неинтересно и никому не нужно» (равнодушие), «Что бы ты ни делал — все получается плохо» (аутсайдеры). Для характеристики взаимоотношений с родителями подростки выбрали фразу, отражающую лидерство (60 % девушки и 51 % юноши), подчеркивая приоритет давления. «Взрослые делают из нас свою идеальную копию, не позволяют нам сделать ошибку» (ж., 15). На втором месте оказалась поддержка, на третьем — равноправие, которое в отношениях с друзьями лидировало (63 % девушки и 63,6 % юноши). Далее следовали поддержка и давление. Обращает на себя внимание преобладание в отношениях школа — подросток равнодушия (24,2 % девушки и 18,2 % юноши). Среди девушек каждая пятая уверена в негативной оценке своей деятельности со стороны школьных педагогов (аутсайдеры). У каждой второй зафиксированы «вымотанность, постоянная усталость», головные боли. «Снаружи не показываю волнения, в внутри — истеричный крик птеродактиля...» (ж., 16). Учащиеся жаловались на унижения со стороны педагогов: «...многие учителя могут утопить морально, например: “да вы не сдадите!”, “никуда не поступите!”...» (м., 15). Ситуация, складывающаяся вокруг экзаменов: «..учителя давят, дома пият, пугают...» (ж., 15). Стоит напомнить, что согласно данным Единой межведомственной информационной системы, 20 % самоубийств среди несовершеннолетних приходится на май — время сдачи Государственной итоговой аттестации (ОГЭ и ЕГЭ) [3].

В целях изменения ситуации необходимо проводить психологические тренинги «родители — дети — педагоги» для снижения стрессовой ситуации вокруг ОГЭ и ЕГЭ, а также возобновить социологические исследования проблем несовершеннолетних, прерванные в 2012 г. Иначе двойное давление со стороны педагогов и родителей может стать причиной суицидального поведения, а отсутствие доверительных отношений с родителями усилит утрату интереса к собственной жизни.

### **Список литературы:**

1. *Гридчин А.А., Цыганкова Е.Н.* Актуальные проблемы управления конфликтными ситуациями в школьном социуме // Теория и практика общественного развития. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-upravleniya-konfliktny-mi-situatsiyami-v-shkolnom-sotsiume>
2. *Селиванова Е.А.* Психологическое обоснование роли учителя в управлении педагогическими конфликтами // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=11983>
3. *Баландина А.* «Крик о помощи»: почему подростки не хотят жить. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/04/25/12321139.shtml>

### **Гуриева С.Д., Удавихина У.А.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

### ***УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ КАРЬЕРОЙ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ МЕДИАТОРА\****

### **Gurieva S.D., Udavikhina U.A.**

St Petersburg state University, St Petersburg

### ***CAREER SATISFACTION AS A FACTOR OF MEDIATOR'S PROFESSIONAL SUCCESS***

Профессия медиатора, предполагающая постоянную работу с людьми, высокую моральную ответственность за качество работы, где средством профессиональной деятельности выступает сама личность медиатора, в российской действительности может

\* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-013-00686А «Гендерное неравенство как фактор карьерного капитала женщины».

быть отнесена к помогающим профессиям [1]. Следовательно, для специалистов-медиаторов приобретает особую актуальность профилактика профессионального и эмоционального выгорания, которая способствует профессиональному росту [2, 3].

Одним из показателей психологического благополучия и профессиональной успешности медиатора может являться субъективная удовлетворенность карьерой. Для проверки этого предположения мы провели пилотажное исследование в форме опроса среди медиаторов, имеющих не только образование в данной области, но и опыт работы.

Выборка респондентов составила 37 медиаторов, 70 % женщин, 30 % мужчин, в возрасте от 23 до 63 лет ( $MD = 37.83$ ,  $SD = 12$ ) из регионов РФ, Беларуси, Украины.

**Таблица 1. Сравнительный анализ медиаторов с разной степенью удовлетворенности работой**

Критерии	Степень удовлетворенности работой медиатором		
	Низкая, n=2	Средняя, n=14	Высокая, n=21
Уровень дохода	Преимущественно низкий	Преимущественно средний	Преимущественно средний
Уровень опыта	100 % новички	57 % новички, 28 % профи	47 % новички, 33 % профи
Уровень эффективности	50–60 % (разброса нет)	Преимущественно 30–40 % (разброс от 10 % до 100 %)	Преимущественно 30–40 % (разброс от 10 % до 100 %)
Область работы	50 % — образование 50 % — семья	44 % — разнообразные области 35 % — семья 21 % — образование	48 % — семья 38 % — разнообразные области 9 % — образование 4 % — уголовные дела
Желание сменить работу	50 % желают сменить 50 % не желают сменить	57 % желают сменить 43 % не желают сменить	43 % желают сменить 57 % не желают сменить

Уровень опыта измерялся в количестве случаев, с которыми работал медиатор. К новичкам мы отнесли опыт работы с не более чем 50 случаями; к уровню мастера — опыт работы от 51 до 99 случаев; к уровню профи — работа в более чем 100 случаях.

Уровень эффективности измерялся в субъективной оценке медиатора успешности завершения работы по случаям в 100-балльной шкале, переведенной в проценты.

Область работы включала в себя наиболее общие категории конфликтных случаев: семейные, в системе образования, в уголовных делах, в бизнесе, в трудовых отношениях и т. д. Если медиатор отмечал опыт работы в нескольких из этих областей, это классифицировалось как разнообразные области.

Согласно данным из таблицы 1, низкая удовлетворенность работой чаще всего встречается среди медиаторов, которые имеют небольшой опыт, низкий уровень дохода и работают с конфликтами в семейной и образовательной сфере. Также, по данным корреляционного анализа, большинство мужчин-медиаторов хотели бы сменить работу ( $\tau = 0,44$ ,  $p = 0.001$ ), и в 54 % случаев они имеют низкий уровень дохода, работают в области семейных споров (50 %) и в различных областях (50 %).

Высокая же удовлетворенность работой чаще всего встречается среди медиаторов, имеющих низкий (52 %), средний (33 %) и высокий (14 %) уровень дохода, преимущественно среди начинающих свой путь в этой профессии и в целом оценивающих свою эффективность в пределах 30–80 % случаев.

Таким образом, существенных отличий между группой медиаторов с низкой и высокой удовлетворенностью работой по заданным критериям не обнаружено.

Хотелось бы отметить, что по результатам пилотажного исследования недопустимо делать какие-либо однозначные выводы. Скорее, оно дало возможность поставить некоторые вопросы для более тщательного изучения, например: насколько опыт работы медиатора в различных сферах способствует повышению эффективности и удовлетворенности работой? что является наиболее существенным демотиватором в работе медиатора? и многие другие.

### **Список литературы:**

1. Эннс Е. А. Психологическая характеристика помогающих профессий // Современная психология: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, июнь 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 92–93.
2. Аллахвердова О. В. Переговоры в социальной работе. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 2017.
3. Иванова Е.Н. Методы эффективной работы медиатора в разных сферах практики // Вестник ННГУ. 2015. № 4.

**Диев В.С.**

Новосибирский государственный университет,  
Новосибирск

***РАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ В «ОБЩЕСТВЕ РИСКА»:  
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ\****

**Diev V.S.**

Novosibirsk State University, Novosibirsk

***RATIONAL DECISIONS IN A «RISK SOCIETY»:  
METHODOLOGICAL AND VALUE-BASED GROUNDS***

Может ли человек достичь своей цели, способен ли он предугадать развитие внешних сил и противостоять их действию, насколько свободен он в своем выборе? Эти вопросы всегда находились в центре внимания философов. Риск и неопределенность являются спутниками человеческой жизни от рождения до смерти. Понимание этого обстоятельства является одной из философских предпосылок исследования процессов выбора и принятия решений человеком. Современное общество часто называют «обществом риска», поскольку неопределенность и риск и связанные с ними потенциальные угрозы не становятся меньше, а наоборот, возрастают. Каждый день людям приходится принимать рискованные решения, поскольку стохастический характер природных и общественных явлений не дает возможности однозначно предсказать развитие событий. Однако сразу же возникают важные философские вопросы: какое поведение считать рациональным, что служит критерием рациональности, как оценить степень рациональности, можно ли построить модель рационального выбора?

Возможность количественно оценить вероятность реализации возможных событий позволяет концептуально различать ситуации риска и ситуации неопределенности. Рискованная ситуация является разновидностью неопределенной, когда можно оценить вероятность реализации решения с учетом влияния природной среды, действий партнеров, противников и т. п. В ситуации риска существует количественная оценка последствий принимаемых решений, чего нельзя сделать в ситуации неопределенности, и это

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00452 «Управление в условиях неопределенности и риска: концепции, модели, принятие решений».

является ключевым фактором, различающим риск и неопределенность. Для описания этой ситуации требуется совокупность понятий: *субъект, решение, вероятность, потери*. Риск является следствием решения и всегда связан с субъектом, поэтому нельзя говорить о риске вне субъекта, который не только принимает решение, но и оценивает, как вероятности возможных событий, так и связанные с ними потери [1].

Наиболее значительные исследования поведения людей в условиях риска и неопределенности были выполнены психологами А. Тверски и Д. Канеманом [2; 3]. В результате многолетних исследований, проведенных этими выдающимися учеными, установлено, как объективная ограниченность когнитивных возможностей человека, прежде всего оперативной памяти, скорости восприятия и переработки информации и т. п., влияет, а зачастую определяет поведение человека. Эти факторы являются основой многих наблюдаемых ошибок, противоречий, нелогичностей в процессах принятия решений. Таким образом, человеку, в силу объективных ограничений его когнитивных возможностей, надо помогать в процессах принятия решений. Другой методологический вывод, который можно сделать на основании изучения реальной практики принятия решений, заключается в том, что иррациональность человека необходимо учитывать при анализе решений. Каждый индивид имеет собственный набор ценностей и реагирует на ситуации риска в соответствии со своими предпочтениями, поэтому реальное поведение человека в таких условиях зачастую далеко от «идеального». Отмечу, что эта иррациональность связана не только с ограниченными когнитивными возможностями человека, но также и с тем, что поведение человека определяется его ценностями, потребностями, мировоззрением, волей, установками, привычками, традициями, стереотипами. Поэтому зачастую выбор определяется не столько ясностью мысли, сколько именно этими факторами. В условиях риска человек хочет обладать рациональной основой для принятия благоразумных решений, позволяющей сравнивать различные варианты действий, и выбирать тот, который наиболее полно соответствует его целям, оценкам и системе ценностей. Полагаю, что нормативные модели принятия решений могут служить ориентирами и методологической основой действий для человека, стоящего перед трудной проблемой выбора.

### **Список литературы:**

1. Диев В.С. Рациональные решения: критерии, модели, парадоксы // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 4–11.
2. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: an Analysis of Decision Under Risk // Econometrica, 1979. Vol. 47, No. 2. P. 263–291.
3. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases / eds D. Kahneman, P. Slovic, A.Tversky. Cambridge University Press, 1982.

### **Довгань В.А.**

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск

### **ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ В ВУЗЕ**

### **Dovgan V.A.**

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

### **ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASES OF CONFLICT REGULATION IN THE UNIVERSITY**

Благополучие общества зависит в том числе от своевременного распознавания приближающегося конфликта, который можно своевременно предупредить [1]. Особую роль здесь играют нормативно-правовые механизмы как средство, с помощью которого можно осуществить регулирование типичных конфликтных отношений. Однако социальные практики постоянно изменяются, требуя изменений и в правовой базе. В последнее время сфера высшего образования находится под непрекращающимся прессингом реформирования. Начиная с Болонского процесса, новые образовательные стандарты меняются быстрее, чем общество и университеты успевают к ним привыкнуть, требования к качеству образования и к участникам образовательного процесса приводят к ситуациям, которые трудно назвать типичными.

Профилактирующая функция в сложившейся ситуации отводится нормативно-правовой базе. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ устанавливает, что «целями правового регулирования отношений в сфере образования являются установление государственных гарантий, механизмов реализации прав и свобод человека в сфере образования, создание условий развития системы образования, защита



прав и интересов участников отношений в сфере образования» [2]. Согласно пп. 3 п. 6 ст. 28 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», образовательная организация обязана «соблюдать права и свободы обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся, работников образовательной организации». «Образовательная организация несет ответственность в установленном законодательством Российской Федерации порядке за невыполнение или ненадлежащее выполнение функций, отнесенных к ее компетенции» (п. 7 ст. 28) [2], в связи с этим, согласно ст. 45 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», в организации, осуществляющей образовательную деятельность, может создаваться комиссия по урегулированию споров между участниками образовательных отношений, а также участникам образовательных отношений предоставляется право «направлять в органы управления организацией, осуществляющей образовательную деятельность, обращения о применении к работникам указанных организаций, нарушающим и (или) ущемляющим права обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся, дисциплинарных взысканий» [2]. Нельзя не заметить, что современная нормативно-правовая база инициирует механизм конфликто разрешения, но акцентирует внимание на защите прав обучающихся, что приводит к увеличению конфликтных ситуаций, рассматриваемых в суде.

В свою очередь, Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки осуществляет надзор за деятельностью организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам высшего образования, а также контроль за нормативно-правовым регулированием, осуществляемым органами государственной власти субъектов Российской Федерации. В фокусе надзорных комиссий оказываются многочисленные документы, обеспечивающие реализацию образовательных программ. В то же время быстрая смена образовательных стандартов приводит к необходимости соответствовать нормативным требованиям, которые или еще не установлены, или не доведены до сведения участников образовательного процесса.

Таким образом, социальные процессы, имеющие место в обществе и сфере высшего образования, сопровождаются развитием законодательной базы, однако высокая скорость существующих преобразований приводит к тому, что механизмы регулирования



конфликтов в вузе не всегда эффективны, а складывающаяся ситуация неоднозначна. С одной стороны, организационные механизмы регулирования конфликтов в вузе могут представлять собой целостный комплекс взаимосвязанных технологий и организационных решений, реализация которых должна обеспечить успешное взаимодействие между участниками образовательных отношений. С другой — далеко не все высшие учебные заведения разрабатывают положение о комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений.

### **Список литературы:**

1. Анализ и способы решения конфликтов в сфере высшего образования [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/7420/s013-137.pdf?sequence=1> (дата обращения: 17.09.2019 г.).
2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_140174/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/)(дата обращения: 17.09.2019 г.).

**Дубовицкая Т.Д., Горшенина Е.В.**

Сочинский государственный университет, Сочи

### ***КОНФЛИКТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ КАК ПРЕДМЕТ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И МЕДИАЦИИ***

**Dubovitskaya T. D., Gorshenina E.V.**

Sochi state University, Sochi

### ***CONFLICT IN FICTION AS A SUBJECT OF CONFLICTOLOGICAL ANALYSIS AND MEDIATION***

Конфликтология, сложившись как наука в начале XX в., изначально имела достойного соперника в понимании природы и описании разнообразия и характера протекания конфликтов. Этим соперником явилась мировая художественная литература. Практически в основу любого литературного произведения положен конфликт. Писатели выступают в роли подлинных психоаналитиков, которые сосредоточены на поиске конфликтов, чтобы, влезая

в мысли и кожу своих героев, предоставить читателю множественные переплетения их переживаний и взаимоотношений.

Представленные в художественных произведениях конфликты оказываются в поле зрения литературоведов, свидетельствующих о различных типах конфликтов, в числе которых называются следующие: природные, когда герои борются с различными природными катаклизмами, физическими явлениями; социальные (межличностные), когда герой борется с другим человеком или обществом; внутренний (психологический) конфликт, когда героя терзают внутренние противоречия; провиденциальный, когда герою противостоят потусторонние силы, какое-либо божество, волшебство; любовный конфликт, в виде противостояния любящих друг с другом или с обществом; философский — споры героев о политике, боге, смысле жизни; и др. [1; 2].

Многообразие и доступность художественной литературы, казалось бы, могут обеспечить читателю возможность знакомства с различными жизненными обстоятельствами, способами выхода и разрешения конфликтов наиболее удобным для себя образом. К сожалению, это далеко не так. Действительно, читатели узнают себя в героях, хотят брать с них пример, переживают за них и вместе с ними. При этом реальная жизнь людей остается по-прежнему во многом насыщенной конфликтами, кризисными переживаниями, проблемами во взаимоотношениях. Возможно, это связано с тем, что писатель ставит задачу не урегулировать конфликт, а наоборот, максимально обнажить его, чтобы задеть чувства читателя, а также его мысли, побудить самостоятельно искать ответы на поставленные вопросы.

В связи с этим конфликты в художественной литературе, аккумулируя в себе многообразие неразрешенных жизненных коллизий, могут служить основой как для их психологического анализа, так и для поиска путей их урегулирования. Причиной того, что читатели далеко не всегда выносят урок из изучения конфликтов при чтении художественной литературы, является, на наш взгляд, то, что конфликты рассматриваются каждый раз как уникальные и непохожие друг на друга. В то же время практически все конфликты можно рассматривать через призму определенных структурных компонентов, состав которых определен нами следующим образом.

1) Объективные составляющие конфликта: стороны (участники), объект, предмет конфликта (противоречие), вид, особенности макро- и микросреды, в которых протекает конфликт.

2) Субъективные составляющие конфликта: цели участников, мотивы, образ конфликтной ситуации в сознании участников, психическое состояние участников (чувства, страхи и опасения).

3) Функционально-динамические составляющие: стадии конфликта, действия участников на каждой стадии, стратегии поведения конфликтующих, функции конфликта [3].

Использование литературных конфликтов в качестве примеров удобно при изучении курса конфликтологии, так как они не касаются реальных людей, которые далеко не всегда готовы к обсуждению своих конфликтов. К тому же содержание данных конфликтов общеизвестно и доступно для всех обучающихся. Также конфликты литературных героев используются нами для обучения процедуре медиации, выступающей как процесс урегулирования конфликта с помощью нейтральной стороны — медиатора. Как показали проведенные нами занятия, всегда находятся обучающиеся, которые легко и с желанием готовы участвовать в процедуре медиации в качестве стороны, представляющей участника конфликта. Особенно удобно использовать конфликты и конфликтные ситуации, которые позволяют фактически продолжить литературный сюжет, решить моральную дилемму, предложить свой вариант действий героев.

### **Список литературы**

1. Долгов С.Ф. Типология художественного конфликта в современном историческом романе. Ташкент: ФАН, 1990. 105 с.
2. Коваленко А.Г. Художественный конфликт в русской литературе XX века: Структура и поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 500 с.
3. Дубовицкая Т.Д. Микро- и макроструктура межличностного конфликта: практико-ориентированный подход // Психология обучения. 2017. № 1. С. 116–123.

## **Ефанов А.А.**

Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики», Москва

### ***МОРАЛЬНЫЕ ПАНИКИ КАК ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ СКАНДАЛА***

## **Yefanov A.A.**

Higher School of Economics — National Research University, Moscow

### ***MORAL PANICS AS A FORM OF SCANDAL EXISTENCE***

С позиций конфликтологического подхода моральные паники определяются как одна из форм существования скандала. По мнению А.В. Дмитриева и А.А. Сычева, скандал оказывает влияние как на непосредственных его участников, так и на социальные институты и культуру. Ученые отмечают, что в настоящее время скандалы инспирируют «искусственно сконструированные типы и псевдопроблемы, вызванные неадекватными представлениями о мире или намеренной манипуляцией общественным сознанием» [1, с. 320]. Если рассматривать моральные паники как форму существования скандала, можно заметить, что определяющим для их возникновения является намеренное манипулирование массовым сознанием. При этом нередки случаи, когда в погоне за сенсационностью, желая привлечь внимание аудитории, журналисты запускают моральную панику, не осознавая общий эффект от явления.

А.В. Дмитриев указывает на двойственную природу конфликта: разрушение и очищение. Согласно точке зрения автора, конфликтность «считается естественным и нормативным состоянием любой социальной системы», а конфликт обладает не только деструктивным, но и конструктивным потенциалом, при этом «позитивные функции конфликта (сигнальная и др.) выполняют, разумеется, не все конфликты, а лишь относящиеся к интересам, ценностям, идентичностям, не затрагивающим основ, на которых строятся отношения» [4, с. 220]. Позиция А.В. Дмитриева близка к научным убеждениям Л. Козера, делающего пояснение, что «свободно структурированные группы и открытые общества, в целом допуская конфликты, создают защиту против тех из них, которые угрожают базовому консенсусу, и тем самым сводят к минимуму опасность разногласий, затрагивающих коренные ценности» [3, с. 47].

Наибольшие риски для общества представляют так называемые затянувшиеся социальные конфликты, инспирируемые посредством медиа и основанные на аксиологической природе — социальные прецеденты, подобные моральной панике.

Таким образом, целью моральной паники является конструирование социального конфликта, в ходе которого разные его стороны вступают в противостояние: одни выражают общественное недовольство, другие — создают прецеденты для общественного недовольства и т. д. Социальный конфликт представляет собой «отвлекающий маневр», в котором в первую очередь заинтересованы представители политической элиты [2, с. 38]. В процессе «сведения счетов» из поля зрения индивидов ускользают важные социальные и политические явления, в придании огласке которых отдельные акторы поля политики заинтересованы меньше всего.

Социальный конфликт, в свою очередь, побуждает средства. Так, общество, руководствуясь репрессивно-карательными установками с подачи заинтересованных акторов и на основе эмотивно-морализаторского дискурса, организует «крестовые походы» — движения против «неверных».

Если на первоначальном этапе в зависимости от первопричины социального конфликта моральные паники могут породить аффективные и традиционные действия (как первичные реакции общества на социальный стресс), то впоследствии их сменяют ценностно-рациональные и целерациональные действия, что зависит от природы самого явления. Аффективные и ценностно-рациональные действия возникают вследствие угрозы разрушения инструментальных ценностей (ценностей-средств), а традиционные и целерациональные формируются на основе попирания терминальных ценностей (ценностей-целей). Если первоначально эмотивно-морализаторский дискурс как технология конструирования моральных паник выстраивается на основе так называемых первичных действий, обусловленных социальными традициями либо сложившимися нравственными установками индивида, то впоследствии данное явление порождает более усложненные формы — своего рода стратегии защиты и сохранения социальных ценностей и норм.

### **Список литературы:**

1. *Дмитриев А.В., Сычев А.А.* Скандал. Социофилософские очерки: [монография]. М.: ЦСП и М, 2014. 323 с.

2. *Ефанов А.А. Социально-психологические последствия медиавоздействия: монография. Оренбург: Издательско-полиграф. комплекс ОГУ, 2018. 219 с.*
3. *Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О. Назаровой; под общ. ред. Л.Г. Ионина. М.: Идея-Пресс, 2000. 208 с.*
4. *Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2010. 256 с.*

**Ефанова Е.В.**

Волгоградский государственный университет, Волгоград

***ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО:  
СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ КОНФЛИКТ?\****

**Efanova E.V.**

Volgograd State University, Volgograd

***THE PUBLIC SPACE: COOPERATION OR CONFLICT?***

*Публичность* принято понимать как открытость, гласность, прозрачность и подотчетность. Публичность характеризует то пространство, в котором государственная и гражданская политика доступны обществу, открыты для понимания, наблюдения и контроля. Это интерактивное пространство, где образуются различного рода гражданские ассоциации, партии, группы, взаимодействующие и конкурирующие между собой.

Публичное пространство описывает масштаб политической деятельности и конфигурацию политических субъектов. Масштаб означает предел, а конфигурация — расстановку сил (центров притяжения, влияния) в пространстве политики. Политическое пространство характеризуется следующими свойствами, отличающими его от физического пространства: неоднородность; неопределенное число измерений, нетрехмерность; наличие нескольких центров; дискретность; субъекты, находящиеся в этом

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340006 «Социально-политическое проектирование публичного пространства и системы массовой коммуникации в регионах РФ (на примере Волгоградской области)».

пространстве, конструируют его; постоянная изменчивость конфигурации.

С точки зрения неоинституционализма Дж. Марча и Й. Олсена в публичном пространстве происходит не только коммуникация, но и воспроизводство и/или изменение институтов как нормативно-регулятивных и культурно-символических параметров («правил игры»). Следовательно, можно утверждать, что коммуникации в общественно-политических дискуссиях происходят не в пустоте, но в упорядоченной определенным образом среде, основу которой составляют институты. Последние, в свою очередь, предоставляют шаблоны, схемы действия (коды), которые в ходе коллективного осмысления и применения создают предсказуемость и упорядоченность. Это значит, что акторы обладают не безграничными возможностями выбора ресурсов для такового (временем, информацией, навыками), а ориентируются на общепринятые нормы.

Важнейшее место в концепции Дж. Марча и Й. Олсена занимает понятие «институциональный порядок», который, считают они, должен рассматриваться как совместная деятельность и общение людей, строящиеся на договоре и долге, рациональности и целеполагании, соперничестве и конфликте. Следовательно, публичное пространство само по себе не является институтом или простым набором таковых. Скорее это *институциональный порядок*, в котором соприсутствуют различные институты, *внутри* и *посредством* которых реализуются пересекающиеся практики и происходят специфические обмены.

Институты влияют на артикуляцию и выражение разнообразных индивидуальных и коллективных интересов и целей участников, где центральное место занимает конфликт, либо субоптимальное равновесие. Акторы не знают своих интересов, ограниченность времени и информации побуждают их полагаться на упорядочение и процессуальные правила. Институциональные характеристики — формальные и неформальные «правила игры» — создают и структурируют модели взаимодействия участников, определяют поведение и выбор между конфликтной и кооперативной стратегиями поведения. Конфликтная стратегия свидетельствует об отсутствии доверия между участниками, неготовности к совместным действиям и поиску компромисса, а кооперативная — об осознании взаимозависимости друг от друга в реализации своих целей и усилиях по поиску точек соприкосновения и взаимно

удовлетворяющих решений в процессе переговоров. Следовательно, публичное пространство характеризуется интенсивностью взаимодействия между его акторами в форме согласия или борьбы.

**Ефимова О.С.**

Московский педагогический государственный университет, Москва

***КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПСИХОЛОГОВ  
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ***

**Efimova O.S.**

Moscow State Pedagogical University, Moscow

***CONFLICTOLOGICAL EDUCATION OF PSYCHOLOGISTS  
AT THE PRESENT STAGE***

Актуальность формирования конфликтологических компетенций у психологов продиктована современной ситуацией развития общества и также и подчеркивается рядом авторов [1; 2; 5].

Использование в обучении психологов знаково-контекстной теории А.А. Вербицкого значительно повысит уровень формирования конфликтологических компетенций. В контекстном обучении содержание учебной деятельности студента отбирается не только в логике науки, но и через модель специалиста — в контексте будущей практической (профессиональной и социальной) деятельности. Согласно данной теории? уже на лекциях в информации, которая дается студентам, должен быть заложен контекст предстоящей профессиональной деятельности. Следовательно, в ряде конфликтологических дисциплин можно заложить контекст практической деятельности в разных областях. Практические занятия предполагают моделирование предстоящей деятельности специалистов, в котором должен содержаться и социальный контекст профессиональной деятельности. В нашем случае социальный контекст может отражать взаимодействие между всеми участниками конфликта. В процессе обучения реализация контекстного подхода способна стимулировать развитие у будущих психологов и конфликтологических способностей, помогая им более объективно и точно определять свою пригодность при решении различных профессиональных ситуаций. Таким образом, знаково-контекстное обучение предоставляет возможность личностного



включения обучающихся в овладение профессиональной деятельности и формирование определенных компетенций.

Особенности знаково-контекстного обучения наиболее ярко отражены в деловой игре. На практических занятиях в случаях приобретения практических навыков лучше всего показали себя деловые игры, игровые формы организации учебной деятельности и кейс-стадии. Деловые игры чаще всего наиболее эффективны в случаях, когда их содержанием становятся сложные структуры деятельности, конфликты и проблемы, альтернативные ситуации и решения, различные нововведения [3, с. 73].

Студент в деловой игре выполняет квазипрофессиональную деятельность, объединяя учебную и профессиональную деятельности. В таких условиях усвоение знаний, умений и навыков и формирование компетенций реализуется через контекст профессиональной деятельности как в предметном, так и социальном аспектах. Они усваиваются в реальном процессе информационного обеспечения участника и в формировании целостного образа конкретной профессиональной ситуации.

В деловой игре реализуется принцип общения, который осуществляется в форме диалога и обеспечивается возникающими проблемными ситуациями и ролевыми позициями ее участников. Преподаватель для стимулирования диалога должен моделировать специальные психологические и дидактические условия.

Участники в деловой игре благодаря дискуссии по мере накопления опыта обсуждений приобретают умения, полезные в любой сфере деятельности: излагать свою позицию и воспринимать чужую; подчиняться правилам и вырабатывать способы адекватной самооценки и саморегуляции и др. Это выражается в приобретении такого умения, как решение проблем в групповой деятельности. Таким образом, деловая игра позволяет смоделировать замещение таких реальностей, как процесс конфликтных ситуаций и процесс взаимодействия людей, занятых в нем [3, с. 73–84; 4, с. 3–6].

Грамотно организованный кейс создает дискуссию, в основе которой лежат реальные факты, дает возможность смоделировать реальную проблему из практики. Кейсы развивают исследовательские, аналитические, коммуникативные навыки, вырабатывают умения планировать и принимать управленческие решения, анализировать ситуацию, позволяют увидеть ситуацию с разных сторон, могут формировать и диагностировать сформированность различных профессиональных компетенций.

В исследовании приняли участие студенты психологи 2-го курса магистратуры «Управление конфликтами в образовании» МПГУ в количестве 60 человек. 30 человек экспериментальная группа, в которой обучение проводилось в рамках знаково-контекстного обучения и контрольная группа, в которой психологи обучались традиционно в течение года. В конце года с группами студентов было проведено тестирование по конфликтологическим дисциплинам и проведены специально разработанные кейсы, отражающие конфликтологическую компетентность психологов. Оценка конфликтологических компетенций проводилась в двух группах после окончания обучения. Максимальное количество баллов по итоговому тесту 60 баллов, по каждому кейсу в 10 баллов. Статистический анализ осуществлялся при помощи *U*-критерия Манна — Уитни. Также мы проанализировали различия в двух группах. Результаты средних значений и различий между группами отражены в таблице 1.

**Результаты сформированности конфликтологических компетенций у психологов экспериментальной и контрольной групп, среднее значение**

	тесты	1-й кейс	2-й кейс	3-й кейс
Эксперимент. группа	50,4	8,2	8,6	7,7
Контрольная группа	43,2	6,4	6,6	6,2
Различия $U_{кр=292/338}$	46*	122*	66*	192*

\* уровень значимости 1 %

Как видно из таблицы, уровень сформированности конфликтологических компетенций у экспериментальной группы выше, чем у контрольной группы студентов психологов, уровень значимости 1 %.

Таким образом, формирование конфликтологических компетенций психологов эффективнее в рамках знаково-контекстного обучения.

**Список литературы:**

1. Бисембаева А.К., Сиврикова Н.В. Формирование конфликтологической компетентности будущих педагогов-психологов //

- Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2018. № 4
2. Бисембаева А.К. Вопросы формирования конфликтологической компетентности будущих педагогов-психологов в процессе профессиональной подготовки в вузе // Педагогическое образование в России. 2016. № 6.
  3. Вербицкий А.А. Деловая игра как форма контекстного обучения и квазипрофессиональной деятельности студентов // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. 2009. № 4.
  4. Вербицкий А.А. Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования // Инновационные проекты и программы в образовании. 2011. № 4.
  5. Петрова Н.Ф. Формирование конфликтологической компетентности в процессе профессиональной подготовки практических психологов // Мир науки, культуры, образования. № 5 (66). 2017.

**Жакупов Ж.А.**

«Международный правозащитный центр»,  
«Ассоциация медиаторов Казахстана», Алматы

**КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ МЕДИАЦИИ  
КАК АЛЬТЕРНАТИВНОГО СПОСОБА УРЕГУЛИРОВАНИЯ  
КОНФЛИКТОВ**

**Zhakupov Zh.A.**

«International Human Rights Center»,  
«Association of mediators of Kazakhstan», Almaty

**KAZAKHSTAN EXPERIENCE OF MEDIATION DEVELOPMENT  
AS AN ALTERNATIVE METHOD FOR CONFLICT SETTLEMENT**

Медиация давно зарекомендовала себя как эффективный способ разрешения конфликтов. Процесс внедрения данного института в Казахстане начался в 2000-х гг., а официально медиация была признана принятием Закона «О медиации» в 2011 г. Закон ввел понятие медиации, ее участников, определил основные принципы, порядок функционирования.

Действующие сегодня стратегические и программные документы Республики Казахстан указывают о необходимости развития внесудебных способов разрешения споров, в том числе

в порядке медиации. С 2010 г. перед всеми органами поставлены задачи внедрения и развития альтернативных методов разрешения конфликтов.

За 8 лет медиация в Казахстане показала свою эффективность и действенность, о чем свидетельствует статистика, изменение законодательства, судебные реформы. С каждым днем все больше госструктур, судебных и правоохранительных органов, организаций изучают медиацию и возможность ее применения в своей деятельности. В Казахстане медиация проводится по всем гражданским спорам, по уголовным делам небольшой, средней тяжести и некоторым тяжким делам, а также по административным делам, прекращаемым по примирению сторон. Но не проводится по коррупционным делам и делам с участием государственных органов.

На сегодняшний день в нашей стране около 70 организаций медиаторов, около 4000 профессиональных медиаторов, порядка 3000 непрофессиональных медиаторов. Организации медиаторов являются некоммерческими, негосударственными, самофинансируемыми и самоуправляемыми, каждая из которых ведет свой реестр профессиональных медиаторов. Медиаторами только нашей организации за прошлый год проведено более 4000 медиаций во всех регионах Казахстана и разрешены споры на сумму более 2,5 млн долл.

Институт медиации в последние годы активно поддерживается Верховным судом Республики Казахстан, который успешно реализует пилотные проекты по примирительным процедурам и вводит судей-примирителей для судебной медиации. На сегодняшний день в Казахстане функционируют кабинеты медиаторов во всех судах, в профсоюзных центрах, прокуратурах, акиматах, в отделах полиции и органах уголовно-исполнительной системы, в школах, колледжах, поликлиниках, где медиаторы дают консультации и оказывают медиативную помощь. По информации Верховного суда почти половина граждан, посетивших суды, воспользовались примирительными процедурами, в том числе медиацией, получили информацию о ней. С апреля прошлого года в регионах Казахстана по инициативе судов, акимов, профсоюзных центров, организаций медиаторов открыто 40 новых центров и более 1000 кабинетов примирения.

Число медиативных соглашений по всем видам споров ежегодно растет. К примеру, за прошедший год органами уголовного

преследования республики прекращено 5000 уголовных дел с участием медиатора, тогда как 5 лет назад это было всего 132 уголовных дела. Судами прекращено с участием медиатора 13 000 уголовных дел или 1/5 часть всех прекращенных уголовных дел. По гражданским спорам 30 000 дел прекращено судами в связи с заключением медиативных соглашений или 3 % от общего числа прекращенных дел, тогда как в 2012 г. это было всего 122 дела по стране.

В настоящее время разработан законопроект, который сейчас находится на рассмотрении в Сенате Парламента Республики Казахстан. Законопроектом вводится обязательная досудебная медиация по семейным делам, по трудовым спорам субъектов малого предпринимательства, предусмотрены льготы на госпошлину для исков по отдельным категориям споров. Предложено вести единый республиканский реестр медиаторов на сайте Правительства РК, определить уполномоченный орган в сфере медиации и возложить на него информирование населения о медиации, введены нормы об эксперте, переводчике, специалисте, привлекаемым к процедуре медиации и другое. На законопроект медиаторское сообщество возлагает большие надежды.

Проблемными вопросами казахстанской профессиональной медиации можно назвать разрозненность организаций медиаторов, отсутствие единой концепции и системы развития медиации в целом, недостаточная информированность населения о медиации, недостаточность научной и исследовательской работы, разрешение споров судьями-примирителями, биями, непрофессиональными медиаторами и на безвозмездной основе и т. д.

Я надеюсь, что все эти вопросы и казахстанские законодательные инициативы можно будет обсудить в секции Конгресса и благодарю организаторов Конгресса за возможность обмена опытом, мнениями в сфере управления конфликтами.

**Завершинский К. Ф.**

Санкт-Петербургский государственный университет,  
Санкт-Петербург

***СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ  
КАК ИСТОЧНИК КОНФЛИКТОВ И СОГЛАСИЯ:  
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЭКСПЛИКАЦИИ И ПРАКТИКИ*****Zavershinskiy K. F.**

St Petersburg State University, St Petersburg

***SOCIOCULTURAL DYNAMICS OF THE POLITICAL MEMORY  
AS A SOURCE OF THE CONFLICTS AND AGREEMENT:  
THEORETICAL EXPLICATIONS AND PRACTICES***

Влияние социокультурных факторов на процессы продуцирования и урегулирования социально-политических конфликтов в пространстве современных национальных государств не обойдена вниманием зарубежных и российских социологов и политологов, специализирующихся на исследовании источников и способов разрешения социальных конфликтов. Актуализация поиска новых подходов в изучении социокультурных факторов социально-политической динамики, как правило, обосновывается радикальным дискурсивным поворотом в политических коммуникациях, связанным с перекодированием проблем социальных взаимодействий в проблемы культурной совместимости в условиях очевидного кризиса ценностных обоснований, что выступает источником культурных расколов, стимулирующих острые социальные конфликты [1, с. 201–215].

Подобные исследования концентрируются на интерпретации проблем обуздания и преодоления насилия как условия разрешения социальных конфликтов и важности преодоления дуалистической семантики дискурса легитимации «прямого» и «структурного» насилия [2, р. 12–14]. Авторы обсуждают вопросы диверсификации когнитивных моделей и культурных стратегий при сравнительных исследованиях специфики активности организаций и социальных институтов по разрешению социальных конфликтов, поскольку между культурными факторами и переговорным процессом возникают сложные, конфликтные отношения [3, р. 506–524]. В поисках новых комплексных исследовательских стратегий (социолингвистических в своей основе) возникают новые

предметные области изучения культурных измерений социальных конфликтов, в частности роли языка и языков в конфликте, мировоззренческих структур обеспечения стабильности постконфликтного поведения [4].

При всей научной актуальности значимости подобных исследований за скобками подобного анализа остается множество познавательных лагун, связанных с социокультурными измерениями конфликтогенного потенциала символических продуктов и практик политической конфронтации при отсутствии теоретических моделей, обеспечивающих связь макро- и микрополитических исследований социальных конфликтов. Можно констатировать, что обозначенная в свое время Й. Галтунгом, эпистемологическая установка, предполагавшая при социальном конструировании диалога между представителями наций учитывать различия в понимании ими значимого прошлого, настоящего и будущего, так и не была воспринята. Это установка позволила бы, как полагал авторитетный конфликтолог, переопределить концепт нации, выведя его за рамки трактовки национального сообщества как носителя культуры, языка, религии и отыскать глубинные основания культурной специфики пространственно-временных параметров национальной общности, связанных с символическими репрезентациями «справедливости» и травматического опыта становления нации, особенностей семантики сакрального и профанного [5, р. 74–79].

Автор тезисов доклада полагает, что решение поиска социологических моделей «промежуточного уровня» действенности культуры в продуцировании и разрешении политических конфликтов в современной конфликтологии могла бы содействовать артикуляция научного дискурса политико-культурных исследований символических конструктов, опирающаяся на модели современной культуросоциологии, представители которой подчеркивают перспективность понимания национальной культуры и ее символических репрезентаций как исторической комплексной формы политической памяти [6, с. 88–107].

Спецификация обозначенных теоретических посылок к предметной области сравнительного анализа конфликтогенного потенциала национальной памяти и способов социального конструирования на ее основе политической солидарности позволяет представить культурное пространство политической памяти как многослойный и «драматический» процесс социального конструирования смыслов посредством средств символического

производства социального порядка, многообразных символических фигур взаимодействия, порождающих сакральные объекты [7, р. 29–89; 8, р. 25–39]. Важной предметной областью исследования «работы», «перформенса» политической памяти по продуцированию и разрешению социальных конфликтов становится изучение процесса конфликтной борьбы «памятей» в политическом поле национальной памяти и средств их передачи, конкуренции жанров и профилей легитимации [9, р. 36–76]. Это позволяет описывать специфику действенности символических контуров национальной памяти, включающей разнообразные конкурирующие смысловые компоненты (образы прошлого, политические характеристики элит, типологию героического, представления о долге, вине и ответственности, приоритетные стратегии и практики борьбы с врагами), определяющие характер легитимации принуждения и специфику возникновения и разрешения, институционализации политических конфликтов.

### **Список литературы:**

1. Глухова А. Социокультурный конфликт как фактор современного политического процесса // ЛОГОС. № 4 (49). 2005.
2. Galtung J. Pax Pacifica: terrorism, the Pacific hemisphere, globalization and peace studies. Boulder: Paradigm Publishers, 2005.
3. Faure G. O. Culture and Conflict Resolution / eds J. Bercovitch, V. Kremenyuk, I. W. Zartman. London: SAGE Publications Ltd, 2009.
4. The Palgrave Handbook of Languages and Conflict / eds M. Kelly, H. Footitt, M. S.-Carr. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019.
5. Galtung J. Transcend and Transform: An Introduction to Conflict Work. London: Pluto Press London, 2004.
6. Завершинский К.Ф. Политическая культура как символическая «пересборка» политического // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15, № 1.
7. Alexander J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy Social Performance // Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual / eds J. C. Alexander, B. Giesen, J. L. Mast. Cambridge University Press, 2006.
8. Alexander J. C. Iconic Power and Performance: The Role of the Critic // Iconic Power. Materiality and Meaning in Social Life. New York: Palgrave Macmillan, 2012.
9. Olick J. K. The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2016.



## **Зайцев И.О.**

Московский государственный институт международных отношений  
(университет), Москва

### ***СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОЛИ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА: НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СИРИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ***

## **Zaytsev I.O.**

Moscow State Institute of International Relations (university), Moscow

### ***COMPARATIVE ANALYSIS OF A RELIGION IMPACT ON POLITICAL CONFLICTS: ON THE EXAMPLE OF THE CONFRONTATIONS IN SYRIA AND NORTHERN IRELAND***

Настоящее исследование посвящено вопросу взаимосвязи, влияния друг на друга таких явлений и сущностей человеческого общества, как политическое противоборство и религия.

Исследование религиозных предпосылок возникновения конфликтов, перетекающих в масштабные вооруженные конфликты, является актуальной и насущной задачей современной политологии. Предметом исследования является анализ двух конфликтов, участниками противоборствующих сторон в которых являются последователи вероисповеданий разных культур — западной и восточной, при этом имеющих сходство по силе тяжких последствий общечеловеческого и гуманитарного характера.

В качестве основных подходов используется теория конфликта (М. Вебера, Г. Зиммеля, Л. Козера [7]), а также исторический, системный и сравнительный подходы.

В работе использованы общенаучные методы: анализ, метод аналогий и обобщений, а также специальные методы: факторный анализ, абстрагирование. Подобный анализ может явиться некоторым дополнением к уже изученному историческому опыту.

Конфликты, происходящие в Сирии и имевшие место в истории Северной Ирландии, не рассматривались в каких-либо обобщенных аналитических работах в качестве сравнительных. Однако существует множество исследовательских работ, посвященных каждому конфликту в отдельности [3; 8; 9].

Фактор религии используется исламскими радикалами в современной Сирии для оправдания любых методов борьбы, насилия, убийств, террористических актов. В связи с разрастанием

группировок именно радикального исламистского толка сегодня наиболее распространенным является мнение о том, что основную угрозу в качестве религиозного фактора политических и военных конфронтаций представляет именно ислам, мусульманское вероучение. Для того чтобы опровергнуть этот подход, автор приводит исследование европейского примера крупнейшего в истории противостояния, также возникшего и имеющего под собой религиозную основу и также переросшего в серьезный, длящийся десятилетиями, кровопролитный вооруженный конфликт в Северной Ирландии.

В работе автор приводит анализ двух явлений современного политического конфликта, — конфликт Северной Ирландии с Великобританией, длившийся более полувека, а также сегодняшний вооруженный политический конфликт на Ближнем Востоке — полномасштабная гражданская война в Сирии. Данные конфликты происходят в различных географических зонах, имеют разные исторические и хронологические данные, различаются предпосылками и деталями. Однако представляется важным тот факт, что, несмотря на все различия, оба конфликта имеют два существенных сходства. Одно из них заключается в том, что в их глубокой основе заложены серьезные религиозные противоречия. Второе сходство — в разрушительных последствиях конфликтов: оба несут огромные человеческие и гуманитарные последствия как для своего государства, так и для мирового сообщества. В этом автору видится новизна подхода к данной теме, который дает возможность, помимо анализа конкретных этнорелигиозных источников противоречий, систематизировать и обозначить общие тяжелые последствия в виде вооруженных конфликтов, возникновения террористических угроз, сложности компромиссов и дипломатического урегулирования, а также сделать выводы о роли правительств и государств, международных организаций, всего мирового сообщества в необходимости решать проблему на самых начальных этапах возникновения противоречий [2; 4].

Инициатива недопущения разжигания религиозной розни принадлежит самим конфессиям, и прежде всего наиболее крупным.

Религия и политика могут и должны благотворно влиять друг на друга. Политика может закреплять правовые аспекты деятельности религиозных организаций, не нарушая устоев вероучений, религия вносит в человеческую жизнь высшие духовные и нравственные составляющие.

Главный вывод данной работы — никакая религия сама по себе не несет радикальных идей. Объединяя население мира, мысль и сознание людей любых вероисповеданий в данном ключе, общество может лишиться радикалов такого серьезного оружия.

### Список литературы:

1. *Барабанов М.С., Васильев А.Д., Денисенцев А.В. ...Сирийский рубеж.* М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2016. 184 с.
2. *Большаков А.Г., Мансуров Т.З. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ: конспект лекций.* Казань-2014. Учебный план: Конфликтология. Дисциплина: В.1 «Политическая конфликтология» [Электронный ресурс]. URL: [https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/22006/16\\_226\\_A5kl-000662.pdf](https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/22006/16_226_A5kl-000662.pdf)
3. *Дергачев П.* Сунниты, алавиты и все-все-все: религиозная карта войны в Сирии. Rупosters.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruposters.ru>
4. *Закаурицева Т.А., Каширина Т.В.* Международные организации и их роль в урегулировании конфликтов: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2019. 206 с.
5. История Ислама [Электронный ресурс]. URL: <http://www.m.islam-today.ru/istoria-islama/>
6. История Русского Православия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruexpert.ru/>
7. *Козер Л.* Позитивно-функциональная теория конфликта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.students-library.com>
8. *Невилл П.* Ирландия: История страны. М.: ЭКСМО, 2009. 300 с.
9. *The long road to peace in Northern Ireland / ed. by M. Elliott.* Liverpool, 2007.
10. UNIPATH, AIDING SYRIA. Militaries and civilians combine efforts to help millions displaced by war, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://unipath-magazine.com/aiding-syria/>
11. The United Nations Migration Data portal [Электронный ресурс]. URL: <https://migrationdataportal.org/themes/public-opinion-migration>

**Заляев Р.И.**

Казанский федеральный университет, Казань

***ПОТЕНЦИАЛ ПОСТАНОВЛЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАЗРЕШЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ  
СПОРОВ***

**Zalyaev R.I.**

Kazan Federal University, Kazan

***THE POTENTIAL OF THE DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL  
COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE RESOLUTION  
OF POLITICAL DISPUTES***

В 2001 г. был принят Федеральный закон России «О политических партиях» [1]. Ряд положений Федерального закона неоднократно вызывали в обществе оживленные дискуссии и споры. Одним из наиболее обсуждаемых был вопрос о соответствии требований Федерального закона России «О политических партиях» к созданию и деятельности политических партий положениям Конституции Российской Федерации, в частности ст. 30 (ч. 1), которая закрепляет право индивидов на объединение и свободу деятельности общественных объединений. Спор перешел также и в юридическую плоскость, когда оценка норм Федерального закона «О политических партиях», содержащая требования к созданию и деятельности политической партии, на соответствие Конституции РФ стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ.

Требования к созданию и деятельности политических партий в России законодателем неоднократно менялись. Очередные существенные изменения были внесены в 2012 г. [2]. Требование к численности членов политических партий в России было существенно снижено, что может рассматриваться как решение проблемы высокого требования к численности членов политических партий. Что касается требования к численности региональных отделений политических партий, то оно, с незначительными изменениями, сохранилось, а, как известно, дискуссии и споры проходили и по данному вопросу. Дело еще в том, что законодательное требование к численности региональных отделений политических партий в России вводит косвенный запрет на создание межрегиональных,

региональных и местных политических партий. В России могут быть созданы только общефедеральные политические партии.

На наш взгляд, значительным потенциалом в разрешении возникающих политических споров обладают решения Конституционного Суда РФ. На примере решений Конституционного Суда РФ, в которых дается оценка конституционности требований Федерального закона «О политических партиях» к созданию и деятельности политических партий, мы видим, что они содержат научное и правовое объяснение необходимости введения данных требований и тем самым могут служить научным доводом для изменения своей позиции стороны противников требований.

Например, в 2005 г. Конституционный Суд РФ в своем решении аргументировал позицию введения требований Федерального закона «О политических партиях» к созданию и деятельности политических партий тем, что «федеральный законодатель... принимая Федеральный закон “О политических партиях”, связывал получение (сохранение) статуса политической партии с теми общественными объединениями, которые выражают интересы значительной части граждан независимо от региона проживания и действуют на всей или большей части территории Российской Федерации. Такое структурирование политического пространства направлено против дробления политических сил, появления множества искусственно создаваемых (особенно в период избирательных компаний) малочисленных партий, деятельность которых рассчитана на непродолжительное время и которые в силу этого не способны выполнить свое предназначение в качестве общественного объединения в политической системе общества» [3]. В 2007 г. оценка требований Федерального закона России «О политических партиях» к созданию и деятельности политических партий на предмет соответствия положениям Конституции РФ вновь рассматривался Конституционным Судом РФ [4].

Анализ решений Конституционного Суда РФ позволяет получить определенные представления об основных ориентирах законодателя в сфере развития партийной системы в России и необходимости введения требований к созданию и деятельности политических партий в России. Можно видеть, что законодатель при введении требований к созданию и деятельности политических партий в России прежде всего исходил из необходимости структуризации партийной системы, формирования крупных общенациональных политических партий, способных вытеснить

из избирательного процесса мелкие партии, объединения неполитического характера, не имеющие сколько-нибудь серьезной социальной опоры в обществе. Конституционный Суд РФ в своих решениях также предложил критерии ограничения федеральным законом конституционных прав. Такими критериями являются: 1) соразмерность ограничения конституционно признаваемым целям и 2) сохранение существа и реального содержания права.

Таким образом, сформулированные Конституционным Судом РФ правовые позиции в значительной мере обогащают теоретические основы вопроса обоснования требований Федерального закона России «О политических партиях» к созданию и деятельности политических партий, оснований и пределов ограничения конституционных прав; могут служить научным доводом для изменения своей позиции стороны противников требований и тем самым выступать средством разрешения возникающих в обществе политических споров.

### **Список литературы:**

1. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 28.12.2016 №505-ФЗ) // СПС «Консультант-Плюс».
2. Федеральный закон от 2 апреля 2012 г. №28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» // СЗ РФ. 2012. № 15. Ст. 1721.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» // СЗ РФ. — 2005. — № 6. — Ст. 491
4. См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2007 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия — Российская партия коммунистов» // СЗ РФ. 2007. № 30. Ст. 3989.

**Иванов А.В.**

Казанский федеральный университет, Казань

***ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ  
В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ:  
КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ\****

**Ivanov A.V.**

Kazan Federal University, Kazan

***RIGHT-WING RADICAL TRENDS IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN  
IN THE VIRTUAL SPACE: CONFLICT ANALYSIS***

Выросло поколение, которое уже не представляет свою жизнь без виртуального пространства, постоянного интернет-серфинга и общения в социальных сетях. В этих условиях возникают новые виртуальные лидеры, которые создают сетевую политику и заставляют совершать реальные акции.

Молодежи важны «быстрые» социальные коммуникации, что предоставляет сетевое пространство — через интерактивность, мультимедийность и автономность, где нивелируется социальная иерархия пользователей и толкает к повышению активности акторов.

Ключевым обстоятельством формирования социально-политической стабильности в Республике Татарстан является раннее выявление и прогнозирование негативных процессов в среде молодежи, а именно: участие в ультрарадикальных движениях, вовлеченность в протестный деструктивный уличный активизм.

В исследовании используется понятие «правый радикал». Это условное название для ряда групп националистической и национал-социалистской ориентации в социальных сетях, которые косвенно соприкасаются с темой «околофутбола». Для данной подкасты характерно протестное, конфликтное поведение в виртуальном пространстве.

Можно выделить отдельно тему «околофутбола» — как внешний концентр для вовлечения в правый радикализм. Нахождение подростка или молодого человека на околофутбольных ресурсах или сходках еще не говорит о его тяге к правому радикализму, но

---

\* «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31001».

возникает потенциальная угроза вовлечения в этот деструктивный канал. Степень враждебности к государству определяется через идеологию А.С.А.В. («Я ненавижу легавых»). Ненависть к правоохранительным органам обычно носит позерский, демонстрационный характер перед товарищами. Возможны спорадические хулиганские действия.

При исследовании праворадикальных сообществ в Республике Татарстан акцент делался на следующих подходах:

Во-первых, это динамический подход с акцентуацией изменений в сетевой структуре с течением времени (май — ноябрь 2019 г.).

Во-вторых, нормативное направление с определением уровня доверия между акторами, а также нормы, правила и санкции, которые влияют на поведение акторов в социальной сети и процессы их взаимодействий.

В-третьих, ресурсный подход, когда рассматривается возможность акторов по привлечению индивидуальных и сетевых ресурсов для достижения определенных целей и дифференциация акторов, находящихся в идентичных структурных позициях социальной сети, по их ресурсам. В качестве индивидуальных ресурсов могут выступать знания, престиж, богатство, раса, пол. Под сетевыми ресурсами понимаются влияние, статус, информация, капитал.

Возможным сценарием формирования ксенофобии среди молодежи в Республике Татарстан является знакомство с иной культурной средой, прежде всего культурный шок в студенческой жизни, когда они сталкиваются с традициями иностранных студентов, которые им непонятны или которые их раздражают.

Неготовность понять «чужого», малограмотность и незнание сложности религиозно-этнических процессов, нетерпимость, а также неадекватные действия инокультурных индивидов, с позиций принимающей стороны, или их агрессивные поведенческие стереотипы создают условия для формирования праворадикальных установок.

Итак, ультрарадикальные сообщества встраиваются в новые формы социального пространства. Виртуальное пространство для них — это инструмент проведения протестных акций через коммуникаторы и социальные сети, формирование текущей информационной повестки.



**Иванов О.Б., Ильинская Ю.И.**

Центр урегулирования социальных конфликтов, Московская область

### ***ВОЗМОЖНОСТИ МЕДИАЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ***

**Ivanov O.B., Ilyinskaya J.I.**

Social conflicts Settlement Centre, Moscow region

### ***MEDIATION OPPORTUNITIES IN THE TOWN PLANNING CONFLICTS***

Градостроительная сфера конфликтогенна по своей сути, потому что принимаемые в этой области решения, как правило, изменяют качество жизни людей, привычную среду их обитания. Далеко не каждый может согласиться с такими изменениями, что приводит к возникновению социальных конфликтов. Именно с этим связан феномен NIMBY (not in my back yard — «только не на моем заднем дворе»), когда граждане в целом поддерживают городское строительство, но ровно до тех пор, пока оно не начинается рядом с их домом. Как итог, реализация практически любого градостроительного проекта изначально начинается с социального конфликта либо в латентной, либо в открытой форме [1].

Однако не урбанизация сама по себе является источником проблем для современных российских городов, стремительного роста в них градостроительных конфликтов, а проводимая градостроительная политика с ее ущербной организацией территориального и социального пространств [2].

Рассматривая используемые в настоящее время способы разрешения градостроительных конфликтов, выделяют два их типа: традиционные (поиск компромисса, ведение переговоров, судебные разбирательства и т. п.) и инновационные (медиация). Для того чтобы выбрать наиболее эффективный способ урегулирования конкретного градостроительного конфликта, необходимо обладать максимально полной информацией о нем, в частности понимать причину его возникновения, условия, способствующие его развитию, актуальную стадию, позиции участников конфликта, роль и влияние органов местной власти и т. п.

В последнее время наметился рост интереса именно к инновационным, внесудебным способам разрешения градостроительных конфликтов. С другой стороны, рост этот пока не носит

качественного характера. Вероятно, причина в том, что в силу специфики градостроительной деятельности в современной России стороны градостроительного конфликта (особенно застройщики, девелоперы, генеральные подрядчики и зачастую органы власти) принципиально не готовы признавать само наличие конфликта. При этом стороны конфликта, обладающие определенными ресурсами и организованностью (в первую очередь это относится к застройщикам), стремятся «подавить» его при помощи административно-командных, силовых и иных агрессивных методик.

При этом, несмотря на всю публичную риторику, мнение местного сообщества не учитывается даже формально, что заставляет наиболее активную его часть самоорганизоваться и отстаивать свои интересы в том виде и с помощью тех методик, которые им кажутся действенными. В то же время сложившийся союз политической и экономической элиты, проявляемый в рамках реализации конкретного девелоперского проекта, очевидно, ориентирован на максимизацию прибыли в самом широком понимании этого термина и, действуя именно как союз, обладает практически всей полнотой принятия решений. Это, в свою очередь, порождает новые отношения социального неравенства и социального исключения в городах [3].

Социологи и конфликтологи Москвы и Санкт-Петербурга в последние годы включаются в процессы в сфере градостроительства. За последние пять лет к этому процессу подключились также юристы, маркетологи, специалисты по связям с общественностью. В отношении возможности и эффективности применения медиации в урегулировании градостроительных конфликтов анализ проведенных исследований показал потенциальную готовность этой сферы к внедрению медиативных процедур [4]. В то же время субъекты градостроительных конфликтов объективно слабо информированы о возможности применения медиации. Относительно небольшая практика использования медиативных процедур в сфере разрешения градостроительных конфликтов приводит к тому, что субъекты конфликтов склонны недоверчиво реагировать на саму возможность использования медиации. Такие субъекты градостроительных конфликтов, как застройщики и органы власти, склонны пренебрегать значением медиации, публично не признавать наличие градостроительного конфликта и имитировать его решение путем формирования соответствующего

медиапространства через подконтрольные средства массовой информации и общественные организации.

### **Список литературы:**

1. *Иванов О.Б., Ильинская Ю.И.* Медиация в градостроительных конфликтах // Урбанистика. 2017. № 2. С. 1–104.
2. *Мезенцев С.Д.* Современное градостроительство: должное и сущее, идеалы и реальность // Вестник МГСУ. 2010. № 4–3. С. 389–393.
3. *Тыканова Е.В., Хохлова А.М.* Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «Машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 2. С. 241–256.
4. *Иванов О.Б., Ильинская Ю.И.* Перспективы института медиации в урегулировании градостроительных конфликтов в России // Власть. 2018. № 6. С.75–83.

### **Иванова Е.Н.**

Санкт-Петербургский государственный университет,  
Санкт-Петербург

### ***ПРАКТИЧНАЯ ТЕОРИЯ МЕДИАЦИИ***

### **Ivanova E.N.**

St Petersburg state University, St Petersburg

### ***PRACTICAL THEORY OF MEDIATION***

В последние десятилетия многие специалисты поднимают вопрос о важности разработки теории медиации, которая прежде рассматривалась лишь как прикладная область деятельности. По знаменитому высказыванию, которое приписывается чаще всего Канту и Кирхгофу, «нет ничего практичнее хорошей теории». Современное состояние медиации показывает, что без «хорошей теории» у нее нет будущего.

А. Китайгородский разделил теории на три класса: теории первого класса предсказывают, второго класса налагают запреты, третьего класса дают объяснения задним числом. Все три класса теорий необходимы для многочисленных прикладных проблем медиации.

Можно выделить несколько видов теоретических основ медиации. Во-первых, это фундаментальные концепции в различных научных сферах, составляющие принципиальные основы человеческого взаимодействия.

Это философские, социологические, культурологические, лингвистические, физиологические, нейропсихологические, конфликтологические, психологические, юридические и другие теории, что неудивительно, учитывая междисциплинарный характер и многообразие форм современной медиации.

Так, на постмодернистской философской системе строится нарративная медиация, концепция триединого мозга П. Маклина дает понимание реагирования людей в сложной ситуации, теория зеркальных нейронов Дж. Ризолатти объясняет истоки эмпатии. Общая теория систем Л. Берталанфи и теория семейных систем М. Боуэна позволяет выявить основы взаимодействия людей в устойчивых группах и понять глубину проблемы нейтральности медиатора. Концепция восстановительного правосудия является основной идеей восстановительной медиации. Теория поведенческой экономики Д. Канемана, построенная на синтезе экономики и когнитивистики, раскрывает закономерности принятия решений и особенностей деятельности когнитивных систем, в частности интуиции.

Во-вторых, это более частные теоретические построения с явной практической направленностью, без которых невозможно эффективно реализовывать задачи медиатора в области коммуникации, переговоров и организации взаимодействия сторон. Среди них можно отметить практико-ориентированные модели, разработанные на основе фундаментальных теорий и применяемые в различных областях работы с людьми, а также различные концепции, не достигающие уровня глобальных построений. Как наиболее важные для медиации можно выделить следующие модели: теоретические аспекты структуры и динамики конфликта в понимании Ф. Глазла, Г. Шварца и др. авторов, концепция созависимости, ненасильственной коммуникации Розенберга, эмоциональной компетентности Гоулмана, типов адаптаций и «дверей» контакта Уэра, модель множественности «языков и ушей» Ш. фон Туна и др., концепция принципиальных переговоров Гарвардской и др. школ, треугольники насилия и эмпатии С. Карпмана и другие идеи транзактной теории.

В-третьих, это концепции в русле самой медиации, количество которых неизменно растет в последние годы. Помимо анализа

процесса развития и распространения медиации, это такие теоретические построения, как концепция границ медиации, исследования типологии медиаторов, качеств успешных специалистов, закономерностей профессионального выгорания и механизмов защиты медиаторов, проявления жизненных сценариев в работе медиаторов, проблемы нейтральности, привлечения детей к медиации, роли эмоций, места манипуляций в ходе медиации и многие другие.

Теория может способствовать интеграции медиативного общества с сохранением многообразия школ и стилей медиации. Теоретическая база делает базовые принципы медиации, прежде всего нейтральность, не сковывающими веригами для практики, а прочной основой для гибкого творческого полета мысли, что дает ей перспективы развития. Практичная теория позволяет медиации избежать застоя вследствие замыкания в узких рамках практической технологии и следующего из него вырождения из-за «близкородственного скрещивания».

### **Игнатьева И.Ф.**

Российский государственный педагогический университет им. А. Герцена, Санкт-Петербург

## ***ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ГЕОПОЛИТИКИ***

### **Ignatyeva I.F.**

Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg

## ***GEOECONOMIC CONFLICTS IN THE SPACE OF GEOPOLITICS***

В философском смысле любое пространство конструируется с позиции определенной науки. Существует мировое геополитическое пространство, конструируемое с помощью акторов и процессов политических отношений [4, с. 57–69; 5, с. 88–97]. Существует объективное географическое пространство, конструируемое и изучаемое наукой географией. Существует пространство политической географии, состоящее из реально обозначенных и имеющих правовой статус государств.

Существует пространство геоэкономическое, в котором имеют свои субъекты и акторы. В данной статье попытаемся выяснить

особенности конфликтов геоэкономического пространства. Конфликты последнего не совпадают с конфликтами геополитическими и политическими и имеют явную тенденцию к нивелированию и даже сокрытию. Они менее явны и существенно зависят от интеграционных тенденций глобализации [2, с. 85; 3, с. 25].

Это объясняется тем, что, по сути, основой геоэкономики как процесса внутри геополитики является экономическая глобализация, которая есть показатель связи, а не разрыва. Экономическая глобализация, в которой участвуют национальные государства, многонациональные и национальные коммерческие структуры, региональные многонациональные объединения, международные организации, характеризуется сочетанием острой конкуренции с расширяющимся взаимодействием и сотрудничеством. Так Украина продолжает покупать наш газ, несмотря на конфликтные политические отношения с Россией.

Геоэкономическое пространство формируется как глобальное, в котором осуществляется функционирование глобальной экономической системы и его основных сфер (ресурсная, производственно-технологическая, финансовая, информационная и другие).

Еще классики геоэкономического подхода (Ф. Бродель, Ж. Атали, Э. Лютвак и др.) констатировали, что экономический фактор становится доминирующим и мировые центры силы будут определяться в зависимости от расположения основных экономических центров. С их точки зрения, на смену геополитике приходит ее разновидность — геоэкономика. Если в классической геополитике доминирует военно-политический конфликт, то в современной геополитике на первый план выходит конфликт экономический, хотя и не всегда присутствующий на поверхности.

За геополитическими конфликтами зачастую скрываются экономические причины. Ю. Ригер (Германия), один из лидеров «Нордической лиги» и «Нордического союза», писал, что ведение боевых действий в Афганистане чревато началом полномасштабного религиозного конфликта между мусульманами и христианами по всему миру, а фигура Усамы бен Ладена представляет собой лишь повод. В действительности речь идет о строительстве нефтяной магистрали через территорию Афганистана, которая предоставит нефть и газ кавказских республик в полное распоряжение США [1].

Поскольку геоэкономика есть часть геополитики, то геоэкономический конфликт является частью базового — геополитического. Особенностью геоэкономических конфликтов является их

латентность, скрытость, зависимость от геополитических стратегий участников конфликта.

Современные геополитические конфликты предполагают не только скрытость экономических причин конфликта или маскировку геоэкономического конфликта, но и скрытость сторон конфликта. Скрытость и замена конфликтующих сторон проявляется в термине «прокси-конфликт». Слово «проху» в переводе с английского имеет коннотацию, связанную с процессом замещения, представительства чьих-то полномочий другими лицами. В целом прокси-конфликт можно понимать как косвенный конфликт, представленный скрытыми или другими силами, то есть реально сторонами конфликта и его причинами являются одни силы и факторы, а на поверхности явлений действуют другие силы. За геополитическими конфликтами на современном этапе зачастую скрываются конфликты геоэкономические.

Рассмотрим это на примере прокси-конфликта между Саудовской Аравией и Ираном. Это крупный длительный геополитический конфликт, в который вовлечено огромное количество стран. Его частью является геоэкономический конфликт, который перманентно длится соответственно всем этапам геополитического конфликта, но в отличие от первого имеет стремление к сглаживанию, латентности, нахождению элементов консенсуса. Конфликт (иногда называемый холодной войной на Ближнем Востоке) носит название *Арабского прокси-конфликта*. Длится он с 1979 г. по настоящее время. Является частью «арабской весны» и «арабской зимы» [6]. Данный конфликт является продолжающейся борьбой за влияние (в том числе экономическое) на Ближнем Востоке и в прилегающих регионах между Исламской Республикой Иран и Королевством Саудовская Аравия. Обе страны оказывали различную степень поддержки противоборствующим сторонам в близлежащих конфликтах, включая гражданские войны в Сирии, Йемене и Ираке. Соперничество распространяется также на споры в Бахрейне, Ливане, Катаре, Пакистане, Афганистане, Нигерии, Марокко, а также в плане более широкой конкуренции в Северной и Восточной Африке, в некоторых частях Южной Азии, Центральной Азии и на Кавказе.

Конфликт, описываемый как холодная война, ведется в погоне за региональной гегемонией на нескольких уровнях: за геополитическое, экономическое и религиозное влияние. Существенным фактором в данном конфликте, превращающим его

в прокси-конфликт, является американская поддержка Саудовской Аравии и ее союзников и российская поддержка Ирана и его союзников, а также растущее участие Китая с обеих сторон.

В статье доктора Асада Абухалила, профессора политологии Калифорнийского университета, автора нескольких книг, говорится о том, что в Сирии сейчас идут восемь прокси-войн. Эти прокси-конфликты на данный момент определяют ход событий в Сирии по обе стороны конфликта, а сам сирийский народ очень мало значим в данном конфликте и как сторона, и как его причина [7].

**Выводы:**

1. Геоэкономические конфликты тлеют внутри геополитических. Они менее явны и обычно скрыты.

2. Зачастую они не представляют собой собственно конфликт, сохраняются на уровне конфликтной ситуации.

3. Понятие геополитических рисков позволяет просчитывать и прогнозировать геоэкономические конфликты.

### **Список литературы:**

1. Геополитика. URL: <https://infopedia.su/17x20cb.html> (дата обращения: 20.01.2018).
2. *Игнатъева И.Ф.* Технические артефакты в памяти социума: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 1995. С. 25.
3. *Игнатъева И.Ф.* Философия техники. Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2003. С. 85.
4. *Исаев Б.А.* Понятие и типология политических режимов // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 3. С. 88–97.
5. *Исаев Б.А.* Теория политической системы // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 4. С. 57–69.
6. Iran–Saudi Arabia proxy conflict. From Wikipedia. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Iran %E2 %80 %93Saudi\\_Arabia\\_proxy\\_conflict](https://en.wikipedia.org/wiki/Iran_%E2%80%93Saudi_Arabia_proxy_conflict) (дата обращения: 11.06.2018).
7. The 8 Proxy Wars Going On in Syria Right Now // THE BLOG 09/24/2014 10:21 am ET Updated Nov 24, 2014. — URL: [https://www.huffingtonpost.com/asad-abukhalil/syria-proxy-wars\\_b\\_5874488.html](https://www.huffingtonpost.com/asad-abukhalil/syria-proxy-wars_b_5874488.html) (дата обращения: 01.07. 2018).



## **Исаев Б.А.**

Санкт-Петербургский государственный университет  
аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург

### ***ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ФАКТОРОВ И АКТОРОВ РЕВОЛЮЦИЙ***

## **Isaev B.A.**

St Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,  
St Petersburg

### ***PROBLEM OF CORELATION OF FACTORS AND ACTORS OF REVOLUTION***

**Движущие силы или факторы революций.** Каждой революции, с учетом ее целей и задач, времени и места, соответствуют свои движущие силы, то есть наиболее активные группы населения, осознавшие свои интересы и кровно заинтересованные в совершении революционного переворота.

**Действующие лица или акторы революций** — это выдающиеся политические деятели, лидеры революционных организаций. Эти лидеры, или действующие лица, или акторы, революции должны выполнять классические функции руководителя. Кроме того, что выполняет менеджер производства, революционный руководитель должен учитывать, что процесс развития революции не вполне предсказуем и не всегда подчиняется задуманному плану.

Каждая революция в соответствии со своими целями и задачами выдвигает своих лидеров, своих акторов.

Ход революции, ее развитие напрямую зависит от ее движущих сил. Ход революции является результирующей действия всех движущих сил и действующих лиц революции и сил сопротивления контрреволюции. Поэтому ход революции представляется вовсе не как прямая и восходящая линия, а скорее как извилистая кривая, постепенно ведущая общество от дореволюционного состояния к революционному и далее — к постреволюционному [1, с. 290–291].

Курс революции, под которым мы понимаем идеологическое и политическое направление развития революции и который может меняться в зависимости от того, какая партия находится у власти в данный период. Совокупность проводимых партиями курсов революции и составляет ход революции.

С конфликтологической точки зрения ход революции будет состоять из следующих стадий:

- 1) латентная стадия;
- 2) открытая стадия, на которой проясняется расстановка сил революционного конфликта и, хотя политический переворот еще не совершен, о нем уже говорят открыто;
- 3) стадия наступательных действий инициаторов конфликта — революционных сил;
- 4) стадия продолжения наступательных действий теперь уже революционного правительства, проводящего революционные реформы;
- 5) стадия эскалации революционного конфликта, когда к власти приходят радикально-революционные силы;
- 6) стадия урегулирования революции-конфликта, когда радикалов сменяют умеренные силы, проводящие постреволюционные реформы, снимающие социальное напряжение [2, с. 9–28].

На каждой из этих стадий партия, приходящая к власти, проводит свой курс революции, отличающийся от курса революции предыдущей партии.

Итак, ход революции, ее развитие зависит от ее движущих сил: заинтересованных революционных классов и социальных групп, их численности, организованности, сплоченности, целеустремленности, настроя идти до конца. Можно отметить, что ход революции является результирующей действия всех движущих сил революции и сил сопротивления контрреволюции.

Не менее, чем от движущих сил, ход революции зависит от революционных лидеров — акторов революции, их революционных убеждений и организаторских способностей. Особенно важно для развития революции иметь в качестве высших руководителей людей эрудированных, культурно развитых, образованных, имеющих опыт революционной деятельности, знающих историю и теорию революций, историю своей страны.

Именно движущие силы и действующие лица определяют ход, курс и другие основные характеристики революций.

### **Список литературы:**

1. *Исаев Б.А.* Политическая история: революции. Учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2019.
2. *Исаев Б.А., Игнатьева И.Ф.* Структура революций. Ч. 2. Стадийная и событийная структура революций. Конфликтология. 2018. Т. 13, № 3.

**Какадий И.И.**

Московский психолого-педагогический университет, Москва

***ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТОМ  
И ПРЕДПОСЫЛКИ ЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ***

**Kakadiy I.I.**

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow

***THE PRINCIPLES OF CONFLICTMANAGEMENT AND  
PRECONDITIONS OF THE CONFLICT PREVENTION***

Современные фундаментальные идеи управления конфликтами в разных формулировках сводятся к одному: конфликт может быть управляем, причем сведен к конструктивному исходу.

Исследования управления конфликтами продолжаются, и их направление и перспективу можно определить так:

- уход от понимания конфликта как «выигрыша — проигрыша»;
- поиск технологий, помогающих оппонентам увидеть и осознать общие цели, даже если они имеют дело с противоположными интересами;
- поддержание кооперативной ориентации в отношении решения проблемы;
- рассматривать конфликт как открытый, честный и взаимоважительный коммуникативный процесс;
- свести к минимуму ошибки в понимании интересов друг друга, которые ведут к защитным действиям и к максимуму эмпатического понимания оппонента;
- распространение техник, помогающих расширить диапазон альтернативных возможностей для выбора решения проблемы;
- максимальное раскрытие ресурсов и эффективных процедур работы с тупиковыми ситуациями, которые часто приводят к конструктивному развитию конфликтов;
- разработка тактик, предотвращающих уход от переговоров и т. д.

Управление конфликтами — это процесс контролирования конфликта, проводимый самими участниками или внешним воздействием на всех периодах его течения и включающий в себя различные составляющие.

Прогнозирование конфликта как обоснованного предположения должно опираться на научные исследования и на практическую

деятельность, при определении симптоматики и проведении диагностики назревающих социальных противоречий.

Управление конфликтами как специфически сложным социальным явлением осуществляется на основе принципов: компетентности, сотрудничества и компромисса

Противоречивость характера социального взаимодействия снимается регулированием баланса:

- балансом ролей, когда важно понять, какую роль играет партнер и какой роли он ожидает от вас (оппонент играет роль старшего и считает возможным делать вам замечания);

- баланс взаимозависимости в решениях и действиях людей и социальных групп — это когда потребность в свободе и независимости не может обеспечиваться за счет тех, с кем мы взаимодействуем;

- сбалансированность самооценки и внешней оценки — тут всегда необходимо учитывать, что себя мы оцениваем с положительной стороны (что мне удалось сделать в результате), а начальник подчиненного всегда оценивает с позиции нормативных требований к деятельности и ее цели (что вам не удалось сделать);

- баланс взаимных услуг заключается в подсознательной фиксации услуг, которые оказали мы, и те, которые оказали нам; баланс ущерба означает максимально избегать нанесения ущерба окружающим в процессе взаимодействия.

Важно также отметить, что данную систему балансов можно рассматривать как один из способов предупреждения конфликтов, т. к. все-таки оценка баланса явление субъективное, которое тоже может быть нарушено несоответствующей величиной оценки партнера.

Еще один из способов предупреждения конфликтов — это изменение собственного отношения к ситуации:

- умение прекратить или сгладить обостряющийся спор: психологическая напряженность часто сопровождается эмоциями, повышением голоса, увеличением жестикюляции. Данные внешние показатели можно рассматривать как сигнал нарастающего накала и как время для прекращения спора. Приемы могут быть самые разнообразные: поменять тему разговора, перевести все в шутку или совсем «закрыть» тему, если проблема спора не особенно важна;

- всегда иметь в виду, что сообщаемая оппонентом информация может теряться (искажаться). В этих случаях помогает умение слушать и слышать: дайте полностью высказаться партнеру, и, может

быть, вы поймете предмет вашего разногласия. Очень важный прием в конфликте «педагог — ученик»: доказано, что 80 % предконфликтных ситуаций данного типа разрешаются, если дать возможность полностью высказаться ученику (оппоненту);

- децентрация, как умение посмотреть на ситуацию с различных точек зрения. Вы ищите не «оправдание», а причину изменившегося отношения коллеги, начальника, подчиненного, ученика;

- человечность, как умение быть твердым по отношению к проблеме и мягким по отношению к людям. Тут важно не выносить проблемную ситуацию на публичное признание «неправоты» вашего оппонента. Это также касается педагогических конфликтов, особенно с учениками подросткового возраста, когда социальная ситуация развития заключается в самоутверждении их в ближайшем социуме;

- осознание того, что тревожность и агрессивность сказываются как на восприятии ситуации, так и на характере взаимоотношений человека с окружающими — тесно связано со следующим способом: контроль над собственным психическим состоянием;

- сотрудничество, как способность личности учитывать потребности обеих сторон;

- улыбка, как важный невербальный инструмент «разоружения»;

- умение рассчитывать не только на лучший, но и на худший вариант развития событий;

- искренняя заинтересованность. Не упускайте возможности свести ситуацию к предложению поддержки или предложению помочь советом — может, этого будет достаточно;

- здоровое чувство юмора. Здесь ключевое слово «здоровое». Очень важно, чтобы ваш оппонент тоже обладал чувством юмора и не воспринял ситуацию как «издевку». Если вы хотите разрядить так напряженную обстановку, уточните, что «это была шутка».

Это были изменения собственного отношения к ситуации. Существуют также способы и приемы воздействия и влияния на оппонента в целях предупреждения конфликта:

- реально оценивать возможности оппонента в решении задачи. Как руководитель или педагог не завышайте планку возможностей для подчиненных. Они выполнят, может, и быстро свою работу, но результат вас не порадует;

- не рассчитывайте на быстрый результат. Особенно если это воспитательная мера воздействия;

- умение оценивать актуальное настроение оппонента и знание закономерностей невербального помогает ориентироваться в выборе средств взаимодействия;
- информирование оппонента о том, что затронуты ваши интересы. Здесь уместно напомнить, что не всегда ваш оппонент наступает на «большую мозоль» умышленно, не исключено, что это случайность;
- обсуждайте с оппонентом только тот вопрос, по поводу которого разногласия. Проще говоря, не позволяйте ему «отойти от темы» и «перейти на личности»;
- умейте расположить к себе собеседника. В любой ситуации оставляйте оппоненту возможность «сохранить свое лицо»;
- избегайте крайних оценок и категоричности суждений. Этот прием дает возможность иногда отступить от первоначальных претензий.

### **Список литературы:**

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 2000.
2. Келасьев О.В. Социальный конфликт как целостное образование // Вестник С.-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2015. № 3.
3. Социология. Основы общей теории: учебник для вузов / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М.: Норма, 2003.

**Карпенко А.Д.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

**Маврин О. В.**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

***ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МЕДИАЦИИ  
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:  
МНОГОПЛАНОВОСТЬ ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ***

**Карпенко А.Д.**

St Petersburg State University, St Petersburg

**Mavrin O.V.**

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan

***FEATURES OF MEDIATION DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN  
FEDERATION. DIVERSITY OF THE RESEARCH APPROACHES***

Происходящее в настоящий момент становление социального института медиации настоятельно требует аналитического сопровождения. Вопросы дальнейшего ее развития должны быть подввергнуты анализу, поскольку диктуют направление движения развития и соответствующие задачи.

Понимание особенностей периода развития от момента вступления в силу закона о медиации ФЗ-193 от 26.07.2010 г. до настоящего времени дает шанс корректировки развития и обозначения перспектив. В то же время подобные исследования малочисленны и носят фрагментарный характер.

На современном этапе медиация развивается бессистемно. Продолжается обучение медиации, где подготовка медиаторов ведется по трем направлениям: медиации как процедуры с параллельным допуском к урегулированию судебных споров на фоне появившегося судебного примирения; медиации как внесудебной деятельности, в виде переговоров с участием посредника — третьей нейтральной стороны в самом широком применении в различных областях; медиации как формирующегося социального института в социальной сфере и школьной системе.

Две особенности медиации определяют ее встраивание в существующие системы государства и общества. Первую можно обозначить как понятийную неопределенность. В правовом смысле вышеуказанным законом медиация отнесена к процедуре, регулирующей

определенные разновидности общественных отношений, что определяет ее место и отношение к ней в Российской Федерации.

В связи с утверждением профессионального стандарта медиация рассматривается как профессия. Большая вариативность медиации составляет ее вторую особенность. Вариативность отправляет медиацию к специализации, распределяя ее на самый большой круг профессий в виде способа или гуманитарной технологии. Эту сложность демонстрирует утвержденный Министерством труда профессиональный стандарт, который на втором уровне обобщенных трудовых функций пытается описать медиацию как специальность в рамках отраслевых подходов. Все это создает определенную проблему для ее самостоятельного развития. Отсюда и трудности в исследовании вопросов, связанных с формированием медиации как профессии.

Общностью всех подходов к медиации является регулирование социальных отношений. Проблема в том, что изучением проблем социальных отношений занимается множество научных дисциплин. И все они, в разной степени, претендуют на приоритетность в этой области. Если обратиться к сути вопроса, то за спором принадлежности к дисциплине из внимания выпадают прикладные особенности медиации. Медиация как развитая мировая технология сложилась из потребности урегулирования социальных конфликтов и вне их она малоэффективна или не может применяться.

Поэтому объектом изучения для применения медиации является социальный конфликт — с момента его образования и до его завершения. Медиация в России тесно связана с конфликтологией, куда и входит в виде одной из базовых технологий. Конфликтология определяется как междисциплинарная научная дисциплина, и объектом ее изучения является социальный конфликт. Вопрос принадлежности медиации к научной дисциплине является одним из самых актуальных. Его решение позволит снять расплывчатость и неопределенность подходов к медиации. В противном случае проводимые научные исследования по продвижению создания института медиации будут рассеяны между дисциплинами, и их результаты трудно будет составить в общую реальную картину состояния и развития медиации.

Таким образом, по нашему мнению, является перспективным и самодостаточным для проведения исследований в области состояния и развития медиации проводить их, исходя из сложившихся трех направлений обучения в стране.



**Князькова А.А., Кручинин В.А.**

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижний Новгород

### ***ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ***

**Knyazkova A.A., Kruchinin V.A.**

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering,  
Nizhny Novgorod

### ***THE CAUSES OF THE CONFLICTS ORIGIN IN HIGHER SCHOOLS***

Наше исследование было посвящено теме конфликтов в образовательном процессе и их предотвращения.

Под конфликтами мы понимаем столкновение противоположных точек зрения, взглядов, мнения и т. п. [3, с. 36].

Для исследования причин возникновения конфликтов в высшей школе нами было проведено анкетирование, в котором приняло участие 96 преподавателей и 647 студентов, исследование проходило на базе ННГАСУ (Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета).

В возрасте от 18 до 23 лет человеком осуществляется переход от подросткового периода к самостоятельной взрослой жизни, этот период называется юностью. У юности, как и в подростковом возрасте, центральное место отводится учебно-просветительской деятельности, которая непосредственно связана с разными формами общения. Дружба, на основе которой строятся и формируются профессиональные и познавательные интересы, и способствует интеграции человека во взрослую жизнь общества. По теории Э. Эриксона, это являются центральным новообразованием для перехода во взрослость. Для его формирования необходимо успешное разрешения конфликтов, осознание и выработки на этой основе устойчивой личной и социальной идентичности. Это время поиска идеалов и обретение собственной жизненной позиции [6, с. 128–129]. И конечно же, этот период не может проходить без конфликтов не только внутриличностных, но и межличностных. Учебная деятельность студента занимает большую часть его времени и не может обходиться без конфликтов. В результате нашего исследования мы выяснили, что самые частые виды конфликтов, с которыми сталкивается студент, — это конфликты дуг другом, так считают 374 студента из 647.

Учебный процесс происходит под руководством преподавателя, и, по мнению студентов, он не хочет вмешиваться в их конфликт. «Преподаватель не вмешивается в конфликт между студентами» — так ответили 398 студентов.

Конфликт между преподавателем и студентом существует, но, по мнению преподавателей, он бывает редко (так ответили 41 % преподавателей) или его нет вообще (46 % преподавателей).

Причины конфликтов преподавателя со студентом различны. Студенты считают, что основная причина их конфликтов с преподавателем — это то, как они сами относятся к нему, а именно их неуважительное отношение к преподавателю и предмету (так считают 321 студент из 647), и предвзятое отношение преподавателя к студенту — так считают 255 студентов.

Преподаватели (40 %) считают, что причинами конфликтов является неорганизованность студентов — их пропуски учебных занятий, нарушение требований. А 24 % преподавателей считают, что причинами конфликтов являются личные качества студента — хамство, высокомерие, амбиции и т.п.

Таким образом, мы определили, что преподаватели видят причину конфликтов в нарушении их требований, а студенты считают причиной конфликта неуважение преподавателя студентом.

Чарльз Ликсон в своей книге пишет: «Конфликт — это норма жизни. Если в вашей жизни нет конфликтов, проверьте, есть ли у вас пульс» [4, с. 17]. Мы считаем, что конфликты — это неотъемлемая часть нашей жизни, но это не дает нам право конфликтовать всегда, везде и по любому поводу. Некоторые студенты относятся к конфликтам как к выбору между двумя альтернативами (так считают 197 студентов), а 188 студентов считают конфликт столкновением сторон. Также были и те (161 студент), кто считает конфликт способом выхода агрессии, как разрядки повышенного своего эмоционального состояния.

При решении конфликтов большинство студентов стремится договориться с другой стороной, чтобы решить проблему (344 студента поддерживают эту позицию). Это позиция применима для них, когда они решают конфликты друг с другом. Но если им приходится участвовать в конфликте с преподавателем или наблюдать его, то тут мы видим, что преимущество у двух противоположных ответов: одни поддерживают разговор с преподавателем «по душам» (222 студента), а другие (256 студентов) придерживаются принципа, что «преподаватель всегда прав» и студенты к нему приспосабливаются.

В этом случае мы считаем, что активных форм агрессии, которые осуществляет преподаватель, таких как привлечение деканата, удаление студента преподавателем из аудитории, снижение оценок и т. п., их мало. Но следует обратить внимание на тот показатель в конфликте с преподавателем, где студент вынужден не решать конфликт, а приспосабливаться к преподавателю и его условиям. Это неправильная позиция, т. к. конфликт должен быть решен.

На вопрос: «Каким образом Вы решаете конфликты со студентами?» — мы получили следующие ответы от преподавателей:

- административные меры (замечания, оценки, отработка дополнительного материала и т. п.) — 9 %;
- беседа (воспитательная, нравоучительная, разъяснительная) — 35 %;
- дипломатичные меры (компромисс, поиск консенсуса) — 15 %;
- нет ответа у 38 % преподавателей.

Основным механизмом при вступлении в диалог должно быть то, что участникам конфликтного диалога нужно прежде всего уважать друг друга и проявлять тактичность [2, С. 224].

Беседа, которую ведет преподаватель по поводу конфликтного поведения студента, может быть тактичной, аргументированной и приводить к совместной выработке решения. Именно такая беседа превратится, во взгляде студента, в «разговор с преподавателем по душам», и конфликт будет решен. Но если при разговоре будет происходить нарушение этики (повышенный тон голоса, нетерпимость, неуважение), переход на оскорбления студента и т. д., это не допустимо. Все это не способствует разрешению конфликта, а студент может приспосабливаться к ситуации, к преподавателю.

Мы рассмотрели вопрос, как возникают и решаются конфликты с позиции студентов и преподавателей. Но что необходимо сделать, чтобы снизить количество конфликтов? Над этим вопросом мы попросили подумать преподавателей т. к. считаем их тем звеном педагогического процесса, которое оказывает наибольшие влияния на студента.

Если исключить то, что 25 % воздержались от ответа, то самым популярным был ответ, что преподавателю необходимо четко излагать правила и требования относительно своего предмета (так считают 20 % преподавателей). И, конечно же, преподаватели указывали на то, что со студентами необходимо проводить воспитательную работу, а именно: повышать их общекультурный уровень,

проводить профилактические беседы, мероприятия конфликтологической направленности. Так считают 17 % преподавателей.

Таким образом, мы видим, что просветительская работа по мерам профилактики конфликта необходима. Конфликты, которые возникают в образовательном процессе необходимо правильно урегулировать. Закон Йеркса — Додсона гласит, что наиболее продуктивной деятельностью будет при умеренном и оптимальном уровне возбуждения [5, с. 659]. При конфликтном взаимодействии характерной особенностью является эмоциональное напряжение [1, с. 105]. И соответственно, учебная деятельность во время конфликта является неэффективной.

У конфликта существуют негативные последствия, а именно ухудшение настроения (239 студентов так считают) и нарушение межличностных отношений (357 студентов).

Таким образом, основными причинами возникновения конфликтов в высшей школе являются: некорректное поведение студентов на занятиях, нарушение дисциплины и требований к учебному процессу, нетерпимость студентов к личностным качествам других. Конфликты необходимо предупреждать и своевременно разрешать. Так как возраст, в котором находится студент, конфликтен по своей природе, мы должны уметь правильно урегулировать конфликты, возникающие в этом возрасте. Необходимо, чтобы преподаватель мог правильно и гармонично разрешать конфликты, возникающие в студенческой среде. Психологической службой ННГАСУ было решено прорабатывать данную проблему через повышение компетенции преподавателей в области урегулирования конфликтов.

### **Список литературы:**

1. Ильин Е. П. Психология для педагогов. СПб.: Питер, 2012. 640 с. (Серия «Мастера психологии»).
2. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2011. 576 с. (Серия «Мастера психологии»).
3. Кручинин В.А. Психология общения: учеб.-метод. пособие для вузов. Н. Новгород: Нижегород. гос. архит.-строит. ун-т, 2006. 193 с.
4. Ликсон Ч. Конфликт / пер. с англ. В. Гаврилова. СПб.: Питер Паблишинг, 1997. 160 с. (Серия «Гений общения»).
5. Немов Р.С. Психология: учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. Кн. 1: Общие основы психологии. 3-е изд. М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 1997. 688 с.

6. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2005.

**Колесникова О.Н.**

Алтайский государственный университет, Барнаул

***ОСОБЕННОСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ  
КОНФЛИКТОВ СТУДЕНТОВ ВУЗА***

**Kolesnikova O.N.**

Altai State University, Barnaul

***FEATURES OF SETTLEMENT AND RESOLUTION OF CONFLICTS  
OF UNIVERSITY STUDENTS***

В современном российском обществе происходят изменения во всех сферах жизнедеятельности. Особенно остро встают вопросы развития молодежи, которая является самой мобильной и вместе с тем самой незащищенной и подверженной влиянию многих факторов социальной группой социума. В соответствии с концепцией Федеральной целевой программы развития образования «обновление образования должно сыграть ключевую роль в сохранении нации, обеспечении устойчивого, динамического развития российского общества» [1]. Рынок труда нуждается в компетентных и профессионально подготовленных специалистах. Соответственно, должное внимание необходимо уделять социально-психологическому микроклимату в вузе, непосредственно влияющему на успешность его образовательной деятельности. Однако, как показывают проведенные нами социологические исследования, в процессе обучения в вузе студенты сталкиваются с различного рода конфликтными ситуациями, которые влекут за собой не только снижение академической успеваемости, но и способствуют развитию у студентов негативных социальных практик, осложнению отношений между преподавателями и студентами, снижению общественной активности и др. В вузах уделяют недостаточно внимания процессам предотвращения конфликтов, их урегулированию, разрешению и профилактике.

В современной научной литературе по конфликтологии имеется существенный задел для теоретико-методологического

и эмпирического анализа конфликтов в студенческой среде вузов. В отечественной конфликтологии достаточно полно раскрыто содержание самого понятия «социальный конфликт», выявлены конструктивные способы его урегулирования и разрешения (А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов, А.С. Кармин, А.В. Дмитриев, А.И. Стребков, В.А. Семенов, В.А. Светлов, Г.И. Козырев, Л.Н. Цой и др.) [2; 3]. Несмотря на значительное число научных публикаций, освещающих особенности конфликтных ситуаций в образовательных учреждениях и специальные технологии управления ими, до сих пор остаются малоисследованными на эмпирическом уровне вопросы управления социальными конфликтами в образовательной среде вуза, применения современных социальных технологий мирного конфликто разрешения, повышения конфликтологической компетентности всех участников образовательного процесса. Конфликтные ситуации между обучающимися рассматривается авторами в основном в средних школах, в то время как исследований особенностей протекания конфликтов между студентами в современном вузе практически нет. За последние годы появилось несколько работ, посвященных анализу конфликтов в сфере высшего образования (Н.В. Ластухина, А.В. Манойло, Н.Н. Телепнева и др.), но они не создают целостную систему знаний об управлении конфликтными ситуациями в университетском социуме. Результаты современных социологических исследований свидетельствуют, что конфликты получили достаточно широкое распространение в студенческой среде российских вузов [4]. Таким образом, мы видим, что пока явно в недостаточной мере разработаны методы урегулирования и разрешения конфликтов в студенческой среде современных учреждений высшего образования.

Практика свидетельствует о невозможности достижения бесконфликтного состояния образовательной среды. В процессе образования в вузе, ориентированном, как правило, на получение знаний и формирование профессиональных умений и навыков, у педагогов не всегда находится время для разрешения конфликтов студентов. Преподавателю в рамках системы «преподаватель — студент» принадлежит руководящая роль, благодаря которой он организует познавательную деятельность студентов, побуждает к сотрудничеству и взаимодействию, взаимоконтролю и оценке. В таких условиях у него появляется задача эффективного управления социальными конфликтами студентов в вузе. При этом от него

требуется знание современных механизмов регулирования социальных конфликтов студентов.

Студенты, не имея достаточного запаса знаний и умений эффективного конфликто разрешения, часто сами становятся инициаторами разнообразных конфликтных ситуаций. Конфликты студентов имеют, как правило, временный ситуационный характер, что требует соответствующих технологий управления ими. Очевидна недостаточная теоретическая и методическая разработанность технологий управления данными ситуациями. Опыт успешного управления конфликтами студентов в образовательной среде российских вузов пока не получил широкого освещения в научной литературе, чему препятствуют низкий уровень конфликтологической компетентности руководителей и сотрудников образовательных учреждений. Конфликтология как наука открывает перспективы для исследования и управления конфликтами в учреждениях высшего образования, которые связаны с более детальным анализом конфликтных ситуаций, особенностей их протекания в студенческой среде вузов и определением оптимальных путей их урегулирования и разрешения. Одним из путей решения проблемы видим необходимость изучения конфликтологии как учебной дисциплины, всеми студентами в вузе, независимо от выбранного направления подготовки. Кроме того, важным аспектом должно стать проведение мониторинговых социологических исследований проблем конфликтного поведения студентов вуза, выявление их причин и наиболее успешных путей разрешения, а также создания действенных механизмов урегулирования и разрешения конфликтов студентов.

### **Список литературы:**

1. Постановление Правительства РФ от 23.05.2015 № 497 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2016–2020 годы» с изменениями и дополнениями от 22 ноября 2017 г.
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2015.
3. Козырев Г.И. Основы конфликтологии. М.: Форум, 2010.
4. Телпнева Н.Н. Методы профилактики и разрешения конфликтных ситуаций в образовательной среде // Педагогика и современность. 2013. № 6. С. 26–28.



**Колосова В.В., Пиллаи С.С.**

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

***ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ  
КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА КАК СОВРЕМЕННЫЙ  
АСПЕКТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ***

**Kolosova V.V., Pillay S. S.**

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod

***THE FORMATION OF THE CONFLICTING COMPETENCE  
OF THE SPECIALIST AS A MODERN ASPECT OF PERSONALITY  
SOCIALIZATION***

В условиях нарастающих сложностей современного мира, его объективных изменений, позитивных и негативных аспектов влияния на отношения людей, на модели поведения и персональную систему ценностей проблема социализации личности наполняется новым содержанием. Актуализация исследовательского интереса к данной теме — это попытка установления смысла и значения оптимальной совокупности параметров поведения личности в ранее не возникавших социальных ситуациях, требующих научного осмысления и психологического анализа. Проблема конфликтологической компетентности личности как базовая система знаний и социальных умений эффективно взаимодействовать в коммерческих, социально-трудовых, политических, межличностных, двусторонних, коллективных, международных ситуациях общения представлена психологическими исследованиями в сфере образования, таможенной службы, в пенитенциарной системе, семейных отношениях, в сфере услуг, в учреждениях муниципальной службы, в полиции. Как мы отмечали ранее, формирование профессиональной, конфликтологической, шире — социальной, компетентности происходит на протяжении всей трудовой деятельности человека, однако основы этого процесса закладываются в период подготовки специалиста в вузе. Речь идет не только о содержании конкретных знаний, умений и навыков по учебным дисциплинам, но и об уточнении структуры ценностных ориентаций (ЦО) личности с учетом новых реалий. Осмысленная структура ЦО (и социальная, и индивидуальная одновременно) позволяет преодолевать трудности профессиональной и социальной адаптации, выполняя



функцию регулятора активности личности и конструирования ее нравственной позиции [2].

В современном российском обществе появилась потребность граждан различных социальных групп в новых профессиях и направлениях подготовки. Подготовка конфликтологов, медиаторов, практических психологов — это подготовка специалистов, обладающих знаниями психологии личности, группы, организации, знаниями особенностей уверенного и агрессивного поведения, умениями различать экспрессивное и манипулятивное поведение собеседников. Анализ научных исследований в данной области отражает проблемы, перспективы и значение психологического компонента как важного условия эффективной деятельности консультантов, советников, экспертов организаций и учреждений (Н.Ю. Белоусова, А.С. Евдокименко, Е.А. Иванов, Е.Н. Иванова, В.А. Лабунская, Г.Г. Танасов).

Важно отметить, что исследователи (А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич) особое внимание обращают на формирование и развитие этической стороны этой проблемы. Л.Г. Дикая и Е.П. Ермолаева считают, «...чем выше социальная, общегражданская значимость должности, которую занимает профессионал, тем важнее изучение роли нравственной позиции профессионала как психологического регулятора, непосредственно влияющего на качество профессиональных решений» [1].

Проблемы конфликтологического образования находят свое отражение и в недостаточно исследованной личностной и когнитивной готовности преподавателя вуза, как одного из ключевых участников процесса обновления. Именно преподаватель способен аккумулировать в своей профессиональной деятельности фундаментальные достижения науки и специальную подготовку, способен транслировать знания и формировать ЦО будущих специалистов. Речь идет не только о поиске новых форм учебно-методического обеспечения образовательного процесса, содержании конкретных заданий и критериях оценок, но о повышении уровня квалификации педагогических кадров. Открытым остается вопрос о реальных возможностях и темпах обновления учебного процесса, когда параллельно происходят изменения рабочих программ всех уровней подготовки студентов, освоение образовательных технологий и методического обеспечения [3].

Выступая в единстве, конфликтологическая и профессиональная компетентность личности определяют процесс, результат

и активное воспроизводство индивидом социального опыта, процесс успешной социализации личности.

### **Список литературы:**

1. Дикая Л.Г., Ермолаева Е.П. Нравственные проблемы профессиональной деятельности // Психология нравственности / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2010. С. 361–380.
2. Колосова В.В. Междисциплинарная магистерская программа в системе высшего и дополнительного образования: проблемы и потенциал подготовки современного специалиста // Профайлинг и медиация: сферы, ценности, технологии, обучение: коллективная моногр. / отв. ред. М.Р. Арпентьева. Калуга: Калужский гос. ун-т им. К.Э. Циолковского; Эйдос, 2016. С. 212–220. (Серия «Актуальные проблемы практической психологии: кризис, развитие, поддержка». Вып. 2.).
3. Колосова В.В. Модернизация образовательных программ как фактор формирования профессиональной компетентности выпускника вуза // Сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. «Государственное управление и развитие России: модели и проекты». Т. 1. М.: Проспект, 2017. С. 651–657.

### **Коновалов В. Н.**

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

### **ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТЕОРИИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

### **Konovalev V. N.**

Southern Federal University, Rostov-on-Don

### **OPERATIONALIZATION OF THE THEORY OF SECURITIZATION IN THE CONTEXT OF REGIONAL SECURITY**

Исследовательская задача состоит в операционализации теории секьюритизации, которая не получила достаточного развития в отечественных конфликтологических исследованиях в области проблем региональной безопасности.

Авторами теории секьюритизации являются английский исследователь Барри Бузан (*Barry Buzan*) и датский ученый Оле Вэвер

(*Ole Waever*). В наиболее целостном виде вышеуказанные авторы изложили теорию комплексов региональной безопасности в своей книге «Регионы и державы: структура международной безопасности» [1].

Копенгагенская школа принимает многосекторный подход к безопасности, который отходит от традиционных исследований проблем безопасности и их фокуса на военном секторе. Б. Бузан выделяет следующие секторы: военный, политический, экономический, социетальный, инвайронментальный. Четыре из пяти компонентов рассматривают невоенные угрозы безопасности.

Теория секьюритизации предлагает рассматривать безопасность как «дискурсивный процесс, в ходе которого в политическом сообществе конструируется интерсубъективное понимание угрозы как экзистенциальной угрозы референтному объекту и необходимости принятия исключительных мер для предотвращения этой угрозы» [1, р. 491].

Референтный объект — это объект, по отношению к которому считается, что существует экзистенциальная угроза. Референтными объектами могут быть государство (военная безопасность); национальный суверенитет или идеология (безопасность политики); национальная экономика (безопасность экономики); коллективная идентичность (безопасность общества); биологические виды и ареалы (безопасность окружающей среды) [2].

Дискурсивная практика направлена в первую очередь на изменение расстановки политических приоритетов. Дискуссия по проблемам безопасности представляет собой борьбу различных политических сил за тот образ характера угроз, которые они хотели бы закрепить в общественном сознании.

Если властвующая группа добивается успеха в общественном сознании, то общество начинает воспринимать угрозу как реальную и готово принимать соответствующие законы, перераспределение ресурсов, введение чрезвычайных положений и тому подобные меры предвоенного или военного характера. В случае когда дискурс принимает форму представления угрозы для референтного объекта, происходит секьюритизация угрозы. Успешность секьюритизации заключается в достижении положительного эффекта аргументации с определенной риторикой и семиотической структурой для внутренней и внешней аудитории. Другими словами, проблема секьюритизируется, если индокринируется аудитория.

Копенгагенская школа предлагает считать секьюритизацию крайней формой политизации: получается, любой вопрос в данный момент располагается в некоторой точке спектра, условно разделенного на три части в соответствии с понятиями деполитизации, политизации и секьюритизации.

Как представляется, попытка операционализировать теорию секьюритизации вполне может быть успешной, если применить ее к верификации концепции трансконфликтного региона.

Трансконфликтный регион, по мнению ростовских исследователей, представляет собой «нестационарное, неустойчивое региональное образование, которое характеризуется наличием деструктивного внутреннего потенциала, актуализируемого внешним источником конфликта (регионом с действующим конфликтом)» [3, с. 15].

Трансконфликтный регион (Ростовская область), он же референтный объект, фиксирует очаг конфликтов и нестабильности, именно оттуда (восток Украины) транспортируется негативный потенциал на территорию России. Этот конфликтный потенциал выражается в неконтролируемой миграции, контрабанде, росте преступности, распространении незаконного оружия, терроризма и представляет собой определенный набор угроз безопасности для достаточно стабильной территории.

Таким образом, анализ взаимодействия трансконфликтного региона с соседним приграничным регионом может достаточно продуктивно осуществляться в рамках теории секьюритизации.

### **Список литературы:**

1. *Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security.* Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 588 p.
2. *Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A new framework for analysis.* Boulder, CO: Lynne Rienner. 1998.
3. *Сериков А.В. Российско-украинские отношения в оценках молодежи приграничного региона (на примере Ростовской области) // Гуманитарий Юга России. 2017. № 5. С. 151–162.*

**Коновалова В. Г.**

Государственный университет управления, Москва

***ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ GIG-ЭКОНОМИКИ:  
РИСКИ И КОНФЛИКТЫ***

**Konovalova V.G.**

State University of Management, Moscow

***LABOR RELATIONS IN THE CONDITIONS OF GIG-ECONOMY:  
RISKS AND CONFLICTS***

Развитие нестандартных видов занятости и gig-экономики ведет к значительным изменениям рынка труда и трудовых отношений: в ближайшее время многие компании будут создавать расширенную систему, включающую в себя не только штатных сотрудников (традиционных и/или работающих удаленно), но и многочисленные группы независимых исполнителей (в том числе фрилансеров, коллективные трудовые ресурсы — «краудсорсинг») [1]. Уже в настоящее время более 20 % трудоспособного населения в США и Европе являются независимыми работниками (в том числе работающими на интернет-платформах или выполняющими работы по требованию через мобильные приложения). В России, по данным портала Superjob.ru, не менее трети компаний пользуются услугами фрилансеров.

Нестандартные виды занятости все чаще используются компаниями не только с целью сокращения расходов на персонал, но и для привлечения посредством цифровых сервисов высокопроизводительных работников из разных регионов и стран, которые не могут или не хотят работать полный рабочий день. В числе основных причин выбора работниками альтернативных видов занятости, согласно данным опросов Flexjobs и Glassdoor, — баланс между работой и личной жизнью, общение с семьей, улучшение общего качества жизни, избегание офисной политики и отвлекающих факторов на работе [2]. Использование фриланс-бирж (Upwork, Fiverr и Freelancer.com) позволяет части людей преодолеть ограничения при получении работы (например, возрастные).

Однако, как показала практика последних лет, позитивная риторика описания преимуществ новой модели трудовых отношений и медийная популярность компаний gig-экономики явно не соответствует условиям, которые позволяют ей существовать.

Усиливается тенденция индивидуализации и фрагментации трудовых отношений. Для работников, взаимодействующих с подобными компаниями, риски присутствуют практически во всех аспектах условий труда, включая трудоустройство, заработок, график работы, безопасность и гигиену труда, охват системой социального обеспечения, обучение, профессиональную подготовку, представительство интересов и пр. — отсутствие трудового оформления, оплата труда, сравнимая с прожиточным минимумом, невозможность или ограниченные возможности профессионального развития и карьерного роста, сложность планирования графика работы [3; 4]. Фрилансерам могут задержать оплату или даже не оплатить выполненную работу (как правило, работодатели не объясняют, почему их работу отклонили). Даже если выполненная работа оплачена вовремя, то фрилансеры обычно получают меньше, чем штатные работники (в США, например, стоимость часа работы штатного сотрудника компании и фрилансера различается как минимум на 25 %). Фрилансеры нередко вынуждены соглашаться на самую низкую ставку, чтобы получить хоть какую-то работу. Новые технологии возрождают старые формы эксплуатации. Другой крайностью для фрилансера может стать переизбыток одновременных работ и повышенная интенсивность труда и, как следствие, повышенная усталость, эмоциональное выгорание, снижение качества работы: в погоне за повышением доходов (в gig-экономике их верхний уровень фактически не ограничен) исполнитель может работать по 48 часов подряд.

Социальная защита минимальна, занятость не гарантирована. Проблема усугубляется и неопределенным статусом работников, которые в соответствии с действующим трудовым законодательством квалифицируются как индивидуальные предприниматели, а не наемный персонал.

Кроме того, рост gig-экономики выявил растущую способность и готовность работодателей контролировать работу сотрудников, их эффективность и общее поведение на рабочем месте, причем такой надзор происходит чаще всего без согласия работников и осознания того, что за ними следят.

В результате, как показывает мировой опыт, работники gig-экономики все чаще пытаются отстаивать свои трудовые права, предъявляя иски работодателям для удовлетворения жалоб и улучшения условий труда (UberEats, Deliveroo, Lyft, Instacart Foodora и пр.). Новая модель трудовых отношений требует

создания соответствующих законодательных мер, обеспечивающих работникам gig-экономики определенный уровень прав и защиты.

### **Список литературы:**

1. Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах. Обзорная версия. Женева: МБТ, 2017.
2. Randstad talent management expert talks employer branding. URL: <https://www.randstad.com/workforce-insights/employer-branding/randstad-talent-management-expert-talks-employer-branding>
3. Digital labour platforms and the future of work Towards decent work in the online world. URL: [https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms\\_645337.pdf](https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_645337.pdf)
4. The Online Gig Economy's 'Race to the Bottom'. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2018/08/fiverr-online-gig-economy/569083/>

### **Корнеева В. А.**

Уральский федеральный университет  
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

### ***СПОРТИВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ОТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ГОСУДАРСТВА ДО ЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ***

### **Korneeva V.A.**

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,  
Ekaterinburg

### ***SPORTS DIPLOMACY: FROM SOFT POWER OF THE STATE TO ITS NATIONAL SECURITY***

XX в. ознаменовался активной интервенцией спортивного фактора в политическую жизнь отдельных стран и международных отношении в целом. Законодательницей «спортивной моды» прошлого века выступила Германия. Спорт в руках нацистской Германии был не инструментом политики, а его неотъемлемой частью как внутренней, так и внешней политики и выполнял прежде всего мобилизационные функции, решал задачу по укреплению

странового и силового имиджа Германии — «мягкой» и «жестких» сфер влияния.

Ретроспективный анализ источников по проблеме спорта и его роли в судьбоанализе, светской жизни, политической арене позволяет нам выделить эволюции спортивной научной мысли. Логичным будет выстроить следующий хронологический тематический ряд: физическая культура как источник силы и атлетизма — физическая культура как феномен общей духовной культуры — спорт как национальный социальный ресурс — спорт как среда политического влияния — спорт в качестве артефакта дипломатического сотрудничества и публичной дипломатии — спорт как инструмент укрепления национальной безопасности.

Благодаря педагогическим и социальным, традиционным и нетрадиционным функциям спорта смело можно заключить, что современный российский спорт — прежде всего социальный институт, который представляет собой не только важнейший компонент российского социума, но и выступает существенным фактором поддержания устойчивого международного престижа нашей страны как спортивной державы [5].

Наибольшим научным и практическим потенциалом, безусловно, обладают исследования, посвященные проблемам спортивной дипломатии и роли спорта в обеспечении национальной безопасности, своего рода движение от «спортивного» до государственного суверенитета [1,2,3]. Спортивная дипломатия — ресурс «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии, предполагающая способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности. Проведение спортивных мероприятий — эффективная внешнеполитическая стратегия международного сотрудничества и демонстрации мировосстанавливающих намерений и одновременно политика вовлечения в эти процессы контрагентов и партнеров. Кроме того, если на межнациональном уровне спорт может служить реализации государственных интересов, то на глобальном уровне наиболее перспективная миссия спорта — привлечение внимания к глобальным проблемам современности (экологии, бедности, безграмотности, терроризма, расовой нетерпимости, социального неравенства) и пропаганда гуманистических идеалов.

Российский спорт как часть самобытной культуры российского народа имеет весомое значение для налаживания межгосударственных связей. Проведение общемировых спортивных меро-



приятий актуализирует международное спортивное взаимодействие и, как следствие, политические связи. Взаимоотношение осуществляется посредством межправительственных договоров о сотрудничестве в сфере физической культуры и спорта [2]. Общественно-политическая, некоммерческая миссия спортивной дипломатии такого рода по гуманистическому вектору ставит ее наравне с тем дипломатическим мессенджером спорта (в том числе и в политике), который воплощал бы праздник мира, священного перемирия, сократового, мифического, легендарного.

Однако спортивная дипломатия стала инструментом эскалации напряженности в современных международных отношениях, что, к сожалению, является неоспоримым трендом в сфере внешних сношений. В условиях обострения политической конкуренции между государствами, усиления информационной борьбы происходит актуализация спортивного дискурса как эффективного канала воздействия на массовое сознание и формирования международного имиджа стран и регионов.

Спорт во всей своей гамме характеристик сегодня занимает лидирующие позиции в новостной «повестке дня». Активное его включение политической журналистикой в массмедийное информационное пространство атрибутивно насыщено чертами манипулятивности, презентационности и звездности. Информационная спортивная политика реализуется, главным образом, посредством следующих технологий и стратегий: *мемизацию* и вирентность спортивного конфликта, его превращение в «мем» (Р. Докинз) и «медиавирус», борьбу за номинацию имиджевых спортивных событий и акторов, лавиноизацию невалидных спортивных расследований, приемы дегуманизации, демонизации и обезличивания субъектов отечественного спорта, дезинформации, мифотворчества, метафорических образах спортивной России. Вышеизложенные информационные технологии — ключевые *характеристики шоуизации* политизированного спортивного конфликта, обусловленного неизбежным смещением политики в digital-пространство.

Однако, несмотря на негативные «социокультурные» тенденции в международном и отечественном спорте, связанные с актуализацией антидопинговой истерии, мы беремся утверждать, что спорт и физическая культура — «золотой фонд» для реализации публичной и общественной дипломатии в стратегической коммуникации государств [4].

### **Список литературы:**

1. Аксянов А.С. Спорт в системе современных международных отношений // Новые тенденции развития общественных наук. Сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 2015. № 2.
2. Аксянов А.С. Спорт как инструмент современных политических процессов и основа государственной безопасности. М.: БИБЛИОГЛОБУС, 2018.
3. Боголюбова Н.М. Геополитика спорта и основы спортивной дипломатии: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. М. Юрайт, 2018.
4. Корнеева В.А. Актуализация спортивного дискурса «мягкой силы» в условиях эскалации политического напряжения // Дискурс-Пи. 2017. № 3–4 (28–29).
5. Милецкий В.П., Черезов Д.Н. Социодинамика спорта как института конфликто разрешения в современной России // Конфликтология. 2017. № 1.

### **Крюков Н.А.**

Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург

### **Крюкова Т.В.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

## ***ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В КОНФЛИКТОЛОГИИ***

### **Kryukov N.A.**

St Petersburg Mining University, St Petersburg

### **Kryukova T.V.**

St Petersburg state University, St Petersburg

## ***NEXT TASKS OF DIGITALIZATION IN CONFLICTOLOGY***

Начиная со времен Иоганна Гуттенберга и Ивана Федорова скорость распространения информации стала играть определяющую роль в сознании людей, формируя их поведение и судьбы целых народов. В настоящее время реализуется государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [1], что обусловлено стремительным развитием информационных технологий. «Одной из целей Программы является создание экосистемы

цифровой экономики РФ, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности и в которой обеспечено эффективное взаимодействие, включая трансграничное, бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан».

Информационные аспекты в конфликтологии имеют важное значение, т. к. влияют на организацию процессов управления конфликтом, анализ которых опирается на оценку достоверности релевантной информации. Конфликтология как междисциплинарная наука стремится адаптироваться к применению языка информационных технологий. Темп современной жизни, определяемый этим же информационным взрывом, часто служит причиной возникновения противоречий как на индивидуальном, так и социальном уровне. Однако, конфликты часто порождаются не множеством проблем, а их несогласованностью и неупорядоченностью. Задачи сортировки и описания иерархий в сложных структурах успешно решаются с помощью инструментария информационных технологий. Несмотря на успехи внедрения цифровизации в жизнь общества, она требует решения еще многих задач, связанных с объективными аспектами социальных взаимодействий, что прежде всего относится к конфликтологии как науке, создающей инструментарий для разрешения социальных противоречий и разработки мирных стратегий. Чрезвычайно важно адаптировать язык и логику описания задач конфликтологии для применения инструментария информационных технологий. В гуманитарной сфере широко используется так называемый сравнительный подход [2, с. 15], в рамках которого исследуются характеристики социума и проводится определенная структуризация для создания обозримой картины этих информационных потоков. Адекватность ситуации в каждый момент (*hicetnunc*) определяется детальными характеристиками общей картины и их соответствием друг с другом в рамках так называемой самосогласованной модели, используя различные шкалы, построенные на законах логики. В обыденной жизни часто используется двоичная логика («истина — ложь»). Для обоснования принимаемых решений при управлении конфликтом используется метод анализа иерархий (МАИ) Т. Саати [3, с. 34], построенный на модели троичной логики, в которой рассматриваются девять степеней градации. Логика отношений в социуме достаточно хорошо описывается с помощью математики, например, рефлексивных отношений «больше», «меньше» и «равно».

Возможна и большая детализация, однако для подобных измерений потребуется разработка эталона сравнения и уточнения этих различий. Следует отметить, что эти шкалы являются равномерными и описываются равнозначными интервалами. Но шкалы, описывающие сравнительные характеристики информационных потоков, являются логарифмическими и описываются неравномерными интервалами. Примером служит логарифмическая шкала закона Вебера — Фехнера [3, с. 313] «стимул — реакция», которая положена в основу шкалы отношений в МАИ. Так как информация представляет набор данных как качественного, так и количественного типа, то анализ ее достоверности представляет собой сложный процесс, требующий оценки по адекватным шкалам, а в ряде случаев синтез оценок по разным шкалам и их «сшивание» для представления в едином масштабе. Адекватность полученной картины с использованием таких шкал оценивается с точностью до одного интервала используемой шкалы. В рамках троичной логики с девятью степенями градации неопределенность получаемой информации будет составлять десять процентов. Для моделирования задач развития и прогнозирования необходимо оценивать эту неопределенность и учитывать ее численное значение в последующих циклах [4], в противном случае накопление погрешности порождает состояние двусмысленности и приводит к искажению истинности анализируемых посылок.

### **Список литературы:**

- 1 Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р. URL: <http://static.government.ru> (дата обр.15.07.2019).
2. Гидденс Э. Социология / при участии К. Бердсолл: пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005.
3. Саати Т.Л. Принятие решений при зависимостях и обратных связях: аналитические сети. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
4. Крюков Н.А., Крюкова Т.В. Манипулятивные практики как деструктивный фактор стратегии устойчивого развития // Конфликтология. № 1, 2017. С. 11–19.

**Крюкова К.В.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛОББИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ –  
ФОРМА АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ  
(НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА)***

**Kryukova K.V.**

St Petersburg state University, St Petersburg

***REGULATION OF LOBBY ACTIVITIES FORM OF ANTI-CORRUPTION  
POLICY (ON THE EXAMPLE OF THE EUROPEAN UNION)***

Лоббизм как институт влияния разнообразных групп интересов на управленческие решения государственных органов власти является неотъемлемой частью любой политической системы. Институционализация и регулирование лоббизма способствуют становлению цивилизованной системы политического лоббирования, под которой понимается реализация интересов различных групп и структур путем организованного воздействия на институты, принимающие политико-властные решения, и исключению в ходе представительства интересов нелегальных форм и механизмов и коррупционных практик. Тем не менее достаточно распространена точка зрения если не о тождественности, то близости таких явлений, как лоббизм и коррупция. Международное антикоррупционное движение Transparency International определяет коррупцию как «злоупотребление доверенной властью (служебным положением) в целях личной выгоды» [1], а лоббистскую деятельность как «любое прямое или не прямое общение (взаимодействие) с государственными служащими, лицами, принимающими политические решения или (их) представителями с целью оказания влияния на процесс принятия решений в публичной политике, осуществляемое любой организованной группой (интересов) или от ее имени» [2]. Вопрос регулирования лоббизма непосредственно связан с мероприятиями антикоррупционной политики тех или иных стран.

Опыт регулирования лоббизма в странах Европейского союза позволяет рассматривать в качестве элементов регулирования лоббистской деятельности следующие:

1. законодательство (законы) о лоббизме;
2. кодекс поведения лоббистов;
3. реестр лоббистов [3].

Законодательство о лоббизме может быть непосредственным, прямым, жестким, или опосредованным, косвенным, мягким, либо отсутствовать в принципе. Наличие кодекса поведения лоббистов преимущественно обусловлено непосредственным законодательным регулированием лоббизма, однако при наличии прямого нормативно-правового акта возможно и саморегулирование; отсутствие же закона не исключает в ряде случаев саморегулирование. Прямой закон, регулирующий лоббистскую деятельность, также обуславливает обязательность, а не добровольность реестра лоббистов. Следует отметить, что возможны небольшие нюансы в подходах стран к данному вопросу.

С опорой на исследования опыта регулирования лоббистской деятельности в странах ЕС представляется возможным утверждать, что существует определенная корреляция между регулированием лоббизма и коррупцией, что подтверждается, например, исследованиями Transparency International об индексе восприятия коррупции (индекс, измеряющий уровень восприятия коррупции в государственном секторе) в данных странах [4]: регулирование лоббистской деятельности снижает риск коррупции; это позволяет предположить, что регулирование лоббизма способствует повышению эффективности антикоррупционной политики.

### **Список литературы:**

1. Transparency International, Anti-Corruption Glossary. URL: <https://www.transparency.org/glossary/term/corruption> (дата обращения: 19.10.2019).
2. Transparency International Report. Lobbying in Europe. Hidden Influence, Privileged Access. 2015. P. 6. URL: [https://lobbying.transparency.org.ru/siloviki/files/2015\\_LobbyingInEurope\\_EN.pdf](https://lobbying.transparency.org.ru/siloviki/files/2015_LobbyingInEurope_EN.pdf) (дата обращения: 19.10.2019).
3. Regulation of lobbying across the EU. At a glance. December 2016. Infographic. European Parliamentary Research Service. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2016/595830/EPRS\\_ATAG\(2016\)595830\\_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2016/595830/EPRS_ATAG(2016)595830_EN.pdf) (дата обращения: 19.10.2019).
4. Индекс восприятия коррупции — 2018. Transparency International. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/> (дата обращения: 19.10.2019).

**Кузнецов Н.В.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***ФУНКЦИИ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ  
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ***

**Kuznetsov N.V.**

St Petersburg state University, St Petersburg

***FUNCTIONS OF CONFLICTOLOGICAL EDUCATION  
IN MODERN RUSSIA***

Название выступления может вызвать удивление, поражая своей простотой и даже банальностью, поскольку в любом учебнике и учебном пособии по конфликтологии можно встретить постоянно повторяющееся в различных вариациях перечисление функций конфликтологии, к которым относят, как правило, следующие: познавательную (гносеологическую), диагностическую, прогностическую, организационно-технологическую, управленческую, инструментальную, прагматическую (прикладную), образовательную. Простота и банальность заявленной темы позволяет высказываться полемично, даже резко, подчеркивая ясность позиции, формулируя простые и очевидные тезисы. Простота и банальность заявленной темы позволяет обратить внимание на некоторые принципиальные моменты, которые не всегда четко артикулируются в социальных, политических и идеологических условиях современной России. В условиях современной России очень часто забывают, как правило сознательно, об основной функции конфликтологии и конфликтологического образования, а именно о мировоззренческой функции, пытаясь правдами и не правдами либо искусственно «психологизировать» конфликтологию и конфликтологическое образование, либо оставить от конфликтологии только медиативные технологии. Конфликтология является подлинной междисциплинарной социальной наукой, поскольку диалектические принципы единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания, перехода количественных изменений в качественные, объясняющие механизмы развития человеческого общества, лежат и в основе объяснения сущности конфликта, который является результатом проявления объективных противоречий, присущих на определенном этапе развития любому социуму. Конфликтология как наука и конфликтологическое образование

как процесс созидания «человека разумного» осуществляют формирование представлений человека о мире и социуме, раздираемом экономическими, социальными, политическими, идеологическими противоречиями. В условиях государственной политики стандартизации образования, сокращения часов на социальные и гуманитарные дисциплины в силу их «ненужности» в наше узко-рациональное и прагматическое время, когда само образование отнесено к сфере услуг, а целью образования декларируется формирование не творца, а потребителя, поддержание качественного конфликтологического образования не только крайне важно, но и крайне необходимо, поскольку только на основании диалектического и материалистического подхода к объяснению конфликтности и противоречивости общественной жизни можно сформировать действительно «человека разумного», не находящегося в плену мифов и иллюзий, стереотипов и ложных надежд относительно своей судьбы и мира вокруг.

В современной России, как и в современном мире, социальные и политические мифы являются инструментом политического и государственного управления, так как эффективное осуществление власти невозможно без активного воздействия на массовое сознание, на политическую культуру общества, включающую в себя политический опыт, политические стереотипы, политические мифы, политические символы, политические ориентации, модели политического поведения. Искусственный характер современной российской социальной и политической мифологии хорошо и давно известен, с мифами об индивидуальной свободе и личном выборе граждан, о нейтралитете важнейших политических институтов, о плюрализме СМИ, о неизменной эгоистической природе человека, об отсутствии в обществе социальных конфликтов. Вспоминаются слова А.С. Пушкина: «Тьмы низких истин нам дороже / Нас возвышающий обман». Увы, но в современном российском обществе конфликтология и конфликтологическое образование не будут любимыми дитятами!



**Куконков П.И.**

Приволжский филиал ФНИСЦ РАН, Нижний Новгород

***ЭКСПЕРТИЗА СОЦИАЛЬНЫХ НАПРЯЖЕНИЙ  
В СИСТЕМЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ  
СОЦИАЛЬНОЙ ДЕСТРУКЦИИ***

**Kukonkov P.I.**

Volga Branch of the FCTAS RAS, Nizhny Novgorod

***EXAMINATION OF SOCIAL STRESS FORECASTING  
AND WARNING SYSTEM OF SOCIAL DESTRUCTION***

Социальное напряжение редко выступает самостоятельной целью социоконфликтологического исследования. Вместе с тем, наряду с процессами взаимопревращения социальных напряжений и конфликтов, принципиально важно изучение взаимосвязи и соотношенности социальных напряжений с социальной активностью, социальной пассивностью, насилием (структурным насилием), социальной деструкцией.

В условиях современной России принципиально важной задачей выступает анализ предрасположенности социального напряжения к трансформации в проявления социальной деструкции. Следует подчеркнуть, что в рамках становления социального напряжения сохраняется возможность прогнозирования и предупреждения деструктивных проявлений, необходимость блокирования которых предполагает уточнение специфики входа социального напряжения в пространство деструктивных практик.

Совокупность категорий, отражающих путь от социального противоречия к социальному конфликту, может быть представлена следующим образом: неудовлетворенность как сущность рассматриваемого типа отношений — напряжение как ее явление в социальной действительности, обострение которого происходит в форме социального конфликта. Основанием для возникновения социальных напряжений могут быть объективные условия совместной деятельности [1], фрустрированная идентичность [2], а также интерпретация сложившейся социальной ситуации: осознание несовместимости интересов [3], идентификация контрагента отношений неудовлетворенности [4, с. 16].

Построение концептуальной модели системы прогнозирования и предупреждения социальной деструкции, предполагает

органическое соединение комплексного знания о ее взаимосвязи с социальными напряжениями и практической деятельности — экспертизы процесса их взаимопревращения.

Основные цели экспертизы процесса трансформации социального напряжения в проявления социальной деструкции:

– в теоретико-методологическом плане уточнение концептуальной модели процесса трансформации социальных напряжений в проявления социальной деструкции;

– в методическом плане — социологическая операционализация, разработка и апробация методик прогнозирования и диагностики этого процесса;

– в содержательном плане — исследование социальных напряжений как фактора социальной деструкции, включенности элементов деструкции в структуру поведенческих практик.

Экспертиза социальных напряжений, включающая диагностику состояния социальных общностей, институтов и процессов, содержит определение достоверности информации о них, прогнозирование их последующих изменений и выработку рекомендаций для принятия управленческих решений. Основным результатом экспертизы социальных напряжений должно стать снижение степени неопределенности при принятии управленческих решений.

Используемые в настоящее время способы выявления и оценки потенциала социальной деструкции нередко оказываются не вполне адекватными, поскольку деструктивные проявления являются сложносоставными, многофакторными, а нередко и закрытыми от общества. Фрагментарность знаний о субъектах социальной деструкции может быть преодолена в процессе социологического исследования, позволяющего не только выявить и описать субъекты деструкции в условиях конкретной локально-территориальной общности, но и определить распространенность этого явления, степень проникновения деструкции в социальную структуру, зоны наибольшей распространенности и «ядра» социальной деструкции.

Группы показателей, описывающие процесс трансформации социального напряжения в проявления социальной деструкции:

1) показатели социальной депривации или фрустрации, фиксирующие уровень неудовлетворенности социальных субъектов;

2) показатели социальной идентификации, отражающие процесс осознания принадлежности к социальным группам, между которыми усиливается напряжение;

3) показатели включенности элементов деструкции в структуру действий, предпринятых или намечаемых к реализации;

4) характеристики потенциала деструктивной активности различных социальных групп.

### **Список литературы:**

1. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. М.: Изд-во МГУ, 1983.
2. Лебедева Н.М. Психологические исследования социокультурной модернизации. М.: РУДН, 2007.
3. Крисберг Л. Мир-созидание, мир-сохранение и разрешение конфликтов // СоцИс. 1990. № 11.
4. Куконков П. Социальная напряженность как этап в процессе развития конфликта // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М., 1995. Вып. 9, ч. 1.

### **Кулакова Т.А.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

### ***КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В РОССИИ\****

### **Koulakova T.A.**

St Petersburg State University, St Petersburg

### ***CONFLICT FACTORS OF THE IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE PROJECTS IN RUSSIA***

Политика модернизации и инноваций, стартовавшая в России в период президентства Д. А. Медведева, до сих пор испытывает противодействие со стороны архаичного сознания населения страны, косных структур государства и общества, формирует лишь островки либеральным образом сконструированных институций («Сколково», Открытые инновации, WorldSkills, АСИ, «Сириус», проект «Острова» и т. п.) посреди консервативного и изрядно сократившегося мира академических и научных институтов, производств, некогда составлявших цвет и надежду угасшей страны. Инновационные проекты становятся теми факторами, которые

\* Доклад подготовлен в рамках гранта РФФИ № 18-011-00705 «Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез как аналитическая стратегия».

определяют глубокие конфликты практически во всех сферах жизнедеятельности общества.

Новая трудовая этика, дискретное знание, ценности общества потребления, индивидуализм как основа очередного этапа модернизации в рамках модели догоняющего развития, поддерживаемая государством и его институтами, активно прививается молодому поколению. Естественный межпоколенческий конфликт отцов и детей дополняется идеологическим, ценностным, этическим разломом. Люди, вступившие в активный возраст лет на сорок раньше, несмотря на все достоинства и достижения, но «нагруженные» коллективистской этикой, признанием авторитета профессионалов, служением науке и делу воспринимаются как временный фактор, который будет неизбежно сметен естественными причинами. Выросло поколение, для которого получение профессионального образования как возможность изменения социального статуса, собственного развития в течение всей жизни более не является приоритетной социальной траекторией.

Разрушение заводов и производств индустриальной эпохи, системы подготовки и переподготовки производственных кадров, формирование экономики услуг и сервисного государства дали свои плоды [1].

Сегодняшнее положение дел не добавляет ясности целям, задачам, ресурсам и структурам очередного этапа инновационного развития — цифровой экономики. Новации цифровизации провоцируют не связь всех со всеми, а закрепление цифровой автономности и атомизации индивидов, цифровую эмиграцию в виртуальную безопасную реальность, где нет противоречий государств и цивилизаций, где царит абсолютная свобода для каждого. Уверовавшие в свою исключительность «креаклы» в технологической, финансовой сферах, в искусстве, возвращенные «государственными» деньгами (гранты, вознаграждения победителям многочисленных конкурсов и соревнований), имеют прочную установку на вхождение в цивилизованный мир без государственных границ и обязательств по отношению к населению, налогами с доходов которого оплачиваются «прорывные проекты».

Помощник Президента России Андрей Белоусов, раскрыв особенности отечественного законодательства по венчурному финансированию инвестиций в стартапы на заседании наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив, добился позитивной и действенной реакции Президента России на

сложившееся положение [2]. Ослабление регулирования венчурного финансирования со стороны Счетной палаты и других государственных органов власти в ручном режиме представляется достаточно простым управленческим решением, нежели создание институтов защиты интеллектуальной собственности с помощью технологии блокчейн.

Между тем, в развитых странах мира ищут новые модели организации инновационного развития с повышением ответственности за использование финансовых средств, поскольку стартапы не оправдали возлагавшихся на них надежд.

### **Список литературы:**

1. Рябцев Ю.С. Уровень управления страны. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HwzBb4tt8TU> (дата обращения 27.10.2019).
2. Белоусов рассказал Путину о риске «получить 20 лет» за инвестиции в стартапы. URL: [www.vedomosti.ru/technology/news/2019/09/18/811503-belousov](http://www.vedomosti.ru/technology/news/2019/09/18/811503-belousov) (дата обращения 20.10.2019).

### **Курочкин А.В.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

**КООРДИНАЦИОННАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО  
УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ:  
НОВЫЕ РИСКИ И КОНФЛИКТОРАЗРЕШАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ\***

### **Kurochkin A.V.**

St Petersburg State University, St Petersburg

**COORDINATION EFFICIENCY OF THE INNOVATION PROCESSES'  
PUBLIC ADMINISTRATION: NEW RISKS AND CONFLICT  
RESOLUTION POTENTIAL**

Сегодня мы живем в чрезвычайно сложном и конфликтогенном социуме, испытывающем различные (и порой противоположные) влияния со стороны глобальных, макрорегиональных и локальных экономических, политических и культурных вызовов.

---

\* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 19-1800115 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом».

С одной стороны, государство и общество сталкивается с угрозами, исходящими от процессов становления платформенного капитализма, новой глобализации, четвертой промышленной революции, а с другой — испытывают проблему целостности, суверенности и управляемости, порождаемую локальными политическими движениями и группами.

Первые определяют: опасность цифрового разрыва, непрозрачность процесса принятия решений, в силу его распределенного характера и сложной алгоритмизации процесса, прекаризацию рынка труда, влекущую за собой появление новых форм частичной занятости и в целом низкий уровень защиты прав трудящихся, непредсказуемость и отсюда — слабую управляемость процесса инновационного развития и т. д. Локальные тренды как правило противостоят глобальным (сообщества стремятся защитить собственную идентичность), но также неизменно испытывают их влияние, что существенно затрудняет систематизацию и анализ причин тех или иных социально-экономических и политических конфликтов.

Одно можно сказать достаточно определенно: чем более тесным и взаимосвязанным становится современный мир, тем более сложными, конфликтными и противоречивыми оказываются социальные, политические и экономические отношения. Виртуальная самопрезентация ведет не только к повсеместному распространению некоторой кажущейся полезной информации, но чаще всего к образованию сложной сети взаимной персональной и групповой неприязни, которая оказывается сравнительно легко модерируемой и манипулируемой извне уже в глобальном масштабе. Благодаря чему множатся латентные и явные конфликты, все чаще возникают координационные лакуны, когда государство по тем или иным причинам либо самоустраняется, либо оказывается неспособно исполнять роль медиатора, т. е. эффективно координировать конфликтные взаимодействия и согласовывать противоречивые интересы.

Инновационная сфера, в рамках которой взаимодействует множество акторов (научных и образовательных центров, бизнес-структур, органов государственного и муниципального управления и пр.), оказывается наиболее чувствительной к такого рода лакунам. Именно здесь координационная функция государства становится базовой и проявляется прежде всего в способности политико-административного аппарата согласовывать интересы

и требования локальных мобилизованных гражданских, профессиональных и экономических групп с общепризнанными целями, интересами и ценностями через институционализированные коммуникационные площадки. Наиболее эффективной (опять-таки, в аспекте конфликто разрешения и достижения устойчивого баланса интересов) формой координации и согласования интересов становятся сети.

Формирование сетевых взаимодействий на различных уровнях управления и расширение применения практик вовлечения в публичность [1, с. 176–210] способствует повышению конкурентоспособности государства. Именно сети создают ландшафт национальной инновационной системы, ее инфраструктуру, а также способствуют более эффективному процессу формирования динамических способностей политико-административного управления, развивающего разноуровневые взаимодействия с акторами инновационной системы — бизнесом и некоммерческим сектором.

Таким образом, эффективная координационная модель институционализированных коммуникаций органов государственной и муниципальной власти с ключевыми акторами инновационной системы должна отражать связность и взаимозависимость интересов и ценностей различных акторов, а также согласованный характер их взаимодействий.

Формирование инновационных процессов через явные, прямые, и неявные механизмы коммуникативного управления инновационными структурами, адаптацию и трансформацию социальной структуры и процессов формирования социальных идентичностей способствует выработке общественно признанных целей, разделяемых большинством публичных ценностей и интересов, которые и являются основой проектного управления решением проблем в условиях обострения глобальной конкуренции и явной неустойчивости мировой экономики.

### **Список литературы:**

1. Кулакова Т.А. Политика изменений: административные реформы и взаимодействие государства и общества. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. 382 с.

**Лабуш Н. С.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ МАССМЕДИЙНОГО  
ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ***

**Labush N. S.**

St Petersburg state University, St Petersburg

***THE CONFLICT POTENTIAL OF MASS-MEDIA SPACE  
OF MODERN RUSSIA***

Увеличение возможностей новых медиа по воздействию на социальные процессы требует особого внимания исследователей к той реальной среде, в которой разворачиваются современные конфликты в самом широком диапазоне — от гибридных войн до внутриличностных конфликтов. Выделяя массмедийное пространство как пространственную характеристику распространения массовой информации, мы имеем возможность отвлечься от доминирующих характеристик и свойств информационного и медийного пространства и сосредоточиться на тех особенностях, которые придают массмедийному пространству средства массовой информации. Как общество в целом, так и отдельный индивид оказываются погруженными в новую пространственную виртуальную реальность.

Массмедийное пространство, создаваемое и наполняемое традиционными и новыми медиа, обладает возможностями регулирования социальных отношений, воздействуя на трансформацию социальных противоречий, динамику конфликта.

Сами по себе средства массовой информации являются лишь средствами. А вот направленность их действий может быть двойственной как для общества в целом, так и для отдельной личности. При этом мы учитываем процесс активного внедрения в практику новых СМИ, которые стирают ранее существовавшую грань между медиа и массмедиа.

В условиях информационного общества принципиально не меняется «матрица» социального конфликта [4]. Изменению подвергаются ее элементы, что приводит к появлению нового вида социального конфликта — информационного. Он возникает и развивается по принципам «матричного» социального конфликта, но имеет особую специфику — информационные элементы в своей структуре.



Конфликтогенность массмедийного пространства современной России обусловлена совокупностью социальных противоречий, находящихся отражение в средствах массовой информации. Эти противоречия объективного и субъективного характера. Определяющим объективным свойством является функциональная предопределенность СМИ — отражать процессы, происходящие в обществе. И естественно, противоречия как источник развития социума находят свое отражение в «зеркале» СМИ. По сути, массмедиа идентифицируют непосредственных (явных или неявных) участников конфликтных событий — субъектов конфликта, отражают процесс их взаимодействия. Поэтому важнейшим условием эффективного функционирования СМИ является соблюдение принципов объективности, достоверности, позволяющих найти адекватную этапу развития общества форму разрешения конфликта. «В информационный век одно неточно сформулированное сообщение способно выступить катализатором международного конфликта, а информационная война, таким образом, — выйти за пределы медиа, в реальный мир» [1, с. 65].

Иное дело, когда СМИ становится активным участником конфликта, что стало естественным для общественной практики разных уровней. Более того, следует учитывать широкий спектр СМИ, представленных в медиaprостранстве России, разнообразных и противоречивых по политический направленности (от газеты «Правда» до радиостанции «Эхо Москвы»), религиозной принадлежности [3], целевой аудитории и т. д.

Современные массмедиа оказывают значительное воздействие не только на формирование общественного мнения, но и на мировоззрение целых слоев и социальных групп населения. Под воздействием СМИ происходит формирование и трансформация внутреннего мира человека. И здесь важно отметить, что это влияние может носить негативный аксиологический характер. В ситуации, когда СМИ занимают ведущую роль в массовой культуре, используют манипулятивную семантику и риторику, технологии разрушения сознания и конструирования специфических миров, внедряя в сознание индивида и социальных групп иную реальность, которой ничего не соответствует в социальной действительности, они конструируют альтернативную картину мира как индивида, так и общества в целом.

На разных этапах развития конфликта массмедийное пространство выполняет различные функции и задачи. Именно

посредством участия СМИ происходит обострение конфликта, сглаживание конфликта, создание условий перехода к следующей фазе. Но главное — массмедийное поле служит площадкой презентации, представления, позиционирования, сопоставления, сравнения, противопоставления, борьбы, поражения, победы одних ценностей над другими.

Особый интерес у исследователей вызывает так называемый блоковый конфликт, сочетающий в себе различные типы противоречий, но находящийся под воздействием различных информационных потоков целостного массмедийного пространства [2, с. 20–30].

Подключение информационно-конфликтогенного менеджмента как системы целенаправленного информационного воздействия на отношения противоборствующих сторон и на сами стороны позволяет решить две важнейшие задачи: удержать конкурентные взаимодействия в рамках несилового и правового поля; минимизировать, а в идеале — исключить влияния деструктивного информационного воздействия на внутреннюю конфликтную среду извне. При этом обращает внимание идеальная (позитивная) и реальная (негативная) модель информационного сопровождения конфликта, приводящие к противоположным результатам [5, с. 26].

### **Список литературы:**

1. *Гусман М. С.* Роль СМИ в регулировании международных конфликтов // *Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения (17–19 мая 2018 г.)*. СПб.: СпбГУП, 2018.
2. *Майборода Э. Т., Цанко М. И.* Информационно-конфликтологический менеджмент блоковых конфликтов // *Этнические проблемы современности. Материалы 53-й науч.-метод. конф. «Университетская наука — региону» (20 апреля 2008 г.)*. Вып. 13. Ставрополь: Изд-во СГУ.
3. *Поташинская Н. Н.* Религия и средства массовой информации // *Берегиня*. 777. Сова. 2012. № 3 (14).
4. *Грязнова Е. В., Афанасьев С. В.* Социальный конфликт в информационном обществе: к вопросу о типологии. URL: [https://enotabene.ru/knt/article\\_21737.htm](https://enotabene.ru/knt/article_21737.htm) l (дата обращения: 14.04.2019).
5. *Прикладная конфликтология для журналистов / сост. М. Мельников*. М.: Права человека, 2006.

**Лавров Н.В.**

Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, Санкт-Петербург

**Лаврова Н.М.**

Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига, Санкт-Петербург

**Лавров В.В.**

Центр научно-практической медиации «Согласие», Санкт-Петербург

***СЛУЖБА МЕДИАЦИИ В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ*****Lavrov N. V.**

St Petersburg state pediatric medical University, St Petersburg

**Lavrova N. M.**

All-Russian professional psychotherapeutic League, St Petersburg

**Lavrov V. V.**

Center for scientific and practical mediation «Consent», St Petersburg

***MEDIATION SERVICE IN PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTION***

Служба медиации, создаваемая в дошкольном образовательном учреждении (ДОУ) в соответствии с распоряжением Правительства РФ [5], несет ответственность за урегулирование конфликтов, возникающих между детьми, а также между их родителями, воспитателями и представителями администрации учреждения. В настоящее время выделяется ряд направлений посреднической деятельности при разрешении разногласий между участниками конфликтов. Во-первых, имеется в виду примирительная медиация с отказом спорных сторон от причинения вреда друг другу; во-вторых, согласительная с договором о партнерстве и конструктивном сотрудничестве; в-третьих, восстановительная, поддерживающая благоприятную социальную среду в коллективе; в-четвертых, психотерапевтическая с минимизацией последствий, обусловленных негативным эмоциональным стрессом во время спора; и, в-пятых, системная с отработкой навыков коммуникации в конфликтной ситуации и умения принимать решения после оценки доступной информации по значимости и достоверности. Именно последний инновационный тип медиации, базирующейся

на системно-информационной концепции [1; 2], характеризует синергетичную структурную организацию службы медиации в ДОУ, которая определяется как служба системной дошкольной медиации (СДМ).

Процесс формирования СДМ прослеживался в МБДОУ № 27 детский сад «Огонек» муниципального образования города Ялта, Республика Крым. СДМ создавалась при активной поддержке заведующей ДОУ Л.В. Подоплеловой. Руководитель службы был назначен после издания приказа о включении службы в структуру ДОУ. Выполнение своих обязанностей он начал с проведения совместного заседания сотрудников ДОУ и родителей детей, сообщив о задачах службы и перспективе ее становления. Сотрудники и родители, проявившие интерес к СДМ, совместно с руководителем службы составили расписание мероприятий, в ходе которых знакомились с теорией медиации и практическими методами, в том числе с технологией «Карта медиации», которая изложена в монографиях [3; 4].

Наблюдения, проведенные в ДОУ, показали, что в большинстве случаев конфликты возникают из-за своевольных гиперактивных детей, которые ссорятся со сверстниками, нарушают порядок в группе и провоцируют столкновения между родителями и воспитателями. Поэтому коррекция поведения таких детей составляла актуальную задачу СДМ, которая решалась тремя методами обучения. Во-первых, дети запоминали полученные наставления, во-вторых, накапливали индивидуальный опыт общения с окружающими в проведенных игровых занятиях, а также, в-третьих, усваивали навыки мобилизации интеллекта, находя выход из проблемных ситуаций, которые моделировались в ходе занятий. Последний метод широко используется в образовательных учреждениях. Умение совместно решать общую проблему служило предпосылкой согласия в условиях разнообразных мнений членов группы.

### **Список литературы:**

1. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1985.
2. Лавров В.В. Интерфейс мозга и психики. Saarbrücken: OSM, 2017.
3. Лаврова Н.М., Лавров В.В., Лавров Н.В. Конфликт и карта медиации. СПб.: Бريدж, 2012.
4. Лаврова Н.М., Лавров В.В., Лавров Н.В. Медиация: принятие ответственных решений. М.: ОППЛ, 2013.

5. Распоряжение Правительства РФ от 15.10.2012 N 1916-р (ред. от 19.12.2014) «Об утверждении плана первоочередных мероприятий по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей».

**Лагутин О. В.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ  
В МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ЦИКЛАХ РАЗВИТИЯ  
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА\***

**Lagutin O. V.**

St Petersburg State University, St Petersburg

**CONSTRUCTING POLITICAL IDENTITY IN THE MODERNIZATION  
CYCLES OF THE RUSSIAN STATE'S DEVELOPMENT**

Формирование собственного цивилизационного проекта — центральная стратегическая задача российской государственности на современном историческом этапе, в основе которого лежит конструирование российской национально-цивилизационной идентичности. Кризис идентичности, выраженный в проблеме национального самоопределения, влечет перспективу потери суверенитета российской государственности, ее культурной и территориальной целостности. Методологическими основами разработки и реализации государственной политики идентичности современной России являются такие принципы, как историческая субъектность российского государства; незыблемость цивилизационного суверенитета российского государства; признание структурообразующей роли русского фактора для российской полиэтнической цивилизации [1, с. 293–302]. Целенаправленная политика формирования идентичности по определению обладает модернизационным потенциалом, а сочетание наличия определенного типа идентичности в обществе и результативной модернизации как

---

\* Предлагаемый доклад выполнен в рамках реализации проекта «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспектив», грант РФФИ № 19-011-31616.

комплексного направления государственной политики является неременным условием реализации цивилизационного проекта.

Изучая эволюцию отечественной политической системы, можно выделить три общественно-политических уклада: старомосковский, петербургский (имперский), советский. Каждый из трех укладов имеет ранний и поздний цикл. Кирилл Холодковский выделяет так называемый четырехтактный ритм каждого цикла: 1) поиск новой модели общественно-государственного устройства; 2) утверждение новой модели (восходящая ветвь); 3) изживание господствующей модели (нисходящая ветвь); 4) кризис, порождающий новый период поиска следующей модели — нового уклада [2, с. 16–21]. Каждый из укладов имел свой модернизационный рывок с нестабильной системой управления, когда Россия действительно становилась серьезным конкурентом западной цивилизации и довольно преуспевала в этой конкурентной борьбе. Это периоды правления Ивана IV, Петра I и Иосифа Сталина, которые характеризовались нестабильной аварийной системой управления. Причинами перехода на аварийную систему управления были: отсутствие доступа к западным рынкам сбыта, отсутствие инноваций, характерных для конкретного исторического периода, и перманентное враждебное внешнее окружение.

В каждом из этих периодов была сконструирована своя модель идентичности как важнейший структурный элемент конкурентоспособности государствообразующей нации. Однако с распадом общественно-политических укладов распадалась и модель идентичности. Условием конструирования адекватной новой модели идентичности является признание прав исторического наследия всех общественно-политических укладов, агрегация и артикуляция элитами не только краткосрочных задач развития, но и четкое видение стратегического будущего страны. Для этого необходимо осознание возможностей ресурсного потенциала страны, мобилизационных возможностей управленческой системы.

### **Список литературы:**

1. Рудаков А.В., Миронов А.Н. Ценности, традиции и идентичность как концептуальные основы политики России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4.
2. Холодковский К. Г. Механизм российской цикличности // ПОЛИС. Политические исследования. 2011. № 6.

**Леонов Н.И.**

Удмуртский государственный университет, Ижевск

## **ПРОБЛЕМА ТЕЗАУРУСА СОВРЕМЕННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ**

**Leonov N.I.**

Udmurt State University, Izhevsk

## **PROBLEM OF THESAURUS OF MODERN CONFLICTOLOGY**

Общепризнанно, что современная конфликтология — междисциплинарная наука. Это не вызывает сомнений и дает возможность каждой науке внести свою лепту в ее развитие. С другой стороны, наблюдается тенденция размывания самого понятийного аппарата конфликтологии: отмечается многообразие в понимании и содержательной сути понятия «конфликт», нечетко определяются понятия «поведение в конфликте», «стратегии поведения», «конфликтное поведение», «конфликтное взаимодействие» и др.

Г. Зиммель, впервые вводит в научный оборот понятие «конфликт» и определяет его как *борьбу, спор*. Центральным понятием социологии он считает формы взаимодействия — одинаковые способы отношений в различных по целям и назначению общественных группах, в каждой из которых обнаруживаются «господство и подчинение, конкуренция, подражание, разделение труда, образование партий, представительство, одновременность сомкнутости внутри и замкнутости извне» и др. [2, с. IX]. Общество представлено как бесчисленное множество взаимодействий. Согласно теории Зиммеля, конфликты неизбежны, так как они обусловлены самой природой человека. Л. Козер, используя результаты эмпирических и теоретических исследований, рассматривает гипотезы, относящиеся к социологии групп. Козер различал в анализе Зиммеля социологическую и психологическую составляющие, считая главным предметом своего изучения конфликты в группах, а не особенности индивидуального поведения.

Таким образом, исторически сложились две парадигмы в исследовании конфликта: философско-социологическая и психологическая. Новые исследования такого явления, как конфликт, несмотря на их рассредоточенность по разным направлениям отраслей научного знания, умножают версии понятия «конфликт», его классификации, перечень причин и подходов. Идет понятийное иногда невосприятие друг друга, с одной стороны, с другой



стороны, исследователи представляют результаты эмпирического исследования, используя методы, противоречащие исходным теоретическим основаниям. Усугубляется эта ситуация еще и тем, что институционально направление «конфликтология» отнесли к психологическим наукам, и этот факт нельзя игнорировать. Множатся авторские позиции в понимании сущности такого явления, как конфликт. Современная конфликтология есть система более или менее связанных научных парадигм, каждая из которых объясняет определенные стороны или типы конфликтов. Психология конфликтов на сегодняшний день является не только важнейшей составной частью конфликтологии, но и строгой научно-методической основой конфликтологической практики. Использование диспозиционного подхода способствует появлению различных объяснительных моделей конфликтного поведения. Н. В. Гришина изучает конфликт с позиций ситуационного подхода. Б.И. Хасан, исходя из подходов конструктивной психологии, конфликт рассматривает как движущую силу развития, который при этом конструируется и, соответственно, прогнозируется и управляется. Междисциплинарная методология позволяет строить исследование в системном аспекте, основные положения которой разрабатываются, начиная с 1988 г., А.Я. Анцуповым совместно с С.Л. Прошановым, А.И. Шипиловым, С.В. Баклановским, В.В. Ковалевым. Онтологический подход, определяя человека как активного, конструирующего социальную реальность, «позволяет понять взаимосвязь образов конфликтной ситуации и реального поведения в конфликте» [3, с. 322].

Насущная задача сегодняшнего дня — определиться с современным содержанием понятийного аппарата конфликтологии, чтобы минимизировать понятийное невосприятие, так как каждая отрасль научного знания располагает своим научным аппаратом в объяснении проблем конфликтологии.

### **Список литературы:**

1. *Зиммель Г.* Социальная дифференциация / пер. с нем. Киев: Южно-Русское книгоиздательство Ф.А. Иогансона, 1898.
2. *Coser L.* Theorie sozialer Konflikte: Soziologische Texte. Bd. 30 / hersg. von H. Maus, F. Fürstenberg. Berlin: Hermann Luchterhand Verlag, 1965.
3. *Леонов Н. И.* Конфликтология: общая и прикладная. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019.



**Леонов И.Н.**

Удмуртский государственный университет, Ижевск

### **КОНЦЕПЦИЯ «СПИРАЛИ КОНФЛИКТА» Р. РУММЕЛЯ**

**Leonov I.N.**

Udmurt State University, Izhevsk

### **THE “CONFLICT HELIX” CONCEPT OF R. RUMMEL**

Рудольф Руммель — американский политолог, известный благодаря его концепции *демоцида* (преднамеренного убийства невооруженного населения представителями государственной власти). Им была предложена модель конфликта в рамках собственной теории поля, связывающей как психологические, так и социальные феномены, и процессы. Теория поля Р. Руммеля представляет собой синтез идей диалектики, физических, психологических и социальных теорий поля. Он анализирует конфликт как феномен поля, разворачивающийся в реальности на нескольких уровнях: возможностей; сторон и их сил; манифестации.

Конфликт является процессом балансирования векторов сил и их возможностей производить эффект. Это столкновение сил, динамичное балансирование, а не состояние стабильного баланса. А попытки искоренить конфликт в надежде на установление гармонии и кооперации будут приводить к возникновению застывшей структуры, неспособной к изменениям.

Для описания конфликта на уровне возможностей им предлагается понятие «конфликт-пространство» — как пространство возможных конфликтов в силу наличия противоположных векторов сил.

На уровне сторон и сил возможности трансформируются в тенденции, обладающие определенной силой проявления. На данном уровне конфликт раскрывается в двух аспектах: как конфликт-структура — расположение сторон в пространстве, которое можно описать через дистанцию между ними (материальную, психологическую, социальную, культурную и статусную) и как конфликт-ситуация — взаимодействие противоположных сил (физических, психологических, социальных) и их балансирование. Так, рабы и рабовладельцы — это стороны конфликта, в них отражается социальная структура, но сам факт наличия данных классов не несет информации об их силе, с которой они могут действовать

в конфликте. Конфликт-ситуация — это ситуация, в которой противоположные тенденции активизируются и силы сторон конфликта-структуры проявляются. В обществе, где рабы и рабовладельцы придерживаются нормативной системы, узаконивающей рабство, существует конфликт-структура, но нет конфликта-ситуации. Но если на данной территории распространится религия, проповедующая равенство и свободу и обличающая рабство, рабы осознают факт своей эксплуатации, а рабовладельцы — необходимость защиты своих интересов. Диспозиции трансформируются в фактические противоположные силы — возникает конфликт-ситуация.

На уровне манифестации конфликт проявляется в поведении и конкретных действиях, предпринимаемыми сторонами конфликта, обладающими определенными силами. Так, рабы, осознавшие несправедливость своей эксплуатации, могут организовать побег или напасть на рабовладельца. Значение данного действия — манифестация и балансирование противоположностями своих сил. Баланс между противоположными силами, который может возникнуть на данном уровне, приводит к прекращению конфликта. Возникновение нового баланса сил между сторонами становится возможным только в результате манифестации конфликта, являясь его эффектом. Таким образом, на уровне манифестации происходит как столкновение сторон, обладающих определенными силами, а конфликт становится явным, так и возникает новый баланс сил. В существующих в обществе ролях, нормах и практиках проявляется баланс между социальными силами. Рассмотрение дела в суде, включающее в себя обращение к нормам — проявление балансирования сил, результатом которого станет вынесенное решение — достигнутый баланс сил.

Используя разработанную теорию поля, Р. Руммель выделяет несколько типов общества на основе дистанций, существующих между элементами социальной структуры, и сил, которыми они обладают. К этим типам относятся общество авторитета, структурированное традициями, обычаями и принципами; общество обмена, структурируемое интересами его участников; общество принуждения, в котором интеракции между участниками контролируются с использованием угроз и деприваций. Подчеркивается, что каждому из этих обществ присущи как своеобразные конфликты, так и предпочитаемые способы их разрешения.

Таким образом, Р. Руммель предложил свою модель конфликта, где он выводится не просто из социальной структуры, а из системы

отношений, которая может быть описана как множество взаимодействующих полей. Подобная модель несет в себе эвристический потенциал и для изучения социальных структур, и для решения конфликтологических задач, позволяя рассмотреть конфликт и практики по его разрешению в существующем социальном контексте.

### **Список литературы:**

1. *Rummel R.J. Death by Government.* Transaction Publishers, 1997.
2. *Rummel R.J. Field Theory Evolving.* Sage Publications, 1977.
3. *Rummel R.J. Statistics of Democide: Genocide and Mass Murder since 1900.* Lit Verlag, 1999.
4. *Rummel R.J. The Conflict Helix: Principles & Practices of Interpersonal, Social & International Conflict & Cooperation.* Transaction Publishers, 1991.
5. *Rummel R.J. Understanding conflict and war.* Beverly Hills, California: Sage Publications, 1976.

### **Леонтьева Э.О.**

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск

***КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ КАК КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ФАКТОР  
НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ: МИФ О «ЖЕЛТОЙ УГРОЗЕ»,  
ЕГО ИСТОРИЯ, СМЫСЛЫ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ  
И СОЦИАЛЬНЫЕ КОННОТАЦИИ***

### **Leont'eva E.O.**

Pacific National University, Habarovsk

***CHINESE MIGRATION AS A CONFLICT FACTOR IN THE FAR EAST:  
«THE YELLOW THREAT» MYTH, ITS HISTORY, MEANINGS,  
IDEOLOGICAL AND SOCIAL CONNOTATIONS***

**История вопроса.** Первые упоминания о «желтой опасности» относятся к концу XIX в. Тогда же начинается интерес к изучению китайской диаспоры в России, появляется множество работ, возникает волна общественного интереса. В 1860–1880 гг. сложились основные внешние миграционные потоки, и уже в 1908 г. китайцы составляли 25 % населения Хабаровска, 35,5 % населения Владивостока, 70 % рабочих на предприятиях региона [3, с. 74]

## **Особенности восприятия темы «желтой угрозы в начале XX в.:**

1. Воспринималась как территориальная и политическая — недавнее оформление границы не позволило сформировать механизмы контроля [4, с. 37].

2. Повышенное внимание к желтой теме без расистских коннотаций на всех уровнях [4, с. 42]: бытовом, правительственном, экспертно-научном.

3. Высокомерное отношение к «желтым» в сочетании с дружелюбностью: положительный взгляд на китайский труд и пренебрежительное отношение к его носителям [3, с. 13].

Новая инкарнация мифа о желтой угрозе — конец XX в. в связи с усилением торговой миграции между Россией и КНР.

**Субъективная сторона — как воспринимают россияне и жители ДВ.** Опросы показывают, что воспринимают двойственно. В 2017 г. 50 % дальневосточников считали, что Китай угрожает целостности Российской территории, была треть согласна с тезисом о китайской экспансии [5, с. 21]. Вместе с тем среди угроз безопасности России на ДВ рост экономической и военной мощи Китая занимает последнее место (17 %)/ после политики США, международного терроризма, недостаточного внимания к ДВ со стороны федеральной власти. По данным ВЦИОМ, также число жителей считающих китайскую угрозу реальной оценивается в 30 % [10].

Особенностью этого восприятия является противоречие между отношением к китайцам как к людям (неприязнь) и к Китаю как стране (уважение).

**Объективная сторона.** Данные по статистике миграций, объему внешней торговли и инвестиционному сотрудничеству не дают оснований говорить об экспансии Китая. Миграционный прирост за 20 лет не показал существенного роста, количество выданных разрешений на проживание и лиц, получивших гражданство намного меньше представителей других стран дальнего зарубежья [8]. Объем инвестиций в российскую экономику, никогда не занимавший приоритетных позиций, падает с 2017 г.

**Экспертные оценки.** Анализ экспертных мнений П. Бажанова [2], В. Ларина [6], П. Минакира [7], А. Маслова [9], Л. Бляхера [1] и др. показал, что угроза китайской экспансии либо вообще лишена оснований [1; 6; 9], либо ее не будет «до тех пор, пока сохранится благоприятный режим внешней торговли» [2].

Почти все эксперты поддерживают мифологический характер тезиса о желтой угрозе, связывая его с ложными стереотипами [9] и раздвоенностью сознания в отношении китайцев [6].

**Вывод.** В сравнении с ситуацией «желтой угрозы» конца позапрошлого века современный миф строится на тезисе об экономической, а не территориальной экспансии, не подтвержденном ничем, кроме данных опросов. До 40 % россиян чувствуют эту угрозу, причем относятся к китайцам с неприязнью и высокомерием. Это противоречие означает, что миф сохраняет свой высокий конфликтогенный потенциал.

### Список литературы:

1. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В. Вглядываясь в зеркала: смысловые трансформации образа Китая в российском социуме. Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2015. № 1 (76). С. 24–38.
2. В Китае коммунизм или капитализм? URL: <https://meduza.io/feature/2019/10/05/v-kitae-kommunizm-ili-kapitalizm-pomogli-lirasstrelu-pobedit-korrupsiyu-zaberut-li-kitaytsy-sibir-u-rossii/> (дата обращения: 15.09.2019).
3. Константинов Г.Д., Ляшковский В. Н. Китайская диаспора в Хабаровске 1858–1938 гг. Хабаровск, 2019.
4. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009.
5. Ларин В. Л., Ларина Л. Л. Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.). Россия и АТР, 2018. № 2(100). С. 5–33.
6. Ларин В. Л. Китай нуждается в России для реализации своих весьма амбициозных проектов. URL: <https://amurmedia.ru/news/608144/> (дата обращения: 19.09.2019).
7. Минакир П. А. Китай более сильный в экономическом отношении партнер, чем Россия. URL: <https://amurmedia.ru/news/611547/> (дата обращения: 19.09.2019).
8. Официальный сайт ФМС России URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/18630986/> (дата обращения: 14.09.2019).
9. Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115512> (дата обращения: 14.09.2019).
10. Сосед, партнер, конкурент? Россияне о Китае. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2255> (дата обращения: 13.09.2019).

**Лепехин Н.Н.**

Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург

**Тихомирова Н.В.**

Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург

***ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ  
МОЛОДЕЖИ В КОНФЛИКТЕ***

**Lepekhin N.N.**

St Petersburg State University, St Petersburg

**Tikhomirova N.V.**

St Petersburg State University, St Petersburg

***PSYCHOLOGICAL PREDICTORS OF YOUNG PEOPLE  
CONFLICT RESILIENCE***

В условиях нарастания социальных, организационных стрессоров социально-психологической напряженности увеличивается конфликтогенность коммуникации различных уровней [6, р. 623–630]. Вследствие широкого распространения социальных сетей живое общение часто заменяется виртуальным, что затрудняет формирование коммуникативной компетентности у современной молодежи [7, р. 31–36]. При попадании в сложную ситуацию социального взаимодействия молодым людям не хватает конфликтологической культуры для конструктивного разрешения противоречий. Особую актуальность в связи с этим приобретает исследование личностной устойчивости в конфликте.

Устойчивость в конфликте (conflict resilience) — это особый вид психологической устойчивости, а именно способность личности в предконфликтной ситуации или же непосредственно в ситуации конфронтации выстроить поведение таким образом, чтобы не допустить деструктивной эскалации конфликта, грамотно построить коммуникацию на любом этапе конфликта, восстановиться после конфликта, оптимизировать отношения с оппонентом и сохранить гибкость мышления [1; 5, р. 68–75].

Конфликтоустойчивость определяется рядом компонентов: эмоциональным (эмоциональная саморегуляция), волевым (самоконтроль, самообладание), познавательным (анализ ситуации, принятие решений, аргументация), мотивационным (направленность на решение проблемы) и психомоторным (адекватность

миимики и жестов, владение телом) [1]. К этим компонентам иногда добавляют социально-психологический — влияние личностных особенностей, стереотипов, оценок окружающих [3, с. 548–555].

Было проведено исследование психологических предикторов устойчивости в конфликте и их связи с конфликтогенностью поведения. В качестве предикторов исследовались: эмпатия (часть эмоционального компонента), умение слушать (волевой, познавательный и психомоторный компонент) и коммуникативный самоконтроль (волевой компонент). В качестве показателей конфликтогенного поведения фиксировались: обидное сравнение, общение из позиции «сверху» и «снизу» [4], безучастное отношение, нескорректированность действий и смыслов [6], обманутые ожидания, агрессивное поведение, неточность речи [2] и др.

Для исследования были выбраны следующие методики: 1) тест коммуникативного самоконтроля М. Снайдера [8]; 2) тест оценки коммуникативных умений (вариант 2) [7]; 3) опросник для диагностики способности к эмпатии А. Мехрабиена, Н. Эпштейна [5]; 4) опросник «Индикаторы конфликтогенного поведения молодежи»; 5) опросник «Степень выраженности индикаторов конфликтогенного поведения молодежи». Выборку составили участники формирований подростково-молодежного клуба (15–23 года) в количестве 36 человек.

Была обнаружена взаимосвязь между уровнем коммуникативного самоконтроля и степенью выраженности индикаторов конфликтогенного поведения (Спирмен) ( $r = 0,412$ ,  $H_1$ ,  $\alpha = 0,013$ ). Можно предположить, что человек, способный входить в любую роль, гибко реагировать на изменение ситуации, способный предвидеть впечатление, которое производит на окружающих, будет чаще и смелее вступать в конфликт, так у него больше возможностей контролировать его развитие и конструктивное завершение, чем у человека с низким уровнем коммуникативного самоконтроля. Следовательно, коммуникативный контроль можно отнести к составляющей конфликтологической компетентности, но нельзя считать предиктором конфликтоустойчивости.

Была выявлена обратная взаимосвязь между умением слушать и степенью выраженности индикаторов конфликтогенного поведения ( $r = -0,438$ ,  $H_1$ ,  $\alpha = 0,008$ ). Иными словами, чем выше у респондента развито умение слушать партнера по коммуникации, тем более конфликтоустойчиво он себя будет вести. Если человек точнее воспринимает информацию, проявляет участие, не перебивает,



дает партнеру возможность высказать свой взгляд и позицию, то ему будет значительно проще избежать выстраивания коммуникативных барьеров, а он сам будет восприниматься партнером как неконфликтный человек.

Была обнаружена обратная взаимосвязь между способностью к эмпатии и степенью выраженности индикаторов конфликтного поведения ( $r = -0,544$ ,  $H_1$ ,  $\alpha = 0,001$ ). Чем выше у человека развита способность сочувствовать, сопереживать, ставить себя на место партнера по коммуникации, тем реже он будет вступать в конфликт, тем он более устойчив к конфликтам. Такой человек вызывает больше доверия и отклика у окружающих. Таким образом, подтверждена гипотеза, что умение слушать и способность к эмпатии являются психологическими предикторами устойчивости к конфликтам у молодежи.

### Список литературы:

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: учебник для вузов. 6-е изд. СПб.: Питер, 2015. 528 с.
2. Болотова, А. К. Психология коммуникаций: моногр./ А.К. Болотова, Ю.М. Жуков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 495 с.
3. Ланских М.В. Формирование конфликтоустойчивости современных студентов / М.В. Ланских, И.А. Кучерявенко, Н.С. Ткаченко // Проблемы современного педагогического образования. 2016. No. 51-5. С. 548–555.
4. Рубин Дж., Пруйт Д., Ким Хе Сунг Р. Социальный конфликт: эскалация, тупик, разрешение. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. 352 с.
5. Столяренко Л.Д. Основы психологии: практикум / Л.Д. Столяренко. Издание 11-е. Ростов-н/Д.: Феникс, 2009. 686 с.
6. Межличностная коммуникация: теория и жизнь: учебник / О. И. Матяш [и др.]. СПб.: Речь, 2011. 560 с.
7. Большая энциклопедия психологических тестов / авт.-сост. А. А. Карелин. Москва: Эксмо, 2009. 416 с.
8. Практическая психодиагностика: методики и тесты: учеб. пособие / ред. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2006. 672 с.
9. Aall P. Building Resilience and Social Cohesion in Conflict / P. Aall, С.А. Crocker// Global Policy. 2019. No. 10(S2). P. 68–75.
10. Mulki J.P. Regulation of emotions, interpersonal conflict, and job performance for sales people / J.P. Mulki, F. Jaramillo, E.A. Goad, M.R. Pesquera // Journal of Business Research. 2015. No. 68(3).



11. *Wartberg L. Internet gaming disorder and problematic social media use in a representative sample of German adolescents: Prevalence estimates, comorbid depressive symptoms and related psychosocial aspects / L. Wartberg, L. Kriston, R. Thomasius // Journal of Business Research. 2019. Vol. 103. P. 31–36.*

**Литвинова Т.Н.**

Одинцовский филиал МГИМО МИД России, Одинцово, Московская область

***КРАТКОСРОЧНЫЕ И ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ  
ЧЕЧЕНСКОГО КОНФЛИКТА***

**Litvinova T.N.**

MGIMO University Odintsovo campus, Odintsovo, Moscow region

***THE SHORT-TERM AND LONG-TERM EFFECTS  
OF THE CHECHEN CONFLICT***

Чеченский конфликт, хронологически распавшийся на две военные операции, Первую чеченскую войну (1994–1996 гг.) и Вторую чеченскую войну (режим КТО 1999–2009 гг.), повлек за собой противоречивые и кровавые последствия, омрачившие новейшую историю нашей страны. Становление современного Российского государства неразрывно сопряжено с этим событием. Практически все дискуссии о перспективах федеративного и административно-территориального устройства возвращают нас к угрозе сепаратизма и центробежных тенденций, которые в течение долгого времени связывались с Чечней.

События в Чечне в 1990-е гг. вызвали широкий общественный резонанс и появление массы исследований, как в России, так и за рубежом. Одной из фундаментальных работ на эту тему является монография В.А. Тишкова [6], в которой анализируется этнография и социально-культурная динамика чеченского общества в условиях вооруженного конфликта. Богатством фактического материала отличается третий том монографии И.М. Сигаури [4] о Чеченской Республике Ичкерия. Проблемы урегулирования чеченского конфликта анализировали А. Малашенко и Д. Тренин в своей книге «Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России» [1].

Исследования иностранных авторов В. Беннет, Дж. Данлопа, С. Смита [10; 13; 14] объединяла критическая оценка действий

федеральной власти, отказавшейся от поиска компромисса и переговоров с Д. Дудаевым в период Первой чеченской войны. Среди работ, опубликованных за границей в начале 2000-х гг. (К. Блэнди [11], М. Боукер [12, р. 255–268] и др.), часть вины за развитие Второй чеченской войны возлагается уже на чеченских лидеров, которые не смогли создать действенные институты власти в республике, а в вопросах государственного строительства взяли на вооружение идеи радикального ислама.

23 марта 2003 г. был проведен референдум по принятию новой Конституции Чеченской Республики, провозглашающей ее неотъемлемой частью России. Это событие стало несомненным успехом на пути достижения стабильности в Чечне.

Цель доклада — обратиться к урокам Чеченского конфликта, осмыслить его непосредственные и долгосрочные последствия.

Во-первых, после переворота 6 сентября 1991 г. в Грозном часть территории бывшей Чечено-Ингушской Республики, населенная ингушами, оказалась с неопределенным статусом. При этом ингушами был поднят вопрос о возврате территорий, потерянных во время депортации 1944 г., находящихся в составе Северной Осетии. 4 июня 1992 г. Верховный Совет России принял Закон об образовании Ингушской Республики [8, с. 119]. Однако в законе ничего не говорилось о территориальной реабилитации ингушей. Эта неопределенность привела к вооруженному осетино-ингушскому конфликту в октябре — ноябре 1992 г.

Вторым следствием стало установление диктатуры Д. Дудаева. Хотя новое руководство республики ввело демократические институты — президентство и парламент, скоро противоречия между Д. Дудаевым и парламентом Чечни привели к кризису власти. В феврале 1993 г. Д. Дудаев попытался внести изменения в Конституцию (которая просуществовала меньше года). Парламент резко осудил эту попытку [7]. 4 июня 1993 г. Д. Дудаев разогнал неудобный ему Парламент ЧР, а также Конституционный суд и мэрию г. Грозного. Оппозиционные партии и газеты были запрещены, лидеры оппозиции перешли на нелегальное положение. Новый парламент, возобновивший работу в середине июня, был превращен Д. Дудаевым в проводника интересов исполнительной власти. Сепаратистские настроения Д. Дудаева и его команды, провозглашение суверенитета и попытки сформировать независимое государство привели к Первой, а затем Второй чеченским войнам. Поводом к вводу федеральных сил в 1999 г. стал неудачный рейд чеченских

боевиков в Дагестан с целью создания на территории Чечни и Дагестана исламского государства.

Долгосрочные последствия Чеченского конфликта продолжают проявляться через двадцать пять лет после начала его вооруженной фазы.

Во-первых, следует отметить, что социально-экономические последствия двух войн все еще не преодолены: безработица, низкое развитие производства и недостаток рабочих мест, потери культурных ценностей. В целях восстановления республики были приняты две Федеральные целевые программы: «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики», рассчитанная на 2002–2007 гг.; «Социально-экономическое развитие Чеченской Республики на 2008–2012 годы». В результате были восстановлены города, многие населенные пункты, система образования, здравоохранение, социальное обеспечение [3, с. 136–137]. Вместе с тем, неразвитость экономики обуславливает необходимость дотаций из федерального бюджета.

Уровень занятости населения по-прежнему сильно отстает от общероссийских показателей. В первом квартале 2019 г. уровень безработицы в Чечне составил 13,9 %, причем в возрастной группе от 20 до 29 лет — более 40 % [5]. Кроме того, нельзя забывать и о таком социальном последствии — целое поколение людей в Чечне выросло в условиях военных действий.

Во-вторых, хотя сепаратисты ушли в подполье, они все еще угрожают безопасности нашей страны. Их политические лозунги распространяются через Интернет-сайты, пропагандирующие отделение Чечни и Северного Кавказа. В последние годы они присоединились к риторике и борьбе запрещенной в России организации ИГИЛ, которая проводит террористические акты в различных частях мира.

В-третьих, в 2018 г. возник территориальный пограничный спор с соседней Ингушетией, который привел к социально-политическому кризису. 26 сентября 2018 г. глава Республики Ингушетия Ю.-Б. Евкуров и глава Чеченской Республики, Р. Кадыров подписали соглашение об установлении границы между Ингушетией и Чечней [9].

Население Ингушетии крайне негативно подошло к вопросу об установлении субнациональных границ, т. к. мнение местного населения не было учтено при подписании Соглашения. И хотя постановление Конституционного суда РФ поставило точку

в спорном вопросе [2], ингуши отмечают неравные условия передачи территорий.

Таким образом, остается ряд социально-экономических и политических последствий Чеченского конфликта, преодоление которых требует пристального внимания властей и больше времени.

### **Список литературы:**

1. Малашенко А., Тренин Д. *Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России*. М., 2002.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2018 г. № 44-П «По делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия “Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия”» // Российская газета. 2018. 20 декабря.
3. *Решиев С.С.* Постконфликтное развитие Чеченской Республики и международный опыт // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2012. № 1 (16).
4. *Сигаури И.М.* Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. III. М.: Русь, 2002.
5. Социально-экономическое положение Северо-Кавказского федерального округа в I квартале 2019 года. 2019. Росстат. С. 50–51. URL: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc\\_1140086420641](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086420641) (дата обращения: 19.07.2019)
6. *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченкой войны). М.: Наука, 2001.
7. Указ Президента Чеченской Республики от 8 февраля 1993 г. № 8 «О проведении опроса граждан Чеченской Республики об их отношении к принятию новой редакции конституции и о создании комиссии по учету предложений граждан о необходимости внесения изменений и дополнений в Конституцию» // Ичкерия. 1993. 13 февр. (№ 13).
8. Федеральный Закон №2927-1 от 4 июня 1992 г. «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» // Патигов Я. С. *Республике Ингушетия — 10 лет. (1992–2002). Хроника становления республики с комментариями и приложениями*. Магас: Сердало, 2002.

9. *Цветкова О.В.* Урегулирование территориальных споров на Северном Кавказе: правовые основы и неформальные практики // Вестник Российской нации. 2019. № 2. С. 95–101.
10. *Bennet V.* Crying wolf: The return of war to Chechnya. London: Pan Books, 2001.
11. *Blandy C. W.* Chechnya: Normalization. London: Conflict Study Research Center, 2003.
12. *Bowker M.* Conflict in Chechnya // Russian politics under Putin / ed. by C. Ross. Manchester: Manchester University Press, 2004.
13. *Dunlop J.* Russia confronts Chechnya: Roots of Separatist Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
14. *Smith S.* Allah's Mountains: Politics and war in the Russian Caucasus. London, 1998.

### **Лучшева Л.В.**

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань

#### ***КОНФЛИКТЫ И АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ (На примере вузов Республики Татарстан)***

### **Luchsheva L.V.**

Kazan National Research Technological University, Kazan

#### ***CONFLICTS AND ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF RUSSIAN UNIVERSITIES (On the example of universities of the Republic of Tatarstan)***

Уделяя большое внимание выстраиванию отношений с другими странами, российское правительство активно использует такой ресурс, как привлечение иностранной молодежи к обучению в отечественных вузах.

В учебных заведениях Республики Татарстан сегодня обучается около 8 тысяч иностранных студентов из 15 стран ближнего и 98 стран дальнего зарубежья. В число самых востребованных среди иностранных студентов вузов входят Казанский Федеральный университет (КФУ), Казанский национальный исследовательский технический университет (КНИТУ(КАИ)), Казанский национальный исследовательский технологический университет

(КНИТУ(КХТИ), Казанский государственный медицинский университет (КГМУ). Традиционно в рейтинге по числу своих студентов в республике лидируют Узбекистан, Туркменистан, Казахстан, Киргизия, далее идут студенты из стран дальнего зарубежья.

Для формирования мотивационных установок в выборе страны и вуза иностранным абитуриентом большую роль играет опыт родителей в получении образования, в данном случае образования в России. Для молодых людей из стран Центральной Азии выбор обучения в татарстанских (казанских) вузах России является привлекательным силу общности языковых корней, культурных традиций, единства религии (ислама) с местным населением.

Для определенной же части студентов получение высшего образования в России оказалось вынужденной мерой. Этим молодым людям не удалось поступить в вуз своей страны или попасть в международные образовательные программы Европы и США, а кто-то в силу действующих квот оказался «не в том вузе» и «не на той специальности».

Когда поднимается вопрос обучения иностранных студентов, то в первую очередь указывают на проблему их адаптации, которую принято рассматривать как многофакторный процесс, включающий социально-коммуникативную, социально-бытовую и этнокультурную составляющие.

Под социально-коммуникативной адаптацией понимается сложный процесс налаживания адекватного обмена информацией с представителями принимающей стороны, преодоление языкового барьера и освоение языка.

Социально-бытовая адаптация — это процесс приспособления к менталитету принимающей стороны [1].

Этнокультурная адаптация может рассматриваться с позиций теории «культурного шока», где сам культурный шок оценивается как естественная реакция на новые условия [2]. Такая адаптация влияет на психику адаптируемого и связана с его вхождением в культуру другой страны. Успех преодоления культурного шока зависит от многих факторов: у студентов из крупных городов адаптация происходит быстрее, чем у студентов из сельской местности. Религиозным студентам в Татарстане помогает адаптироваться единство религии.

Низкий же уровень подготовки затрудняет адаптацию иностранцев, приводит к конфликтам в процессе обучения и отчислению за неуспеваемость. Доля отчисленных иностранных студентов

из стран Центральной Азии в вузах РТ составляет 35 %, многие из отчисленных пополняют ряды нелегальных мигрантов.

На адаптацию иностранных студентов влияет степень толерантности принимающей стороны. Отечественные СМИ видят — зачастую небезосновательно — в приезжих источник распространения идеологии терроризма и экстремизма. Правоохранительными органами РТ были определены страны, по которым было рекомендовано ограничение приема абитуриентов. Поэтому мы не всегда готовы видеть проблемы иностранца, оказавшегося в российском студенческом сообществе.

Российские студенты также нуждаются в разъяснительной работе в отношении к своим иностранным однокурсникам. Иностранных студентов в первую очередь волнует собственная безопасность, которую некоторые связывают с незнанием российских законов.

Если экспорт образовательных услуг сегодня рассматривается как способ продвижения интересов страны и как доходная часть российского общества, то данная сфера, как и любая другая приносящая доход, требует определенных инвестиций. Затраты на иностранного студента станут вложением и в российского студента, расширят его кругозор, помогут осознать сложность картины мира основанной на понимании и принятии культурного многообразия.

### **Список литературы:**

1. *Моднов С.И., Ухова Л.В.* Проблемы адаптации иностранных студентов, обучающихся в техническом университете // Ярославский педагогический вестник. № 2, т. 1 (Гуманитарные науки). 2013. С. 111–115.
2. *Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Омарова Н.И.* Учебная миграция в Республике Татарстан: адаптация и интеграция студентов из государств Центральной Азии. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Артефакт, 2014. С. 16.



**Магомедсалихов Х. Г.**

Дагестанский гуманитарный институт, Махачкала

***КОНФЛИКТНАЯ МОДЕЛЬ ДАГЕСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА:  
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ***

**Magomedsalam Kh. G.**

Dagestan humanitarian Institute, Makhachkala

***CONFLICT MODEL OF DAGESTAN SOCIETY:  
TRADITIONS AND MODERNITY***

Социология конфликта исходит из того, что бесконфликтных обществ нет и в принципе не может быть, так как социальный прогресс происходит через конфликт. Конфликт — это перманентное и имманентное состояние социума, а потому каждая социальная структура имеет собственную конфликтную модель, посредством которой балансирует взаимоотношения в обществе и обеспечивает динамическую стабильность и прогресс. Конфликтная модель общества обусловлена разными причинами и факторами, посредством этой модели возможно идентифицировать этнос / социум, проникнуться в этно- или социопсихологию / ментальность. Приоритетные ценности определяют конфликтную модель социума; для горцев Дагестана в числе главных приоритетов всегда были социальный статус «Его», а также экономические интересы. На этой почве традиционное дагестанское общество было конфликтогенно, свидетельством чего могут быть данные Наркомата внутренних дел. Так, в 1925 г. в республике было зарегистрировано 219 убийств, число которых в 1926 г. возросло до 245 [1, с. 162]. Защитой статуса (чести и достоинства — «Его») было мотивировано абсолютное число конфликтов в горских обществах, куда также входила кровная месть, похищения женщин, ущемлением гендерного статуса мужчин и др. В таком контексте следует понимать стих Р. Гамзатова: «Они живут в горах высоко с времен Пророка ли, Бог весть, / И выше всех вершин Востока считают собственную честь». На эту же особенность горского образа жизни обращал внимание русский демократ А. Бестужев-Марлинский: «Бедна его родина; но спроси, за что любит он эту родину, <...> он скажет: “Здесь я делаю что хочу, здесь я никому не кланяюсь; эти снега, эти гольцы берегут мою волю”» [2].

Основными причинами и факторами формирования обостренного чувства собственного достоинства горцев были следующие:



социальное равенство, экономическая свобода и право собственности, жизнь, основанная на морали и этике, гражданская ответственность и солидарность.

В контексте конфликтности необходимо рассматривать обусловленность горской ментальности экологическим фактором, когда среда обитания сыграла существенную роль в формировании ментальности горцев. Еще французский мыслитель XVIII в. Шарль Луи Монтескье обратил внимание на корреляцию этнопсихологии географической средой / экологией: «Бесплодие земли делает людей изобретательными, воздержанными, закаленными в труде, мужественными, способными к войне; ведь они должны сами добывать себе то, в чем им отказывает почва. Плодородие страны приносит им вместе с довольством изнеженность и некоторое нежелание рисковать жизнью» [3].

Однако ландшафт с сильно пересеченным рельефом обеспечивал местному населению безопасность, что находилось в согласии с основной биологической потребностью — выживанием, самосохранением. А потому весь уклад жизни горцев был подчинен обороне (сторожевые башни, поселения в естественно защищенных местах, типы жилищ с поземными сообщениями и т. д.). На почве востребованности физической силы традиционное горское общество было маскулинным, и потому Е. Марков назвал горный Дагестан «Страной непочатой силы» [4, с. 550]. К тому же все горцы были поголовно вооружены, что на порядок увеличивало конфликтный потенциал в обществе. Тем самым в горах был накоплен значительный конфликтный потенциал, основанный на физической и духовной энергии, который часто разряжался в виде острых социальных конфликтов.

Конфликтная модель включала в себя адекватные способы профилактики и разрешения конфликтов, каковой стала третейская форма разрешения — маслаат. Основанный на шариате, адате и моральных устоях, маслаат представлял собой наиболее эффективную форму разрешения конфликтов, призванную обеспечить самосохранение общества и социальную стабильность.

В советский период конфликтная модель дагестанского общества, наряду с общественным бытом, трансформировалась. Однако маслаатская форма во многих случаях разрешения острых социальных конфликтов осталась востребованной.

В постсоветский период, когда произошла деструкция советской системы социальных отношений, а новая социальная конструкция не сложилась, роль маслаатской формы разрешения конфликтов

обрела особую актуальность. Тем более что ни советская, ни постсоветская социальная конструкция не предложили адекватной альтернативы третьей стороне. И потому почти все случаи непреднамеренных убийств в Дагестане решаются через посреднический суд — маслаат, для чего при Муфтияте РД действует Комитет по маслаату. В районных центрах Дагестана эту миссию выполняют представители духовенства, в лице имамов мечети. Для наглядности заметим, что за 9 месяцев 2018 г. в республике совершено 1261 ДТП, в котором погибли 286 [5]. Значительная часть этих конфликтов регулируются посредством маслаата.

### **Список литературы:**

1. *Пирбудагов Н.П.* История становления и развития дагестанской милиции в 20-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1998. С. 162.
2. *Бестужев-Марлинский А.* Амалат-бек. URL: [https://booksafe.net/book/bestuzhev\\_marlinskiy\\_aleksandr-ammalat\\_bek-257](https://booksafe.net/book/bestuzhev_marlinskiy_aleksandr-ammalat_bek-257) (дата обращения: 15.06.2019)
3. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов. С. 126 // Интернет-ресурс.
4. *Марков Е.* Очерки Кавказа. Картины Кавказской жизни, природы и истории. СПб.; М., 1887. С. 550.
5. Интернет-Ресурс. URL: <https://05.мвд.рф/news/item/14662238> (дата обращения: 14.06.2019)

### **Маженина Е. А.**

Кемеровский государственный университет, Кемерово

### **СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ\***

### **Mazhenina E.A.**

Kemerovo State University, Kemerovo

### **MODERN PRACTICES OF SOCIAL PROTEST IN THE LIFE SYSTEM**

Протест присутствует в любой системе социально-политических отношений, но особенно остро и эмоционально он проявляется в отношениях по обеспечению жизни и безопасности людей. Протестные

\* Работа выполнена при поддержке ГРАНТа РФФИ № 18-411-420001/19; ГРАНТ-Регион № 10,2019.

акции, с одной стороны, дестабилизируют общественную жизнь, а с другой — сигнализируют о насущных проблемах, которые требуют решения. Современные практики социального протеста существенно меняются, что требует необходимости исследования.

Система жизнеобеспечения становится напряженной сферой отношений между населением, требующим «нормальной» жизни и органами власти, действия которых ограничены инструкциями и правилами «нормативности». Практики жизнеобеспечения (взаимопомощь, самообеспечение), составляющие традиционную подсистему, не реализуют новых запросов людей в организации жизни. Логика и арсенал форм работы с населением профессиональной подсистемы жизнеобеспечения не настроены на оперативное удовлетворение потребностей, запросов людей в решении проблем жизнеустройства. «Умные технологии» (smart) управления создают лишь видимость удобства общения граждан с властью, но не способны обеспечить понимание проблем людей и новые форматы удовлетворения их требований. Отсутствие понимающего типа умных технологий (human), новые потребности и осознание своих прав на достойное жизнеобеспечение становятся причинами социальных протестов.

Социальный протест является одной из форм социального конфликта. Это, как правило, открытая реакция людей, направленная на защиту поправленных прав, окружающей среды, существующих свобод, материальных гарантий и др. Это способ выражения неудовлетворенности людей состоянием дел или ходом развития событий [1]. Другими словами, протестное поведение основано на заинтересованности людей в преобразованиях условий своей жизни.

Социальные протесты в современной России характеризуются разнообразием видов и форм. Протесты классифицируют по масштабу: федеральные, региональные, локальные, количеству участников: индивидуальные, коллективные; степени законности: санкционированные и несанкционированные, конвенциональные и неконвенциональные; методам: насильственные, ненасильственные; сферам жизни: политические, экономические, культурные, бытовые и др.; формам: традиционные, инновационные.

Можно отметить *современные практики социального протеста*:

Протестное голосование на выборах разного уровня. После отмены графы «против всех» исследователи электоральной активности российского населения отмечают негативную идентификацию избирателей.

Консолидация общественного возмущения. Активизация кампаний в поддержку осужденных по «политическим статьям», по поводу трагических событий, угрозы безопасности и др.

Сетевая протестная активность. Информационные и коммуникационные технологии формируют новые возможности для выражения гражданской позиции, коллективной мобилизации. Социальные сети рассматриваются как «эффективный информационный, мобилизационный, солидаризационный и синхронизирующий ресурс, где минимизированы временные, финансовые и эмоциональные затраты». Используются технологии визуализации протеста с использованием различных символов. Закрепляется практика протестного *слактивизма* — формы гражданской активности, которая инициирует участие пользователей Интернета в виртуальной протестной деятельности (например, подпись петиций, комментарии, обличающие власть), но в реальной жизни подобной деятельности не происходит.

Практики протестного поведения имеют региональные, территориальные особенности. Например, Кемеровская область — ресурсный регион. Здесь начинались первые масштабные забастовки шахтеров в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в., возмущенные люди перекрывали транспортные пути, приезжали протестовать в Москву и др. В последнее время протестную направленность приобрело противостояние жителей и угледобывающих предприятий в районах открытой добычи угля, максимально приближенной к жилой зоне. В связи с тем, что проблемы долгое время не решались, в июне 2019 г. сто семей г. Киселевска отчаявшись, записали видеообращение к премьер-министру Канады и генеральному секретарю ООН, жалуясь на сложную экологическую обстановку в регионе, произвол владельцев шахт, подземные пожары, и попросили предоставить им статус беженцев. Это новая форма своеобразного протеста сложилась от безысходности, тяжелых жизненных условий и неэффективности взаимодействия с властью.

Таким образом, в настоящее время появляются новые практики протестного поведения в качестве реакции на традиционные проблемы, критического отношения к организации жизнеобеспечения. Исчерпав возможности легальных путей продвижения гражданских требований, люди находят оригинальные варианты заявить о своих потребностях в улучшении жизни. Современные информационные технологии становятся инструментом гражданской креативности.

## **Список литературы:**

1. *Козырев Г.И.* От социального протеста к социально-политическому конфликту. URL: <http://kozyrev-gi.ru/pages/ot-sotsialnogo-protesta/> (дата обращения: 10.10.2019).

### **Мальцева Д.А., Дедуль А.Г.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

#### ***ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ «ОБЩЕСТВА РИСКА»\****

### **Maltseva D.A., Dedul A.G.**

St Petersburg state University, St Petersburg

#### ***TRANSFORMATION OF GOVERNANCE IN THE CONDITIONS OF "ISK SOCIETY"***

Несмотря на существенное изменение миропорядка за последние десятилетия, государственное управление испытывает на себе влияние процессов «унифицирующей» цифровизации, формирующей новую управленческую реальность. Трансформация российской экономики в экономику знаний обуславливает необходимость поиска методов, обеспечивающих эффективность разработки, имплементации и коррекции инновационной политики в условиях сетевого общества. В настоящих условиях реализация национальных интересов государства фактически детерминирована поиском места в системе мировых отношений, испытывающих на себе перманентное влияние рискогенных факторов.

В настоящий момент времени конкурентные преимущества политических акторов обеспечиваются стратегиями внутренних реакций на возникающие риски. Именно в условиях «общества риска» государства стремятся сформировать новые коммуникативные пространства управления, благоприятные для имплементации эффективных политических стратегий в сферу государственной политики.

В ситуации, когда процессы информатизации и цифровизации трансформируют информацию в многоканальную и комплексную систему, образующую глобальный информационный хаос,

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00115 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом»).

необходимость внедрения конкурентоспособных политических сценариев на международной арене ставит перед национальными органами власти задачу анализа всего потока существующей информации, объемы которого катастрофичны. В такой системе очевидной становится необходимость применения инновационных механизмов ее обработки, способствующих, с одной стороны, выработке креативных решений, а с другой — реализации регулирующих сценариев, что позволяет формулировать наиболее эффективные управленческие стратегии.

Акцент в исследовании паттернов принятия политических решений смещается на описание «процессов», посредством которых устраняется неопределенность в ожиданиях политических событий и политических решений. Готовность к выработке и принятию управленческих решений политическими акторами обуславливается процедурами артикуляции и последующим сужением возможных альтернатив посредством согласования рисков и опасностей, без чего невозможно эффективно реализовать заявленную в Стратегии НТР необходимость ответа социальных институтов на большие вызовы на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук.

Научное сообщество рекомендует предпринимать усилия для снижения уровня риска посредством оценки вероятности, регулирования и эффективной коммуникации с общественностью и другими заинтересованными сторонами. В случае успеха, подходы, основанные на оценке риска, рассматриваются не только как наиболее рациональные средства управления ограниченными государственными ресурсами, но также и как наиболее экономически эффективные.

Таким образом, «общество риска» и его характеристики указывают на важность повышения степени «альтернативности» вырабатываемых политических решений.

Так, В.С. Капустин отмечает, что «уклонение властей от риска принятия решения в ситуации неопределенности ликвидирует возможность дальнейшего эволюционного развития, и страна обречена на будущие “волевые” решения и на очередную жесткую потерю социальной устойчивости. Пытаясь не допустить катастрофы, власть обрекает себя на борьбу с “излишним социальным разнообразием» [1].

Таким образом, поиск «новых» управленческих кадров и «инновационных» механизмов принятия управленческих решений может стать основополагающей задачей в реализации «стратегии

прорыва». «Общество риска», стремительное развитие информационных технологий, в том числе динамичная цифровизация публичной политики, увеличивают уровень неопределенности и требуют превентивного воздействия и стабилизации политической ситуации. Системное управление рисками на этапах выработки и имплементации государственной политики позволит повысить степень эффективности системы государственного управления. Снижение субъективности, спорадичности, повышение прозрачности и обоснованности решений, измерения их эффективности на основе системы релевантных индикаторов, выбор стратегических решений на основе расчетов альтернативных вариантов обеспечит целенаправленность, преемственность и непрерывность процессов администрирования, минимизировав применение потенциально опасных процедур, угрожающих национальной безопасности.

### **Список литературы:**

1. *Капустин В. С.* Анализ рисков административного управления: синергетический подход. М., 2003. URL: <http://nonlin.ru/node/80> (дата обращения: 04.10.2017).

### **Мансуров Т.З.**

Казанский федеральный университет, Казань

***ПОСТРОЕНИЕ ПРОЕКТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ  
РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ  
КОНКУРИРУЮЩИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ  
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ***

### **Mansurov T.Z.**

Kazan Federal University, Kazan

***CONSTRUCTION OF PROJECTS OF NATIONAL DEVELOPMENT  
OF THE REPUBLIC OF ABKHAZIA IN THE CONDITIONS  
OF FORMING COMPETING INTEGRATION PROCESSES  
IN THE POST-SOVIET SPACE***

Рассмотрение особенностей национального развития Республики Абхазия привлекает внимание исследователей в связи с той ролью, которую «непризнанные государства» играют в формировании трансформационных процессов на постсоветском



пространстве. После вооруженного конфликта в Южной Осетии в 2008 г. и признания независимости Абхазии со стороны России, а также некоторых других государств мира, экономическое и политическое развитие данной республики получило новый импульс. Изменение статус-кво в южнокавказском регионе способствовало тому, что в республике усилилось влияние тех общественных и политических сил, ориентированных на независимое развитие государства, в котором Россия выступает единственным стратегическим партнером и союзником Абхазии.

Если до 2008 г. построение проектов национального развития Абхазии в основном ориентировалось на формирование более тесных связей и отношений с Россией вплоть до вхождения в ее состав, то после получения частичной независимости преобладающим стал проект постепенного формирования республики как самостоятельного субъекта международного права. При этом во внутривнутриполитическом развитии Абхазии важную роль продолжает играть Российская Федерация, выступающая гарантом ее безопасности, а после подписания с ней ряда договоров и соглашений, между странами сложились, по сути, ассоциированные отношения. Интеграция между Россией и Абхазией представляет собой некий симбиоз процессов, протекающих в рамках региональной организации и союзного государства.

На сегодняшний день реализация проектов независимого развития или вхождения в состав России на правах субъекта федерации представляется сложно осуществимой. Если в первом случае этому мешает непризнанный статус самой республики, то во втором — давление и экономические санкции западных стран. В связи с этим Абхазия использует различные возможности и форматы взаимодействия с другими странами.

Проект реинтеграции Абхазии не имеет широкого хождения на территории «непризнанной республики», за исключением, возможно, Галльского района Абхазии, преимущественно населенным этническими грузинами. Несмотря на все планы, программы, стратегии по мирной реинтеграции бывшего автономного региона, предлагаемые Грузией, не приносят значительного результата. Отношения сторон межэтнического конфликта развиваются в отдельных сферах, носящих статус-нейтральный характер, и не затрагивают политические вопросы его урегулирования. Реализация проекта, связанная с интеграцией Грузии в евроатлантические структуры и, в частности, с подписанием ею Соглашения об ассоциации с Европейским союзом, не получает значимого развития на



территории Абхазии в связи с отсутствием должного доверия и понимания между сторонами конфликта и проведением Грузией политики односторонних уступок.

Попытки России интегрировать Абхазию, как, впрочем, и Южную Осетию, в региональные структуры постсоветского пространства (СНГ, ОДКБ, Евразийский союз) также сталкиваются со значительными трудностями. Они объясняются слабостями институционального развития этих организаций и возражениями других государств относительно принятия в их ряды стран с неопределенным международно-правовым статусом. При этом в перспективе существенное влияние на национальное развитие Абхазии, находящейся на пересечении важных торговых путей, могут оказывать такие крупные региональные проекты, как Шанхайская организация сотрудничества или Экономический пояс Шелкового пути, а усиливающаяся конкуренция организаций на постсоветском пространстве будет определять пути решения грузино-абхазского конфликта.

**Милецкий В. П., Яколенко А. Д.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМАТЫ ФУНКЦИОНАЛА ИНСТИТУТОВ  
КОНФЛИКТОРАЗРЕШЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА  
В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА***

**Miletskiy V. P., Yakolenko A. D.**

St Petersburg State University, St Petersburg

***MODERN FORMATS OF FUNCTIONAL INSTITUTIONS  
OF CONFLICT RESOLUTION OF THE RUSSIAN SOCIETY  
IN THE FIELD OF HUMAN RIGHTS***

Современные институты конфликто разрешения российского общества в сфере обеспечения прав человека как объект социологического исследования представляют собой разновидность социальных институтов, которые возникают и функционируют для удовлетворения потребностей общества в обеспечении безопасности социума посредством предупреждения урегулирования и разрешения конфликтов, связанных с защитой прав человека. Именуемые также правозащитными организациями, они призваны обеспечивать сведение к минимуму нарушений прав человека,

а также формировать статистику, осуществлять мониторинг, подготавливать законопроекты и поправки в нормативные правовые акты, оказывать консультационную и юридическую помощь, организовывать демонстрации и гражданские инициативы, а также привлекать внимание органов государственной и муниципальной власти к актуальным запросам общества.

*Форматы функциональной деятельности таких организаций — это способы выстраивания и подачи ими своей правозащитной деятельности.* Современные форматы воплощаются в содержании исследовательской работы и практической деятельности таких организаций, как, например, Мемориал, Московская Хельсинкская Группа, ОВД-Инфо, Агора, Гражданский контроль, Совет по правам человека при Президенте РФ, Уполномоченный по правам человека в РФ и регионах и других. Ими в рамках такой функциональной деятельности активно проводится доказательная и экспертная работа, в рамках которой — «любое наше утверждение, что где-то и что-то было, что где-то и кто-то был убит, всему этому нужны архивные или другие доказательства». Так утверждают сами правозащитники. Современные правозащитные организации используют онлайн-обучение, воркшопы, тренинги, чтения и семинары, а также проводят образовательные школы по правам человека как часть правозащитного образования в России. На уровне образовательных учреждений ими организовываются лекции, хакатоны, а также встречи со студентами и школьниками.

Вместе с тем в правозащитном сообществе стали активно применяться такие форматы коллективной работы с обществом, как, например, проект «Последний адрес Мемориала», включая использование крауфайндинга и фандрайзинга, по логике которого, по словам представителя этой правозащитной организации, — это «очень важная задача, она говорит о коммуникации. Мы понимаем, что мы должны делать так, чтобы люди нас понимали, мы должны слышать, что люди нам говорят».

В российском обществе набирает популярность волонтерство, в рамках которого много людей делают это в свободное от работы и учебы времени. Активно распространены социальные проекты, передачи заключенным и раздаточный материал наблюдателям в сотрудничестве с муниципальными властями, а также с благотворительными организациями. Правозащитные организации стали делать акцент на региональные проекты — информационные, просветительские, экскурсионные. При этом и публичное пространство тоже вступает в межличностную коммуникацию

с человеком. Кроме того, в правозащитном сообществе запущены региональные проекты по гражданскому контролю.

Сотрудничество, исключаящее официозную системность, становится главным форматом взаимодействия организаций между собой. Такая система никогда не сможет справиться с новыми вызовами, наоборот, становясь более неповоротливой. Регулярно организации проводят совместные общественные кампании, формируют петиции к вышестоящим органам, а также предоставляют площадки под общественные мероприятия. Ключевым направлением для институтов конфликто разрешения в сфере обеспечения прав человека в настоящее время по этой причине стала разработка медиастратегии под лозунгом: «Выход из гетто и более доступное общение с гражданами».

Эти и другие процессы отражают не только деятельность правозащитных организаций как реакцию на происходящие изменения в стране и обществе, но и запросы общества на безвозмездную помощь, правовое образование, жертвования, массовость и гласность их активности, а также популяризацию тематики прав человека в целом.

## **Миримановф Ж. А.**

Государственный Совет Женева, Женева, Швейцария

### **НА ПУТИ К ЛУЧШЕМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ МЕЖДУ СУДЬЯМИ, МЕДИАТОРАМИ И АДВОКАТАМИ НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ МЕДИАЦИИ С ПОМОЩЬЮ ИНСТРУМЕНТАРИЯ CEPEJ**

## **Mirimanoff J. A.**

Geneva Council of State, Geneva, Switzerland

### **TOWARDS A BETTER COOPERATION BETWEEN JUDGES, MEDIATORS AND LAWYERS NEW CHALLENGES FOR DEVELOPING COURT-RELATED MEDIATION THROUGH CEPEJ TOOLKITS**

Implying a change of paradigm concerning our way to behave when confronted to conflicts, mediation is not surprisingly evolving very slowly, in most of the Council of Europe (CoE) Members States (MS)\*.

Switzerland needed a decade to present a unified code of civil procedure (CCP), and at the surprise of the mediation interested circles the first draft prepared by the Ministry of Justice did not contain any provision about mediation. For the first time, the Swiss Group of Judges for Mediation and Conciliation (GEMME-CH), the Swiss Federation of Mediation (FSM) and the Swiss Lawyers Federation (FSA) decided to meet, to prepare together amendments to this first draft, and to submit them to the Ministry of Justice. And in its second draft, the CCP contained their main proposals on mediation; not without discussion in the Federal Chambers, the text was finally adopted. It belongs now to the Swiss positive law, as of January 2011.

Another example of cooperation was realised when a new Constitution was in discussion in Geneva. The same interested circles met, drafted an amendment according to which «*The State encourages the recourse to mediation and other extrajudiciary amicable modes for solving dispute*». Not without discussion too, this amendment was finally accepted, and belongs to the positive law as of July 2013.

---

\* Report on the impact of CEPEJ Guidelines on civil, family, penal and administration mediation, <https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-work/mediation>

In these two cases, the collaboration was successful, but also its interruption few time after had negative and long consequences in the development of mediation, which remained extremely modest.

This illustrates twice, and *a contrario* too, that for developing mediation, cooperation between all interested circles is indispensable, first on the institutional level.

**Cooperation between Judges and mediators** may take place at several stages and levels. For instance, for court-related mediation, when and each time a judge has identified a case where mediation is appropriate for the disputing parties and their situation, the question of his or her role and relation with a mediator or a mediation centre is now debated.

**Cooperation between Lawyers and mediators** may take place at several stages and levels. For instance, when a lawyer has identified a case where mediation is appropriate for the client, the question of her or his role and relation with a mediator or comediators should be clear for all of them. The more the mediation process advances, the more the lawyer is active, but as assisting the client in mediation process in a very different way as in the civil procedure or in arbitration.

**Cooperation between Judges, Lawyers and Mediators.** As proved with the Netherland experimentation, mediation projects and pilot experiences can play a decisive role for developing mediation in a country. Therefore, the first steps undertaken in this direction deserve special attention. For contributing to this trend, the CEPEJ adopted two tools checklists for establishing and monitoring such pilot mediation projects.

- a) Establishing a Court Pilot: management checklist
- b) Mediation Pilot Monitoring checklist

Switzerland, like most other members of the Council of Europe, has introduced mediation into its legal order without, as the Netherlands did, having prepared the necessary framework for this new method of dispute resolution, nor has it taken the measures recommended by the Guidelines (CEPEJ 2007 N° 14) for the implementation of family, civil, commercial and social mediation (prud'homale/employment) matters and the Swiss Code of Civil Procedure (CPC) have not yet received any mediation awareness training, and as necessary, an awareness of when to present or exercise JRM. As such, JRM does not appear in Swiss doctrine, or still in an embryonic state.

In these circumstances each civil judge was required to improvise in order to find, empirically, by him/herself, on his/her own, how to

proceed — or not — with the recommendations lurking behind the aforementioned provisions of the CPC, i.e. “*the amicable resolution of disputes has priority*”. Many got there with “whatever means they had on board.” This has been true so far for most judges.

As a result of this situation, various and varied practices have emerged around the aforementioned CPC articles, practices that, almost nine years after the CPC came into force, it was important to measure the magnitude of and to assess their effectiveness. This was one of the reasons for this investigation, being noted that another study was conducted last year in three French-speaking bar associations *to evaluate the practice of lawyers in mediation* (using as a reference instrument the *Mediation Guide for Lawyers*).

***The main steps that can lead to an effective JRM and those encountered in the practice of civil judges in the first instance courts in the cantons of French-speaking Switzerland***

a) Identifying cases that are suitable for mediation: 45 judges or 52.3 %

b) Informing the parties about mediation, by letter and/or in court: 56 judges or 65.1 %

c) Discussing with the parties the benefits for them of mediation: 66 judges or 76.7 %

d) Providing a list of names or mediator names (sworn or accredited): 28 judges or 32.6 %

e) Directing the parties to a mediation clinic/center or to a mediator: 32 judges or 37.3 %

f) Giving the parties time to inform themselves: 6 judges or 7 %

g) Proposing (213, 214 CPC) or ordering (297 CPC, 307 CC) the parties to attend a session at a mediation clinic/center or with a mediator: 17 judges or 19.8 %

h) Giving the parties time to conclude (or not) a commitment to mediate: 7 judges or 8, 1 %

i) Contacting, if necessary, a mediation clinic/center or a mediator: 5 judges or 17.4 %

**Список литературы:**

1. Recommendation (98) 1 on family mediation, Recommendation (99) 19 concerning mediation in penal matters, Recommendation (2001) 9 on alternatives to litigation between administrative authorities and private parties, Recommendation (2002) 10 on mediation in civil matters, cf. site CoE

2. Guidelines on designing and monitoring mediation training schemes — CEPEJ(2019)8 / 14 June 2019; Guidelines for a better implementation of the existing recommendation concerning mediation in penal matters — CEPEJ(2007)13E / 7 December 2007; Guidelines for a better implementation of the existing recommendation concerning family mediation and mediation in civil matters — CEPEJ(2007)14E / 7 December 2007; Guidelines for a better implementation of the existing Recommendation on alternatives to litigation between administrative authorities and private parties — CEPEJ(2007)15E / 7 December 2007, cf. site CoE
3. Roadmap for mediation based on the CEPEJ-GT-MED report on “The Impact of CEPEJ Guidelines on Civil, Family, Penal and Administrative Mediation”, p. 3 lit. b) Number of mediation processes, cf. site CoE
4. J.A. MIRIMANOFF, Report on the practice of lawyers and notaries in relation to mediation, Slatkine, Geneva, 2018, available on [www.mediationgeneve.com](http://www.mediationgeneve.com) Ad Publications.
5. Mediation Development Toolkit, cf. site CoE

**Митяева А. М.**

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», Орел

**СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНЫХ СЛУЖБ МЕДИАЦИИ**

**Mityaeva A. M.**

FSBOU VO “Oryol State University named after I.S. Turgenev”, Orel

**SUBSTANTIVE ASPECTS OF SCHOOL MEDIATION SERVICES**

В основе деятельности школьных служб медиации лежит восстановительный подход. Приведем некоторые мероприятия и формы работы в рамках восстановительного подхода.

*Медиация*

Цель данной программы — создать благоприятные условия для конструктивного диалога между оппонентами. У них появляется возможность услышать и понять друг друга. Они принимают на себя ответственность за произошедшее и за результат проведения медиации, вместе вырабатывают решение конфликта. Самостоятельно вырабатывают способы заглаживания вреда и налаживания

дальнейших отношений. Перед совместной встречей оппонентов медиатор должен провести отдельные встречи с каждой из сторон [1].

#### *Программа по заглаживанию вреда*

Специалист организует встречу сторон, если на нее согласны обе стороны, на которой обсуждаются вопросы о заглаживании вреда. Ведущий является нейтральной стороной и способствует налаживанию конструктивного диалога между участниками. Данная программа позволяет школьникам осознать причины своего поведения, осознать последствия своих поступков, они получают возможность загладить причиненный вред [2].

#### *Медиацзия «Комбинаторика пар»*

Данный вид работы состоит из параллельных и последовательных этапов работы, проводимых двумя медиаторами.

Этап 1. Индивидуальная беседа — на данном этапе медиаторы работают с участниками конфликта одновременно в разных комнатах. Оппоненты рассказывают суть проблемы, источники, возможные варианты решения.

Этап 2. Отзеркаливание историй — медиаторы, в присутствии сторон, по очереди пересказывают их истории друг другу. Это позволяет оппонентам взглянуть на ситуацию со стороны и обнаружить наиболее острые зоны конфликта.

Этап 3. Наблюдение — стороны получают возможность прокомментировать рассказы медиаторов.

Этап 4. Рефлексия команды — медиаторы общаются между собой, пресекают любую активность сторон. Следят за поведением оппонентов. Концентрируют внимание на информации, важной для решения проблемы. Медиаторы могут задавать вопросы обеим сторонам. Возникает диагональное общение. Это продолжается до тех пор, пока стороны не придут к какому-либо решению. Затем оппонентам предлагается заключить договор [3].

#### *Круги примирения*

В основном состоят из четырех этапов.

Первый этап — определение пригодности круга примирения для данного конфликта. Решается вопрос — является ли данный метод лучшим для данного дела. Рассматриваются другие программы для наилучшего удовлетворения потребностей всех участников конфликта.

Второй этап — подготовка. Все участники нуждаются в какой-либо подготовке. Основные участники нуждаются в специальной,



длительной подготовке. Без предварительной подготовки мы ставим получение положительного результата под угрозу.

Третий этап — круг примирения — поиск консенсуса для выработки соглашения. Основывается на той информации, которая была получена на предварительных встречах. На данном этапе все участники конфликта должны прийти к взаимовыгодному соглашению.

Четвертый этап — дальнейшие шаги — проверка выполнения соглашения. На данном этапе определяются возможные меры наказания. Эффективность кругов определяется выполнением соглашения между всеми участниками. Важно предусмотреть и определить шаги и меры наказания в случае нарушения соглашения. Таким образом, доверие к кругам примирения возрастает.

#### *Технология «Семейная конференция»*

Данная технология основывается на традиционных способах разрешения конфликтов. На одном из этапов работы с семьей социальный работник или специалист помогающих профессий должен собрать вместе всех членов семьи и всех людей, которые заинтересованы в решении определенной проблемы. Когда все заинтересованные лица собрались вместе, то без присутствия посторонних, все участники конференции обсуждают существующую проблемную ситуацию, изучают факты, каждый выражает свое отношение к проблеме и вырабатывают варианты разрешения ситуации с учетом собственных ресурсов. Можно сказать, что семья и ее окружение несут ответственность за решение проблем, а специалисты не влияют на решение ситуации, они могут только контролировать и направлять работу семьи в нужное направление [3].

#### *Технология «Школьная конференция»*

Характерной ситуацией для школьной конференции является вопрос об исключении ученика из школы или другого учебного заведения из-за постоянных прогулов или срывов занятий. Школьные конференции имеют высокую эффективность в разрешении длительных конфликтов между учеником и группой, между классами. Все ее участники садятся в круг во время общего разговора и обсуждения проблемы должны видеть друг друга — это вызывает открытое общение и способствует достижению взаимопонимания [1].

Таким образом, в школе, где ученики социализируются и учатся, необходима работа школьной службы медиации, которая научит детей ценить и сохранять человеческие взаимоотношения, брать на себя ответственность за свои слова и действия.

### **Список литературы:**

1. Митяева А.М. Разрешение споров в деятельности школьных служб медиации. // Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация. Материалы VII междунар. науч.-практ. конф. (Ижевск, 5–7 апреля 2018 г.). Ижевск, 2018. С. 180–184.
2. Коновалов А. Служба примирения: ее место и роль в справедливом разрешении конфликтных ситуаций // Директор школы. 2004. № 4. С. 21–28.
3. Митяева А.М. Школьные службы примирения как эффективная технология разрешения конфликтов в подростковой среде // Конфликтология и конфликты в современном мире. Материалы всероссийской научной конференции. Омск: ОГПУ, 2017. С. 171–176.

### **Морева Ю.Е.**

Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург

### ***ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАСИЛИЯ В ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ***

### **Moreva Ju.E.**

St Petersburg State University, St Petersburg

### ***PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF VIOLENCE IN ETHNIC CONFLICTS***

Насилие является одной из основных характеристик этнических конфликтов и одной из основных причин, побуждающих нас к изучению этого феномена. Что заставляет обычных людей проявлять агрессию по отношению к своим соседям — представителям других этнических групп?

В современной науке существуют три уровня анализа этнического насилия — социетальный, интерперсональный и индивидуальный [1]. Социетальный уровень анализа иначе можно назвать структурным, так как он объясняет этническое насилие принадлежностью к определенной культуре, социальному классу или другой социальной группе. Индивидуальный, напротив, перемещает фокус внимания исследователя на человека, его индивидуальные характеристики и ключевые моменты жизненного опыта, которые могут повлиять на взаимодействие с людьми, принадлежащим к другим этносам. В контексте нашей темы хочется отметить,

что как военные, так и гражданские участники конфликтов часто травмируются, долгие годы страдают посттравматическим расстройством. В литературе широко описано влияние этого расстройства на семьи страдающих от него людей, и даже явление передачи этого состояния через поколения.

Интерперсональный уровень анализа, находясь между двумя предыдущими, рассматривает явление этнического насилия через межличностные взаимоотношения. На этом уровне мы обращаем внимание на текущие социальные условия, которые могут влиять на формирование предпосылок этнического насилия — поведение социального окружения индивида, отношения, которые складываются между людьми, ситуации взаимодействия, которые могут вызвать сильные чувства. Ситуационные факторы называются, считаются в активации агрессивных паттернов поведения по отношению к другим этническим группам.

Существует ряд спонтанных повседневных практик взаимодействия, свободных от непосредственного влияния институциональных агентов или политической риторики, которые могут вести к насильственным действиям. Достаточно много исследований в наши дни изучают дискриминационные практики — то, как проявляется насилие в повседневности, и то, как бытовое взаимодействие между людьми может привести к насилию. Так, обнаруживается типичный стереотип, который формируется в конфликте и, судя по качественным интервью людей, совершавших акты насилия, является необходимым — своеобразным «оправданием», защитным механизмом психики. Речь идет об обезличивании врага, наделении его чертами животного.

В формировании стереотипов значительную роль играет идентичность. Именно идентичность формирует границы, отделяя «своих» от «чужих», определяет, какие действия могут и должны быть предприняты по отношению к чужим.

Реалистическая теория конфликта, созданная Кэмбеллом [2], провозглашает рациональные начала конфликта между этническими группами — через борьбу за ресурсы. Если добавить к этому рациональному подходу психологические модели, которые могут объяснить формирование дискриминационных стереотипов в отношении внешней группы, получится модель, которая может быть доказана эмпирическим исследованием: насилие может восприниматься как единственный выход в ситуации, воспринимаемой как угроза групповой идентичности.

Таким образом, важными детерминантами насилия в этнических конфликтах являются межличностные отношения и ситуационные факторы. Кроме того, немаловажную роль играют повседневные практики взаимодействия, стереотипы восприятия и восприятие «другого» как «угрозы».

### **Список литературы:**

1. *Kreidie L.H., Monroe K.R.* Psychological Boundaries and Ethnic Conflict: How Identity Constrained Choice and Worked to Turn Ordinary People In-to Perpetrators of Ethnic Violence During the Lebanese Civil War // *International Journal of Politics, Culture and Society*. Vol. 16, No. 1, 2002.
2. *Campbell D.* Ethnocentrism and other Altruistic Motives. Lincoln: University of Nebraska Press, 1965.

### **Морозова В.Н.**

Воронежский государственный университет, Воронеж

#### ***НЕМЕЦКИЙ ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ: ПРОБЛЕМА ОБНОВЛЕНИЯ МЕХАНИЗМОВ «МУЛЬТИКУЛЬТИ» И ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПАРАДОКС\****

### **Morozova V.N.**

Voronezh State University, Voronezh

#### ***GERMAN EXPERIENCE OF MIGRANT INTEGRATION: THE PROBLEM OF RENEWING MULTICULTURAL MECHANISMS AND INTEGRATIONAL PARADOX***

Миграционный кризис 2015–2016 гг. стал серьезным вызовом для ведущих европейских государств. Германия, принявшая максимальное количество мигрантов, оказалась в сложной ситуации, требовавшей от правительства не только четкой и слаженной работы всех государственных структур и ведомств, но и постоянного мониторинга настроений в обществе.

С конфликтогенным потенциалом миграционного фактора Германия столкнулась не в первый раз.

---

\* Материалы подготовлены с использованием гранта Благотворительного фонда Владимира Потанина.

Провозглашая политику «мультикультурализма», квинтэссенцией которой являлась идея «жить вместе, оставаясь разными», ФРГ исходила из желания и стремления самих мигрантов (в том числе этнических немцев, оказавшихся за пределами страны, трудовых мигрантов, беженцев и других категорий) как можно быстрее интегрироваться в принимающее общество, осознавая, какие преимущества это принесет.

Незначительное количество участников языковых курсов, отсутствие у мигрантов стремления получить образование, предпочтение жить на пособие, чем устраиваться на работу — все это стало для государства неожиданностью. Противоречие между принимающим обществом, недовольным нежеланием мигрантов интегрироваться, и самими мигрантами, часть из которых воспринимала интеграцию как необходимость отказа от ценностей и традиций своей страны, набирало обороты. Одним из следствий данного противоречия стал рост правопопулистской риторики и праворадикальных проявлений.

О крахе политики «мультикульти» было заявлено на официальном уровне достаточно поздно — только в 2010 г. Практически сразу был сделан акцент, что потерпела крах не идея «мультикульти», а механизмы ее реализации, следовательно, их и нужно будет реформировать. В то же время данные более ранних опросов мигрантов, четко обозначали, что больше половины из них не чувствовали себя частью немецкого общества, однако абсолютное большинство видело преимущества, которые несло пребывание в стране.

Обновление механизмов шло по пути рестриктивной иммиграционной политики и, по сути, обязательной интеграции, что отразилось в лозунге А. Меркель о новом шансе при четком условии — готовности интегрироваться.

Интеграционный закон 2016 г., принятый после многолетних дебатов, был призван обеспечить баланс между осознанным желанием интеграции и ее обязательностью.

Арсенал мультикультурных механизмов пополнился дифференциацией интеграционных курсов (языковых, страноведческих) при усилении их финансирования; учетом эффективности обозначенных курсов, когда в качестве критерия стали использовать количество успешно сдавших итоговый экзамен; более адресным характером соцпрограмм, расширением возможностей образовательной интеграции.

К 2019 г. среди интеграционных программ стала заметна некоторая тенденция отхода от индивидуального подхода в сторону совместных групповых проектов. Например, на смену «Новому старту» докризисного 2014 г. пришел «Новый старт в команде!» 2019 г.

Параллельно в общественно-политическом дискурсе стали распространяться идеи об интеграционном парадоксе, согласно которым по мере совершенствования интеграционных механизмов противоречия между принимающим обществом и мигрантами не уменьшатся: оборотной стороной успешной интеграции могут стать новые конфликты как между немцами и достигшими успеха мигрантами, так и между менее и более успешными мигрантами.

В настоящее время сложность ситуации в Германии связана с противоречиями между желанием государства обеспечить экономический рост, с одной стороны, и необходимостью социальных затрат, с другой стороны; дилеммой между интересами немецкого населения, далеко не всегда положительно настроенного к миграционной политике государства, и потребностью государства в трудовых ресурсах. Данные проблемы вызывают существенную трансформацию партийно-политического спектра, и делают миграционную тему центром общественно-политических дебатов.

### **Список литературы:**

1. Zuwanderer in Deutschland. Ergebnisse einer repraesentativen Befragung von Menschen mit Migrationshintergrund. Bertelsmann Stiftung, 2009.
2. Das Bundesamt in Zahlen 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/Broschueren/bundesamt-in-zahlen-2018.html> (дата обращения: 10.09.2019).

**Мусина Н.К.**

Библиотека Первого Президента Республики Казахстан — Елбасы,  
Нур-Султан

***К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ  
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН***

**Mussina N.**

The Library of the First President of the Republic of Kazakhstan — Elbassy  
Nur-Sultan

***TO THE QUESTION OF STATE REGULATION OF INTER-ETHNIC  
RELATIONS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN***

С первых лет независимости в Казахстане проводится эффективная национальная политика, направленная на укрепление и воспитание межэтнической толерантности и стабильности в стране. Повышенное внимание к сфере межнациональных и межконфессиональных отношений определяется полиэтническим и поликонфессиональным составом населения — в республике проживают представители более 100 этносов и 17 конфессий.

Исторически сложившаяся многонациональность казахстанского общества с конфессиональным разнообразием являлась потенциальным вызовом целостности и общественной стабильности государства.

В Казахстане был выбран собственный путь укрепления единства и согласия народа, основанный на исторических условиях культурного многообразия. Основой политики государства стали гармонизация межэтнических отношений, толерантность и согласие.

На государственном уровне замысел был реализован в форме многоуровневой системы — от правового запрета дискриминации по этнорелигиозному принципу и учреждения Ассамблеи народа Казахстана до развития целой сети национально-культурных центров, входящих в единую систему.

Модель межнационального согласия стала основным ориентиром всей государственной политики, четко обозначив идею гражданской идентичности представителей разных национальностей: «В наших условиях базой межэтнической интеграции должна стать общегражданская принадлежность, политическое самоопределение людей с судьбами казахстанской государственности. Проще

говоря, одним из оснований идеологической работы должен стать принцип не только этнического, но и гражданского самоопределения граждан» [1].

Напряженная работа по формированию новой политической модели функционирования казахстанского общества позволила рассматривать народ Казахстана как общность граждан разных национальностей, а не как новую этническую общность.

В драматичных условиях межнациональных конфликтов на постсоветском пространстве политика государственного регулирования межэтнических отношений позволила Казахстану снять все возможные недомолвки и интерпретации, препятствующие системному регулированию межнациональных отношений [2].

Важная роль в формировании уникальной модели казахстанского единства отводится Ассамблее народа Казахстана, созданной Указом Президента Республики Казахстан от 1 марта 1995 г. Ассамблея народа Казахстана является консультативно-совещательным органом при Президенте Республики Казахстан, способствует разработке и реализации государственной политики по обеспечению общественного согласия и общенационального единства [3].

В результате конституционной реформы 2007 г. Ассамблее был придан конституционный статус, она получила право избирать в Мажилис Парламента 9 депутатов, что повысило ее политико-управленческую роль. Сегодня Ассамблея — это полноценный институт политической системы страны, встроенный в процесс выработки государственных решений. Ассамблея гармонично вовлекла в государственное строительство все казахстанские этносы и религиозные конфессии. Председателем Ассамблеи является Первый Президент страны — Елбасы Н. А. Назарбаев.

Основой успеха казахстанского общества в 2012 г. провозглашается новый казахстанский патриотизм. Первый президент страны, отмечая, что фундаментом казахстанского патриотизма является равноправие всех граждан и их общая ответственность за честь Родины, подчеркивает «К 2050 году нам надо построить такую политическую систему, при которой каждый гражданин Казахстана должен быть твердо уверен в завтрашнем дне, в будущем. Каждый гражданин нашей страны должен обрести чувство хозяина на своей земле» [4]. Факторами консолидации общества выступили языковая политика, сохранение культурной самобытности, формирование исторического сознания нации.



Многочисленные этносы, проживающие в Казахстане, полностью интегрированы в социально-политическую жизнь.

Политика государства в межэтнической сфере основана на принципе «Единство в многообразии». В условиях стратегической стабильности государства созданы все условия сохранения культур проживающих в стране этносов.

Государство поддерживает развитие этнических языков и культур: в республике насчитывается около 820 этнокультурных объединений; в 88 школах обучение ведется на узбекском, таджикском, уйгурском и украинском языках; в 108 школах языки 22 казахстанских этносов преподаются в качестве отдельного предмета; издаются 35 печатных изданий на 15 языках; в эфир телеканалов выходят передачи на 11 языках; работают 14 русских, узбекский, а также единственные в СНГ уйгурский, корейский и немецкий театры [5].

Таким образом, Казахстану удалось обратить многонациональный состав из фактора возможной конфликтности в источник возможностей развития.

### **Список литературы:**

1. Назарбаев Н.А. Общественное согласие — основа демократического развития Казахстана: доклад на третьей сессии Ассамблеи народов Казахстана. Алматы, 29 апреля 1996 года.
2. Актаева К. Формула гражданской общности в Республике Казахстан // Мирас. 2012. № 3 (23). С. 17–19.
3. Закон Республики Казахстан «Об Ассамблее народа Казахстана» от 20 октября 2008 года № 70-IV.
4. Послание Президента Республики Казахстан — Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства». 14 декабря 2012 года [Электронный ресурс]. URL: [http://www.akorda.kz/ru/events/astana\\_kazakhstan/participation\\_in\\_events/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-lidera-nacii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazahstana-strategiya-kazahstan-2050-novyi-politicheskii-](http://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-lidera-nacii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazahstana-strategiya-kazahstan-2050-novyi-politicheskii-)
5. Выступление Первого Президента — Елбасы Н.А. Назарбаева на XXVII сессии Ассамблеи народа Казахстана. 29 апреля 2019 года [Электронный ресурс]. URL: [http://www.akorda.kz/ru/speeches/internal\\_political\\_affairs/in\\_other\\_events/vystuplenie-pervogo-prezidenta-elbasy-nanazarbaeva-na-xxvii-sessii-assamblei-naroda-kazahstana.](http://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_other_events/vystuplenie-pervogo-prezidenta-elbasy-nanazarbaeva-na-xxvii-sessii-assamblei-naroda-kazahstana)

**Нагайцев В.В.**

Алтайский государственный университет, Барнаул

***К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ  
«КОНФЛИКТНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕ»\****

**Nagaitsev V.V.**

Altai State University, Barnaul

***ON THE DEFINITION OF “CONFLICTNESS IN SOCIETY”***

В современном российском обществе в последнее время наметилась тенденция роста социальной напряженности и конфликтности, наблюдается рост числа разнообразных социальных конфликтов, приобретающих, зачастую, высокую остроту и интенсивность практически во всех сферах и социальных группах. Термин «конфликтность» содержится в понятийном аппарате целого ряда наук — психологии, социологии, политологии, конфликтологии и т. п. В отечественной науке рассмотрение конфликтности чаще всего происходит в рамках психологии, применительно к конфликтности отдельной личности (Н.В. Гришина, Л.А. Петровская, И.А. Красильников, Г.Г. Бекмаганбетова и др.) [1; 2]. Нас же прежде всего интересует конфликтность в обществе в целом. Однако в большинстве современных работ по конфликтологии авторы либо используют понятие «конфликтность в обществе» без четкого его определения, в довольно широком, публицистическом смысле; либо вовсе стараются избегать данного термина; либо сводят его содержание к простой сумме всех конфликтов, происходящих в обществе. Понятие «конфликтность в обществе» в литературе еще до конца не определено и не получило статуса общепризнанной научной категории в конфликтологии.

В конфликтологии — как в зарубежной, так и в отечественной — феномену конфликтности в обществе все же уделялось и уделяется определенное внимание. Первым, кто осуществил интерпретацию понятия «конфликтность» в своих работах, был Ю.Е. Растов, который определил структуру конфликтности, а также обозначил стадии ее развития. Своеобразной «единицей анализа» в его

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-411-220001 «Разработка и продвижение комплекса мер социального характера по снижению уровня социальной напряженности и конфликтности населения в Алтайском крае в 2018–2020 гг.».

концепции конфликтности выступают «локальные социумы» [3]. Изучением конфликтности в обществе в разное время занимались также А.В. Дмитриев, В.И. Курбатов, А.И. Стребков, В.Н. Шаленко, В.А. Светлов, Л.Н. Цой и др. [4; 5]. Исследователи пытаются выявить факторы, которые в наибольшей степени оказывают влияние на уровень конфликтности в обществе (увеличение материального неравенства, неравенства в доступе к образованию, здравоохранению, рост безработицы, снижение доходов населения). Несмотря на кажущуюся популярность конфликтности как объекта исследования, на данный момент феномен конфликтности не стал пока предметом самостоятельного исследования в отечественной конфликтологии.

Конфликтность — сложносоставной и многоуровневый социальный феномен. Конфликтность в обществе — особое состояние общественной жизни, при котором возникают и развиваются социально значимые противоречия в отношениях различных социальных субъектов, приводящие к явным или скрытым формам их противостояния, конфронтации и противодействия. Конфликтность является сигналом о кризисном состоянии социальной системы общества, о нарушении нормального функционирования ее структур и элементов. Анализ конфликтности в обществе заключается в детальном рассмотрении разнообразных форм ее проявления; измерения ее уровня; характера ее воздействия (конструктивного или деструктивного) на социум; возможности эффективного управления ею. Определенный уровень конфликтности свойственен любому обществу. На конфликтность в обществе можно оказывать влияние, ею можно управлять. Если уровень конфликтности в обществе своевременно не регулируется, а возникающие конфликтные ситуации не разрешаются, то в социуме неминуемо наступает кризис. При этом изменяются формы проявления конфликтности — появляются их открытые и острые разновидности, приводящие к дестабилизации всего общества.

### **Список литературы:**

1. Красильников И.А. Ценностная конфликтность при различных типах направленности личности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2011. № 2 (10). С. 24–33.
2. Бекмаганбетова Г.Г. Конфликтность как психологическая проблема // Вестник Костромского государственного университета. 2007. Т. 13, № 4. С. 141–144.

3. *Нагайцев В.В.* Несколько слов о Ю.Е. Растове — выдающемся сибирском социологе // *Siberian Socium*. 2018. Т. 2, № 2. С. 82–83.
4. *Дмитриев А.В.* Конфликтогенность внешней трудовой миграции // *Поиск*. 2018. № 4 (69). С. 13–19.
5. *Шаленко В.Н.* Конфликтность трудовых отношений в условиях российского экономического кризиса: анализ, оценка, пути ослабления // *Конфликтология*. 2010. № 2. С. 67–78.

**Нагайчук А.Ф.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

**Нагайчук М.А.**

Санкт-Петербургский филиал Российской таможенной академии,  
Санкт-Петербург

**ТЕХНОЛОГИЯ МОДЕРАЦИИ В РЕГУЛИРОВАНИИ  
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ**

**Nagaichuk A.F.**

St Petersburg State University, St Petersburg

**Nagaichuk M.A.**

St Petersburg branch of the Russian Customs Academy, St Petersburg

**MODERATION TECHNOLOGY IN THE REGULATION OF SOCIO-  
POLITICAL CONFLICTS**

Современная конфликтология имеет достаточно обширный потенциал средств регуляции конфликтных форм социального взаимодействия, вместе с тем остаются практически нерешаемыми случаи острых и масштабных конфликтов, особенно в сфере социально-политических отношений, и в условиях односторонних инициатив по регуляции конфликта. Поэтому существует необходимость в поиске более универсального способа сближения и технологии примирения враждующих сторон, позволяющих не только решать сложные конфликтные случаи, но и выполнять параллельно основные задачи конфликтологии — прикладное исследование и анализ конфликта, с одной стороны, управление конфликтной ситуацией и разрешение конфликта — регуляция, с другой стороны.

Таким способом может стать модерация, понимаемая как универсальная социально-политическая технология, позволяющая

в краткие сроки и при ограниченном ресурсном потенциале проводить одновременно качественную диагностику и анализ существующего социального конфликта, а также производить согласование интересов и примирение как внутри заинтересованной группы, так и между сторонами, вовлеченными в противоборство.

Модерация — это прежде всего организация фокусированной дискуссии по проблеме в группе, направленной на выявление коренных интересов, первопричин возникновения противоречий и ориентированной на совместный поиск согласованного варианта реализации общих интересов. Известна в социальной исследовательской практике более века. В конфликтологической практике применяется с 70-х гг. XX в., в отечественной науке наиболее полно представлена в работе Е. Миронова и А. Редлиха [2].

На Западе современный подход к модерации представлен прежде всего в труде Т. Л. Гринбаума, который выделяет ее четыре общих элемента: 1) вовлечение в обсуждение проблемы сразу нескольких участников, собранных в одном месте на основе *рекрутинга*. 2) активное взаимодействие участников при обсуждении проблемы в форме *фокус-групповой дискуссии*. 3) руководство всего хода обсуждения *профессионалом-модератором*. 4) *фокусирование на проблеме* и достижение детального представления о проблеме, согласованного мнения, выработки общего варианта решения. Для этого важны инструменты: *сценарий* (общий путеводитель модерации), центральным звеном которого является *гайд* (перечень конкретных вопросов, составленных определенным способом) [1, с. 18–23].

У многих авторов технология модерации выражается лишь в характеристике этапов ее применения. Так, например, В.С. Зайцев [3, с. 16] выражает технологию модерации через актуализацию основных фаз подготовительного, технологического и аналитического этапов (от получения заказа на модерацию до составления аналитического отчета). В целом же современная социальная технология, помимо этапов деятельности по ее осуществлению, представляет собой систему идей, целей, способов, методов, процедур, тактических приемов, техник и операций целенаправленного воздействия, определенный алгоритм действий (этапы), имеющий идейно-организационную, процедурную и нормативную основу. Структура технологии определяется ее идейно-содержательным компонентом, отвечая на вопрос: «Почему, для чего и к чему стремится регулирующий субъект?»

Модерация как сложная социально-политическая технология имеет следующие **структурные элементы**:

1. *Базовая идея* модерации — оптимальное социальное взаимодействие основано на согласовании интересов различных субъектов при единых нормах и правилах, одинаковой трактовке схожих ценностей.

2. *Цель модерации* — в зависимости от вида может подразделяться на варианты: 1) всестороннее глубинное исследование причин и структурно-динамической модели конфликта; 2) регуляция конфликта и применение допустимой в данной ситуации разрешительной методики; 3) комбинированная модель по типу «от исследования — к регуляции».

3. *Задачи* состоят в детальном поэтапном выполнении сценария и гайда.

4. *Способ модерации* — это направление действий по глубинному обсуждению проблемы. Здесь может применяться групповая очная дискуссия, образовательный проект, управление дискурсом, исследование, конструирование, креатив и т. д.

5. *Метод* (группа методов) модерации — это конкретный путь ведения дискуссии, группирование определенных методик для наилучшего достижения поставленной цели и методов решения проблем и постановки вопросов — «Сократов метод»; метод глубинного интервью, методики «мозгового штурма» и иные интерактивные и фасилитативные методы (подробнее о методах см. в работе В.С. Зайцева [3, с. 17–23]).

6. *Процедуры модерации* — качественный рекрутинг участников, достижение договоренности о правилах поведения; презентация личных мнений по каждому вопросу, фокусированное и глубинное обсуждение и оценка мнений друг друга; достижение согласия в группе по вопросу путем углубления в проблему (переход от позиции к интересу); выработка идей и вариантов решений, согласование своих / групповых / общих интересов; утверждение общего решения.

7. *Техники* — здесь применимы все нарративные, фасилитативные, аналитико-оценочные и трансформационные техники, известные современной социологии, психологии и конфликтологии: «активного слушания», «перефразирования», «нормализации точки зрения», «экстернализации», «деконструкции», «оценки экспектаций», «сопоставления мнений», «трансформации мнения», «экспертной оценки», «погружения в проблему», «социального дизайна», «проверки на жизнеспособность».

8. *Приемы и тактики* — модератор вправе использовать весь арсенал социологических, педагогических, психологических, переговорных приемов и тактик, направленных на достижение компромисса и сотрудничества, учитывая, что стратегия сотрудничества предполагает использование на тактическом уровне элементов всех стратегий взаимодействия — борьбы (по принципиальным вопросам), уступок (по незначительным аспектам), избегания и ухода от острого противоборства по второстепенным и переходным проблемам, компромисса и консенсуса.

9. *Инструменты* — это сценарий и гайд, стимульные материалы, бланки опросов, «переговорные таблицы», проекты соглашений, варианты решений, тексты, реклама, видеосюжеты, транскрипт.

В итоге отметим, что алгоритм технологии модерации есть совокупность структурных этапов и элементов, который может трансформироваться в зависимости от вида конфликта и конкретных прикладных задач. Механизм этой технологии позволяет вариативно исследовать и регулировать сложные конфликты реальной социально-политической практики взаимодействия в современных условиях. Обеспечивать основное условие эффективности данной технологии может сбалансированная социальная политика, направленная на согласование разнообразных социальных интересов в обществе.

### **Список литературы:**

1. *Greenbaum T.L.* Moderating focus groups: a practical guide for group facilitation. Thousand Oaks, CA, USA: Sage publications, 2000.
2. *Редлих А., Миронов Е.* Модерация конфликтов в организации. СПб.: Речь, 2009.
3. *Технология модерации / сост. В.С. Зайцев.* Челябинск: ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2018.

**Нагайчук А.Ф.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

**Филатова Н.В.**

Санкт-Петербург

***ПРАВОСЛАВНАЯ ЭТИКА И ДУХ МИРОТВОРЧЕСТВА:  
К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О ПОТЕНЦИАЛЕ РАЗВИТИЯ  
ПРАВОСЛАВНОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ В РОССИИ***

**Nagaichuk A.F.**

St Petersburg State University, St Petersburg

**Filatova N.V.**

St Petersburg

***ORTHODOX ETHICS AND THE SPIRIT OF PEACEKEEPING:  
TO POSE THE QUESTION ABOUT THE ORTHODOX  
CONFLICTOLOGY POTENTIAL DEVELOPMENT IN RUSSIA***

Социальный конфликт обычно характеризуется осознанными действиями, чаще направленными вовне (на других субъектов), но также и на собственный внутренний мир, в том числе с целью нанесения ущерба в стремлении реализовать определенный главенствующий интерес. Макс Вебер выделил в качестве базовой «клеточки» анализа именно социальное действие, считая первоначально значимым личностный аспект сознания человека, а социальные объективные обстоятельства (контекст) — вторичными. Он утверждал, что именно протестантская этика определяет «дух» капитализма. Мы же утверждаем, что этика православная (концепция ценностей и норм в рамках ортодоксального христианства) определяет «дух» миротворчества в традиционном для российской научной мысли понимании данного термина, о чем свидетельствует не только сами базовые положения концепции православия, но и многовековой исторический опыт мирного сосуществования многообразных этнических и религиозных групп Российского государства, идеология которого была основана на основных положениях этой концепции.

Основные положения православной этики выражены в заповедях христианства (рекомендациях и духовных законах) и их интерпретации святыми отцами православной церкви. Центральная заповедь — «о любви к Богу и к ближнему как к самому себе» [3,



с. 67–68] — не требует разъяснений и говорит сама за себя. Следующая, актуальная для конфликторазрешения заповедь — «о прощении врагов»\* [3, с. 16] и «о хранении мира с соперниками»\*\*. Заповедь «о хранении мира» [3, с. 14] разъясняет святитель Игнатий Брянчанинов: «...не трудись над разбором, кто прав, и кто виноват, ты или ближний твой: постарайся обвинить себя и сохранить мир с ближними при посредстве смирения» [1, с. 510]. Новый Завет дает нам подробное разъяснение этого положения: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми... не будь побежден злом, но побеждай зло добром» [3, с. 465]. Соответственно, не занимаясь гармонизацией внутреннего мира каждого отдельно взятого человека, как базовой клеточки единого социального «организма», невозможно найти эффективной внешней социально-политической технологии, способной искоренить это «зло», которым во многом является острый и масштабный конфликт, особенно войны и вооруженные конфликты. С точки зрения социально-политической стратегии интерпретация понятия мир — это не простое отсутствие войны, а его длительное стратегическое выстраивание с помощью целого ряда институционально-технологических элементов и соответствующей политики поддержания мирных отношений.

Далее — «заповеди блаженства», изложенные в Нагорной проповеди Иисуса Христа, представляющие собой некий восходящий алгоритм действий, осуществляемый последовательно, переходя от одной ступени к другой. В самом свернутом виде данный алгоритм может быть представлен так: понимая свою греховность (порочность), человек начинает сокрушаться о своем плачевном состоянии, таким образом очищает образ своих мыслей, ищет истину (а не добивается своей правды, настаивая на своем), став свободным от навязчивых идей и страстных побуждений, становится способным к миротворчеству. Православная идея миротворчества в научном аппарате соответствует скорее миростроительству (peacebuilding), нежели поддержанию мира и миротворческой миссии (peacekeeping). В этом смысле важно понимать, что отправной

\* Евангелие от Матфея, глава 5:44: «...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих и гонящих вас...»

\*\* Евангелие от Матфея, глава 5:23–25: «...если брат твой имеет что-нибудь против тебя...Пойди и прежде примиришься с братом твоим... Мирись с соперником твоим скорее...»

точкой всегда является обращение внимания на себя самого, видение причин проблем и конфликтов в себе, поэтому «блаженны нищие духом» [3, с.13], т. е. способные видеть свои недостатки и смиряться, т. е. разумно определять меру своей ответственности и способностей, поэтому проявлять готовность не раздражаться на других, как таких же «больных» пороками, концентрируя усилия на «исцелении» себя.

Православная этика учит замечать и признавать свою роль в конфликте, Христос говорит: «...не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников (*считающих себя правыми — прим. авт.*), но грешников (*считающих себя таковыми. — Примеч. авт.*) к покаянию» [3, с. 97]. Суть в том, что пока люди себя считают праведными (правыми), «здоровыми» они не нуждаются «во враче» — в посреднике (включая Бога, медиатора, психолога, конфликтолога). «Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою!»\* — находим в книге пророка Исаии. Действительно, оправдание себя и порока есть наивысшая опасность для современного человека и общества. Это самое опасное порабощение человека греховным страстям, когда «всякий, делающий грех, есть раб греха» [3, с. 267], но при этом, порабощенный греху, человек считает себя истинно свободным.

Помимо выделения оснований конфликта, Евангелие напрямую говорит о технологии примирения с оппонентом с участием посредников: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собой еще одного или двух (*наблюдателей. — Примеч. авт.*), дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви (*институт посредничества — Примеч. авт.*)...» [3, с. 54]. И эта практика истинного примирения имеет опытное подтверждение.

В современном мире существует реальная проблема искажения самой идеи и духа миротворчества. Так называемые миротворческие миссии чаще эскалируют конфликт, чем его умиротворяют. Так, американский исследователь И. Кенде [2, с. 53–54] обнаружил, что в 63 % случаев вмешательство «третьей стороны», на примере США, лишь эскалирует конфликт, что в итоге ведет к «обратному эффекту» влияния «миротворческих» миссий. Международное

---

\* Ветхий Завет, книга пророка Исаии, глава 5:20.

миротворчество, зачастую действуя в духе политического реализма Г. Моргентау, серьезно дискредитирует саму идею примирения. Это происходит и потому, что нет единых оснований, позволяющих определить необходимость, конструктивность, содержание и форму такого вмешательства.

Кроме того, в современной российской практике регуляции конфликтов заметен перевес в ориентации на западные традиции альтернативных средств урегулирования (*alternative dispute resolution*). Они, несмотря на всю эффективность, имеют определенную ментальную особенность, объективные ограничения общества конкретного типа, поэтому в России они не всегда эффективны, что актуализирует поиск иных оптимальных способов регуляции опасных, массовых форм конфликта. Востребован более продуктивный подход с расширением средств урегулирования, ориентацией на предупредительные, во многом морально-нравственные и педагогические способы, выявления, учета и согласования этнополитических и религиозно-нравственных интересов и ценностей в рамках сбалансированной социальной политики государства и разнообразных институтов гражданского общества: семьи, образования, религии, которые и могут выступать в качестве институциональных элементов мирной стратегии ее выстраивания.

Ортодоксальная модель христианства имеет наиболее миротворческое содержание, богатейший многовековой эффективный опыт профилактики и урегулирования конфликтов. Поэтому предлагается наряду с православной психологией включение и в научно-общественный дискурс, и в образовательную практику подготовки специалистов в области регуляции конфликтных форм взаимодействия *православной конфликтологии*, структурными компонентами которой могут стать: 1) духовные законы и ценности христианства; 2) морально-нравственные основания и причины социальных конфликтов; 3) христианско-аскетические способы профилактики конфликтов, самоанализа и борьбы с пороками; 4) православные технологии урегулирования конфликта: миротворческая технология и традиции; 5) альтернативная ориентированность православных способов разрешения конфликтов: православная этика и культура взаимодействия как основа поддержания мира.

Предполагаемая научно-просветительская модель может стать основанием разработки и осуществления уникальной российской (ментально ориентированной) комплексной технологии регуляции

сложного современного конфликта на всех этапах этого процесса — от профилактики до разрешения и согласования конфигуративных моделей интересообразования на основе четких и единых духовно-ценностных критериев.

### **Список литературы:**

1. *Брянчанинов И.* Полное собрание творений и писем: в 8 томах. М.: Паломник, 2014. Т. 1.
2. *Лебедева М.М.* Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М.: Аспект Пресс, 1999.
3. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015.

### **Наумова Е.И.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

### **КОНФЛИКТЫ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ**

### **Naumova E.I.**

St Petersburg state University, St Petersburg

### **CONFLICTS IN DIGITAL WORLD**

Современное российское общество является неотъемлемой частью глобального процесса перехода к посткапитализму. Посткапитализм — это новый способ производства, который сформировался за рамками капиталистических отношений, и связан с появлением нового типа продукта, а именно информации, знания и коммуникации. Посткапитализм возник как результат взаимопомощи и кооперации программистов и пользователей в совместном деле бесплатного распространения языка программного обеспечения и открытого доступа к информации и знаниям. Данная тенденция встретила сопротивление со стороны крупных бизнес-монополий и государств по всему миру. Объектом конфликта стал вопрос об интеллектуальной собственности, авторском праве. Кроме того, назревает вопрос о необходимости пересмотра закона стоимости в отношении новых типов продуктов (информация, знание, коммуникация) в условиях цифровой экономики и сетевого общества. Выход из конфликта пока реализуется через стратегии запретительных мер со стороны

бизнес-монополий и государств в отношении низовых инициатив граждан и пользователей по обеспечению открытого доступа к информации и знанию.

Внедрение цифровых технологий в экономику имеет результатом формирование целого ряда новых типов продуктов — информации, знания, коммуникации. Нематериальный тип продукта не укладывается в устоявшиеся и малоподвижные законы материальной экономики, в силу чего закон стоимости и закон прибавочной стоимости нуждаются в пересмотре. Интернет как платформа для свободного обмена и распространения информации и знаний оказывается местом разворачивания конфликтов между капиталистическими монополиями, государством и интернет-пользователями. Не выработано четких критериев, методологии и теории, которая позволила бы сформировать четкую границу между «пиратством» и возможностью свободного распространения информации в сетевом пространстве. Идеология открытого доступа к интернет-контенту ставит под вопрос авторское право и создает предпосылки для пересмотра интеллектуальных прав собственности в отношении цифрового продукта. Монетизация знаний, информации, коммуникаций в цифровом пространстве ведет к тому, что интернет становится дополнительной площадкой для извлечения прибыли для монополистических корпораций. Тогда как существует возможность использования интернет-платформы как мощного ресурса для кооперации, взаимопомощи и коллективного производства инноваций необходимых для развития общества.

Конфликт между капиталистическими корпорациями, государством и пользователями может разрешиться в случае пересмотра экономических и правовых норм применительно к цифровой среде с целью провести границу между законным и незаконным распространением нематериальных продуктов, сохранив возможность для креативного и свободного использования интернет-площадки как ресурса по общественному производству инноваций.

**Негров Е.О., Лагутин О.В.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***МОДЕЛИ КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ***

***(на примере Северо-западного и Сибирского  
федеральных округов)\****

**Negrov E.O., Lagutin O.V.**

St Petersburg State University, St Petersburg

***MODELS OF CONFLICT BEHAVIOR OF YOUTH***

***(On the example of the North-West and Siberian federal districts)***

Существование различных форм политического, в том числе конфликтного, поведения обусловлено перманентным развитием государственных и общественных институтов и в конечном итоге формированием субъектности электорально значимого большинства, рационализацией политического процесса и ростом важности легитимации политической системы с помощью политического участия. К традиционным формам политического поведения следует отнести как неконфликтные формы, такие как участие в голосовании, политических кампаниях, взаимодействие с органами государственной власти, местным самоуправлением, политическими организациями, личные контакты с политиками и т. д., так и конфликтные — участие в конвенциональных и неконвенциональных акциях протеста, неконвенциональные формы защиты интересов, активная, иногда агрессивная, позиция в онлайн-пространстве и т. д. При этом традиционный набор различных форм политического поведения коррелирует с социокультурным контекстом и особенностями политического режима в конкретной стране и в конкретное время. В этом контексте можно зафиксировать переход от традиционных форм активности к новым формам «прямого» участия [1], связанных в том числе и с самоидентификацией и политическим сознанием. Именно поэтому в качестве объекта исследования выбраны представители молодежи, играющей все большую роль в общественно-политических процессах [2]. Изучение устойчивости, а также

\* Предлагаемый доклад выполнен в рамках реализации проекта «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)», грант РФФИ № 18-011-01184.

динамики моделей политического поведения российской молодежи, а также факторов, влияющих на их формирование, должно предоставить дополнительные возможности для более эффективного прогнозирования степени политической активности и анализа закономерностей политического поведения молодежи [3].

Эмпирическая часть исследования посвящена манифестируемым моделям конфликтного поведения молодежи и базируется на исследовании «Представления молодежи о возможностях молодежных лидеров и молодежных организаций в России» (осень 2018 — весна 2019 г.), проводимом в четырех субъектах Российской Федерации — Алтайском крае, Ленинградской и Новосибирской областях и г. Санкт-Петербурге.

В ходе исследования были выделены две основные манифестируемые конфликтные модели, присущие представителям молодежи: «Проактивная модель» (участие в работе общественных организаций с использованием социальных сетей; активная, зачастую неконвенциональная форма защиты интересов, целерациональные причины вступления в молодежные политические организации, либеральная самоидентификация, достаточно критичное отношение к государству при готовности реализовывать свое активное избирательное право, социальный оптимизм или скептицизм) и «Кооперативная модель» (готовность к участию в неконвенциональных формах защиты интересов, активная конвенциональная форма защиты интересов, потребность в самореализацию в коллективе единомышленников, преобладание социал-демократической самоидентификации, склонность к участию в выборах, социальный реализм).

Очевидно, что понимание органами государственной власти доминирующих моделей политического поведения среди отдельных групп представителей молодежи должно иметь весьма практический смысл и учитываться при принятии тех или иных управленческих решений.

Практическим подтверждением высказанных идей и презентацией результатов является эмпирическая часть доклада, которая должна быть представлена на конгрессе.

### **Список литературы:**

1. Федоров П. М. Петиции и обращения как форма политической активности в современном российском обществе // Вестник ПАГС. 2014. № 4 (43). С. 83–93.



2. Шабанов Л. В. Социально-психологические характеристики молодежных субкультур: вынужденная маргинальность? Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 399 с.
3. Гукова И. Н. Перспективные формы развития общественно-политической активности молодежи в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3 (5). С. 156–159.

**Нечаев Д.Н.**

Воронежский филиал Российского экономического университета,  
Воронеж

***ИНСТИТУТЫ, АКТОРЫ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ЦЕНТРА (на примере города Воронежа)***

**Nechayev D.N.**

Voronezh branch of G.V. Plekhanov Russian University of Economics,  
Voronezh

***INSTITUTES, ACTORS AND EFFICIENCY OF THE REGIONAL MEDIATION: PECULIARITIES OF THE INTELLECTUAL CENTER (On the example of Voronezh city)***

В последнее время в политических практиках современной России в дилемме «конфликт — сотрудничество» все более востребованной среди различных политических институтов и акторов становится проблематика интеракций (взаимодействия) и транзакций (сделок), где, как утверждает Р. Дарендорф, существует масса организаций и институтов, в которых люди «могут реализовать различные компоненты своих жизненных интересов» [2, с. 61]. Альтернативой конфликту, как мы понимаем, является сотрудничество, одной из фаз которого является диалог сторон. Западный специалист Гарольд Г. Сондерс при инициации диалога обращает внимание на ряд вопросов, которые сопровождают процесс диалога сторон: 1) готовы ли стороны вступить в диалог; 2) согласится ли «противоположная сторона серьезно подойти к участию в этом процессе» [5, с. 55]; 3) могут ли стороны вести честный разговор; 4) есть ли продуктивная альтернатива диалогу.



Медиация как новое для России явление стала складываться в российских регионах недавно. Ее можно обозначить как «уникальный интегративный феномен, являющийся одним из ключевых инструментов обеспечения социального равноправия, плюрализма языков и культур в пространстве мирового сообщества» [3, с. 76]. Медиацию логично рассматривать как институт и, в соответствии с оценкой Д. Норта, как правила игры, созданные «человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимодействия между людьми» [3, с. 17].

Научные и прикладные подходы к исследованию медиации нашли свое отражение в работах отечественных авторов: медиация как феномен (Н.И. Башмакова [1, с. 76]), медиация как инновационная форма разрешения конфликтов (С.В. Соловьева, Н.Л. Назарова [4, с. 156–161]), медиация как правовые и неправовые практик (Я.В. Трофимов [6, 76–80]) и др.

Наиболее активно процесс медиации и высокая эффективность сложилась в крупных городах, являющихся интеллектуальными центрами. К примеру, в таких мегаполисах, как город Воронеж.

Ключевым актором в выстраивании данной работы стала региональная Торгово-промышленная палата (Союз «Торгово-промышленная палата Воронежской области»).

В соответствии с вступившим в силу Федеральным законом № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедур медиации)» необходимо использовать термин не медиация, а согласительная процедура, которая включает в себя медиацию и иные альтернативные процедуры урегулирования споров.

Так, на региональном уровне Союз «Торгово-промышленная палата Воронежской области» занимает ведущую роль в реализации согласительных процедур между сторонами конфликта. Таким образом, ТТП ВО являет собой дискуссионную платформу, на которой представители бизнеса и органов государственной власти ищут компромиссы в урегулировании споров. При ТПП ВО действует отделение Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации в городе Воронеже. Между ТПП ВО и органами государственной власти, субъектами крупного бизнеса заключены соглашения о сотрудничестве в целях развития предпринимательства, повышения инвестиционной привлекательности Воронежской области, качества жизни, благополучия граждан.

Непосредственные вопросы, связанные с реализацией института согласительных процедур, осуществляет Согласительный комитет ТПП ВО, который является профильным комитетом. В комитет входят руководители организаций, осуществляющих услуги медиации и имеющие соответствующее образование, руководители юридических организаций, руководитель Центра правовых инноваций и примирительных процедур Воронежского государственного университета. В комитете принимают участие эксперты, представители уполномоченного по защите прав предпринимателей в Воронежской области, представители общественности.

Поскольку политические процессы неразрывно связаны с экономическими интересами региональных элит, ТПП ВО в субъекте РФ являет собой существенный фактор стабилизации и консолидации гражданского общества, снижения социальной и политической напряженности в регионе.

Подводя итог, можно сказать, что медиация в России формирует обстоятельства для выработки неординарных, жизнеспособных, стабильных решений. На данном этапе медиация — это институт, который существует и выполняет функцию по разрешению споров в российском обществе.

Разумеется, в политической и ряде других социальных наук достаточно основательно проработаны вопросы, связанные с альтернативной интеракциям (взаимодействию) и транзакциям (сделкам). Как отмечает западный специалист по конфликтам и ведению переговоров Т. Шеллинг, что если развитие конфликта или несоблюдение достигнутых соглашений «и ведет к чему-нибудь, то только к войне [7, с. 274]», которая, естественно, сопровождается серьезным материальным и моральным ущербом, рисками и издержками.

### **Список литературы:**

1. *Башмакова Н.И.* Медиация как феномен и актуальная составляющая профессиональной деятельности современного специалиста в условиях глобализации социума // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 1(50).
2. *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / пер. с нем. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 228 с.
3. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер с англ. А.Н. Нестеренко; предисл.

- и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
4. Соловьева С.В., Назарова Н.Л. Медиация как инновационная форма разрешения споров на государственной гражданской службе. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6.
  5. Сондерс Г. Г. Устойчивый диалог в конфликтах: Трансформации и изменения / пер. с англ. И.В. Поляничевой; под ред. А.Г. Аксенка, И.Д. Звягельской. М.: Аспект Пресс, 2019. 382 с.
  6. Трофимов Я.В. Современное развитие медиации в Российской Федерации: правовые или неправовые принципы составляют ее основу? // Вести Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2013. № 1(18).
  7. Шеллинг Т. Стратегия конфликта / пер. с англ.; под ред. Ю. Кузнецова; 2-е изд., испр. М.: ИРИСЭН, Социум, 2016. 367 с.

### **Николаева А.А.**

Московский государственный психолого-педагогический университет,  
Москва

### ***ОСОБЕННОСТИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ***

### **Nikolaeva A. A.**

Moscow state University of psychology and education, Moscow

### ***Peculiarities of the interethnic conflicts in the educational organization***

Межэтнические конфликты можно выделить в особый класс межгрупповых конфликтов, в которых основой объединения конфликтующих сторон в группы является так называемая «аскриптивная (предписанная) идентичность», например, расовая, этническая, религиозная [3, с. 300–320]. Данный вид идентичности формируется, как правило, в раннем детстве и наименее подвержен изменениям в течение жизни человека. Кроме того, аскриптивные идентичности отличаются не только высокой устойчивостью к изменениям, но и высокой степенью субъективной эмоциональной окрашенности. В связи с этим любое посягательство на этническую идентичность воспринимается человеком

весьма болезненно, задевает его чувства и может спровоцировать достаточно резкую ответную реакцию. Поэтому конфликты, возникающие на этнической почве, зачастую отличаются особо высоким накалом страстей. «Неуловимость», которая также отмечается исследователями как одна из особенностей межэтнических конфликтов, связана с тем, что раздражителем в них выступают некие непонятные, неуловимые со стороны культурные символы [3, с. 300–320].

Как уже отмечалось, межэтническим конфликтам присуща высокая степень субъективности, их фундаментом и аргументацией часто служат различные факты истории, которые конфликтующими сторонами по-разному воспринимаются и оцениваются, из-за чего сторонними наблюдателями как данные конфликты могут быть восприняты как беспричинные, иррациональные [1, с. 206–209]. Подобные конфликты являются наиболее сложными для урегулирования, по причине крайней «идеалистичности». Так, например, этническая территория может оцениваться одной (или несколькими) сторонами конфликта как явление священное. Для более полного понимания особенностей межэтнических конфликтов следует определять их не по реальному составу участников, а по символической общности. То есть этническими являются такие конфликты, которые функционируют от имени этнических общностей (не учитывая насколько участники конфликта представляют эту общность) и провозглашаются, декларируются как «борьба за интересы своего народа».

Этнические конфликты характеризуются рядом особенностей: сложным составом, иррациональностью, обращенностью в прошлое, принципиальной невозможностью окончательного урегулирования. При этом, как отмечается большинством исследователей, сама по себе принадлежность к той или иной этнической группе не является причиной конфликта [2, с. 76–82]. Однако «перевод» конфликта в этническую плоскость, высказывание неуважения к проявлениям национальной культуры, этнических особенностей может способствовать его обострению и значительно осложнить разрешение данного конфликта.

Кроме того, протекание межэтнических конфликтов в образовательной организации может осложняться рядом обстоятельств, носящих объективный и субъективный характер. К объективным следует отнести, например, проведение организационных изменений в образовательном учреждении. Введение новых

образовательных стандартов, объединение различных образовательных организаций, их реструктуризация — все это весьма значимые конфликтогены, а в условиях межэтнической напряженности в образовательной организации могут привести к обострению конфликтов.

Также высокая степень социального расслоения, прежде всего проявление экономического неравенства в образовательной среде, способствует обострению межэтнических конфликтов [4, с. 24–35].

К субъективным факторам, влияющим на протекание межэтнических конфликтов, относится уровень конфликтологической компетентности педагогов и руководителей образовательной организации, их эмоциональное и профессиональное выгорание, степень сформированности толерантности, уважительного отношения к другим культурам у всех участников образовательного процесса.

Таким образом, межэтнические конфликты в образовательной организации являются одними из самых сложных и трудноразрешимых, для их успешного урегулирования требуется высокий уровень конфликтологической компетентности и общей культуры, а также этнической толерантности всех участников образовательного процесса.

### **Список литературы:**

1. *Лучшева Л.В.* Современные концепты причин этнических конфликтов // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1.
2. *Николаева А.А., Савченко И.А., Корецкая Е.А.* Корпоративная культура образовательной организации как средство разрешения и профилактики конфликтов // Образовательные ресурсы и технологии. 2018. № 3(24).
3. *Паин Э.* Этнические конфликты: столкновение культур или дисфункция политической системы // Пути России. Альтернативы общественного развития. 2.0: Сборник статей / Под общей редакцией М.Г. Пугачевой и А.Ф. Филиппова. М: Изд-во: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2015.
4. *Савченко И.А.* Конфликты в образовательной организации в условиях организационных изменений // Конфликтология / notabene. 2018. № 2.

**Николаенко Я.Н., Зазулин Г.В.**

ООО «Многопрофильное предприятие «ЭЛСИС», Санкт-Петербург

***ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ  
ВИБРОИЗОБРАЖЕНИЯ В ОЦЕНКЕ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ  
КОНФЛИКТОВ (На основе подхода Г. Шварца)***

**Nikolaenko Ia.N., Zazulin G.V.**

Elsys Corp., St Petersburg

***OPPORTUNITIES OF THE VIBROIMAGE TECHNOLOGY APPLYING  
IN THE EVALUATION OF THE CONFLICT RESOLUTION METHODS  
(On the basis of the G. Shwartz approach)***

Имеется множество различных теорий, в которых термин «конфликт» используется наряду с такими понятиями, как «борьба», «противостояние», «столкновение» и др. Стоит признать, что проблема с определением конфликта и созданием единой универсальной теории конфликта, приложимой к разнородным конфликтным явлениям, на сегодняшний день остается нерешенной [1; 4]. В прикладных целях наиболее логичным представляется подход, в рамках которого конфликт рассматривается как «негативный способ взаимодействия объектов в состоянии нацеленности на борьбу...» [3, с. 107–109]. В то же время междисциплинарный теоретико-прикладной характер конфликтологии как науки предполагает анализ и разработку способов предотвращения и разрешения конфликтов. Таким образом, существует необходимость увеличить число прикладных исследований, за счет привлечения современных высокоэффективных технологий междисциплинарной направленности.

Данная работа является прикладным исследованием междисциплинарной направленности, сочетающим в себе опытные разработки в области психологии, психофизиологии, биометрии и конфликтологии.

**Гипотеза исследования:** люди с профильным образованием «конфликтология» и «психология» отдадут предпочтение профессиональным способам разрешения конфликтов (делегирование полномочий, компромисс, консенсус), в отличие от людей без профильного образования в данной области.

**Предмет исследования:** способы разрешения конфликтов.

**Методологическая основа** исследования: эволюционный подход к типологии способов разрешения конфликтов Герхарда Шварца.

**Методы исследования:** оценка способов разрешения конфликтов на базе программного обеспечения «PsyAccent» посредством технологии виброизображения (<http://www.psymaker.com/downloads/PsyAccentRu.pdf>).

На базе технологии виброизображения и типологии способов разрешения конфликтных ситуаций Шварца составлен опросник. Респонденту необходимо ответить на 12 пар вопросов, дополненных изображениями-стимулами. Последовательность предъявления вербальных стимулов (вопросов) соответствует ранговой системе Г. Шварца: от наиболее простых, эволюционно ранних способов разрешения конфликтов (базовый уровень), к наиболее сложным (профессиональный уровень) способам.

Технология виброизображения позволяет получать многомерные зависимости характеристик психофизиологического состояния (ПФС) и регистрировать изменение энергетики и направление этого изменения. Изменение выделяемой (расходуемой) человеком энергии из начального состояния в другое энергетическое состояние, измеряется в ккал/мин [2; 5, с. 447–463]. Технология виброизображения позволяет регистрировать в режиме реального времени, как сознательные, так и бессознательные «ответы» на вопросы опросника. Бессознательные установки отличаются гораздо меньшей пластичностью, чем сознательные т. к. не привязаны к ситуативному фактору. Такой подход позволяет достичь большей прогностической точности, чем традиционный опросный метод. Результаты тестирования более стабильны, чем при традиционном анкетировании т. к. отражают средние значения между сознательными и бессознательными установками.

Пилотажное исследование показало, что профиль образования существенным образом не влияет на выбор способов разрешения конфликтов. Респонденты с техническим профилем образования охотно демонстрировали готовность разрешать конфликты посредством компромисса и консенсуса, как на сознательном уровне, так и бессознательном уровне (что особенно ценно!).

С целью объективизации полученных результатов, повышения их валидности и надежности исследование будет продолжено. Предположительно, анализ различных составляющих личности (агрессивности и конфликтности личности) с привлечением

большого потока опрашиваемых позволит окончательно подтвердить или опровергнуть ранее выдвинутую гипотезу.

### **Список литературы:**

1. *Гришина Н.В.* Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 544 с.
2. *Минкин В. А.* Виброизображение. СПб.: Реноме, 2007–108 с.
3. *Стребков А.И.* Конфликтологические знания в формировании культуры гражданского общества // Конфликтология — теория и практика. 2004.№ 1(2).
4. *Шварц, Г.* Управление конфликтными ситуациями: диагностика, анализ и разрешение конфликтов. СПб.: Изд-во Вернера Регена, 2007. 296 с.
5. *Minkin V., Nikolaenko Y.* Application of New Concept for Multiple Intelligences Calculation for Personality and Social Groups Comparison Research // Journal of Behavioral and Brain Science. USA. Vol. 7, No. 10, October 2017.

### **Никулина Т.И.**

Байкальский государственный университет, Иркутск

### **Чепурко Ю.В.**

Иркутский государственный медицинский университет, Иркутск

## ***MOTIVATION AND STRATEGIES OF BEHAVIOR IN CONFLICT AMONG RAILWAY WORKERS***

### **Nikulina T.I.**

Baykal State University, Irkutsk

### **Chepurko J.V.**

Irkutsk State Medical University, Irkutsk

## ***MOTIVATIONS AND STRATEGIES OF BEHAVIOR IN CONFLICT AMONG RAILWAY WORKERS***

Мотивация — одна из фундаментальных проблем как отечественной, так и зарубежной психологии. Мотивация выстраивается в иерархию внутри каждой деятельности и вне сфер деятельности [1]. Методологическим принципом, на который опираются исследования мотивационной сферы, является положение



о единстве содержательно-смысловой сторон и динамической мотивации: система отношений человека, направленность личности и динамика поведения, интеграция побуждений и их смысловой контекст, соотношение смысла и значения и т. д. [2–5]. Изучение стилей поведения и разработка модели стратегий поведения в конфликте были осуществлены К. Томасом и Р. Килманом [6]. Конфликт — это взаимодействие противоборствующих сторон, направленное на нейтрализацию, повреждение или уничтожение противника, динамично развивающееся, переходящее от одной фазы взаимодействия к другой и заканчивающееся разрешением конфликтной ситуации [7]. Работники организации «Российские железные дороги» должны быть высоко мотивированы в своей профессиональной деятельности. Но у каждой личности мотивационная деятельность будет проявляться в определенной мотивационной тенденции. Так как, взаимодействуя друг с другом, каждый день может возникать конфликтная ситуация «на почве» профессиональных или личностных недопониманий. И в результате чего возникает потребность в использовании доминирующей модели поведения у личности, которая непосредственно влияет на культуру межличностных взаимоотношений и на дальнейший уровень мотивации [8]. Гипотеза: существует взаимосвязь мотивации и стратегий поведения в конфликте у работников железной дороги. Общая гипотеза конкретизируется в частных гипотезах: 1) высокий уровень рабочей мотивации способствует выбору таких стратегий поведения в конфликте, как компромисс и сотрудничество; 2) высокий уровень общежитейской мотивации снижает возможность выбора таких стратегий поведения в конфликте, как компромисс и сотрудничество. Методы исследования. Тест Э. Мильмана «Диагностика мотивационной структуры личности» [9]; тест А. Мехрабиан «Диагностика мотивов аффилиции» [1]; опросник «Стили поведения в конфликтной ситуации» Томаса-Килмана [6]. Выборка, на которой проводилось исследование, представлена работниками Иркутского отделения ОАО «Российские железные дороги». Общее количество испытуемых — 50 человек, из них 48 % женщин и 52 % мужчин, средний возраст 38 лет. Результаты по методике Э. Мильмана «Диагностика мотивационных структур личности»: у 44 % работников выявлен высокий уровень общежитейской мотивации, у 30 % — средний уровень общежитейской мотивации, у 26 % — низкий уровень. По опроснику А. Мехрабиана выявлено, что у работников наблюдаются

неравнозначные показатели по шкалам «стремление к принятию в группе» и «страх отвержения». У 44 % опрошенных был выявлен высокий уровень развития мотива «страх отвержения», 18 % респондентов показали высокий уровень развития мотива «стремление к принятию группой». Низкий уровень развития мотивов «стремление к принятию в группе» и «страх отвержения» был выявлен у 30 % и 24 % опрошенных соответственно. Стратегии поведения в конфликте по тесту Томаса — Килмана у 26 % опрошенных — стратегия поведения компромисс, 22 % — соперничество, 22 % — избегание, 18 % — приспособление, 12 % — сотрудничество. Обнаружена обратная корреляционная связь между мотивом аффиляции «страх отвержения» и стратегией поведения в конфликтной ситуации «соперничество» ( $r=-0,383$ ,  $p<0,05$ ); положительная взаимосвязь между мотивом аффиляции «страх отвержения» и стратегией поведения «избегание» ( $r=0,320$ ,  $p<0,05$ ); прямая взаимосвязь была обнаружена между «рабочей мотивацией» и стратегией поведения в конфликтной ситуации «компромисс» ( $r=0,352$ ,  $p<0,05$ ).

Таким образом, для работников РЖД с высоким показателем мотива аффиляции «страх отвержения» не свойственно представление о конфликтном поведении, которое характеризуется стратегией поведения в конфликтной ситуации «соперничество». Обнаружены устойчивые взаимосвязи рабочей и общежитической мотивации со стратегиями поведения в конфликтной ситуации.

### Список литературы:

1. Мехрабиан А. Диагностика мотивации достижения / Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.
2. Божович Л.И. Избранные психологические труды / под ред. Д.И. Фельдштейна. М., 1995.
3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.
4. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. М., 1983. Т.1.
5. Асеев В.Г. Проблема мотивации и личность // Теоретические проблемы психологии личности. М.: 1974.
6. Чепурко Ю.В. Дифференциально-психологическое исследование индивидуально-личностных особенностей юристов разного профиля // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. № 5.

7. Емельянов С.М. Управление конфликтами в организации. СПб.: Авалон; Азбука классика, 2006.
8. Никулина Т.И. Практика формирования конфликтологической культуры поведения субъектов образовательной среды. Ценностное многообразие современной культуры [Электронный источник]: моногр. / коллектив авторов; под общ. ред. С.П. Решиковой. Западный: Науч.-исслед. центр «АнтроВита», 2019. Том III. 171 с. URL: [http://soc-is.ru/wp-content/uploads/Ценностное-многообразие-современной-культуры\\_3.pdf](http://soc-is.ru/wp-content/uploads/Ценностное-многообразие-современной-культуры_3.pdf).
9. Мильман В.Э. Методы изучения мотивационной сферы личности. Практикум по психодиагностике. М., 1990.

**Никулина Т.И., Галстян М.Н., Дичина Н.Ю.**

ГКУ «Центр профилактики, реабилитации и коррекции», Иркутск  
Байкальский государственный университет, Иркутск

**ПРОФИЛАКТИКА САМОПОВРЕЖДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ  
СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

**Nikulina T.I., Galstyan M.N., Dichina N.Yu.**

GKU "Center for Prevention, Rehabilitation and Correction", Irkutsk,  
Baikal State University, Irkutsk

**PREVENTION OF SELF-HARMING BEHAVIOUR AMONG MINORS**

Факторами самоповреждающего поведения является **аутоагрессия** (*причинение вреда себе в стрессовой ситуации*). Причинами такого поведения у несовершеннолетних может стать, во-первых, жестокое отношение со стороны родителей, когда психотравмирующее воздействие на ребенка может развиваться как предупреждение негативной реакции старших в виде самонаказания. Во-вторых, неумение проживать свои отрицательные эмоции может сформировать у детей запрет на выражение своих отрицательных эмоций. Все это и много другое является началом нелегкой жизни со многими проблемами, приводящими к самоповреждающему поведению. Не научившись выражать свои чувства в семье, отражать давление одноклассников и учителей, ребенок трудно реализовывает себя во всех сферах жизнедеятельности, замыкается, страдает, появляется отвращение к себе. Осмысление проблемы, связанной с выбором содержания предлагаемого обучающимся

материала, а также форм, методов, приемов работы, учитывающих особенности возраста обучающихся, позволит эффективно выстраивать в образовательных организациях систему профилактики социально негативных проявлений среди несовершеннолетних, в том числе самоповреждающего, конфликтного и суицидального поведения.

На базе Иркутского Центра профилактики, реабилитации и коррекции разработана программа «Неделя профилактики самоповреждающего поведения среди несовершеннолетних», целью которой является снижение рисков суицидального и конфликтного поведения обучающихся. В задачи входит проведение комплекса мероприятий в течение недели, направленных на формирование социально активной позиции обучающихся; развитие навыков саморегуляции эмоционального состояния; расширение представления подростков о возможностях участия в просоциальных видах деятельности (социально активная и трудовая деятельность, спорт, творчество, подвижные игры и др.); развитие навыков самостоятельного и ответственного выбора. События Недели охватывают все категории участников образовательного процесса: педагогических работников, обучающихся и их родителей. В основе организации и проведения мероприятий представлено положение и нормативно-правовые документы, которые определяют порядок и регламент проведения областной недели по профилактике самоповреждающего поведения, в том числе суицидальных проявлений, среди несовершеннолетних (Конвенция ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., ФЗ № 170-ФЗ от 21 декабря 2004 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», ФЗ № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации», «Национальная доктрина образования» Правительства РФ № 30384 от 04 октября 2000 г., ФЗ № 120-ФЗ от 24 июня 1999 г. и др.). Все мероприятия по программе распределены по дням недели и цветам, имеющим свою символику и задачи. В задачи черно-белого дня входит развитие и осмысление системы личных жизненных ценностей у учащихся и педагогов, решение проблем лидерства и отвержения в классном коллективе, формирование социальных навыков и умений, способности к эмпатии, кооперации, разрешению конфликтов путем сотрудничества, стрессоустойчивости.

Основная цель таких акций — расширение жизненного пространства участников за счет внесения в их жизнь новых дополнительных смыслов, чувственных красок, культурных значений,

наглядное подтверждение афоризма «жизнь богаче, чем вы ее привычно воспринимаете». Целевая установка оранжевого дня направлена на развитие гражданской позиции обучающихся посредством активного личного участия в общественно значимых видах деятельности. В рамках кинодебатов решаются задачи содержательного плана: осознание учащимися противоречий, трудностей, связанных с обсуждаемой проблемой; актуализация ранее полученных знаний; творческое переосмысление возможностей их применения. Целевая установка красного дня: развитие навыков анализа конфликтной ситуации в построении конструктивного межличностного взаимодействия участников образовательной среды.

Идея дня заключается в предположении, что умение своевременно проводить структурный анализ конфликтной ситуации позволит улучшить взаимоотношения между учащимися, повысить продуктивность педагогического взаимодействия, повысить уровень конфликтологической культуры всех участников образовательного процесса [1; 2]. На примере ситуаций мультфильма дети рассмотрят характерные особенности конфликтов, познакомятся с конструктивными техниками и стратегиями поведения в конфликтной ситуации, а также проведут структурный анализ и на практике попробуют применить тактики конструктивного выхода из конфликтной ситуации.

### **Список литературы:**

1. *Никулина Т.И.* Практика формирования конфликтологической культуры поведения субъектов образовательной среды. Ценностное многообразие современной культуры [Электронный источник]: моногр. / коллектив авторов; под общ. ред. С.П. Решиковой. Западный: Науч.-исслед. центр «АнтроВита», 2019. Том III. 171 с. URL: [http://soc-is.ru/wp-content/uploads/Ценностное-многообразие-современной-культуры\\_3.pdf](http://soc-is.ru/wp-content/uploads/Ценностное-многообразие-современной-культуры_3.pdf) (дата обращения: 13.10.2019)
2. *Никулина Т.И.* Взаимосвязь мотивации достижения и стратегий поведения в конфликтном взаимодействии // Конфликтология и конфликты в современном мире. Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. под ред. Т.М. Овчинниковой, О.И. Колотовой. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2018. 184 с.

**Новопашина Л.А., Хасан Б.И.**

Сибирский федеральный университет, Красноярск

***КОНФЛИКТНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК БАЗОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ  
МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ «КОНФЛИКТ-МЕНЕДЖМЕНТ»***

**Novopashina L.A., Khasan B.I.**

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

***CONFLICT REALITY AS THE BASIC CONTENT  
OF THE MASTER'S PROGRAM "CONFLICT MANAGEMENT"***

В своей работе мы продолжаем размышлять об эффектах и результатах образования [5, с. 58–61] и обращаемся к сложной задаче по преодолению патерналистских отношений в университетском образовании.

Мы придерживаемся точки зрения о том, что патернализм — это особый стиль административной деятельности представителей государственной «власти», аналогичный «отношениям отца со своими детьми», а также стереотип восприятия государственно-властных институтов как структур, отвечающих за все в государстве [1, с. 11–13].

Между тем заявка на компетентностный подход и развитие конфликтной компетентности требует не только специально организованных условий их становления, но и особого типа взаимодействий основных участников образовательного процесса [4, с. 5–6].

Нами было выявлено, что структура мотивов исследовательской деятельности студентов не зависит от длительности обучения в университете [2, с. 69–72], и требует специальной организации деятельности [2, с. 69–72; 3, с. 116–127].

Следующие исследовательские вопросы для нас являются центральными: Какие участники и за счет чего приобретают или игнорируют ранее непонятный и необеспеченный статус подлинных субъектов и в каких новых отношениях и институциональных условиях — контекстах?

Методологией работы является конструктивная психология конфликта, в основе которой находится культурно-исторический и деятельностный подходы.

Практика человеческого, на наш взгляд, возможна именно в переговорных форматах. При этом переговоры мы рассматриваем и как желательную способность, имеющую свою генетическую

картину, и как известный культурный институт, в силу чего важными «точками» оформления конфликта являются подлинный интерес и договор.

Сегодня мы имеем в образовании классический договор присоединения. «Договором присоединения признается договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом» (ГК РФ Ст. 428).

В так называемом договоре уже в отчужденном и достаточно формализованном виде вроде как содержатся возможности обеспечения интересов сторон, реализующих образовательные отношения. Однако если следовать не столько правовой рамке обсуждения, сколько психолого-педагогической, то субъект договора становится/оформляется как раз в переговорном процессе, поскольку именно в таком процессе интересы участников (сторон) требуют достаточно ясного предъявления для подлинного, а не демонстративного обеспечения. В «образовательном договоре присоединения» обеспечение этих интересов не актуализируется в реальной практике при условии соблюдения установленных стандартов.

Договор присоединения в образовании говорит, что в отношениях состоят как бы три (или две?) стороны. Это те, кто учится, — студенты. Это те, кто учит, — профессора. Это те, кто назначает чему и кого учить, — учредитель (здесь нам кажется, что все не совсем так просто, но об этом несколько позже).

Можно ли считать эти позиции субъектами договорных отношений? Или мы имеем дело со своеобразной машиной по изготовлению некоторой социальной продукции, определенная часть которой удовлетворяет те или иные потребности государства?

Обустривая нашу магистерскую программу как практику переговоров, мы тем самым объективируем конфликтную реальность, в которой при помощи специальных процедур и действий актуализируем интересы, намерения и возможности для подлинного образовательного договора всех сторон этих отношений.

Особое устройство магистерской образовательной программы «Конфликт-менеджмент» выступает для нас и исследовательским кейсом.

Результаты анализа кейса показали, что за двухлетний цикл работ патерналистские отношения преодолеваются лишь у 1,5 %



студентов. При этом признаки выхода в субъектную позицию и партнерские отношения появляются у 2/3 студентов. За пределами образовательной программы необходимость и применение переговорных компетентностей обнаруживается у большей части выпускников программы.

В целом можно сказать, что обсуждение проблемы патернализма, особенно в контексте прав человека и реформирования образования, может быть продолжено только на основе достоверных эмпирических данных и их адекватной интерпретации, что возможно реализовать только в исследовательском междисциплинарном поле.

### **Список литературы:**

1. *Гавра Д.П.* Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. том I, выпуск 4.
2. *Новопашина Л.А.* К вопросу об условиях развития личности современного студента // Практики развития: замыслы, технологии, контексты: материалы 25-й науч.-практ. конф. Красноярск, апрель 2018 г.,
3. *Хасан Б.И.* Почему игра? // Человек.RU. 2018. № 13.
4. *Хасан Б.И.* Готовы ли мы к новым отношениям? // Практики развития: новые отношения в образовании, их реализация и возможности управления: материалы XXII науч.-практ. конф. 2016.
5. Следы школы / Новопашина Л.А., Фрумин И.Д., Хасан Б.И. // Практики развития: современные вызовы. Материалы 20-й науч.-практ. конф. / ред. кол.: Б.И. Хасан, Л.А. Новопашина. 2014.



## **Орлинская О.М.**

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,  
Нижний Новгород

### ***МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ В ФЕДЕРАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВАХ С ЦЕЛЬЮ ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА***

## **Orlinskaya O.M.**

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod

### ***MECHANISMS OF THE IMPACT OF PARLIAMENTARIAN INSTITUTIONS ON THE RELATIONSHIP OF THE CENTER AND REGIONS IN THE FEDERAL STATES IN ORDER TO ACHIEVE THE POLITICAL CONSENSUS***

Механизм воздействия институтов парламентаризма на политические отношения внутри федерации является составной частью государственной политики и включен в административные средства реализации управленческих решений. Сам же характер его функционирования (как и самой фазы управленческого цикла государственной политики) определен свойствами, и особенностями политического режима, общества как объекта государственного управления, федерализма как структурно-организационного принципа, в соответствии с которым строится конкретная модель федерации. «Плюс» — разнообразие конкретных условий и обстоятельств, в контексте чего происходит осуществление каждого из блоков (добавим сюда еще госконтроль и арбитраж) государственной политики в странах, избравших или имеющих федеративное устройство.

В переходных обществах в условиях незавершенности ряда политических процессов действие данного механизма может иметь разную эффективность уже в силу неоднозначности самих форм и методов взаимоотношений центра и регионов. Они также зависят от совокупности различных факторов, наибольшее влияние среди которых оказывают основания и стадии развития федерализма, этапы его институционализации.

Как правило, обострение межуровневых отношений в федерации происходит на стадии ее создания, определения составных

частей и упорядочивающей, стабилизирующей по отношению к ним деятельности институтов. Когда с последовательностью действий по формированию и осуществлению государственной политики (отмеченных блоков и институтов) связаны субординация между носителями властных полномочий и координация между субъектами и объектами управления.

Однако всегда следует помнить два момента. Первый, что «политические институты не обязательно — и даже далеко не всегда — создаются для того, чтобы быть социально эффективными; институты, или по крайней мере формальные правила, создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил» [1, с. 33]. Второй момент. Территориальное распределение политической власти становится более сложным с практическим применением принципа разделения властей, особенно в тех случаях, когда дело касается многосоставных обществ [2, с. 10]. В обоих случаях важен исторический и социальный фон: традиции, обычаи, опыт.

Чаще всего это конфликтные ситуации, кризисные явления в какой-либо одной сфере общественной жизни, например, в экономике или политике, затрачивающие все стороны федеративного устройства, тип политического режима и жизнедеятельность граждан. Использование тех или иных принципов и методов взаимоотношений либо способствует дальнейшей эволюции, позитивной динамике федеративной системы, либо приводит к углублению конфликтности, кризису и в итоге — к распаду федерации.

Парламент как высший законодательный (представительный) орган государства, осуществляет функции представительства всех основных социально-политических сил страны. В зависимости от форм правления, включая федеративную, место и роль парламента различно, что отражается в его организации, функциях, приемах и методах руководства, управления государством и обществом. Парламент в федеративном государстве более предопределен к тому, чтобы политические институты этих начал «мирно сосуществовали» и более гибко реагировали на требования граждан.

Серьезный аргумент в пользу целесообразности существования разнообразных парламентских институтов и практик связан со специфической конституционной функцией, осуществляемой ею, ибо она не только противовес нижней палате, но и механизм, регламентирующий (больше или меньше — в зависимости от вида политического режима) главные сферы активности людей, их

взаимоотношения с государством, а в нем — между центром и регионами. Парламент в совокупности его институтов и функций — иерархизированный политический субъект, который располагает специализированным комплексом публично-властных полномочий и коллективными ресурсами, используемыми от имени и в интересах общества.

Парламент в основном строится на выборных началах, но в федеративном государстве парламентарии могут быть таковыми по должности, представляя административно-территориальные образования субъектов федерации. Принципиально важным при этом является понимание и постоянное уточнение не только форм взаимодействия верхней и нижней палат. Но и структурных звеньев представительного собрания с региональными ассамблеями, электоратом в механизме влияния парламента на взаимоотношения центра и территорий.

Именно здесь уместно выделить конкретный субъект Федерации, и Федерация в целом активно функционируют при наличии и посредством сложноорганизованного политического процесса, в котором на каждом уровне служение интересам общества происходит через законодательный процесс. Действующий на конституционной основе представительный орган выступает не только и не просто как орган, издающий законы, но и как ведущее звено в системе государственной власти. Ему принадлежит приоритет в распределении и перераспределении полномочий между органами государственной власти, в обеспечении равновесия в сфере властных отношений в регионе, стране.

Часто существует тот или иной способ согласования деятельности регионального парламента и федерального, особенно — его верхней палаты. Так, индийский федеральный парламента может принимать законы, относящиеся к штату Сикким, только с согласия парламента последнего. Однако в Танзании законодательный орган существует только у одного из субъектов, а в ОАЭ местных парламента нет. Да и само Национальное собрание ОАЭ ни по способу формирования, ни по его полномочиям парламентом не является, так как и в субъектах, и в федерации законодательную власть осуществляют эмиры.

Ряд отечественных политологов отмечают несоответствие между официально заявленными целями политических преобразований в РФ и реальной политической практикой. Так, М. Урнов заявляет о расхождении «между декларируемыми намерениями

создать систему устойчивой представительной демократии и постепенным свертыванием на практике начавшихся было формироваться ее важнейших элементов — ростков публичной политической конкуренции, осуществляемой по прозрачным и стабильным правилам» [3, с. 27].

Неспособность партий выполнять функцию защиты групповых интересов, рост влияния корпораций и масштабов их лоббистской деятельности, распространение коррупции при пассивной неопределенности населения, особенно автономных образований, «кем ни попадя» представленных в верхней палате, создает «реальную перспективу формирования «клиентарного общества» (М. Афанасьев, Н.А. Баранов).

Почти во всех федерациях наряду с федеральными территориями существуют федеральные (столичные) округа — столица с прилегающими к ней окрестностями. Такой федеральный округ обычно имеет особый режим, более строгий по сравнению с другими частями государства, что связано с политическим значением столицы. Он по-разному представлен в верхней палате парламента. Есть государства, где у него либо неодинаковое, либо равное со штатами представительство, как, к примеру, в РФ. В Нигерии по Конституции 1989 г. (приостановленной в ряде частей после очередного военного переворота) округ Абуджа имеет в сенате одного представителя — в отличие трех от каждого штата. А в Бразилии федеральный округ представлен в сенате тремя сенаторами и двумя их заместителями, как и каждый штат.

При этом регионы-несубъекты обычно имеют представительство в нижней палате (по одному делегату в США, по четыре представителя в Бразилии — независимо от численности населения региона). В США данные представители (в том числе от федерального округа) имеют только совещательный голос, в Бразилии же они имеют права, одинаковые с другими депутатами нижней палаты.

Собственный законодательный орган регион-несубъект может и не иметь. Даже если он создается, то местные законы принимаются по сравнительно узкому кругу вопросов и обычно требуют одобрения федеральных властей и представителя администрации, который фактически управляет регионом. Представительный орган (иногда называемый законодательным) часто является совещательным (местным законо-совещательным) органом при этом чиновнике (например, в некоторых союзных территориях Индии).

Но в целом единообразия в данном отношении не существует [4, с. 176–177].

Это лишний раз подтверждает «расхожую истину»: да, парламент возник в Англии в XIII в., но воспроизведение его структуры, функций, порядка выборов и взаимодействия с иными государственными и общественными институтами в отдельных странах до сих пор находится в стадии становления и развития. Однако эти процессы, как тот «караван», идут. В результате институты парламентской демократии приобретают гибкость и адаптивность, которые необходимы для того, чтобы выжить в условиях роста требований, идущих от общества к политической системе, преимущественно за счет вдумчивого отношения к политическим традициям.

Парламентарии, считают американские исследователя, «служат каналами, по которым передаются требования и недовольство населения, и тем самым они способствуют повышению способности режима реагировать на эти требования. Парламентарии способны уменьшить недовольство, решая проблемы, которые могут возникнуть с центральным правительством у отдельных людей и групп лиц в их избирательных округах. А региональным, этническим и партийным меньшинствам представительство в парламенте дает возможность для выражения их интересов. Даже если центральная власть немедленно не реагирует на их требования, такое представительство может побудить политические меньшинства считать режим легитимным и тем самым создать широкую, «диффузную» поддержку режиму даже без проведения такого курса, который поднял бы уровень «специфической конкретной поддержки». В конечном счете законодательные органы могут служить инструментом подотчетности элит народу, что, в свою очередь, может уменьшить вероятность того, что элиты прибегнут к репрессивным методам для того, чтобы справиться с массовым недовольством [5, р. 124].

### **Список литературы:**

1. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 2017.
2. *Каменская Г.В.* Федерализм: мифология и политическая практика. М.: ИМЭМО РАН, 1998.
3. *Урнов М., Касамара В.* Современная Россия: вызовы и ответы: сб. материалов. М.: Экспертиза, 2005.

4. Орлинская О.М. Концепции федерализма, модели федерализации и типология федераций: политический анализ. Монография. М.: Нижний Новгород: Москвичев А. Г., 2012.
5. *Divided Democracy. Cooperation and Conflict between the President and Congress* / ed. by J. A. Thurber. Washington, 2011.

**Островский А.Н.**

Российский государственный социальный университет, Москва

***СОВРЕМЕННЫЕ ГОРОДСКИЕ КОНФЛИКТЫ, ПРИЧИНЫ  
ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ ГЛАЗАМИ  
СОЦИАЛЬНОГО МЕДИАТОРА***

**Ostrovskiy A.N.**

Russian State Social University, Moscow

***MODERN URBAN CONFLICTS, CAUSES OF ITS OCCURRENCE  
AND RESOLUTION METHODS FROM THE SOCIAL MEDIATOR'S  
POINT OF VIEW***

Объединение жителей мегаполисов для совместного решения различных социальных проблем берет свое начало с 2011 г. (с периода вовлечения активных граждан в движение наблюдения на выборах, вызванное подозрениями в фальсификации результатов избирательной кампании в Государственную Думу). В Москве последующая консолидация районных активистов была сопряжена с выборами мэра Москвы 2013 г. (организация наблюдательного процесса и поддержки оппозиционного кандидата). Параллельно идущие процессы трансформации городской среды, связанные с реконструкцией парков, точечной застройкой кварталов и др., также стали триггерами для формирования локальных протестных групп москвичей, самокоординирующихся благодаря соответствующим группам в социальных сетях и мессенджерах. Лидерами этих групп оказываются молодые и среднего возраста активные горожане с высшим образованием, работающие в сфере бизнеса или самозанятые, относящие себя к среднему классу, зачастую имеющие источник пассивного дохода. Объявленная московским правительством в 2017 г. программа реновации жилья и другие градостроительные инновации (введение платных парковок и последующие мероприятия по ограничению проезда во дворы

«не жильцов», межевание кварталов, программа капитального ремонта жилья, благоустройство придомовых территорий) «легли» на подготовленную почву усиленной активности граждан, реализуемой в рамках самоорганизованных соседских групп, включившихся в социальную жизнь своих районов (в процессы управления многоквартирными домами посредством выбора старших по подъездам, советов домов и председателей советов домов и делегирования им организационных и контрольных функций; самовывдвижения на выборах муниципальных депутатов).

Вышеперечисленные явления послужили основанием для актуализации конфликтных ситуаций, возникающих как между самими жителями, так и с участием органов власти, а также поддомственных ей структур. При этом если ранее данные конфликты являлись собственностью самих их участников, то в условия активизации формирования соседских сообществ, их консолидированной правозащитной деятельности и цифровизации коммуникации членов данных групп они быстро становятся достоянием всего района.

В рамках авторского проекта по разрешению социальных конфликтов в сообществах жителей посредством использования медиативных технологий («Центр общественного взаимодействия») в формате включенного наблюдения нами были выявлены особенности конфликтных ситуаций, определяющих стратегию при работе с ними:

- формирование инициативных групп населения, объединяющихся для отстаивания интересов жильцов, порой не имеющих официальных полномочий на принятие решений;
- вовлечение в конфликт большого числа людей или нескольких групп людей, преимущественно из числа «районных активистов»;
- ограниченность конфликтов вовлеченностью исключительно их сторон и группы сочувствующих граждан — активистов «соседских» групп при общем низком уровне информированности большинства жителей района о сути конфликта;
- нередко невозможность органов местного самоуправления урегулировать спорную ситуацию в силу несовершенства законодательства, правоприменительной практики, отсутствия четких планов развития городских территорий, ранее вынесенных решений с нарушением предусмотренных процедур; активного противодействия жителей.



Рассматриваемые конфликты в масштабе всей городской среды не являются резонансным событием. Более того, большая часть граждан не имеет представления об их наличии или занимает позицию, лояльную органам власти, в случае если именно они становятся участниками спора. Между тем именно недовольство активного меньшинства той или иной ситуацией, порождающей конфликт, становится неблагоприятным информационным фоном для реализации социальной политики на местном уровне.

В подобной ситуации инструментом выбора в снижении социальной напряженности становятся медиативные технологии, позволяющие согласовать интересы всех сторон конфликтов на основании признания их гражданского равноправия (как большинства, так и меньшинства). При этом необходимым условием успешного разрешения данных споров выступают: сотрудничество их участников для совместного поиска выхода из сложившейся ситуации с обязательным принятием на себя ответственности за соблюдение достигнутых договоренностей.

### **Осьмук Л.А.**

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск

### ***НОНКОНФОРМИЗМ И КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ СТУДЕНЧЕСТВА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ***

### **Osmuk L.A.**

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

### ***NONCONFORMISM AND CONFLICTOGENITY OF STUDENTS: MYTHS AND REALITY***

Традиционно считается, что чем старше человек, тем он консервативнее, следовательно, молодежь имеет более низкий уровень конформности и потребность демонстрировать неконформистское поведение (в силу более высокого уровня тестостерона и не только). Еще в большей степени это относится к студентам, поскольку знания не только рождают печали (или скорбь) — *doloribus multis scientiae*, но и стимулируют «брожение умов». Неконформизм студенчества поддерживается, в том числе, университетским сообществом, имеющим относительную замкнутость и исторически сложившиеся ценности академических свобод. С одной стороны, университетское сообщество придерживается принципа



«аполитичности», концентрации на творческой, научной деятельности, с другой — вечное критическое отношение к власти, к социально-экономической политике, к социокультурным процессам, оказывается благодатной средой для появления протестных мыслей и поведения. Если нонконформизм в его незначительной степени предполагает свободу взглядов и поступков вопреки принятым нормам, то в явном виде — это отстаивание установок и мнений, противоречащих принятым в обществе или группе. В зависимости от уровня конформизма/нонконформизма каждый человек [1] или каждая социальная группа демонстрируют его в своем поведении. Нонконформизм студенчества носит специфический характер, специфика связана: во-первых, с временной маргинальностью студента; во-вторых, с ориентацией на высокие идеалы и, одновременно, рациональное поведение; в-третьих, с ценностной ориентацией на все новое, современное, прогрессивное. Наверное, и внутри студенческой аудитории можно выделить разные группы с различным уровнем конформизма/нонконформизма, что зависит и от личностных установок, и от предписанного социального статуса.

Нонконформизм — это прежде всего внутренние социально-психологические установки, которые определяют поведение субъекта. Но поскольку это демонстративное поведение может рождать конфликты, мы вправе говорить о конфликтогенности нонконформизма студенчества. Можно, конечно, предположить, что если целая группа имеет онтологическую предрасположенность к конфликту, то она представляет для государства и общества некоторую опасность. Даже, если забыть истории о студентах средневековой Европы, современные практики студенческой инициации часто внушают обществу ужас: «праш» в Португалии, «обработка» во Франции и др. Что касается студенческих выступлений, то они не прекращаются и в современном мире. Таким образом, диапазон протеста студенческой аудитории: от нонконформистских безобидных проявлений до небезобидных деликтов и открытого протестного движения. Проблема управления протестными настроениями студентов, видимо, предполагает выявление уровня нонконформизма, в связи с чем представляют интерес социальные исследования данного феномена.

Исследования, проведенные в Новосибирском государственном техническом университете в 2001 и 2019 гг., показали, что студенческая аудитория делится примерно на две равные части: тех, кто

готовы принять общественные нормы, и тех, кто их в значительном ряде ситуаций воспринимает как ограничитель свобод. Было обнаружено, что студенты первых курсов более конформистски настроены, тогда как к третьему курсу нонконформизм усиливается и снижается практически к окончанию обучения. Нонконформизм не имеет устойчивой связи с протестными настроениями — например, он может выражаться через демонстрацию стиля, однако нонконформистские студенческие ценности составляют основу социальной идентичности, следовательно, так или иначе отражаются на поведении у подавляющего большинства. Состояние аномии в российском обществе влияет на повышение уровня нонконформизма (так, около 80 % респондентов могут время от времени нарушать социальные нормы) и провоцирует протестные настроения. Протестные настроения и готовность к их выражению студентов в 2019 г. усилились по сравнению с 2001 г., основная причина: студенты не видят возможности адаптироваться в современном обществе риска [2].

### **Список литературы:**

1. Никонова Э.И. Конформное поведение в студенческой группе как стратегия выбора личностной позиции // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 3. С.151–154.
2. Осьмук Л.А. Конфликты в социальном дискурсе риска // Человек в эпоху перемен. Вызовы настоящего, построение будущего: Сб. материалов 4-го Съезда психотерапевтов, психиатров, психологов и консультантов СФО (Новосибирск, 3–8 апреля 2015 г.). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. С. 85–88.

## **Отахонов Ф.Х.**

Международный коммерческий арбитражный суд при ТПП РУз,  
Узбекистан

### ***МЕДИАЦИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ***

## **Otakhonov F.Kh.**

International Commercial Arbitration Court at the CCI of the Republic of  
Uzbekistan, Uzbekistan

### ***MEDIATION IN UZBEKISTAN: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT***

Развитие правовой культуры в нашем обществе ведет в том числе и к росту обращений в судебные инстанции. Одним из эффективных способов разгрузки переполненных обращениями и рассмотрением дел судов для многих стран стал сегодня институт медиации, где две конфликтующие стороны ищут компромисс с помощью профессионального посредника — медиатора. Узбекистан также продвигается в данном направлении.

Законодательство Узбекистана предоставляет возможность сторонам использовать досудебные способы разрешения споров. В гражданском и экономическом судопроизводстве стороны могут завершить судебный процесс в любое время и на любой инстанции, заключив мировое соглашение. Для достижения же мирового соглашения стороны могут обратиться к медиации.

В Узбекистане созданы правовые основы медиации.

**Первое.** 3 июля 2018 г. принят Закон Республики Узбекистан «О медиации», который состоит из 4 глав, включающий 34 статьей, который вступил в силу с 1 января 2019 г. (далее — Закон).

Настоящим законом регулируются отношения, связанные с применением медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, а также индивидуальным трудовым спорам и спорам, возникающим из семейных правоотношений, если законом не предусмотрено иное.

Основными принципами медиации являются: 1) конфиденциальность, 2) добровольность, 3) сотрудничество и равноправие сторон, 4) независимость и беспристрастность медиатора. А участниками медиации являются стороны и медиатор. В роли

сторон в процедуре медиации выступают лица, желающие урегулировать спор с помощью процедуры медиации. Какие лица могут быть сторонами? Очевидно те, которые могут являться субъектами гражданских, трудовых и семейных правоотношений. Если споры, возникающие из этих отношений, могут быть урегулированы с помощью медиации, значит лица, способные быть субъектами этих отношений могут быть сторонами в процедуре медиации.

Стороны медиации вправе: а) добровольно выбирать медиатора; б) отказаться от медиатора; в) на любой стадии медиации отказаться от участия в ней; г) участвовать в проведении процедуры медиации лично или через своих представителей в порядке, установленном законодательством.

Стороны медиации обязаны исполнять заключенное между ними медиативное соглашение в порядке и сроки, предусмотренные этим соглашением.

В Узбекистане, согласно статьи 4 Закона, «медиатор — лицо, привлекаемое сторонами для проведения медиации». Деятельность медиатора может осуществляться на профессиональной или на непрофессиональной основе. Осуществлять деятельность медиатора на профессиональной основе может лицо, прошедшее специальный курс обучения по программе подготовки медиаторов, утверждаемой Министерством юстиции Республики Узбекистан, а также внесенное в Реестр профессиональных медиаторов.

Медиатором не может быть лицо: 1) уполномоченное на выполнение государственных функций или приравненное к нему; 2) в отношении которого имеется вступившее в законную силу решение суда о признании его ограниченно дееспособным или недееспособным; 3) имеющее непогашенную или неснятую судимость; 4) в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Деятельность медиатора не является предпринимательской деятельностью.

**Второе.** 20 марта 2019 г. принят Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-531 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с принятием дополнительных мер по улучшению делового климата в стране». Настоящим Законом внесены соответствующие изменения и дополнения в Гражданский кодекс, Налоговый кодекс, Гражданский процессуальный кодекс, Экономический процессуальный кодекс Республики Узбекистан, а также в Закон Республики Узбекистан

«О третейских судах», вытекающие из Закона Республики Узбекистан «О медиации».

**Третье.** В отличие от других стран, меры по организации специального курса обучения медиаторов и ведению Реестра профессиональных медиаторов осуществляются государственными органами. В частности, программа по подготовке медиаторов и Положение о порядке формирования и ведения Реестра профессиональных медиаторов утверждены Министерством юстиции Республики Узбекистан.

Во многих странах СНГ, в том числе в Узбекистане, приняты законы о медиации, которые дали мощный импульс развитию медиации, началу формирования нового правового института и становлению нового профессионального сообщества. Вместе с тем, необходимо отметить, что медиация до сих пор не стала привычным и традиционным способом разрешения и урегулирования правовых споров. Практика использования процедуры медиации в целом ничтожно мала. О сущности и значении процедуры медиации, ее преимуществах перед другими способами разрешения конфликтов информирована лишь небольшая часть населения. Многие граждане, должностные лица не знают значения термина «медиация».

Сложившаяся ситуация связана в частности со следующими объективными и субъективными факторами:

- *низкая осведомленность общества о процедуре медиации.* Публикации о медиации в популярных средствах массовой информации достаточно редки. Практически не освещаются данные вопросы на телевидении и радио. Таким образом, основные источники информирования широких слоев населения не использованы в качестве такого механизма;
- *недостаточная научная и практическая разработанность проблемы медиации;*
- *отсутствие и малое количество профессиональных медиаторов;*
- *отсутствие медиативных навыков у государственных служащих или игнорирование института медиации государственными органами.*

В связи с этим было бы целесообразно укрепить сотрудничества в области медиации путем: а) установления постоянных контактов в целях обмена опытом по актуальным вопросам медиации; б) проведения совместных мероприятий (конференции и семинаров) по актуальным проблемам медиации; в) размещения в веб-сайтах статьи и обзоры законодательства зарубежных стран по вопросам медиации.

**Познякова О.Л.**

УО «Белорусский государственный медицинский университет», Минск

## **ДРАМА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ МОДЕЛИРОВАНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА**

**Poznjakova O.L.**

Belorussian State Medical University, Minsk

## **DRAMA AS A METHODOLOGICAL TOOL FOR MODELING AND FORECASTING A CONFLICT**

В докладе эксплицируется возможность использования понятия драмы с теоретико-методологической точки зрения как модели для описания сущности и специфики конфликтов, протекающих в обществе.

Известно, что в переводе с греческого языка слово «драма» означает «действие». Анализ теории драмы позволяет сделать вывод о том, что *действие*, происходящее в драме, — это прежде всего *конфликт* мотивов, поступков, интересов, взглядов [1, с. 652]. Действие через конфликт создает динамику развития драмы и является ее основополагающим принципом построения как в классической (древнегреческой) модели, так и в ее исторических формах.

Морфологический анализ структуры драмы (с опорой на теорию драматургии [2, с. 160]) позволяет выделить следующие обязательные, инвариантные ее компоненты, которые одновременно будут являться стадиями в алгоритме развития конфликта [3, с. 41–68].

1. *Драматическая ситуация* — это событие, которое выявляет противоречие, противоположность интересов, целей двух потенциально конфликтующих сторон. Данное противоречие еще не проявляется в открытом столкновении, но делает положение одного из участников некомфортным, то есть, ведет к тому, что одна из сторон начинает совершать некие усилия по преодолению и сглаживанию сложившегося противоречия, то и дело по мере развития событий наращивая свои усилия.

2. *Завязка* — это первое и серьезное столкновение сторон, где они, встретившись лицом к лицу, пытаются разрешить противоречие и нивелировать драматическую ситуацию пока еще мирным путем. Но оказывается, что их интересы явно противоположны, и все переходит в стадию открытого противостояния.

3. *Кризис средств ведения борьбы («первая петля»)*, характеризующийся неудачной попыткой разрешения конфликта привычными способами, приемами и средствами, что приводит к усугублению противостояния интересов конфликтующих сторон. Как правило, здесь происходит переоценка, осознание, обработка информации о вновь сложившихся отношениях, поскольку конфликт приобретает открытую форму, и становится очевидным, что победить противника привычными способами невозможно. Происходит определение слабых точек соперника, накопление сил — пропаганда и агитация, создание негативного образа врага, формирование антагонистических блоков, и пр.

4. *«Момент истины»*. Здесь происходит выявление и осознание истинной, глубинной причины конфликта с учетом ранее скрытых факторов. После открытого столкновения, носящего агрессивный характер, становится ясно, что силы участников конфликта приблизительно равны и что у обеих сторон их недостаточно, чтобы разрешить конфликт в свою пользу. Здесь еще возможно примирение на неудовлетворительных условиях для каждого из участников, но, как правило, этого не происходит, и конфликт переходит в следующую стадию.

5. *Кризис мировоззрения, или «вторая петля»*. Осознание на предыдущей стадии истинной причины конфликта приводит к кризису мировоззрения участников противоборствующих сторон. Становится очевидным настоящий предмет противоречия, ситуация еще раз переосмысливается, меняется тактика и стратегия ведения открытого столкновения. Как вариант развития событий, собирая все ресурсы, одна из сторон отказывается от своих претензий, понимая, что даже если они победят, то ущерб, понесенный ими, значительно превысит все предпочтения, которые они могли бы получить в случае разрешения противоречия в свою пользу. Но, как правило, этого не происходит, как и в случае «первой петли». В какой-то момент отношения сторон разрываются окончательно, дело идет к кульминации.

6. *Кульминация*. Решительное столкновение противоборствующих сторон с применением всех имеющихся ресурсов, в результате которого противоречия в конце концов разрешаются в ту или иную сторону. Как правило, это война (политическая, экономическая, гражданская и пр.).

7. *Развязка*. Одна из сторон является победителем, другая терпит поражение. Как правило, затраты на конфликт или

противостояние являются несоизмеримо большими, чем преференции с одной и с другой стороны. Здесь возможно либо конструктивное разрешение конфликта, приводящее к компромиссу интересов сторон, либо деструктивное, связанное с подавлением и подчинением воли и интересов одного из участников конфликта, либо гибель участников конфликта.

Таким образом, модель драмы как алгоритма развития конфликта позволяет анализировать и интерпретировать исторические события, выявляя в их основе истинное противоречие и эксплицируя скрытые мотивы поведения участников конфликта.

### **Список литературы:**

1. *Аристотель*. Поэтика. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
2. *Михайлов М.И.* Эпос, драма, лирика как роды литературы (сущность, специфика, соотношение): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.
3. *Познякова О.Л.* Философия драмы: фрустрация vs. катарсис. Минск: РИВШ, 2017.

### **Помыткина Т.Ю.**

Ижевская государственная медицинская академия, Ижевск

### **ФАКТОРЫ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «ВРАЧ — ПАЦИЕНТ»**

### **Pomytkina T. Yu.**

Izevsk State Medical Academy, Izevsk

### **FACTOR OF THE «DOCTOR — PATIENT» CONFLICT INTERACTION**

Проблема взаимодействия «врач — пациент» на современном этапе является крайне актуальной и даже болезненной темой, что связано не только с проблемами и трудностями реализации реформы здравоохранения (по данным ВЦИОМ, здравоохранение — одна из наиболее острых проблем России), но и с особенностью самой коммуникации врача с пациентом, которая затрагивает самые базовые потребности личности, что способствует быстрой эскалации конфликта, остроте коммуникативного взаимодействия и вызывает широкий общественный резонанс.



Широкий общественный резонанс и отклик читателей получает информация о возбуждении уголовных дел в отношении врачей и медицинских работников: так с 2012 год по 2017 г. их число возросло с 311 до 1791, число обращений в Следственный комитет о ненадлежащих действиях и преступлениях медиков увеличилось с 2000 до 6000. В то же самое время профессиональное общество врачей все более открыто стремится защищать свои права и открыто выражает негативизм в отношении политики уголовного преследования врачей («дело врача Мисюриной», «дело Элины Сушкевич» и т. п.). Таким образом, открытость и доступность информации в современном мире рождает поляризацию социальных групп и развитие конфликта по законам, описанным Л. Козером и Р. Дарендорфом.

По результатам проведенного нами исследования, наиболее часто у медицинских работников возникают конфликты с пациентами и с коллегами [2]. Наиболее сложно разрешать конфликты с пациентами молодым специалистам. Опытные специалисты также отмечают, что им очень трудно разрешать конфликты с пациентами и родственниками пациентов.

Среди причин конфликтов называются организационно-управленческие (нехватка ресурсов, бюрократизм, противоречие приказов и инструкций), социально-психологические (психологическая несовместимость, смешение социальных ролей, некомпетентность специалистов), личностные причины, и в первую очередь — эмоциональная несдержанность, выгорание, неумение решать конфликтные ситуации. Полученные нами данные свидетельствуют об острой потребности в развитии конфликтологической компетентности медицинских работников, что прежде всего требует научного обоснования проблем медицинской конфликтологии, углубленного исследования характера и особенностей конфликтного взаимодействия врачей с пациентами.

С точки зрения М.П. Гринберга, А.Н., Архипова, Т.А. Кузнецовой, взаимодействие врача и пациента представляют, по сути, переговоры о здоровье [1]. У каждой из сторон есть свое представление о себе, своем социальном статусе, целях и мотивах коммуникации, в том числе и определенные ожидания и представления о том, как должна себя вести противоположная сторона.

В проведенном нами в 2018 г. исследовании было выявлено более негативное восприятие пациента врачом, что может стать основой для неконструктивного взаимодействия, своеобразной

установкой на негативный образ пациента, ожидание от пациента негативных эмоций, что может предопределить весь процесс коммуникации. Аналогично и представления пациентов о том, что врач злой и раздражительный, агрессивный (хотя должен быть добрым и внимательным) препятствует адекватному взаимодействию пациента с врачом. Анализируя образ «идеального врача» у пациентов, можно сделать вывод, что последние испытывают высокую потребность во внимательном, доброжелательном враче, конструктивном диалоге, что требует развития у врача как коммуникативной, так и конфликтологической компетентности.

Опираясь на полученные нами исследования, можно выделить две группы факторов, влияющих на возникновение конфликта при взаимодействии врача и пациента: собственно психологические и социальные.

К первым будут относиться социально-психологические и личностные факторы, такие как несовпадение социальных ожиданий, ролей, коммуникативная некомпетентность медицинского работника. Ко вторым будут относиться организационно-управленческие факторы, такие как бюрократизм, издержки реформирования системы здравоохранения, противоречивость приказов и инструкций, а также и макросоциальные факторы, связанные с формированием в обществе негативного образа врача, а в самом врачебном сообществе — негативного образа пациента, в чем немаловажную роль играют средства массовой информации, искаженно представляющие результаты врачебных ошибок.

### **Список литературы:**

1. Коммуникативная компетентность врача. Симуляционное обучение. Методика «стандартизированный пациент» / М.П. Гринберг, А.Н. Архипов, Т.А.Кузнецова. М.: Литература, 2015. 176 с.
2. *Помыткина Т.Ю.* Оценка конфликтологической напряженности в медицинской деятельности. Сб. статей по материалам VIII междунар. заочной науч.-практ. конф. . 2017. С. 89–94.

**Попенкова Д. И.**

Московский государственный психолого-педагогический университет,  
Москва

***ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ:  
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ***

**Popenkova D. I.**

Moscow state University of psychology and education, Moscow

***USE OF THE INSTITUTE OF MEDIATION.  
INTERNATIONAL EXPERIENCE***

Любое социально ориентированное демократическое государство мира обязано создавать условия, при которых каждый человек будет чувствовать себя защищенным во всех видах деятельности. В условиях глобального экономического кризиса, постоянных колебаний в экономике и роста безработицы проблема защиты трудовых прав работников стоит особенно остро. Международное трудовое право предусматривает ряд трудовых гарантий, среди которых одним из ключевых является способность защищать свои права в соответствии с законом. Метод медиации позволяет более эффективно и качественно разрешать трудовые споры. Однако, несмотря на всю прогрессивность, ряд проблемных вопросов связан с внедрением медиации не только в России, но и во всем мире. Между тем следует отметить, что в некоторых государствах институт посредничества функционирует эффективно [1].

Мировая практика показывает, что реализация посредничества важна, поскольку 85 % споров с посредником являются успешными. Поэтому изучение зарубежного опыта в этой сфере важно для законодателя. Учитывая положительный зарубежный опыт внедрения медиации, в первую очередь следует упомянуть Соединенные Штаты Америки, поскольку в течение многих лет эта страна демонстрировала эффективное функционирование рассматриваемого института [2].

Вся правовая система США направлена на обеспечение добровольного разрешения споров вне суда; кроме того, судья может прервать судебный процесс и посоветовать сторонам поработать с посредником. Правовая база США для медиации — это Единый закон о медиации 2001 г. и местные акты, такие как Правила медиации от Окружного суда США для Западного округа Мичигана.

Поэтому в США, по сравнению с Россией, институт медиации уже является неотъемлемой частью правовой системы государства. Однако следует подчеркнуть, что, в отличие от нашей страны, в США институт медиации уже устоялся и функционирует эффективно.

В Великобритании процедура посредничества была установлена в 1981 г., «Национальная поддержка жертв» опубликовала «Первое исследование развития медиации в Великобритании», а в 1984 г. была создана новая общественная организация, FIRM, недавно переименованная в Mediation UK, которая координировала региональную практику медиации.

Во Франции посреднические услуги предоставляются общественными организациями, а посредники должны быть аккредитованы государственным прокурором, после чего они могут подписать договор с Министерством юстиции Франции о предоставлении посреднических услуг.

Следует отметить, что в России, по сравнению с другими странами Европы и мира, ключевой проблемой института посредничества является нерешительность и непоследовательность действий отечественного законодателя. В то время как большинство стран постоянно и эффективно совершенствуют соответствующее законодательство о посредничестве, а также разрабатывают новые методы и т. д.

В России законодатель едва продвинулся вперед, избегая решительных шагов. Поэтому проблемы института посредничества выявляют неоднозначное отношение российских властей. С одной стороны, в стране постоянно разрабатываются законопроекты в этой области и ученые заинтересованы в этом вопросе. С другой стороны, нерешительность законодателя относительно принятия законов по данной тематике является расплывчатой, поскольку только принятие законов позволит выявить практические проблемы в этой области и определить вектор дальнейших действий [3]. Создается впечатление, что таким образом власти боятся потерять контроль над обществом, что может решить большое количество проблемных вопросов без вмешательства государства. Однако сегодня российское общество готово внедрить этот институт, потому что медиация — это альтернативное разрешение споров, которое позволяет решить ряд социальных и экономических проблем.

### **Список литературы:**

1. *Корецкая Е.А., Николаева А.А.* Профилактика конфликтов в образовательной организации: современные подходы // Педагогика. 2019. Т. 83, № 9. С. 27–35.
2. *Гафнер К.Э.* Развитие медиации как коммуникативной практики и ее институционализация // Материалы XVIII Международной конференции, посвящ. памяти проф. Л. Н. Когана, по культуре, личности, обществу в современном мире: методология, опыт эмпирических исследований (19–20 марта, Екатеринбург). УрФУ, 2015.
3. *Конфликтология: учеб. пособие / П.С. Прибутько, Р.В. Михайленко, Л.М. Дубчак и др.* Киев: КНТ, 2010.

### **Попов М. В.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

### **СОДЕРЖАНИЕ ЗАБАСТОВОЧНОГО СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОГО КОНФЛИКТА**

### **Роров М. V.**

St Petersburg State University, St Petersburg

### **CONTENTS OF THE SUSTAINABLE SOCIAL AND LABOR CONFLICT**

Социально-трудовой конфликт — это противоречие, обострившееся до такой степени, что сила аргументов заменяется аргументами силы. Работники от споров переходят к выдвижению забастовочных требований. Обычно требования работников связаны с улучшением условий труда, и прежде всего с сокращением рабочего дня. Это стоит денег, т. е. работодателю для выполнения требований работников надо раскошелиться (а он уже запланировал себе два острова купить). Поэтому, скорее всего, добиваться выполнения требований придется конкретным действием — приостановлением работы. Если просто перестать работать, то по закону вас могут уволить. Нужно организовывать забастовку, во время которой уволить работника не имеют права: «Участие работника в забастовке не может рассматриваться в качестве нарушения трудовой дисциплины и основания для расторжения трудового договора, за исключением случаев неисполнения обязанности прекратить

забастовку в соответствии с частью шестой статьи 413 (Незаконные забастовки) настоящего Кодекса» [1].

Другое требование — повышения оплаты труда. Рабочий окупает свою зарплату за первый час своей трудовой деятельности. Остальные семь часов он обеспечивает прибавочную стоимость капиталисту. Кроме того, из его зарплаты вычтут 13 % — налог на доходы физического лица (НДФЛ) в пользу государства или, по факту, в пользу совокупного капиталиста. Далее, в магазине с него возьмут еще налог на добавленную стоимость (НДС), повышенный недавно до 20 %, тогда как покупателям-фирмам этот налог могут вернуть. Трудящиеся на фоне резко ухудшившей их положение пенсионной реформы должного внимания этому не уделили, как не обращают чаще всего внимания на величину взятого с них НДС, указанную в чеке продуктового магазина.

Таким образом, основная часть созданной рабочими прибавочной стоимости отчуждается от них. Поэтому вполне справедливо требовать повышения уровня реального содержания заработной платы на определенный процент, ощутимо превышающий индекс инфляции, и именно это требование чаще всего становится основой содержания социально-трудового конфликта. Как показывает практика, добиться его выполнения можно лишь путем забастовки. Естественно, что забастовка не всегда может быть проведена удачно. Особенно следует избегать такой ситуации, когда в забастовке приняло участие менее 50 % работников. Если через суд забастовку объявят незаконной, то тех, кто не работал, можно наказывать. Поэтому в забастовку играть нельзя — это сложное дело, и самое трудное в нем — не борьба с работодателем, а борьба за то, чтобы большинством коллектива выйти на забастовку. Поэтому если это не подготовлено, спешить с объявлением забастовки нельзя. Прежде нужно все требования проработать, обсудить их на собрании или конференции трудового коллектива, получить одобрение большинства (это можно сделать и письменно, путем сбора подписей) и тогда уже выйти на коллективные переговоры. Во время переговоров освобожденные (до трех месяцев) от работы делегаты должны вести разъяснительную работу среди трудящихся — два часа в неделю тратить на переговоры, остальное время ходить по коллективам, бригадам, и т. п., рассказывать о ходе споров с работодателем.

Если на переговорах вы спросите руководство о том, как идут финансовые дела на предприятии — «вверх, вниз или стабильно?»,

скорее всего, представители работодателя ничего не скажут, хотя по закону «стороны должны предоставлять друг другу не позднее двух недель со дня получения соответствующего запроса имеющуюся у них информацию, необходимую для ведения коллективных переговоров» [1], а «в отношении бухгалтерской (финансовой) отчетности не может быть установлен режим коммерческой тайны» [2]. Однако ответственность работодателя за непредоставление этих данных для переговоров ни в КоАП, ни в УК РФ не предусмотрена. Поэтому в большинстве случаев, когда требования серьезны и работодателю придется понести финансовые затраты для их выполнения, коллективные переговоры к успеху не ведут. Необходима забастовка, а чтобы она прошла успешно, надо должным образом провести разъяснительную работу, подготовить коллектив. В этом состоит основная деятельность делегированных участников переговоров, а не в том, чтобы только ходить спорить с представителями работодателя.

Требования должны быть серьезными: не «выплатить зарплату за два месяца», а увеличить заработную плату на индекс инфляции плюс определенный процент и вовремя ее выплачивать. Что такое заработная плата? Согласно ТК РФ — это якобы «вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы» [1]. Это неправильно, так как подразумевает, что можно наградить работника, а можно не наградить или наградить по своему усмотрению меньшей суммой денег. А с учетом того, что рабочий получает менее одной восьмой денежного эквивалента созданного им продукта, именно он вознаграждает работодателя прибавочной стоимостью. По К. Марксу заработная плата — это цена рабочей силы. Рабочая сила — совокупность физических и духовных потенций, которые пускаются в ход всякий раз при производстве материальных благ. Стоимость рабочей силы равна стоимости жизненных средств (питание, жилье, одежда, медицинские услуги и т. д.), необходимых для нормального существования и воспроизводства работника и членов его семьи (чтобы численность населения увеличивалась — минимум пяти человек). В соответствии с имеющимися экономическими расчетами в 2017 г. в Москве она составила 252 593 рублей в месяц. Можно актуализировать цифру на очередной год для своего города или региона, поменяв соответствующие цифры в шаблоне [3]. Видно, насколько имеющиеся зарплаты — якобы «вознаграждения» — отличаются от тех, которые необходимы для

нормального комфортного существования и роста численности населения.

Получается, что «содержание социально-трудового конфликта» — это борьба за требования работников по улучшению условий их труда и оплаты. Требования должны быть жизненно важными и желательно прописаны в проекте коллективного договора. Но не все забастовки бывают успешными. Часто выполняются не все требования. Но и при выполнении требований — о чем уже несколько раз говорили и повторим еще — по окончании забастовки не следует отказываться от конституционного права на проведение забастовки вообще. Можно лишь прописать в коллективном договоре отказ от забастовок по тем вопросам и требованиям, которые уже удовлетворены руководством. К тем вопросам, которые остались неурегулированными, необходимо будет вернуться и бороться за них позднее.

Таким образом, раз главное содержание социально-трудового конфликта определяется требованиями работников — не следует выдвигать никчемные требования. Выдвигать надо такие требования, чтобы за осуществление их стоило бороться.

### **Список литературы:**

1. Трудовой кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2019.
2. Федеральный закон от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете». URL: <http://rpw-mos.ru/raschet-stoimosti-rabochej-sily-moskva-2017> (дата обращения: 10.08.2019)
4. Федеральный закон от 11.07.2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях».



**Попова О.В.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

## ***КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ\****

**Popova O.V.**

St Petersburg State University, St Petersburg

## ***CONFLICT POTENTIAL OF STATE IDENTITY POLICY***

Государственную политику идентичности можно охарактеризовать как определенный набор чаще всего закрепленных в юридических актах политических проектов, практик и инструментов формирования и развития заданной системы политических взглядов, идеологических и политических ценностных ориентиров основной массы населения, направленных на создание строго регламентированных образов «мы — граждане» и «мое государство». Государственная политика идентичности, реализуемая в любой стране безотносительно характера политического режима, выполняет важные функции формирования национальной и гражданской идентичности населения, символического объединения граждан, предложения более-менее унифицированного восприятия наиболее значимых образов «своего» государства и т. д. Вместе с тем государственная политика идентичности может быть направлена на поддержание и/или оспаривание любых политизированных форм социальной идентичности граждан «своей» страны.

Скрытый конфликтный потенциал даже тщательно проработанной и корректно реализуемой государственной политики идентичности связан с системными характеристиками этого явления. Наиболее значимыми среди них являются следующие.

1. Невозможность совмещать государственную политику идентичности с «политикой различий», что в наибольшей степени соответствовало бы запросу современного информационного общества с многообразными каналами получения разнородной информации.

2. Невозможность создать универсальную базовую матрицу государственной идентичности, с позициями которой было

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы».

бы согласно все или хотя бы большая часть взрослого населения страны.

3. Внутренние разногласия ориентирующихся на различные идеологии групп внутри политической элиты по поводу базовых компонентов матрицы государственной идентичности (отношение к государственной символике, истории государства, значимым, олицетворяющим государство историческим политическим персонам и т. д.); наличие конкурирующих образов «мы — государство».

4. Необходимость встраивания в систему реализации проектов идентичности не только многообразные государственные и негосударственные культурные и образовательные учреждения и институты (школы, вузы, музеи, кинематограф, театр и т. д.), которые с разной степенью эффективности способны реализовывать поставленные задачи по формированию гражданской и государственной идентичности, а также включать различные институты гражданского общества, привлекать лидеров общественного мнения, чьи интересы в этой области могут совершенно не совпадать с запросами властной элиты.

5. Невозможность обеспечения унифицированного понимания сути государственной политики идентичности всеми персонифицированными субъектами ее реализации, поскольку деятельность институтов реализуется в работе конкретных людей, их представляющих.

6. Конкуренция участников реализации проектов формирования государственной политики идентичности за ресурсы, прежде всего финансовые.

7. Невозможность создания универсального механизма формирования государственной и гражданской идентичности и достижения единого результата в формировании заданной модели коллективных форм этих видов идентичности у населения.

Наиболее очевидными и неизбежными последствиями этих конфликтов является снижение эффективности реализации политики идентичности, высокая стоимость (финансовая и символическая — политическая) проектов, отдаление перспективы достижения гражданского согласия по поводу их содержания.

### **Список литературы:**

1. Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы /отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 119–128, 210–217.

2. Семенов И.С. Национализм, сепаратизм, демократия... Мета-морфозы национальной идентичности в «старой» Европе // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 70–87.
3. Семенов И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 54–78.
4. Семенов И.С. Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 11. С. 65–76.

### **Радостева М. В.**

Московский государственный психолого-педагогический университет,  
Москва

#### ***СПОСОБЫ УПРАВЛЕНИЯ И ДИАГНОСТИКА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ***

### **Radosteva M.V.**

Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow

#### ***MANAGEMENT METHODS AND DIAGNOSIS OF SOCIAL AND LABOR CONFLICTS IN AN EDUCATIONAL ORGANIZATION***

В современных условиях возрастает роль и значение эффективного социального управления в различных сферах человеческой деятельности. Не является исключением и сфера образования. Постоянно меняющиеся условия возникновения и регулирования социально-трудовых конфликтов требуют новых исследований [1].

Обществом разработаны приемлемые методы социального управления, целью которых является регулирование тенденций, связанных с конфликтом, сокращение социально-трудовых конфликтов и рационализация использования потенциала с целью социального развития.

К сожалению, сотрудники системы образования часто принимают пассивную позицию в конфликтах, предпочитая игнорировать или избегать их, полагаться на действия администрации или действия третьих сторон, что уменьшает эффективность регулирования социально-трудовых конфликтов.

Изучение механизмов разрешения конфликтов давно осуществляется как зарубежными, так и российскими учеными. Однако управление конфликтами в системе образования недостаточно изучено.

Управление конфликтами в педагогическом коллективе происходит посредством правильного понимания конфликтов как неотъемлемой части социальных процессов и их источника, движущей силы творческой деятельности людей. Признание конфликта как естественного явления в обществе, движущей силы развития, расширяет и углубляет проблему урегулирования. Эта проблема становится многосторонней. Термин «управление конфликтами» выражает его сущность. Решение любого конфликта почти всегда включает в себя действия всех участников, направленных на преодоления различий, прекращение споров и рациональное решение проблемы [2].

Для разрешения различных конфликтных ситуаций, в том числе и социально-трудовых конфликтов, возникающих в условиях организационных изменений, в педагогическом коллективе можно предложить следующие рекомендации их решения:

1. Прежде чем отвечать на действия другого человека, нужно выяснить, почему этот человек сделал именно это, а не другое.

2. Поощряйте участников конфликта устанавливать прямой контакт друг с другом, открыто обсуждать конфликтную ситуацию.

3. Создайте условия для работы с конфликтующими сторонами, чтобы они не вступали в контакт друг с другом в течение длительного времени.

4. Информировать всех учителей о распределении премий и надбавок у заработной платы (социальная справедливость и гласность).

5. Стиль руководства должен улучшать организационную работу с подчиненными.

6. Не злоупотребляйте официальными полномочиями.

7. Предотвращайте и устраняйте межличностные конфликты посредством анализа и профилактики.

В последнее время произошло существенное изменение в отношении специалистов к этому аспекту исследования конфликтов. Оно вызвано по меньшей мере двумя обстоятельствами: во-первых, осознанием тщетности усилий по полной элиминации конфликтов, а во-вторых, увеличением числа исследований, указывающих на

позитивные функции конфликтов. Поэтому акценты должны быть смещены с элиминирования конфликтов на управление ими. В соответствии с этим необходимо сконцентрировать внимание на следующих аспектах изучения конфликтов: какие формы поведения в конфликтных ситуациях характерны для людей, каким образом можно стимулировать продуктивное поведение.

Для описания типов поведения применяется двухмерная модель регулирования конфликтов. основополагающими измерениями в ней являются: кооперация, связанная с вниманием человека к интересам людей, вовлеченных в конфликт; и напористость, для которой характерен акцент на защите собственных интересов. Соответственно, выделяются следующие способы регулирования конфликтов: соперничество (конкуренция) как стремление добиться удовлетворения своих интересов в ущерб другому участнику конфликта; приспособление, означающее, напротив, принесение в жертву собственных интересов; компромисс; избегание, для которого характерно как отсутствие стремления к кооперации, так и отсутствие тенденции к достижению собственных целей; сотрудничество, когда участники ситуации приходят к альтернативе, полностью удовлетворяющей интересы обеих сторон.

Предполагается, что при избегании конфликта ни одна из сторон не достигнет успеха. При таких формах поведения, как конкуренция, приспособление и компромисс, один участник оказывается в выигрыше, а другой проигрывает, либо проигрывают оба, так как идут на уступки. И только при сотрудничестве обе стороны оказываются в выигрыше.

Особое место в оценке моделей и стратегий действий индивида в конфликтной ситуации занимают межличностные отношения с другой стороной: если для одного из соперников межличностные отношения с другими не имеют ценности, то его поведение в конфликте становится разрушительным (соперничество, принуждение); если межличностные отношения имеют другое значение (дружба, любовь и т. д.), то его поведение становится в конфликте, нацеленном на компромисс, сотрудничество или уступки.

В этом контексте, конечно, закономерна частота использования в образовательной среде таких стилей, как избегание, компромисс, сотрудничество. Потому что в системе образования преимущественно работают женщины, для которых ценность межличностных отношений выше, чем для мужчин, они больше думают о поддержке хороших отношений в коллективе.

Социально-трудовой конфликт в системе образования выступает в качестве механизма решения проблем труда и формирования эффективного социального субъекта педагогической работы. Трудовые споры можно рассматривать как прямой вызов внутреннему порядку и стабильности педагогического коллектива в школе, позволяющий обнаружить разногласия, взаимные претензии и проблемы; как способ регулирования отношений, установления порядка в организации работы школы и социально-трудовых отношений; как необходимый этап в развитии педагогического коллектива в современных условиях [3].

Таким образом, управление социально-трудовыми конфликтами в педагогическом коллективе — это целенаправленное воздействие на процесс конфликта, перевод его в рациональное русло деятельности людей, осмысленное воздействие на конфликтное поведение с целью достижения желаемых результатов; это ограничение противоборства рамками конструктивного влияния на общественный процесс.

### **Список литературы:**

1. *Лепешева Е.* Управление персоналом в образовательном учреждении. // Управление школой. 2010. № 4. С. 12–17.
2. *Уткин З.А.* Конфликтология: Теория и практика. М.: Ассоциация авторов и издателей «Тандем»; ЭКМОС, 2012. 272 с.
3. *Шульгин Н.* Профилактика конфликтов в педагогическом коллективе // Академический вестник. 2015. № 4 (22). С. 157–162

### **Рац С.В.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

### ***КАРИБСКИЙ КРИЗИС КАК ОБЪЕКТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ДВУХ СВЕРХДЕРЖАВ XX В.***

### **Ratz S.V.**

St Petersburg State University, St Petersburg

### ***THE CARIBBEAN CRISIS AS AN OBJECT OF CONFRONTATION BETWEEN TWO SUPERPOWERS OF THE XX CENTURY***

В канун 57-й годовщины Карибского кризиса автор хотел напомнить о событиях противостояния двух ядерных держав, которые

могли привести к локальному конфликту, а в дальнейшем к ядерной войне, то есть к уничтожению современной цивилизации. В этой связи автор хотел показать роль внешней разведки КГБ СССР в разрешении военно-политического кризиса. Несколько слов об истории военно-политического конфликта, получившего название Карибский кризис.

В 1961 г. США на территории Турции и Италии разместили ракеты средней дальности «Юпитер», оснащенные ядерными боеголовками. Этот шаг явился серьезной угрозой для национальной безопасности СССР.

В 1959 г. на острове Куба произошла революция. В результате вооруженной борьбы к власти пришла группа левых патриотов во главе с Ф. Кастро, взявших курс на социалистические преобразования. СССР использовал сложившуюся ситуацию на Кубе для размещения в Карибском бассейне в 180 км от границы США группировку своих войск, оснащенных ядерным оружием.

### **Радикальный шаг советского руководства**

Ф. Кастро принял предложение советской делегации о размещении ракет на территории Кубы, был подписан секретный договор.

О переброске советской группировки войск — кодовое название операция «Анадырь». В октябре 1962 г. на территории Кубы находилось более 150 ядерных боеголовок, из их числа установка 42 ядерных боеголовок успешно завершилась.

К этому моменту совокупная мощь ядерных зарядов США превосходила ядерную мощь СССР в 15 раз, а развитие экономики и финансов в 20 раз.

В тоже время СССР располагал мощнейшей сухопутной группировкой в Западной Европе и, в случае военного конфликта, тысячи советских танков и их союзников могли пройти территорию Европы и выйти к границе с Испанией за несколько суток, а Западный Берлин мог быть оккупированным в течение 8 часов.

### **Развитие конфликта**

22 октября президент Джон Кеннеди в своем выступлении по телевидению сообщил, что СССР использует Кубу как форпост в Западном полушарии для установки своих ракет, способных нанести ядерный удар по США.

24 октября в газете «Правда» опубликовано заявление советского правительства о том, что США поставили мир перед угрозой мировой термоядерной войны. В том же номере говорилось, что войска Объединенных Вооруженных Сил стран Варшавского договора приведены в состояние повышенной боевой готовности.

США в спешном порядке в районе Флориды собрали 250-тысячную группировку сухопутных войск. Стратеги США были готовы нанести ракетно-бомбовый удар по объектам Кубы, в первую очередь по советским ракетным установкам.

Ситуация обострилась тем, что 27 октября советской ракетой над Кубой был сбит американский разведывательный самолет «У-2». Летчик майор Андерсен погиб. Президент США Д. Кеннеди объявил о морской блокаде острова Куба. В данном случае предметом конфликта в военно-политическом противостоянии между СССР и США явился остров Куба, а объектом — мировое лидерство.

Советско-партийное руководство поставило перед внешней разведкой задачу получить упреждающую информацию о возможном ракетно-ядерном ударе по Кубе и сообщения из кругов, близких к правительству США, о развитии Кубинского кризиса.

Эту задачу блестяще выполнил советский резидент Александр Феклисов. Получив упреждающую информацию из окружения президента США, он способствовал разрешению Карибского кризиса.

**Рогочая Г.П., Улько Е.В.**

Кубанский государственный университет, Краснодар

***ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ  
К РАЗРЕШЕНИЮ КОНФЛИКТОВ С УЧАСТИЕМ ПОСРЕДНИКОВ:  
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ***

**Rogochaya G.P., Ulko E.V.**

Kuban State University, Krasnodar

***PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF YOUTH SETTINGS  
TO RESOLUTION OF CONFLICTS WITH THE PARTICIPATION  
OF INTERMEDIARIES: ETHNO-CULTURAL ASPECT***

Вопросы урегулирования социальных противоречий разного уровня и содержания, выбора оптимальных форм и методов разрешения конфликтов, вышли в ряд наиболее острых проблем современного мира [1]. В значительной степени проявлению конфликтных настроений подвержена молодежь. Во многом это обусловлено социальным статусом молодежи, социально-психологическими особенностями данной возрастной группы [2]. Актуальной является проблема специфики содержания установок личности



к различным способам урегулирования конфликтов. Нас интересовал вопрос о готовности молодежи к урегулированию конфликтов с участием посредников, в частности возможности обращения к медиатору как профессиональному посреднику в урегулировании конфликтов.

Социальная установка (аттитюд) в социальной психологии обозначается как диспозиция человека относительно социального объекта, наличие «более или менее устойчивого комплекса когнитивных и мотивационных ориентаций на данную ситуацию, который выполняет функцию регуляции выбора стратегии поведения и реакции в данной ситуации» [3]. Ориентируясь на классическую трехкомпонентную структуру установки, мы будем использовать понимание установки личности к разрешению конфликтных ситуаций как системное образование, включающее представление человека о возможных путях урегулирования конфликтов, отношение и оценку данных способов, а также готовность их реализовывать в определенных ситуациях конфликтного взаимодействия.

В формировании установок играют роль многочисленные факторы, среди которых социальные детерминанты представлены разноуровневыми образованиями. Роль социокультурного фактора в формировании конфликтных установок личности нередко становилась предметом научного исследования в рамках кросс-культурной психологии [4].

В нашем исследовании основной целью являлось сравнение установок к разрешению конфликтов с участием посредников в группах студенческой молодежи различной этнокультурной принадлежности. Мы ставили задачи выявить готовность респондентов обращаться к разного рода посредникам при решении конфликтов, отношение и ожидание от посредников; осведомленность о профессиональной деятельности медиатора и готовности к нему обращаться за помощью. Выборке составили всего 159 человек (77 студентов из Дагестана и 82 студента из Краснодара). Методы исследования: авторская анкета, составление списков качеств личности посредника.

Обратимся к наиболее существенным результатам исследования.

В когнитивном компоненте установки была задача выявить наличие знаний о способах урегулирования конфликтов, о возможности урегулировать конфликт с участием посредника. При ответе на вопрос о фигуре посредника большинство опрошенных

в основном ориентированы на семью и друзей. У краснодарских студентов присутствуют ответы, в которых указаны профессиональные посредники — психолог, медиатор, юрист. Полностью отсутствует выбор священника или представителя этнической общности. Для Дагестанцев на втором месте после семьи значимой фигурой посредника является мулла. Отмечена большая дифференциация посредников в зависимости от вида конфликта.

В аффективном компоненте отметим более выраженное позитивное отношение к обращению к посредникам в среде дагестанских студентов. Для краснодарской молодежи характерно стремление к самостоятельному решению конфликтных ситуаций, прибегать к посредникам лишь в крайних случаях.

Образ посредника студенты из Дагестана описывают с большей готовностью. Студенты из Краснодара предоставили гораздо менее развернутое описание личностных качеств. Они указывали на значимость психологического и юридического образования. Для дагестанцев, кроме того, значимым является знание культурных традиций и наличие религиозного образования. Однако студенты двух выборок в целом нейтрально относятся к религиозной и этнической принадлежности медиатора.

Важным отличием респондентов является оценка значимости социального контекста. Для дагестанских студентов важно мнение окружающих о конфликте и сохранение своей репутации. Для студентов из Краснодара характерен крайний индивидуализм и избегание соотношения своего поведения с мнением окружающих.

Понимание и знание специфики культурно обусловленных установок молодежи к урегулированию конфликтов при участии посредника может способствовать становлению эффективных практик конфликто разрешения, влиять на процессы коммуникации и выстраивать конструктивные диалоговые отношения при разрешении конфликтов между представителями разных этнических групп.

### **Список литературы:**

1. Рогочая Г.П., Савва Е.В., Улько Е.В. Этничность как контекст конфликтного взаимодействия: психологический и социально-политический аспекты // Человек. Сообщество. Управление: научный журнал. № 1, т. 19. 2018. С. 61–75.
2. Черкашина Т.В. Управление конфликтами молодежи как социальная проблема: автореф. дис. ... д-ра социол. наук.

3. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2002. С. 234.
4. Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер, 2003.

**Родионова А.П.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ  
УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В ТОРГОВОМ МОРЕПЛАВАНИИ***

**Rodionova A.P.**

St Petersburg state University, St Petersburg

***OPPORTUNITIES TO USE THE MEDIATION TECHNOLOGIES  
FOR DISPUTE RESOLUTION IN TRADE SHIPPING***

Одной из наиболее перспективных областей применения медиативных технологий представляется торговое мореплавание. Согласно статистике Ассоциации морских торговых портов, в первые 9 месяцев 2019 г. объем грузоперевозок морским транспортом составил 626,8 млн тонн [1]. В столь крупной отрасли неизбежно возникают споры, связанные с невыполнением обязательств, нарушением сроков, действием или бездействием экипажа судна, порчей груза, а также с другими обстоятельствами. При этом обращение за разрешением спора в арбитраж связано с большими затратами и рисками.

Российское законодательство относит к торговому мореплаванию не только перевозку грузов, но и пассажирские перевозки, хранение грузов, рыболовство, морские исследования, спасательные операции и другие виды деятельности, так или иначе связанные с использованием морского пространства. Однако видится целесообразным применять медиативные технологии именно в урегулировании морских споров, затрагивающих перевозку грузов.

Морские перевозки делят на два вида: линейные и трамповые. Договор о перевозке груза по определенной морской линии относится к публичным и реализуется в форме договора присоединения. Так как сторона договора, принимающая на себя обязательства по нему, не участвует в создании документа, это связано с определенными рисками для нее. При этом договор, соответствующий всем правовым нормам, может вызывать сомнения у стороны, его подписавшей, а связанные с этим вопросы могут состоять в ущемлении

его прав в ином виде. ГК РФ устанавливает порядок и условия расторжения такого договора, однако в сфере торгового мореплавания это непосредственно связано с соответствующими обычаями делового оборота. Пересмотр условий сотрудничества в рамках договорных отношений может стать предметом процедуры медиации. Предполагается, что поиск взаимоприемлемого решения будет способствовать учету интересов каждой стороны в большей степени, чем стандартная процедура, предусмотренная законодательством.

Трамповая морская грузоперевозка представляет собой частный вид перевозок, которые осуществляются в рамках чартеров. Отличительной чертой этого вида перевозок является отсутствие какого-либо расписания и постоянного маршрута. Фрахтователь совместно с перевозчиком определяют все условия договора, включая цену — она определяется в соответствии с актуальной стоимостью морских перевозок на рынке. Отмечается, что условия договора определяются сторонами во время переговоров. Так, уже на этом этапе видится возможным применение медиативных технологий для выработки жизнеспособного соглашения с внесением в договор медиативной оговорки.

Различают несколько видов трамповых перевозок, основными из которых являются:

- рейсовый чартер;
- тайм-чартер (time-charter);
- бербоут-чартер (bareboat-charter).

Отличия между видами таких договоров состоят в длительности фрахтования судна, а также в его экипаже. В связи с многолетним опытом в данной сфере были выработаны проформы для перевозок грузов разных видов. Такая стандартизация позволяет избегать части ошибок в толковании обязательств, однако не исключает их. Кроме того, перевозка специализированных грузов, как правило, осуществляется в рамках чартера «Дженкон» и может не учитывать всех особенностей.

Помимо этого, отношения между грузовладельцем, фрахтователем, перевозчиком и судовладельцем могут принимать различные формы. Отсутствие четко сформулированных обязательств между ними, форс-мажорные ситуации или другие обстоятельства зачастую приводят к нарушению всего цикла работ, связанных с перевозкой груза. Использование медиативных технологий в данном случае видится целесообразным: это обеспечит сторонам конфиденциальность и возможность выработать гарантии исполнения договоренностей.

Еще одной перспективной сферой для медиативных технологий видится морское страхование. Согласно документу, разработанному в 2013 г., Правительство РФ выступает за развитие посредничества в урегулировании страховых споров. При этом в страховой практике уже имеется прецедент урегулирования страхового спора в процессе медиации. Возможным видится и внесение в страховой договор медиативной оговорки.

Таким образом, был определен основной круг вопросов, по которым стороны, участвующие в морских грузоперевозках, могут договариваться. Внедрение медиативных технологий в сферу торгового мореплавания может способствовать выработке жизнеспособных соглашений, содержащих в себе разумные гарантии.

### **Список литературы:**

1. Ассоциация морских торговых портов: показатели работы морских торговых портов России за 9 месяцев 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.morport.com/rus/content/statistika> (дата обращения: 17.10.2019).

### **Рукавишников А.Б.**

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,  
Санкт-Петербург

### **Смирнов Н.Г.**

Калининградский государственный технический университет,  
Калининград

## ***СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СИСТЕМА НЕКОНФЛИКТНЫХ СПОСОБОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ***

### **Rukavishnikov A.B.**

St Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, St Petersburg

### **Smirnov N.G.**

Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad

## ***SOCIAL SECURITY AS A SYSTEM OF NON-CONFLICT METHODS OF INTERACTION***

Социально-экономические преобразования, осуществляемые в течение нескольких последних лет в России, настолько глубоки

и масштабны, что при всей их непоследовательности и противоречивости нетрудно сделать очевидный вывод: идет процесс коренного обновления российской экономики, государственности, общества и человека. Меняются принципы взаимоотношений государства и личности, государства и экономики, меняются место и роль государства в жизни российского общества, меняются признаваемые и защищаемые государством ценности, меняются экономический и социальный порядки. Данных обстоятельств вполне достаточно для того, чтобы рассматривать функционирование государственного механизма по обеспечению социальной безопасности в целом и каждого его элемента в отдельности как приоритетные объекты внимания отечественной политической мысли, призванной оптимизировать стратегию и тактику назревших реформ и предложить пути наименее болезненного для общества их осуществления.

Исследование проблем социальной безопасности требует комплексного использования данных разных наук. Социальная безопасность становится предметом междисциплинарных исследований и в тоже время она может и должна быть осмыслена в различных отраслях общественнознания. Система защиты, предлагаемая государством (правовая, силовая, социально-политическая, налоговая, бюджетная и т.д.), входит в понятие социальной безопасности по признаку результатов деятельности государства в социальной сфере и политической безопасности по признаку субъекта осуществляющего эту защиту, а также по признаку значения данной защитной деятельности как для каждого отдельно взятого индивида, так и самого государства. Для теоретико-методологического уяснения проблем социальной безопасности, полагают некоторые исследователи, требуется использовать системный подход. Суть его заключается в том, что безопасность рассматривается как результат взаимосвязанных и согласованных, не конфликтных действий, как индивида, так и государства.

Неконфликтные действия в данном случае понимаются не только как согласованные действия, ибо согласие может быть достигнуто за счет насилия и принуждения, но и как неконкурентные, т.е. соревновательные действия. Под соревновательными действиями в социальной сфере необходимо иметь в виду действия социально равных субъектов, стремящихся в процессе взаимодействия достигать положительного результата, как для индивида, так и для государства. Такое положение возможно достичь при

условии перераспределения ответственности между государством и гражданином в деле создания всеобщей системы социальной безопасности. Государство обязано культивировать условия для различных форм самодетельности в обществе в деле создания социальной безопасности. Инициировать альтернативные государственными формы социальной политики, а тем самым воспитывать у людей чувство ответственности за социальную безопасность. Наделяясь большей самостоятельностью, индивид со своей стороны всякий раз должен соотносить свои действия с общественными интересами и не создавать субъективных предпосылок для конфликта-угроз социальной безопасности.

Сегодня российское государство наделено 3000 различных функций. Передача части из них самодетельным организациям, таким как, например, саморегулирующимся организациям (СРО), позволит государству увеличить степень ответственности населения в формировании гражданского общества. Это позволит населению принимать активное участие в формировании альтернативной системы социальной безопасности.

Затрагивая частные и общественные интересы в понятие «социальная безопасность» вкладывается вся сумма связей индивида с различными объединениями, которые в полном или же не в полном объеме удовлетворяют его потребностям. Для индивида тем самым все положительные связи с социумом являются неопасными связями, все отрицательные связи – опасными. Для социума также, как и для индивида, положительные связи социума с индивидом образуют зону безопасности, отрицательные – зону опасности. Но в силу того факта, что социум есть продукт как положительных, так и отрицательных связей между людьми, то общество дважды представлено в зоне опасных действий индивидов. Поэтому проблема безопасности может быть рассмотрена (в действительности так и делается) как проблема общества и проблема индивида, как проблема неантагонистического взаимодействия общества и индивида. Не антагонизм во взаимодействии между индивидами является предпосылкой социальной безопасности.



**Рябенко В.Н.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ  
УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА В МЕЖДУНАРОДНОЙ  
КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ***

**Ryabenko V.N.**

St Petersburg State University, St Petersburg

***ANALYSIS OF THE EFFICIENCY OF ALTERNATIVE TECHNOLOGIES  
FOR CONFLICT RESOLUTION IN INTERNATIONAL COMMERCIAL  
PRACTISE***

Разнообразие правовых семей и культурных традиций на мировой арене делает международные конфликты сложными и ресурсозатратными. Несмотря на детальное законодательное регулирование коммерческой сферы и оценку рисков в контрактах, в разных областях бизнеса продолжают возникать споры, которые всецело ложатся на плечи юристов, что приводит к эскалации и долгосрочным разбирательствам [1; 11–14]. Альтернативные технологии разрешения споров (АРС) развивались в связи с потребностью разгрузки судов [2]. Касательно международной коммерческой деятельности, АРС призваны повысить эффективность конфликторазрешения, а, следовательно, стабильность делового оборота. В мировой практике существует более 20 видов АРС, однако наибольшую значимость для изучения на мировой арене представляют международный коммерческий арбитраж (МКА) и международная коммерческая медиация (МКМ) как регламентируемые правовые институты.

Наиболее значимым нормативно-правовым актом, регулирующим деятельность МКА, является Нью-Йоркская конвенция ООН от 1958 года, которую подписали более 140 государств [3]. В области МКМ значимым документом является принятая в декабре 2018 г. Сингапурская конвенция ООН, к которой уже присоединились 46 стран [4]. Обе конвенции признают результаты международных процедур на территории присоединившихся государств.

Наиболее известными и востребованными центрами МКА и МКМ являются: Международный Коммерческий Арбитраж при Международной Торговой Палате (ICC), Лондонский Международный



Арбитражный суд (LCIA), Международный Центр Урегулирования Споров (ICDR) — дочерняя организация Американской Арбитражной Ассоциации (AAA), Арбитражный Институт Торговой Палаты Стокгольма (SCC), Китайская Комиссия по Международному Экономическому и Торговому Арбитражу (CIETAC), Международный Арбитражный Центр Гонконга (HKIAC), Международный Арбитражный Центр Сингапура (SIAC) и Центр эффективного разрешения споров Великобритании (CEDR). Также стоит отметить Международный Коммерческий Арбитражный Суд (МКАС) при торгово-промышленной палате РФ [5; 6, с. 848–955].

Анализ статистических данных за 2016–2018 гг. вышеупомянутых организаций, а также исследования Совета Европы о финансировании и эффективности судебных систем [7] позволяет сделать следующие выводы:

1. Наиболее частое обращение к международным APC зафиксировано в начале 2000-х гг. [8, с. 161–164].

2. Как правило, услуги по арбитражу и медиации предоставляются на базе одних и тех же организаций, зачастую прикрепленных к Торгово-Промышленным Палатам.

3. Деятельность институтов APC тесно связана с экономико-социальной составляющей государственных судов стран. Низкие судебные пошлины являются привлекательными для контрагентов, однако идущие в совокупности с низким финансированием судов на государственном уровне и большим количеством рассматриваемых дел теряют свою актуальность, так как снижается скорость и эффективность разбирательств.

4. Северная Европа реже прибегает к государственным судам, что может быть вызвано высокими судебными пошлинами (Великобритания — до 10 000 фунтов стерлингов) [9]. Для сравнения, Лондонский Международный Арбитражный суд запрашивает регистрационный сбор в размере 1750 фунтов стерлингов, регистрационный сбор на медиацию составляет 750 фунтов стерлингов [10].

5. К услугам APC готовы прибегать представители государств, где судебные пошлины велики.

6. Несмотря на то что арбитражное разбирательство короче судебного разбирательства, его средняя продолжительность составляет 6–12 месяцев, что является приличным сроком в активно протекающей коммерческой деятельности.

7. МКМ оказывается примерно в 3 раза дешевле и быстрее МКА, однако количество поданных дел в значительной степени меньше.

Можно предположить, что с принятием Сингапурской конвенции ООН интерес к медиации возрастет.

8. Несмотря на ряд преимуществ АРС, арбитраж и медиация продолжают оставаться менее предпочтительными судебным разбирательствам.

Оценить эффективность деятельности институтов АРС затруднительно, из-за отсутствия статистических данных организаций, предоставляющих услуги по МКМ и МКА.

Из девяти рассмотренных центров только шесть предоставили статистику о количестве международных дел, поступивших в Арбитраж (цифра варьируется от 76 до 644). На первом месте по количеству дел находится Международный Коммерческий Арбитраж при Международной Торговой Палате (ICC) [11]. Данные о медиации есть только у двух из девяти центров (ICC — 70 дел [11] и НКІАС — 21 дело [12]). Международная Торговая Палата пользуется наибольшим доверием.

### **Список литературы:**

1. *Кэрролл Э., Мэки К.* Международная медиация — искусство деловой дипломатии. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2012.
2. *Байдо Т.Г.* Практика применения альтернативных способов урегулирования споров. Международный опыт // Медиация как альтернативный способ урегулирования споров в России и за рубежом. Материалы науч.-практ. конф. Магадан, 2011.
3. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений [Электронный ресурс]. Нью-Йорк, 1958. URL: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/NY-conv/New-York-Convention-R.pdf> (дата обращения: 23.10.2019).
4. Конвенция Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации [Электронный ресурс]. Вена, 2019 URL: [https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/mediation\\_convention\\_r\\_0.pdf](https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/mediation_convention_r_0.pdf) (дата обращения: 25.10.2019).
5. Официальные сайты организаций [Электронный ресурс]. URL: <https://iccwbo.org/>; <https://www.lcia.org/>; <https://www.icdr.org/>; <https://sccinstitute.com/ru/>; <http://www.cietac.org/>; <https://www.hkiac.org/>; <http://www.siac.org.sg/>; <https://www.cedr.com/>; <http://mkas.tp-prf.ru/ru/> (дата обращения: 31.10.2019).

6. Международный коммерческий арбитраж: учебник / науч. ред: О.Ю.Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов; отв. ред. Т.А. Лунаева. 2-е изд. СПб.: Третьейский суд, 2018.
7. European judicial systems Efficiency and quality of justice [Электронный ресурс]. CEPEJ Studies No. 26, 2018. URL: <https://rm.coe.int/rapport-avec-couv-18-09-2018-en/16808def9c> (дата обращения: 27.10.2019).
8. *Коте Д.* Экономический анализ применения медиации в международных коммерческих сделках // Коммерческая медиация: теория и практика: сборник статей / под ред. С.К. Загайновой, В.О. Аболонина. М.: Инфотропик Медиа, 2012.
9. Доступное правосудие: сколько стоит суд в разных странах мира [Электронный ресурс] // /ПравоRu/. URL: <https://pravo.ru/review/view/124276/> (дата обращения: 26.10.2019).
10. LCIA releases 2017 Casework Report [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lcia.org/News/lcia-releases-2017-casework-report.aspx> (дата обращения: 31.10.2019).
11. 2017 ICC Dispute Resolution Statistics [Электронный ресурс]. URL: <https://iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2018/07/2017-icc-dispute-resolution-statistics.pdf> (дата обращения: 31.10.2019).
12. Статистика НКИАС за 2018 год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hkiac.org/about-us/statistics> (дата обращения: 31.10.2019).

**Савва Е.В.**

Кубанский государственный университет, Краснодар

**ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ  
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА**

**Savva E.V.**

Kuban State University, Krasnodar

**PROBLEMS OF CONSTRUCTION OF THE THEORETICAL MODEL  
OF ETHNOPOLITICAL CONFLICT**

Отечественная наука с большим опозданием занялась проблемой построения теоретической модели этнополитического конфликта. Произошло это лишь после ряда конфликтов с применением насилия на переходе между советским и постсоветским

периодами. Проблемы теоретического поиска в конце 1980-х — начале 1990-х гг. были существенно осложнены не только данным обстоятельством, но и длительной изоляцией отечественной науки от мировой.

Постсоветские десятилетия позволили, по мнению автора, определиться с ответами на несколько вопросов, которые, если и не дают нам готовую модель этнополитического конфликта, то намечают ее каркас.

Один из важных для построения теоретической модели этнополитического конфликта вопрос: как соотносятся понятия этнического и этнополитического конфликт? Данный вопрос тесно связан с проблемой классификации этнических конфликтов. Классификаций на разной основе предложено достаточно много, как отечественными специалистами, так и зарубежными. Это обстоятельство позволило даже предложить типологию классификаций. Так, В.А. Авксентьев выделяет классификации этнических конфликтов по сферам общественной жизни, по предметам или объектам, по субъектам-носителям [1, с. 48–49]. Что касается вопроса соотношения понятий этнического и этнополитического конфликт, то большинство специалистов трактует первое понятие как более широкое.

По мнению А.А. Прусаускаса, в этнополитическом конфликте одной из сторон чаще всего выступает государство, которое далеко не во всех случаях выражает сугубо этнические интересы доминирующего большинства [2, с. 221]. В его версии классификация этнических конфликтов должна базироваться на выделении центральных сфер, за преобладание в которых идет соперничество определенных социальных групп, принадлежащих к разным этносам. В противоположность данному подходу В.А. Тишков не разграничивает понятия этнополитический и этнический конфликт, понимая под последним «любую форму гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны или одна из сторон мобилизуются, действуют или страдают по признакам этнических различий» [3, с. 480]. Представляется обоснованным и такое понимание сущности этнополитического конфликта, когда последний трактуется как особая форма социального конфликта, включающего в себя этническую мотивацию и в котором оказываются задействованными политические институты.

Самый сложный вопрос, важный для построения теоретической модели этнического конфликта, связан со способами его

регулирования. Десятилетия становления отечественной этноконфликтологии не столько обогатились открытиями в этой сфере, сколько ознаменовали расставание с особо опасными иллюзиями. Первая иллюзия связана с представлением, что разрешить этнические конфликты можно раз и навсегда, придумав некую идеальную форму государственного устройства и приведя всех граждан к материальному благосостоянию. Вторая иллюзия, не менее распространенная, предполагала, что единственно возможным способом регулирования этнических противоречий является предоставление каждому этносу национально-государственного образования, оптимально — суверенного государства.

В результате проведенного исследования автор считает возможным сформулировать следующие выводы:

Этничность, будучи универсальной формой человеческого бытия, выступала и будет выступать как относительно самостоятельный конфликтогенный фактор.

Полиэтничность действительно является потенциально конфликтогенным фактором. Однако, полиэтничность одновременно предполагает и более высокую по сравнению с моноэтничным обществом динамику развития.

Этнические конфликты — неизбежное для любого полиэтничного общества явление. Особенность, отличающая их от других форм социального конфликта, состоит в том, что свое функциональное значение они могут выполнять лишь на том этапе, пока стороны конфликта они не перешли к открытому противостоянию с применением насилия. В современных условиях практически любой этнический конфликт приобретает форму этнополитического.

### **Список литературы:**

1. Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 43–49.
2. Этнос и политика. М.: УРАО, 2000.
3. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.

**Савельев А.А.**

НИУ Высшая школа экономики, Москва

***СОЦИАЛЬНЫЕ РАСКОЛЫ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ  
К ФОРМИРОВАНИЮ УСТОЙЧИВЫХ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ  
НА ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ  
(На примере Украины и Молдавии)***

**Savelev A.A.**

National Research University «Higher School of Economics», Moscow

***SOCIAL CLEAVAGES AS THE OBSTACLE TO THE FORMATION  
OF STABLE PARTY SYSTEMS IN POST-COMMUNIST STATES  
(On the example of Ukraine and Moldova)***

Одним из главных препятствий для формирования устойчивых демократических политических режимов является опасность усиления конфликтов между социальными группами в борьбе за контроль над государственным аппаратом. Структурирование поддержки политических партий вокруг сторон конфликтов приводит к тому, что групповые противоречия переходят в открытую вражду, где каждый политический лагерь стремится монополизировать государственную власть с целью получения возможности не дать реализовать требования оппонентов.

Многие молодые демократии «третьей волны» в процессе формирования партийных систем столкнулись с необходимостью сдерживать конфликты между социальными группами, не ограничивая их членов в доступе к политическим правам.

В настоящий момент, не все молодые демократии на посткоммунистическом пространстве сумели успешно институализировать межгрупповые конфликты и сформировать устойчивые системы представительства. Так, Украина и Молдавия — страны с наибольшим количеством социальных расколов — имеют наиболее низкие оценки демократического развития среди новых демократий на постсоветском пространстве.

Таким образом, изучение данных стран в рамках описываемой проблемы показательно с точки зрения анализа влияния политизации конфликтов между социальными группами на процесс формирования базовых политических институтов, в первую очередь, партийных систем.

Исследование проведено на основании метода «case-study». Критериями сравнения процесса развития партийных систем Молдавии и Украины являются факторы, оказывающие влияние на отображение социальных расколов в партийных системах, такие как избирательное законодательство, структура электорального пространства, зависимость конфигурации социальных расколов от территориальной целостности страны, взаимоотношения победивших и проигравших политических сил после выборов, уровень национализации партийной системы.

По результатам проведенного анализа можно отметить, что препятствием к формированию стабильных партийных систем является определенная конфигурация социальных расколов, в которой поддержка партий структурируется вокруг одного центрального конфликта, либо поляризована по принципу поддержки действующей власти, либо оппозиции.

Негативным фактором для развития партийной системы также является формирование поддержки политических партий вокруг региональных групп избирателей. Практика исключения по результатам выборов победившей стороной проигравших из политического процесса увеличивает ценность обладания властью и способствует еще большей конкуренции между сторонами конфликта.

Напротив, конфигурация социальных расколов, при которой позиции сторон не сводятся к разделению партийного пространства на две части, а уравнивают друг друга при не исключении проигравших из политического процесса и готовности политических сил, находящихся у власти, разрешать политические конфликты через институциональные механизмы, способствует возникновению стабильной партийной системы с балансом конкурирующих сил, что в целом, способствует снижению градуса противостояний в политической системе и не препятствует процессам дальнейшего демократического развития.

Как показывает случай Молдавии, значение расколов в партийной системе, решение которых имеет долгосрочные последствия для общества, уменьшается, если позиции сторон в таких расколах не совпадают с позициями в других политических конфликтах. С другой стороны, в случае Украины, «долгосрочный» раскол являлся самым значимым для политической системы, поддержка сторон в других конфликтах выстраивалась по линиям данного раскола. В связи с этим конфликт способствовал усилению противостояния между группами граждан и в конечном счете привел к дестабилизации политической системы.



В целом по результатам работы можно заключить, что препятствием к развитию стабильной партийной системы в молодых демократиях является не наличие большого количества социальных расколов или их значимые социальными основания, а определенная конфигурация отображения в партийной системе.

### **Список литературы:**

1. *Ахременко А.С.* Социальные размежевания и структуры электро-рального пространства России // *Общественные науки и современность*, 2007. № 4 С 80 -92.
2. *Партии и партийные системы: современные тенденции развития* / Б. И. Макаренко и др. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
3. *Bielasiak J.* The institutionalization of Electoral and Party Systems in Postcommunist States // *Comparative Politics*, 2002. Vol. 34, No. 2. P. 189–210.
4. *Dahl R. A.* Polyarchy: Participation and opposition. Yale: University Press, 1973.
5. *Ellf M.* Social Structure and Electoral Behavior in Comparative Perspective: The Decline of Social Cleavages in Western Europe Revisited // *Perspectives on Politics*. 2007. Vol 2, P. 277–294.
6. *Evans G., Whitefield St.* Identifying the Bases of Party Competition in Eastern Europe // *British Journal of Political Science*. 1993. Vol. 23, No. 4. P. 521–548.
7. *Huntington S. P.* The third wave: Democratization in the late twentieth century. Norman and London: University of Oklahoma press, 1993.
8. *Kitschelt H.* Formation of party cleavages in postcommunist democracies // *Party Politics*. 1995. Vol. 1, No. 4. P. 447–472.
9. *Lijphart A.* Democracy in plural societies: A comparative exploration. Yale: University Press, 1977.
10. *Lipset S.M., Rokkan S.* Cleavages Structures, Party System, and Voter Alignments in Party System and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. New York: Free Press, 1977.
11. *Sartori G.* Sociology of Parties: A Critical Review // *The West European Party System* / ed. by P. Mair. Oxford University Press, 1990.
12. *Schmist G.* Political performance and types of democracy: Findings from comparative studies // *European Journal of Political Research*, 2002. Vol. 41. No. 1. P. 147–163.



**Савченко И.А.**

Московский государственный психолого-педагогический университет,  
Москва

***ИССЛЕДОВАНИЕ КОНФЛИКТНОСТИ НА ЭТНИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ  
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ***

**Savchenko I. A.**

Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow

***THE STUDY OF CONFLICTITY ON THE ETHNIC BASIS  
IN THE EDUCATIONAL PROCESS***

Одной из присущих современному миру особенностей развития является наличие двух противоположных тенденций: глобализации, выражающейся в формировании единого культурного и экономического пространства и нивелировании национальных границ и, с другой стороны, дифференциации, стремления подчеркнуть этническое своеобразие [3].

Для изучения проявлений конфликтности на этнической основе между учениками в образовательном процессе были использованы следующие методики: тест на выявление уровня конфликтности личности субъекта образовательного процесса В.И. Андреева [1]; «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой) [4], экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г.У.Солдатова, О.А.Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А.Шайгерова) [4].

Выборку исследования составили 50 старшеклассников из двух классов, в возрасте 15–17 лет. Данные классы были отобраны по причине наличия в них неспокойной атмосферы, проявлений недопонимания, ссор между обучающимися.

Полученные в ходе исследования данные показали, что у большей части старшеклассников (46 %) выражен средний уровень конфликтности. Характерными для данной группы чертами является владение конструктивными способами разрешения конфликтов, а также способность отстаивать свое мнение, не прибегая к агрессии, что вызывает уважение сверстников. При этом среди представителей данной группы встречаются и те, кто может использовать неконструктивные методы в споре, не всегда проявляя внимание к эмоциональному благополучию своего оппонента.

Этническая идентичность, выявленная у большей части (48 %) обучающихся, характеризуется как позитивная. Однако следует

отметить высокую распространенность такого типа этической идентичности как этноэгоизм (22 %), который может проявляться в раздражении по отношению к представителям других этнических групп, демонстрации превосходства по этническому признаку.

Также у старшеклассников обнаружена тенденция к такому типу этнической идентичности, как этноизоляционизм (18 %), который находит выражение в негативном отношении к межэтническим брачным союзам, ксенофобии, враждебном отношении к представителям других этнических групп [4].

Что касается толерантности старшеклассников, то для наибольшего их количества (68 %) характерен средний ее уровень. Этническая толерантность выявлена лишь у 24 % старшеклассников.

Таким образом, исследование показало наличие предпосылок к развитию конфликтности на этнической основе в данном школьном социуме. Сочетание таких показателей как высокий (или выше среднего) уровень конфликтности, наличие этноизоляционизма и этноэгоизма и низкого уровня толерантности является благоприятной почвой для формирования враждебности по отношению к представителям других этнических групп. Эта враждебность может протекать (и зачастую протекает) в скрытой форме [3]. В итоге педагог может не знать о наличии латентного конфликта и, следовательно, не проводить необходимую работу по его разрешению.

Одним из перспективных путей преодоления выявленных у старшеклассников этноизоляционизма и этноэгоизма, а также повышения уровня этнической толерантности необходимо включать в образовательный процесс мероприятия, которые будут способствовать развитию навыков конструктивного взаимодействия с представителями различных этнических групп [3]. Создание поддерживающей образовательной среды, формирование доверия, развитие межличностных контактов являются необходимым звеном процесса профилактики конфликтов на этнической основе в образовательном процессе.

### **Список литературы:**

1. *Грибкова О.В.* Речь как средство эффективной коммуникации в разрешении конфликтов // Прикладная психология: основные проблемы, перспективы и новые направления: учеб. пособие/ под ред. О.И. Каяшевой, М.Б. Позиной. СПб.: ООО «НИЦ-АРТ», 2018. С. 49–56.

2. *Какадий И.И., Колос Е.М.* Конфликты между учащимися в школе // Наука и практика. Научно-аналитический журнал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2019. Т 11, № 1(33). С. 66–72.
3. *Лучшева Л.В.* Современные концепты причин этнических конфликтов // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 206–209.
4. *Николаева А.А., Субботина С.Н.* Профилактика межличностных конфликтов подростков в образовательной среде // Казанский педагогический журнал. 2019. № 3. С. 132–138.

**Савченко И.А., Андреева К.В., Коневский К.П.**

Московский государственный психолого-педагогический университет,  
Москва

**ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ  
СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ**

**Savchenko I.A., Andreeva K.V., Konevsky K.P.**

Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow

**PROSPECTIVE METHODS FOR STUDYING SOCIAL  
AND LABOR CONFLICTS**

В настоящее время социальный конфликт как общественный феномен стал привлекать к себе внимание. В связи с этим активно развиваются исследования социального конфликта как неотъемлемой части современной жизни каждого человека. Социальные конфликты преследуют человека во всех сферах его деятельности, будь то конфликты на работе, конфликты в образовательной среде, конфликты, происходящие в общественных местах, и т. д. Возникающие конфликты могут пагубно влиять на физическое, моральное и психологическое состояние человека. В связи с этим изучение социального конфликта является особо актуальным на сегодняшний день вопросом.

В начале, стоит рассмотреть, что собой представляет понятие «социальный конфликт». Социальный конфликт представляет собой форму «отношений между субъектами социального взаимодействия, детерминированная противоположностью их интересов» [3]. Социально-трудовой конфликт выделяется в отдельный вид

социальных конфликтов в связи с тем, что затрагивается тема взаимоотношения сторон по поводу социально-трудовых отношений и условий их обеспечения. При рассмотрении социально-трудовых конфликтов можно выделить 2 группы противоборствующих сторон:

- руководитель — работник;
- работник — работник.

Причинами таких споров является недопонимание одной из сторон, нежелание признавать свою неправоту, нежелание выполнять свои должностные обязанности и т. д. Данный вид социального конфликта присутствует во всех сферах жизнедеятельности человека: производстве, образовании, науке и т. д.

Основной упор в организациях ставится на то, чтобы разрешить конфликт с минимальными застоями в работе. Лишь незначительное количество организаций стремится исследовать конфликт, чтобы найти первопричину его зарождения и понять степень серьезности данного конфликта по отношению ко всему трудовому коллективу.

В качестве перспективного метода исследования социально-трудового конфликта может выступать метод системно-ситуационного анализа. В 1992 г. данный метод был адаптирован под современные условия советским психологом А.Я. Анцуповым [1]. При использовании системно-ситуационного анализа конфликт рассматривается как социально обусловленная и динамичная система. При подобной системе свойства ее элементов будут определяться в зависимости от их места в ней. Единицей системно-ситуационного анализа будет выступать конфликтная ситуация, имеющая временные и пространственные характеристики. В тоже время конфликтная ситуация обладает содержательными и динамическими свойствами. Это дает нам возможность более детально и точнее определить момент зарождения конфликта, проследить его развитие до момента, когда произошло открытое противостояние между сторонами конфликта.

В совокупности с математической статистикой можно выявить, было ли это разовое происшествие, или же данная ситуация может повториться, и в качестве сторон будет присутствовать одна из сторон предыдущего социально-трудового конфликта. Используя данный метод исследования, можно определить не только суть конфликта, но и выявить степень конфликтности участников данного инцидент. Выявив, что одна из сторон конфликта имеет ряд

небольших стычек с другими сотрудниками, можно сделать вывод о том, что человек не может найти общий язык с данным коллективом. От этого можно будет либо перевести сотрудника в другой филиал, если сотрудник является ценным кадром, или же уволить его, если он не представляет интереса для организации.

Данный метод исследования социально-трудового конфликта направлен на практическую сторону разрешения конфликта. Но при этом данный метод можно рассмотреть как теоретический способ исследования социально-трудового конфликта для выявления основных конфликтогенных факторов, влияющих на развитие конфликтной ситуации.

Подводя итог, можно утверждать, что исследование социально-трудового конфликта позволит организации установить причину данного конфликта и предпринять меры по предупреждению возникновения подобных конфликтов в организации. Как один из многочисленных способов реализации может быть системно-ситуационный анализ подкрепленный математической статистической.

### **Список литературы:**

1. *Анцупов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 2000.
2. *Келасьев О.В.* Социальный конфликт как целостное образование // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2015. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-konflikt-kak-tselostnoe-obrazovanie> (дата обращения: 25.09.2019).
3. *Осипов Г.В.* Социология. Основы общей теории: Учебник для вузов. М.: Норма, 2003.

**Садакова Д.А.**

Российский государственный педагогический университет  
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

## ***МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА***

**Sadakova D.A.**

Herzen University, St Petersburg

## ***MULTICULTURALISM AS AN IDEOLOGY AND PRACTICE***

Понятие мультикультурализма в современном дискурсе вызывает неоднозначные суждения и реакции. Исследователи в области изучения таких феноменов как «толерантность», «ксенофобия», «этнокультурность» предлагают осмысливать мультикультурализм как сложившуюся данность и различные подходы и точки зрения по поводу этой данности.

Ряд стран, реализующих политику мультикультурализма, исходили из экономических потребностей — приток рабочей силы, а также из сложной политической ситуации, связанной с наличием полиэтнического населения, требующего автономии.

Ученые в области социальных наук неоднократно высказывали мнение о том, что культура того или иного общества, воссоздаваемая в определенных образах и стереотипах поведения и общественного сознания, может существовать как единый феномен, и существование различных непересекающихся культур может выглядеть спорно. Продолжая эту мысль, ученые приходят к выводу о том, что целесообразнее было бы говорить не о мультикультуральности, а о сосуществовании в пределах одного государства различных сообществ с высокой степенью принятия этнокультурных различий.

Оппоненты данного подхода высказывают мысль о том, что сам дискурс о мультикультуральном сосуществовании переводит тему в плоскость этнических различий, а значит, способствует сегрегации меньшинства.

Мультикультурализм способствует подмене понятий из экономической и политической плоскости в плоскость этического, культурного, религиозного характера. А, следовательно, делает их еще более сложными для разрешения.

Все чаще высказывается суждение о том, что возможна ли мультикультурная политика с позиции реализации культурного разнообразия, вне политики ассимиляции.

Хотя вхождение любого этического меньшинства в принимающее большое общество будет сопровождаться определенной степенью ассимиляции этого меньшинства, пусть даже незначительной.

Однако этнодемографическая ситуация в ряде европейских государств сегодняшний день такова, что огромное количество мигрантов, приехавших в эти страны, уже не способны ассимилироваться, создавая тем самым районы компактного проживания, что способствует определенной геттосезации населения с низким уровнем жизни.

Как видется выход из создавшейся ситуации общественными мыслителями, учеными и политиками-практиками? Объединяя различные подходы и варианты решения данной проблемы суждения сводятся к следующему: от декларативных установок на защиту прав и свобод личности мигрантов необходимо перейти к реальной политике в этой сфере, а именно формирование институтов гражданского общества, где мигранты могли бы реализовать свои социальные и культурные интенции: ассоциации, представительства, культурные центры, образовательные учреждений с возможностью билингвального обучения и т. д.

### **Список литературы:**

1. *Колычева А.В.* Теоретико-методологические основы исследования межнациональных и межконфессиональных конфликтов в молодежной среде. // Научный альманах. 2016. № 4.
2. *Сморгунова В.Ю.* Права национальных меньшинств и проблемы гражданства в современном зарубежном теоретико-правовом дискурсе о мультикультурализме // Права коренных народов севера: реализация международно-правовых стандартов в Российской Федерации. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005.
3. *Солодов А.В.* Национальные отношения как предмет правового регулирования (теоретический аспект) // Российский юридический журнал. 2007. № 1.
4. *Петров В.Н.* Иноэтнические мигранты и принимающее общество. Особенности проблемного взаимодействия // Социологические исследования. 2005. № 9.

**Садакова Д.А., Рымкевич Я.А.**

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

***СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ КАК АГЕНТЫ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ  
МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕМ ОБЩЕСТВЕ***

**Sadakova D.A., Rymkevich Y.A.**

Herzen University, St Petersburg

***SOCIAL INSTITUTIONS AS AGENTS OF ADAPTING MIGRANT  
CHILDREN IN A HOST SOCIETY***

Вопросы гармонизации межэтнических отношений в поликультурном пространстве современной России находят свое отражение в работах исследователей различных направлений социогуманитарного профиля.

В современной педагогике развивается направление, связанное с изучением теории и практики культурной адаптации и интеграции подростков-мигрантов и молодежи в поликультурное пространство российских регионов. Интеграция определяется необходимостью актуализировать процессы взаимной адаптации приезжего и местного населения с целью снижения рисков напряженности со стороны обеих категорий.

В рамках образовательных учреждений встречным вектором является мультикультурное, толерантное воспитание подростков и молодежи из числа так называемого основного, принимающего населения.

С каждым годом в среде научной, культурной и политической общественности высказывается мысль, что успешность данного процесса взаимного культурного принятия и возможного бесконфликтного существования достижимо в условиях заинтересованного участия двух социальных институтов — семьи как агента первичной социализации человека и системы образования как института социокультурной адаптации.

Семья располагает значительным набором приемов и средств по формированию и культивированию общечеловеческих и гражданских ценностей и качеств, которые будут определять дальнейшее существование и развитие человека в мультикультурной среде. Современный мультикультурализм сложно назвать выбором того или иного государства, с каждым годом его следует рассматривать как объективную данность, так как мир становится более



взаимозависимым и многие процессы (например, война — беженцы, экономическая ситуация — трудовые мигранты) являются взаимообусловленными. Основопологающим социальным институтом, определяющим воспитание личности, является семья. Семье как первичному агенту социализации отводится ведущая роль в формировании гражданских отношений в поликультурном обществе.

К сожалению, и на это указывают ряд современных российских исследователей, в настоящее время не существует устойчивого сотрудничества (да порой и сотрудничества вообще) между такими социальными институтами как семья и образовательные учреждения по вопросам воспитания подростков и молодежи, толерантной к другим культурам.

Хотя, как показывает общественная практика, возникает необходимость адаптации нового и местного населения друг к другу. Наибольшую остроту здесь приобретают процессы адаптации именно молодого поколения из так называемого ближнего зарубежья.

Демографическая ситуация свидетельствует о том, что многие трудовые мигранты и их семьи приезжают в российские регионы с целью остаться в них, если не навсегда, то на значительный промежуток времени. Многие из этого разнообразного по этнической и культурной идентичности числа людей являются поколением, выросшим после распада советского типа культуры и советского образования. Культурные различия этих людей с местным населением российских регионов значительны.

У детей из семей мигрантов прослеживается высокий уровень стресса из-за необходимости соответствовать социальным ожиданиям и требованиям среды, в которой они оказались. Нередким явлением становится социальная изоляция таких детей в образовательных учреждениях.

В среде российских ученых и исследователей в области социологии, конфликтологии, этнологии, а также педагогов-практиков обсуждается:

- возможность введение в системе учреждений среднего образования должности сотрудника по делам детей мигрантов, в круг обязанности которого входили: посредничество в разговоре родителей директора школы, объяснения права, предлагать варианты решений тех или иных вопросов, связанных с адаптацией детей с обеих сторон;

- внедрения первоначального отдельного обучения детей мигрантов и детей из числа местного населения с последующей интеграцией первых в обычные классы;
- внедрение комплексной программы адаптации детей-подростков посредством изучения русского языка всей семьей в одном учреждении;
- выбор педагогических технологий в вопросе воспитания при взаимодействии образовательных учреждений с родителями, диаспорами и социумом.

### **Список литературы:**

1. *Гилинский Я.И.* Толерантность в России: возможность и невозможность // Актуальные проблемы толерантности в современном мире. СПб., 2004.
2. *Ильинская С.Г.* Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М.: Праксис, 2008.
3. *Константинов В.В.* Стратегии социально-психологической адаптации мигрантов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 2 (46).
4. *Сморгунова В.Ю.* Институционализация мультикультурализма: «дело о платках» // Право и образования. 2008. №10.

### **Садыкова Л.Р.**

Уфимский федеральный исследовательский центр  
Российской Академии наук, Уфа

### **КОНФЛИКТЫ ИММИГРАЦИИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

### **Sadykova L.P.**

Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa

### **IMMIGRATION CONFLICTS IN POLYETHNIC SPACE**

В настоящее время проблемы иммиграции не теряют своей актуальности. Понятие иммиграции, как правило, означает въезд в страну по различным причинам. Иммиграция не дает автоматического права на смену гражданства. Она приводит к тому, что иммигранты вынуждены делать выбор: интегрироваться в новое общество или же создать обособленный анклав.

Серьезные испытания выпадают на долю человека в иммиграции, он сталкивается с множеством проблем одновременно. В данной ситуации наблюдаются разнообразные стрессовые ситуации и проявления деформации личности. В условиях иммиграции своеобразно проявляется самосознание личности и подсознательно используются все формы психологической защиты в целях ее стабилизации: вытеснение, избегание, регрессия, подавление, отрицание, проекция, идентификация, изоляция, рационализация и т. д.

Психолог Н.С. Хрусталева анализировала и изучила литературу, характеризующую жизненный путь, установки иммигранта, что позволило ей воссоздать объективную картину сложных психологических процессов, происходивших в иммигрантской среде. Она выделяет существующие объективные и субъективные факторы, влияющие на динамику социально-психологической адаптации иммигрантов. К числу объективных относятся:

- а) страна въезда;
- б) язык;
- в) уровень правовой и экономической защищенности;
- г) характер местной культуры;
- д) этническая принадлежность иммигрантов;
- е) отношение коренного населения;
- ж) наличие поддерживающих структур;
- з) дополнительно возникающие социально-экономические или политические обстоятельства на новом месте жительства;
- и) страна выезда [1, 284].

Важную роль в процессе адаптации личности играют различные поддерживающие структуры. К субъективным факторам, влияющим на динамику интеграции и адаптации, относится прежде всего психологическая структура личности. Большое значение имеет сформированность мотиваций, что проявляется в желании интегрироваться в новую среду; наличии установки на усвоение новых культурных феноменов; стремлении к преодолению информационной изоляции и к установлению связей с окружающей средой.

Важными субъективными факторами адаптации являются следующие личностные свойства:

- высокий коммуникативный потенциал человека как субъекта общения;
- наличие интеллектуально-волевого комплекса, в центре которого — обучаемость, критичность мышления, готовность к изменению хода индивидуального развития, целеустремленность,

настойчивость, ответственность, дисциплинированность, самоконтроль;

— устойчивость к нервно-психическим перегрузкам, саморегуляция состояний в труде, высокий уровень трудоспособности и жизнеспособности.

Учитывая, что в условиях иммиграции, особенно в начальной ее стадии, преобладают ситуации с высокой проблемностью, неопределенностью, требующие принятия нестандартных решений, необходимо такое качество личности, как креативность. Она особенно важна в условиях непривычной социокультурной среды, каковой являются условия иммиграции. Креативность выступает мощным фактором развития личности, определяющим ее готовность изменяться, отказываться от стереотипов.

Особого внимания заслуживает изучение проблемы общения в условиях иммиграции. Одним из первых барьеров, возникших на чужбине — незнание иностранного языка. С одиночеством, вероятно, сталкивается каждый и в любом обществе. Иммигрантам же особенно трудно, хотя бы в силу ограниченности общения. А главное, в силу потери очень многими родных, друзей, бывшего положения, статуса, прежней профессии. Таким образом, иммигранты общаются с теми, кто им психологически ближе и понятнее, стараются сохранить привычные стереотипы и формы отношений.

Наверное, трудолюбие — единственное определяющее условие успешной экономической адаптации иммигрантов. Если к этому добавить способности, талант — успех обеспечен. Доказательством этому служат судьбы многих переселенцев. Если ты увлечен своим делом, любишь свою профессию — обязательно найдешь ей применение, где бы ты ни находился.

Трудным и неясным было правовое положение бывших российских подданных. Не имея гражданства, они были лишены всякой государственной и юридической защиты. Правовой статус в отношении российских иммигрантов был окончательно выработан и принят Лигой Наций лишь в 1929 г. Согласно ему, назначались особые представители для разных стран, которые по своим функциям приближались к российским консулам и занимались выдачей паспортов, различных удостоверений и свидетельств [2, 128].

Независимо от прошлого социального уровня жизни иммигранта у большинства возникают одинаковые проблемы — незнание языка, естественное незнание законов и культуры новой страны, внутренняя неопределенность и депрессия. Психологический шок

иммиграции не меняет внутренний мир эмигранта, он лишь проявляет его личность, высвобождает энергетические резервы, которые позволяют лишенным опыта существования в нормальном обществе иммигрантам совершить чудеса приспособляемости и выбраться на поверхность жизни.

### **Список литературы:**

1. Хрусталева Н.С. Адаптация выходцев из бывшего СССР: Взгляд психолога // Диаспоры. 1999. № 2–3. С. 281–298.
2. Серапионова Е.П. Российские эмигранты в Чехословакии в межвоенные годы // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 124–133.

### **Самсонова Т.Н.**

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

#### ***ОБ УПРАВЛЯЕМОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ И ИХ РОЛИ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ***

### **Samsonova T. N.**

Lomonosov Moscow State University, Moscow

#### ***ON THE MANAGEABILITY OF POLITICAL CONFLICTS AND THEIR ROLE IN THE FUNCTIONING OF SOCIOPOLITICAL SYSTEMS***

Понятие «управление конфликтами» прочно вошло в глоссарий конфликтологии. Однако и в теоретическом, и в практическом плане проблема управления конфликтами далека от решения. Управление конфликтами — наименее формализованная часть конфликтологического знания.

В XXI в. конфликтные ситуации возникают практически во всех сферах жизнедеятельности общества, поэтому решение задач управления конфликтами весьма значимо. Политические конфликты способствуют выявлению противоречий социально-политической системы, препятствуют ее застою, являются стимулом развития. К нарушению механизма функционирования системы приводит не сам конфликт, а отсутствие у властных субъектов умения отреагировать на него должным образом. Равновесию политической системы угрожает не конфликт как таковой, а ее

жесткость, подавляющая разного рода напряженности, которые, аккумулируясь, могут затронуть базовые ценности, основы общественного согласия. «Все конфликты проистекают из-за того, что различные системы стремятся к застыванию в сложившихся формах, что делает невозможным их сосуществование» (В. Швებель, ученый и публицист XIX в.).

Управление процессом урегулирования политических конфликтов — специфический вид политического менеджмента, сложный управленческий процесс, нацеленный на достижения положительного результата с помощью методов и средств, которые исключают применение открытых форм принуждения и права издавать обязательные нормы и правила. Требуется применение весьма широкого спектра технологий, способов, выходящих за рамки нормативно-правового регулирования. При своевременном изучении конфликта и его динамики, умелом использовании технологий урегулирования его деструктивные последствия можно минимизировать.

Управление конфликтами, как целенаправленное влияние на взаимоотношение между конфликтующими субъектами/сторонами, — сложный тип деятельности, требующий немалых сил, энергии и ресурсов для достижения цели. Всю цепочку упрощенно можно изобразить так: управление конфликтом — его предупреждение — урегулирование — разрешение. При этом велика роль симптоматики, диагностики, прогнозирования, возможной профилактики конфликтов.

Каждый политический конфликт, как и каждая политическая система, по-своему уникален. Его урегулирование — это во многих отношениях уникальная политическая кампания. Необходимо учитывать все элементы структуры конфликта, вскрывать внутренние механизмы возникновения противоречий в динамике его развития, факторы управляемости процесса его урегулирования. Как и любая политическая кампания, урегулирование политического конфликта сопряжено с рисками. Поэтому не всегда можно просчитать развитие конфликтных событий. Своевременная реакция на возникающие риски является значимым фактором успешного урегулирования конфликта.

Управление конфликтами — это управленческие действия, направленные на людей, которые имеют свои мотивы, потребности и интересы. Успешное управление конфликтом требует учета социокультурной составляющей, поскольку политическая культура задает тон восприятия и реакции на действия различных слоев

и групп социума. Велико значение практического применения психологических механизмов влияния, которые смогут оказать правильное действие на конфликтующие субъекты/стороны (убеждение, внушение, подражание и др.). Для конструктивного урегулирования конфликтов важно определить критерии их разрешения, которые будут признаваться его субъектами/сторонами (правовые нормы; нравственные принципы; мнение авторитетных лиц; прецеденты решения аналогичных проблем в прошлом; контроль достигнутых соглашений).

Важная составляющая управления конфликтом — деятельность института посредничества. Профессиональная реализация возложенных на посредника/медиатора аналитических, организаторских и коммуникативных функций, выбор наиболее эффективной тактики обеспечивает успешное урегулирование конфликтов, выстраивание новых надежных отношений между субъектами/сторонами конфликта. «Только время улаживает конфликты, но ему необходимо помочь» (У. Зартман).

### **Сатикова С.В.**

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Санкт-Петербург

### ***ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ОШИБОК МЕДИАТОРОВ***

### **Satikova S.V.**

St Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, St Petersburg

### ***EXPERIENCE IN SYSTEMATIZING THE ERRORS OF MEDIATORS***

Медиация постепенно входит в повседневную жизнь россиян, становится все более понятной и востребованной процедурой. Увеличивается и количество медиаторов, каждый из которых по своему интерпретирует требования к ведению медиации.

Беседы с коллегами об опыте их профессиональной деятельности и клиентами, оставшимися не вполне удовлетворенными помощью медиатора, дают информацию, которая позволяет сделать попытку классифицировать часто встречающиеся ошибки российских медиаторов.

Естественно, что ошибки и трудности медиаторов часто связаны с не совсем точным пониманием возможностей медиации как

самими клиентами, так и судьями, адвокатами, специалистами центров помощи семье и другими лицами, направляющими людей на медиацию.

В данных тезисах делается попытка рассмотреть ошибки именно самого медиатора.

Организационные ошибки, связанные с неудачным выбором места и времени встречи. Например, не все клиенты понимают, когда медиация назначается в кафе или в холле торгового центра. С их точки зрения эти места не гарантируют конфиденциальности и не вполне подходят для обсуждения болезненных вопросов по урегулированию конфликта.

Ошибки оценки ситуации. Когда посредник не точно определяет запрос на медиацию и ожидания клиента. Например, ситуацию, когда клиенты выдвигали имущественные требования при бракоразводном процессе, разговор шел о справедливом, с их точки зрения, распределении имущества и долгов. Было намерение договориться. Но мешали обида, недоверие, приписывание друг другу негативных побуждений. При этом медиаторы, к которым обращались клиенты, начинали работать не с заявленной проблемой и переживаниями клиентов, а пытались восстановить их отношения, чего именно этим клиентам не требовалось.

Коммуникативно-этические ошибки. Медиация основана на эффективной коммуникации. Нарушения коммуникации разрушают процедуру. Причем это может произойти на любом этапе.

Например, неоднократно недовольные клиенты сообщали о неприязни к медиатору, возникшей с первых минут общения. Причинами выступали: высокомерие и пренебрежительность, возможно связанные с не очень модной и богатой одеждой клиентов; панибратство и обращение на «ты» с молодыми клиентами; неряшливость и неприятные запахи от медиатора; моментальное забывание имен клиентов и обращение к ним либо по чужим именам, либо безымянно и не вполне уважительно (женщина, мужчина, мальчик, девушка и т.п.) Некоторые клиенты на этом же этапе прекращали медиацию.

Если же медиация началась успешно, то в процессе, к сожалению, могут появиться грубоватые оценочные суждения («Вы что, совсем ничего не понимаете?!»), навязывание своей точки зрения, игнорирование не устраивающих медиатора высказываний клиента; чрезмерная поддержка одной из сторон и т. п.



Причем в названных выше ошибках проблема касается не только трудностей с коммуникацией, что можно исправить, но и этических аспектов поведения медиатора, что сложнее поддается коррекции и ставит вопрос о профпригодности.

Процедурные ошибки. Много информации поступает о нарушениях процедуры медиации. С кем-то из клиентов не согласовали время работы. Другие, пройдя несколько попыток медиации, впервые услышали вступительное слово и узнали о роли медиатора.

Некоторые из бывших клиентов медиаторов говорили о жестком навязывании списка обсуждаемых вопросов, формировании соглашения без учета мнения клиентов и с материальными санкциями при обсуждении не финансовых вопросов.

Таким образом, можно выделить четыре больших блока ошибок: организационные, оценки запроса, коммуникативно-этические, процедурные. Часть из этих ошибок можно предупредить, усилив внимание к данным аспектам при подготовке медиаторов. Но значительная часть требует введения системы супервизии и регулярной аттестации коллег сообществом медиаторов, иначе можно опасаться, что развитие медиации приведет к росту непрофессионализма среди медиаторов и к дискредитации этой важной и эффективной процедуры.

### **Сенюшкин Е.А.**

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,  
Симферополь

#### ***УПРАВЛЕНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ РИСКАМИ: КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ***

### **Senyushkin E. A.**

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

#### ***MANAGEMENT OF ETHNO-POLITICAL RISKS: THE CONFLICT STUDIES ANALYSIS***

В условиях турбулентности системы международных отношений тема этнополитических рисков становится актуальной для большинства полиэтничных стран мира. Глобализация экономических процессов сопровождается новыми тенденциями в этнополитической сфере, которые тесным образом связаны с конфессиональным

фактором. Постсекулярное общество порождает не только новые религиозные смыслы и возрождает старые традиции духовной жизни, но и расширяет диапазон технологий манипулятивного воздействия на верующих. Так как религиозный фактор тесным образом связан с этническим, современное государство оказывается в новом пространстве рисков, среди которых особое место занимают этнополитические.

Инструментализация этничности и ее использование в геополитических целях имеет давнюю историю и начинает свой отсчет с древнейших времен. В современной мировой политике этничность активно используется в качестве инструмента в международных конфликтах. В условиях обострения геополитической конкуренции этнополитические процессы активно подвергаются манипулятивно-технологическому воздействию. Это связано с тем, что этнополитическое пространство оказывает существенное влияние не только на индивидуальное мировоззрение, но и на политическое сознание и поведение больших масс людей.

Этнические чувства пронизывают глубинные пласты как индивидуального, так и коллективного сознания, поэтому они легко подвергаются манипулированию, при этом акторы (как внутренние, так и внешние), осуществляя манипулятивное воздействие на большие массы людей, открыто не артикулируют свои геополитические цели. После появления тезиса С.Хантингтона о том, что «глобальная политика начала выстраиваться вдоль культурных линий» [1, с. 13], манипулирование этническими чувствами приобрело беспрецедентные масштабы.

Обоснование сказанного выше можно проиллюстрировать на ряде примеров из новейшей истории. Наиболее наглядный пример связан с развитием этнополитических процессов на Украине, в ходе анализа которых становятся очевидными такие процессы, как инструментализация этничности и ее использование в геополитических целях.

Конфликтологический анализ этнополитических рисков — тема, достаточно новая для отечественной конфликтологии. Наряду с тем, что в отечественных исследованиях широко представлены описательные работы, посвященные различным типам этнополитических конфликтов, проблема управления этнополитическими рисками нуждается в более пристальном внимании исследователей, так как она ориентирована на превентивную деятельность как государственных, так и негосударственных акторов.

В качестве основных исследовательских проблем в этой связи можно указать на методологическое обоснование управления этнополитическими рисками, включая оптимальный баланс теоретических и эмпирических методов, а также систематизацию и классификацию основных факторов, при помощи которых можно оценить степень вероятности этнополитических рисков и их трансформацию в угрозы с точки зрения конфликтологического анализа. Важное значение при этом имеет информационно-аналитическое обеспечение принятия управленческих решений, включая прогнозирование и моделирование этнополитических рисков, с разработкой конкретных рекомендаций для органов государственной власти. В качестве примера подобных исследований можно сослаться на работы А.Г. Большакова и его опыт координации деятельности исследователей-конфликтологов и аналитического аппарата органов государственной власти в Республике Татарстан [2].

#### **Список литературы:**

1. Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т.Велимеева. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2007.
2. Большаков А.Г., Храмова Е.В. Экспертно-аналитическая деятельность как технология формирования государственной политики (на примере системы мониторинга социально-политических и этноконфессиональных процессов в Республике Татарстан) // Экспертиза и анализ конфликтов в современном российском обществе: статьи и материалы Междунар. казанского научного форума «Методология исследования конфликтов» [Электронный ресурс] / под ред. А.Г. Большакова, Т.З. Мансурова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016.

**Сенюшкина Т.А.**

Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского,  
Симферополь

***КАПИТАЛИЗАЦИЯ ЗНАНИЙ КАК КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ФАКТОР  
УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ***

**Senyushkina T. A.**

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

***CAPITALIZATION OF KNOWLEDGE AS A CONFLICT FACTOR  
OF THE UNIVERSITY EDUCATION***

Университетское образование в современных российских условиях необходимо рассматривать в контексте социальных, политических, экономических и культурных изменений, которые начались с инициированной в 1985 г. М.С.Горбачевым перестройкой, последовавшими вслед за этим сломом социалистической системы и распадом СССР. Курс высшей политической элиты на капитализацию всех сфер общества привел к трансформации общественной системы, включая и подсистему высшего образования. Спустя 24 года пребывания российского общества в новых условиях капитализма наблюдаются специфические формы общественных проявлений, которые вмещают в себя также и социалистические элементы, обусловленные инерцией общественных процессов. При этом диалектическое противоречие между капитализмом и социализмом сохраняется прежде всего на уровне общественных ценностей, более того, оно имеет тенденцию к развитию, что необходимо рассматривать в контексте как преимуществ, так и уязвимых черт каждой из этих форм общественного устройства.

По оценкам экспертов, высшее образование в СССР было одним из лучших в мире. В решающей степени это связано с формой собственности, распоряжение которой концентрировалось в руках государства и осуществлялось в соответствии с действующими приоритетами в государственном управлении. Современная российская система высшего образования во многом поддерживает высокие стандарты в результате инерции академических традиций, заложенных системой советского образования, которые во многом были унаследованы от дореволюционных традиций, сохранившихся в российских университетах, а также благодаря кадрам, которые получили качественное образование в условиях социалистической системы.

В современных условиях модернизации высшего образования в России наблюдается распространение влияния идеологии и практики капитализации знаний — как на уровне принятия управленческих решений, так и в академической среде. При этом не все представители университетского сообщества разделяют ценности рыночного подхода к высшему образованию. Другими словами, в современных российских университетах наблюдается поле противоречивых взаимодействий, определяющееся конфликтом ценностей с одной стороны администраторов-менеджеров, главная цель которых заключается в получении прибыли от науки и образования, с другой стороны носителей традиционных академических ценностей, ориентированных на получение новых знаний, независимо от их экономического эффекта.

Таким образом, университетское образование может быть охарактеризовано сегодня как специфическое поле столкновения интересов, обусловленного тем, что «профессиональная подготовка в рыночных условиях приобретает форму процесса капитализации знаний» [1, 123].

В соответствии с рекомендациями Всемирного Банка в большинстве стран были радикально изменены учебные планы вузов: теперь в них не менее 30 % занимает проектная деятельность, в ходе которой приоритет отдается социальным и эмоциональным навыкам, умению учиться, финансовой, правовой и цифровой грамотности. При этом, по оценкам экспертов Всемирного банка, «несмотря на появление в российских образовательных стандартах «универсальных компетенций», большинство образовательных организаций в России продолжают ориентироваться исключительно на «твердые знания», предполагая, что «навыки XXI века» сформируются сами собой» [2].

На наш взгляд, дилемма «твердых знаний» и «навыков XXI века» является искусственно сконструированной. Российская система высшего образования традиционно ориентируется на «твердые знания», что и является ее безусловным преимуществом. А навыки «XXI века» приобретаются в нашей стране в результате социализации, которые имеют свои особенности и определяются спецификой социальных коммуникаций и коллективного сознания.

### **Выводы.**

1. Университетское образование необходимо рассматривать как элемент системы общественной саморегуляции.

2. Университетское образование — один из самых консервативных элементов общественной системы, транслирующих национальные ценности от поколения к поколению, и в этом его преимущество.

3. Разрушение традиций университетского образования в России в угоду тренду «капитализации знаний» неизбежно приведет к разрушению социальной системы в целом.

4. Необходим консенсус университетского сообщества в вопросе о балансе «навыков XXI века» и «твердых знаний», учитывая специфику российской системы образования и общества в целом.

5. Глобальные вызовы для университетского образования нацеливают на экспертное обобщение различных точек зрения на процесс модернизации образования в России

### **Список литературы:**

1. *Каравеева А.В.* Процесс капитализации знаний в вузе как один из методов оценки стоимости человеческого капитала // Стратегия развития экономики. 2011. № 30.
2. Национальные цели социального развития: вызовы и решения. Доклад НИУ ВШЭ. При участии Всемирного банка. М.: ВШЭ, 2019.

### **Сирота Н.М.**

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург

### **АМЕРИКАНО-КИТАЙСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ И РОССИЙСКИЙ ФАКТОР**

### **Sirota N.M.**

St Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,  
St Petersburg

### **US-CHINA CONFRONTATION AND THE RUSSIAN FACTOR**

Превращение Китая во вторую экономику мира и государство с расширяющейся зоной геополитического влияния влечет за собой серьезные последствия для глобального баланса сил и положения Соединенных Штатов в качестве единственной сверхдержавы. Претензии Китая на утверждение в качестве регионального гегемона, а в перспективе и на мировое лидерство воспринимаются

американским политико-академическим сообществом как подрыв основ существующего мироустройства и лидерских позиций Соединенных Штатов [1].

Стратегия сдерживания Китая осуществляется по следующим направлениям: усиление американского присутствия в АТР; укрепление силового потенциала союзников и партнеров в регионе для противовеса растущей мощи КНР; сужение пространства для геополитического маневрирования КНР путем включения государств, расположенных по периметру китайских границ, в западные структуры и зоны влияния беспрецедентная по масштабам торговая война. В целях сдерживания роста китайского влияния администрацией Д.Трампа акцентируется важность партнерства «четырех демократий вокруг Китая» — США, Японии, Австралии и Индии. Известный американский геополитик Р.Каплан рекомендует администрации стремиться к проецированию силы и влияния в «ближнем зарубежье» Китая и России в большей степени, чем это делала предшествующая администрация Б. Обамы, чтобы создать более благоприятный контекст для переговоров, избегая открытого конфликта с обоими государствами [2, с. 14].

Американские эксперты и политики, опасаясь упрочения позиции Китая благодаря партнерским отношениям с Россией, с позиций Realpolitic рекомендуют использовать противоречия между этими государствами и уже в обозримой перспективе создать американско-российский альянс антикитайской направленности. Р. Мерри, Г. Казинис, Х. Брэндс, ссылаясь на дипломатический маневр Г. Киссинджера, поездкой в Китай в 1971 г. разобщившего главных соперников США, предлагают администрации Д. Трампа в отношениях с Россией достичь новой разрядки напряженности и даже стратегического партнерства, чтобы ослабить более серьезную и долговременную угрозу со стороны Пекина [3–5].

Переплетение торгово-экономических интересов США и Китая в определенной степени способно оказывать сдерживающее влияние на геополитическое соперничество в обретении позиционных преимуществ в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако оно не может быть надежной гарантией от конфликтов между этими государствами в будущем.

Представляется обоснованной оценка отечественными исследователями из ИМЭМО американско-китайских отношений на протяжении периода до 2035 г. как *напряженного партнерства*. Согласно прогнозу, к концу этого периода Китай будет располагать военным

потенциалом, способным создать серьезные проблемы для США в случае попыток ограничить сферу его влияния, что относится прежде всего к прилегающим к территории страны акваториям [6, с. 321–323].

Благоприятный сценарий мирового развития для России — формирование сбалансированной полицентрической системы с перспективой интеграции экономического и политического пространства по линии «Лиссабон — Владивосток». В его рамках возможно и необходимо налаживание многостороннего взаимодействия с государствами АТР, включая их участие в развитии российских территорий и отраслей экономики. Для обеспечения достойного места в полицентрическом мире предстоит в максимальной степени задействовать фактор умной силы с целью продвижения собственной повестки дня и выработки правил будущего миропорядка.

### **Список литературы:**

1. *Tarabay J.* CIA official: China wants to replace US as world superpower. Available at: <https://edition.cnn.com/2018/07/20/politics/china-cold-war-us-superpower-influence/> (Accessed: 11.10.2018)
2. Kaplan R. What Next for Donald Trump? (Symposium) // *The National Interest*. 2017. January — February. P.5–24
3. *Merry R.* What Next for Donald Trump? (Symposium) // *The National Interest*. January — February 2017. P. 5–24.
4. *Kazianis H. J.* The Coming American-Russian Alliance Against China. Available at: <https://www.theamericanconservative.com/articles/the-coming-american-russian-alliance-against-china/> (Accessed: 11.10.2018).
5. *Brands H.* Trump Can't Split Russia From China — Yet. Available at: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-07-31/trump-can-t-split-russia-from-china-yet> (Accessed: 11.10.2018).
6. Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. акад. А.А.Дынкина / ИМЭМО им. Е.М.Примакова. М.: Магистр, 2017.



**Соколова А.О., Смирнов Р.О.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***МЕДИАТИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ  
НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКИХ ПРОТЕСТОВ 2019 г.\****

**Sokolova A.O. Smirnov R.O.**

St Petersburg State university, St Petersburg

***MEDIATIZATION OF POLITICAL CONFLICTS  
ON THE EXAMPLE OF MOSCOW PROTESTS OF 2019***

События в Москве 2019 г. — как эскалация социального конфликта, как кризис легитимной власти, как крупнейшие политические протесты в России — освещаются в современных СМК с использованием пропагандистских инструментов и интерпретаций структурно-динамических характеристик конфликта в зависимости от определенной государственной идеологии [2].

Протесты в данном исследовании рассматриваются в качестве формы социального конфликта, в рамках которого личность или общность отстаивает политические потребности и интересы. Причиной протеста, согласно теории «социального конфликта» Р. Дарендорфа [1], выступает «неравенство, ограничивающее гражданское участие людей социальными, экономическими и политическими средствами». Элита, выражающая неспособность конкурировать друг с другом, выбирает насильственные способы урегулирования социального конфликта. Официальные власти воспринимают конфликт в качестве источника распада социального порядка, несущего угрозу их личному существованию, что отражается в способе освещения протестов в прогосударственных СМК.

При медиатизации политических конфликтов средства массовой коммуникации присуждают роль «жертвы» или «агрессора» основным его субъектам. Данный феномен является критерием наличия пропаганды, которую мы определяем как ненасильственный механизм внушения, заключающийся в трансляции «фактов» о событиях, с которыми человек лично столкнуться не может.

Предметом исследования явились публикации четырех СМК: «The Wall Street Journal» (США) [6], Первый канал (Россия) [4],

\* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №19-18-00115 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом»).

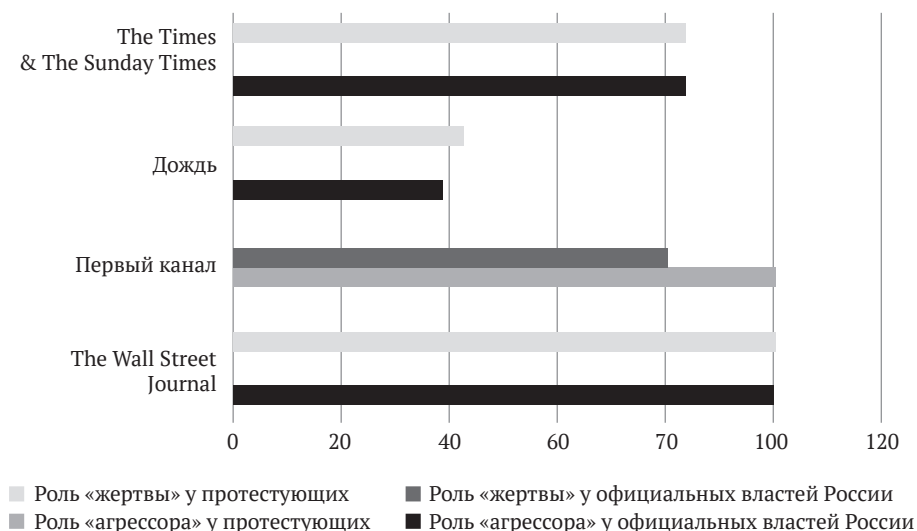


Рис. 1. Оценка действий протестующих и официальных властей России в конкретной публикации.

«телеканал “Дождь”» [3], и «The Times & The Sunday Times» [5], за период с 27.07.2019 по 29.07.2019, 04.08.2019 и 11.08.2019. В данный период наблюдается самое большое совокупное число публикаций, посвященных конфликту.

Основанием структурного и содержательного контент-анализа стал критерий наличия/отсутствия следующих пропагандистских инструментов в материалах. Самыми популярными пропагандистскими инструментами в исследуемых СМИ стали: привлечение экспертов и оперирование заявлениями, фактами только с одной стороны конфликта, а также использование визуальных элементов.

По результатам проведенного структурного контент-анализа максимальное число упоминаний конфликта по запросам «Выборы», «Протесты», «Беспорядки» и «Митинг» для русскоязычных СМИ и «Russian protests», «Moscow rally» и «Moscow election» для англоязычных во всех вышеперечисленных СМИ составило 72 (9 августа); минимальное количество — 8 (18 и 21 июля). Разница между пиком интереса к данному конфликту составляет 88,9%. При написании новостной публикации русскоязычные СМИ отдавали предпочтение ключевым словам «Мосгордума», «протестующие»

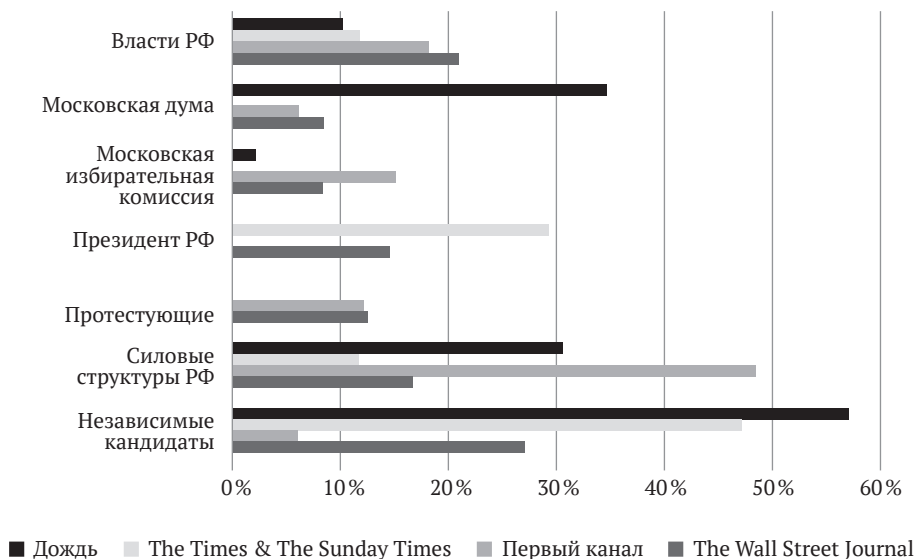


Рис. 2. Изображение субъектов московских протестов 2019 г.

и «силовики», англоязычные — «Vladimir Putin», «Opposition activists», «Police» и «Navalny».

По итогам содержательного контент-анализа четырех СМК наибольшее процентное соотношение публикаций с признаками пропаганды оказалось у «Первого канала» (Россия) и у «The Wall Street Journal» (США). Результаты анализа оценки действий главных субъектов конфликта в публикациях отражены на рис. 1.

На «The Wall Street Journal» (США) медиатизация строится на основе высказываний следующих субъектов: руководство РФ (20,8 %) и независимые избиратели (27,1 %) на «телеканал «Дождь» — независимые избиратели (57,1 %) и силовые структуры РФ (30,6 %), на Первом канале — силовые структуры РФ (48,5 %), а на «The Times & The Sunday Times» — независимые избиратели (47,1 %) и президент РФ (29,4 %). Подробные результаты анализа главных субъектов конфликта в публикациях отражены на рис. 2.

Таким образом, публикации американского «The Wall Street Journal», российского «Первого канала» и «телеканала «Дождь» и «The Times & The Sunday Times» о Московских протестах 2019 г. действительно содержали пропагандистские компоненты. Гипотеза

исследования подтвердилась. В исследуемый период времени у телеканала «Дождь» было обнаружено меньшее число публикаций, содержащих пропагандистский компонент: только 42,3 % публикаций издания определяло стороны конфликта как «агрессор» и «жертва» (см. рис. 1).

### **Список литературы:**

1. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002.
2. Демушина О. Н., Семикина Ю. Г., Семикин Д. В. Манипулятивный потенциал СМИ // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. 2015. № 3. С. 85–88.
3. Дождь [Электронный ресурс]. URL: <https://tvrain.ru/> (дата обращения: 29.10.2019)
4. Первый канал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1tv.ru/> (дата обращения: 29.10.2019)
5. The Times & The Sunday Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/> (дата обращения: 29.10.2019)
6. The Wall Street Journal [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/> (дата обращения: 29.10.2019)

### **Соловьев А.К.**

Пенсионный фонд Российской Федерации

### ***ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ***

### **Solovev A.K.**

Pension fund of the Russian Federation

### ***DEMOGRAPHIC FACTORS OF SOCIAL CONFLICTS IN THE CONDITIONS OF PENSION SYSTEM REFORM***

Государственная пенсионная система России, как и другие пенсионные мировые системы, в текущем столетии переживают период глобальных трансформаций.

Помимо глобальных макроэкономических проблем развития национальных пенсионных систем, включая российскую, традиционно глобальной «угрозой» рассматриваются негативные

демографические тенденции: снижение рождаемости и смертности, с одной стороны и увеличение продолжительности жизни всех возрастных групп населения, с другой стороны. Эти глобальные демографические риски дополняются систематическими послевоенными «демографическими провалами», последствия которых будут в той или иной степени нивелированы только во второй половине нынешнего столетия.

В экономической науке с разной степенью полноты и достоверности оцениваются негативное воздействие демографических факторов не только на саму государственную пенсионную систему, но и на все макроэкономическое развитие страны в долгосрочной перспективе. Считается, что рост численности населения старше трудоспособного возраста неизбежно приведет к росту «нагрузки на бизнес», что потребует от него сокращения инвестирования в развитие производства. По мере «усиления демографической угрозы для бизнеса» предлагается стимулировать частный сектор экономики путем последовательного сокращения тарифно-налоговой нагрузки.

В нашей стране за 25-летний период пенсионной реформы были проведены несколько циклов «снижения тарифно-налоговой нагрузки», которые, не только не отразились на инвестиционной активности бизнеса, о чем наглядно свидетельствует статистическая отчетность, а наоборот. Преувеличение риска демографической нагрузки обусловлено неуклонным ростом теневого сектора экономики, который на рынке труда проявляется в нелегальной занятости и теневой зарплате, масштабы которой превышает половину легального фонда оплаты труда. Расчеты показывают, что с учетом теневой занятости демографическая нагрузка пенсионеров на отечественную экономику все еще очень далека от критических параметров, принятых в западных пенсионных системах.

Не учитывать демографические факторы развития пенсионной системы РФ неправильно, но такой учет должен носить не конъюнктурно-бюджетный, а экономически обоснованный характер.

В этих целях для обеспечения учета в процессе пенсионной реформы рассматриваемых глобальных макроэкономических и демографических факторов государственная Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы РФ на период до 2030 г. предусматривает целый комплекс мероприятий, которые объединены решением единственной целевой задачей — достижение достойного уровня материального обеспечения пенсионеров к концу

переходного периода. Таким уровнем определен размер страховой пенсии 2,5–3 прожиточных минимума пенсионера (к 2030 г.) при условии выработки 30-летнего трудового стажа и получения заработной платы не менее среднестатистической по стране за каждый трудовой период. В настоящее время это соотношение практически в 2 раза меньше.

Среди комплекса мероприятий, направленных на решение данной стратегической задачи, особое место занимает повышение пенсионного возраста.

Фактор старения населения является отправной точкой для формирования государственной пенсионной политики на долгосрочную перспективу, поэтому в ПФР уделяется приоритетное внимание мониторингу прогнозной динамики всех демографических параметров развития населения России.

### **Список литературы:**

1. Соловьев А.К. Эконометрический анализ условий повышения пенсионного возраста // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 2. С. 47–57.
2. Иванова М., Балаев А., Гурвич Е. Повышение пенсионного возраста и рынок труда // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 22–39.

### **Сорокина Н. Д.**

Московский авиационный институт (НИУ), Москва

### ***РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ***

### **Sorokina N.D.**

Moscow aviation institute (National research university), Moscow

### ***THE ROLE OF SOCIAL INSTITUTIONS IN CONFLICT SETTLEMENT***

Во всем мире нарастает число конфликтов. Не исключением является и Россия. Не все из них носят конструктивный характер, часть из них негативным образом влияют на функционирование социальных институтов, расшатывая существующий социальный порядок. Особая роль в урегулировании конфликтов принадлежит социальным институтам.

Определимся с понятием «социальный порядок». Со времен основоположников социологии под ним понимается гармония и солидарность. Одним из признаков гармонии является приемлемый уровень социального расслоения в обществе, отсутствие большого количества бедных. В противном случае происходит рост социальной напряженности, что нередко приводит к разного рода конфликтам.

По мнению Д. Нортонa, порядок предполагает снижение неопределенности, которое возникает в результате функционирования институтов, обеспечивающих большую предсказуемость в отношениях между людьми. Беспорядок увеличивает неопределенность, поскольку права и привилегии индивидов и организаций достаются «кому попало» (*up for grabs*) вследствие нестабильных отношений как на политических, так и на экономических рынках [1, с. 22].

Социальные функции институтов заключаются в поддержании стабильности в обществе, что проявляется, в частности, в снижении неопределенности, ясности существующих правил и норм. Но с другой стороны, деятельность институтов направлена на необходимость осуществления изменений, которые обеспечивали бы развитие социальной системы, не позволяя ей деградировать. В этом двойственность функций институтов.

И здесь мы можем зафиксировать противоречие. С одной стороны, социальный порядок требует *устойчивости, стабильности* институтов, чтобы препятствовать хаосу и разрушению социальной системы; с другой — избыточная консервативность институтов приводит к стагнации системы, что затрудняет проведение прогрессивных нововведений. Следовательно, социальные институты должны обладать гибкостью, адаптивной способностью к необходимым изменениям, предотвращая конфликты или своевременно осуществляя их урегулирование.

По каким показателям мы можем оценить эффективность социальных институтов, в том числе и в процессе урегулирования конфликтов? В число показателей эффективности можно включить следующие: 1) решение социальных проблем, что должно приводить к отсутствию (в идеале) или небольшому уровню социальной напряженности; 2) уровень удовлетворенности функционированием социальных институтов; 3) уровень доверия принимаемым управленческим решениям; 4) следование социальным нормам большинства жителей, невысокий уровень девиаций.

В настоящее время мы можем зафиксировать увеличение числа социальных проблем вследствие проводимой экономической политики неолиберализма. Главная из них — увеличение социального расслоения, а также большое число бедных. Россия — страна с очень высоким уровнем социального неравенства. Так, в одной из статей приводятся оценки уровня современного неравенства доходов населения, утверждается, что оно в 1990–2010-е гг. вернулось примерно к уровню, который был до 1917 г. (индексу Джини порядка 50–60). Нормальный же для современного мира уровень неравенства доходов составляет по индексу Джини порядка 30–35 [2, с. 52].

Поэтому так важна роль социальных институтов в урегулировании конфликтов, их профилактике. Между тем в настоящее время мы можем наблюдать возрастание конфликтов в разных сферах жизни общества. Тематика их разнообразна: «мусорные протесты», градостроительная политика, выборы в различные органы власти, пенсионная реформа, благоустройство и т. д. Каким образом социальные институты могут участвовать в их профилактике и урегулировании, выполняя такую важнейшую функцию, как интегративная?

Институты конфликто разрешения, которые начинают активно формироваться в последнее время, могут и должны взаимодействовать с традиционными социальными институтами. Они «представлены государственными, муниципальными, гражданскими организациями и учреждениями» в виде парламента, органов судебной власти, негосударственных гражданских учреждений и организаций. В качестве проблемы автор видит преобладание государственных институтов над гражданскими [3, с. 391]. Именно по этой причине стали возможны «мусорные протесты», носящие деструктивный характер в силу непродуманности решений по утилизации мусора, а также отсутствия взаимодействия организаций, принимающих решения, с экологическими, правозащитными организациями.

Другой проблемой можно считать слабое взаимодействие институтов конфликто разрешения с традиционными, такими как семья, образование, религия. В качестве примера можно привести конфликт в Екатеринбурге по поводу строительства храма в сквере. Его можно было бы избежать в случае диалога церкви и горожан. Именно по причине отсутствия такого диалога арбитром в споре выступило государство в лице его главы, хотя конфликт пока окончательно не разрешен.



Для решения такой важной социальной проблемы, как бедность, уменьшение социального расслоения, необходимо более тесное взаимодействие институтов конфликто разрешения в лице государства с таким социальным институтом, как семья. Именно обратная связь в виде опросов общественного мнения, социологических исследований по проблемам семьи, а также принятие управленческих решений по решению вопросов бедности позволило бы смягчить социальную напряженность в обществе, причем это касается и решения других социально значимых проблем. В частности, в решении таких вопросов, как повышение качества обучения, чрезмерная нагрузка преподавателей и т. д., также необходимо тесное взаимодействие института образования с государственными, гражданскими организациями.

Для решения всех этих проблем нужно преодоление деструктивных конфликтов и кризиса социальных институтов, который, в частности, проявляется в таких дисфункциональных явлениях, как рост числа неблагополучных семей, увеличение числа сирот, в том числе при живых родителях, рост преступности на фоне неуспешной социализации, функционирование деструктивных сект и т. д. Эти дисфункции институтов приводят к аномии, которая, в свою очередь, обусловлена трансформацией общественных отношений в России.

### **Список литературы:**

1. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. М.: Изд. дом гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 256 с. (Экономическая теория).
2. *Варшавский А. Е.* Чрезмерное неравенство доходов — проблемы и угрозы для России // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 52–61.
3. *Яколенко А.Д.* Институты конфликто разрешения в России: сущность и проблематика. URL: [http://xn--80aaidk.xn--p1ai/images/наука/forum6/forum6\\_390-392.pdf](http://xn--80aaidk.xn--p1ai/images/наука/forum6/forum6_390-392.pdf) (дата обращения: 19.09.2019).

**Стецкевич М.С.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***МЕСТО РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЛИКТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ  
ЖИЗНИ АНГЛИИ XVIII-XIX ВВ.\****

**Stetskevich M.S.**

St Petersburg State University, St Petersburg

***PLACE OF RELIGIOUS CONFLICT IN THE POLITICAL LIFE  
OF ENGLAND OF XVIII-XIX CENTURIES***

В течение долгого времени в историографии доминировали представления о том, что динамику развития политического процесса в Англии XVIII–XIX вв. определяли конфликты между различными социальными группами, в первую очередь между земельной аристократией и «средним классом», собственниками и пролетариатом. Ситуация изменилась после выхода в 1985 г. книги Дж. Кларка «Английское общество, 1688–1832. Идеология, социальная структура и политическая практика при «старом порядке». В ней отстаивается тезис о том, что социальные и идеологические конфликты имели религиозное происхождение. Так, борьба против английской версии «старого порядка» была прежде всего борьбой против культурной гегемонии государственной Англиканской церкви, которую вели радикальные протестанты-диссентеры и антиклерикалы. Книга Кларка вызвала острую полемику, главным результатом которой было резкое возрастание внимания к религиозному измерению английской истории XVIII–XIX вв.

При определении места религиозных конфликтов в политической жизни Англии необходимо учитывать то обстоятельство, что важнейшим признаком для квалификации конфликта в качестве религиозного является масштабная и очевидная интеграция / дезинтеграция его субъектов на основе вероисповедной принадлежности, а не их апелляция к религиозным догматам и идеям. Можно выделить два наиболее значимых религиозных конфликта: протестантско-католический и англикано-диссентерский. В первом

---

\* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта № 18-011-00241 «От эрастианизма к трактарианизму: Церковь Англии в конце XVIII — первой половине XIX в.».

конфликте интегратором являлась приверженность как англикан, так и диссентеров протестантизму в противостоянии «католической угрозе». Это обстоятельство способствовало тому, что все попытки наследников свергнутого в ходе «Славной революции 1688–1689 гг. короля — католика Якова II вернуть себе британскую корону (якобитское движение) оказались безуспешными. Постоянные войны с Францией вплоть до конца XVIII в. рассматривались общественным сознанием как противодействие католицизму, несущему угрозу английским свободам. Однако борьба с вначале с революционной, а затем и наполеоновской Францией уже не вписывалась в эту модель, воспринимаясь как война с «безбожием». Отсутствие после 1815 г. вооруженных конфликтов с католическими странами, широкое распространение идей Просвещения, в частности свободы вероисповедания, развитие секуляризационных процессов постепенно приводит к ослаблению антикатолических настроений.

Если католицизм воспринимался в первую очередь как внешняя угроза, то англикано-диссентерский конфликт имел внутрианглийское содержание. Характерное для начала XVIII в. представление о диссентерах как об «опасных чужих» (дело Сачеверелла, 1709–1710 гг.) к концу столетия ослабло. Однако поддержка диссентерами идей Великой французской революции привела к действиям против них «толпы» под лозунгом «Церковь и король!» и задержала вплоть до 1828 г. отмену ограничивавших их права «Актов о проверке и корпорациях». Большинство диссентеров принадлежало к среднему классу и способствовало крушению английской модели старого порядка, базировавшейся на политическом доминировании земельной аристократии, целиком состоявшей из англикан. В связи с этим борьба против старого порядка имела и определенное религиозное измерение.

В Викторианскую эпоху (1837–1901 гг.) интегрирующий потенциал антикатолицизма заметно сократился. Диссентеры поддерживали вигскую (либеральную) партию, хотя она и не разделяла их требования о лишении Англиканской церкви государственного статуса.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что без анализа религиозных конфликтов воспроизведение адекватной картины политической жизни Англии XVIII–XIX вв. невозможно. В то же время линии водораздела в политике далеко не всегда совпадали с религиозными, поэтому и абсолютизация роли религиозного фактора видится неправомерной.

**Стребков А.И., Мусаев А.И.**

Санкт-Петербургский государственный университет,  
Санкт-Петербург

***МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ПОДГОТОВЕ КОНФЛИКТОЛОГОВ:  
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ***

**Strebkov A.I., Musaev A.I.**

St Petersburg state University, St Petersburg

***INTERDISCIPLINARITY IN THE TRAINING OF CONFLICTOLOGISTS:  
STATE AND PROSPECTS***

Глобальные изменения в разделении труда, связанные с тенденциями цифровизации экономики, усиливают проявления противоречий в связи с упразднениями старых и возрастающих потребностей в новых специальностях, одной из которых является специальность конфликтолог — специалист в области разрешения экономических, социальных, политических, этнических, семейных, школьных и других конфликтов, возникающих по различным основаниям, но влекущих за собой рост напряженности в обществе и негативные последствия необратимого характера и глубины социального нездоровья.

Эти и многие другие тенденции социального развития указывают на появление социальной потребности в новой сфере профессиональной деятельности, которая прежде носила полупрофессиональный характер, в предупреждении, разрешении и постконфликтном сопровождении, а вместе с этим и в поддержке и сохранении социального мира. По прошествии 20 лет с того момента, когда в Санкт-Петербургском университете впервые в стране и мире началась подготовка специалистов бакалавров по мирным стратегиям в урегулировании конфликта, конфликтология все больше заявляет о себе как необходимая обществу и государству не только как сфера накопленных знаний и представлений о конфликте и законах его проявления в различных социальных средах, т. е. как наука о конфликтах и мирных способах его урегулирования, но и как необходимая обществу и государству практика по урегулированию конфликтов и поддержанию мира не насильственным методом, который еще занимает господствующее положение в совокупности методов достижения мира насильственным принуждением к нему.

Процесс «деконфликтизации» общества неминуемо связан уже с профессией настоящего, а не будущего, требующей участия не самозанятых специалистов в области разрешения бизнес-конфликтов или конфликтов, протекающих в иных сферах социальной жизни, не малых организаций, работающих в сфере предоставления конфликтологических услуг, а значит, и таких же малых в решении профессиональных задач в сфере разрешения конфликтов, а крупных служб, концентрирующих в себе современные знания в области конфликтологии, информационные ресурсы и высококвалифицированный штат специалистов с базовой подготовкой в области конфликтологии. Понимание того, что в управлении конфликтом нужны профессионалы с базовой подготовкой, вслед за российским государством, которое предоставило сегодня все необходимые ресурсы для подготовки специалистов в области конфликтологии, приходит и к бизнесу, пока правда в форме Советов образовательных программ, но уже включившихся в управление всем образовательным процессом по направлению подготовки. И этот факт свидетельствует о достаточной сегодня перспективе самой образовательной программы и ее жизненности.

Сравнительный анализ международных образовательных программ по направлению подготовки указывает на то, что бакалаврская подготовка даже в престижных зарубежных университетах не ведется, что совершенно неправильно, ибо накопленный познавательный материал в области конфликтологии не может быть глубоко освоен за 2 года магистратуры, как это сегодня распространено в зарубежных образовательных учреждениях. Современная образовательная тенденция такова, что на подготовку высококвалифицированных специалистов в любой отрасли не умирающего, а перспективного знания, требуется все больше времени, требуется его увеличение, а не снижение, как это принято болонской системой подготовки. Поэтому российский опыт, и мы уверены в этом, будет ориентиром для всех зарубежных университетов, занимающихся только магистерской подготовкой конфликтологов.

Появление подготовки конфликтологов на государственной основе породило целую отрасль профессиональной деятельности, юридически закрепила квалификационные характеристики должности «Конфликтолог», т. е. оказала огромное воздействие на процессы, происходящие в сфере разделения труда. Привлекательность образовательной программы сегодня заметна по конкурсу абитуриентов. В 2016–2018 гг. конкурс составлял 22–27 заявлений

на одно бюджетное место и всегда находился в тройке самых престижных направлений подготовки с самым высоким конкурсом абитуриентов.

Высокая социальная миссия конфликтологии и квалификация выпускников направления подготовки дает нам уверенность в том, что образовательная программа по направлению подготовки, междисциплинарный характер которой сегодня уже не подвергается сомнению, будет востребована обществом как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе.

### **Сулимов К.А.**

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь

#### ***КОНФЛИКТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МНОГОУРОВНЕВОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ\****

### **Sulimov K.A.**

Perm State University, Perm

#### ***THE CONFLICT DIMENSION OF MULTILEVEL POLITICS IN CONTEMPORARY RUSSIA: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES***

Возрастающая комплексность современных обществ находит отражение в системе управления ими. Усложнение обществ и публичного управления связано с возрастанием комплексности взаимодействий, а значит, и потенциальной и актуальной конфликтности. Если в рамках идеально-типичной модели «национального государства» с четкой иерархической системой подчинения одному центру институционального места для конфликтов не было вовсе, то в более адекватном взгляде на сложноустроенные политии (такие, например, как федерации) неизбежность конфликтов признается. Но и здесь, пожалуй, доминирует представление, что конфликт — это сбой системы, который надо устранить для восстановления ее нормального функционирования. С этим связан и ключевой рецепт — четкое разграничение полномочий между центрами принятия решений, как по вертикали, так и по горизонтали.

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (русские и европейские практики)»).

Однако этот рецепт имеет ограниченное значение в реальных современных обществах, прежде всего в силу инклюзивности современного процесса принятия решений, формулирования и реализации политики. Включенность в эти процессы субъектов различного уровня (от наднационального до местного) и различных видов (правительственных и неправительственных) рассматривается не только как очевидный факт, но и как нормативно желаемая ситуация (в логике подотчетности, повышения качества управления, учета интересов, обеспечения обратной связи и т. п.).

Для схватывания этого нового модуса административных и политических взаимодействий, плюралистической и разрозненной активности множества акторов, взаимодействующих друг с другом на разных и взаимосвязанных уровнях управления, используется концепт многоуровневого управления (multilevelgovernance — MLG), который обрел за последние двадцать лет большую популярность, породив массу публикаций и серьезные споры [1]. Продуктивные примеры работы с концептом продемонстрированы для исследования различных стран и регионов мира: США и Канада, Северная Америка в целом, Австралия, есть отдельные работы по бывшему постсоветскому пространству [2; 3]. Они показывают, что развитие многоуровневости всюду имеет свою специфику.

Применительно к исследованию многоуровневой политики и управления в современной России представляется продуктивным опереться на известную типологию MLG Маркса и Хуг [4] и на идею рассматривать MLG и межправительственные взаимодействия (intergovernmental relations) как две инстанции более широкой категории multi-level politics [5]. Комбинация двух подходов задает четыре возможных варианта конфигурации многоуровневой политики: 1) эксклюзивная иерархия властных структур; 2) эксклюзивная гетерархия властных структур; 3) инклюзивная иерархия властных структур и невластных акторов; 4) инклюзивная гетерархия (властные и невластные акторы).

Вопрос в преобладании того или иного варианта в конкретной сфере или моменте времени и факторах, которые это определяют, а также в том, как это влияет на конфликтность, ее последствия и результаты в политике и управлении современной России. Использование этого подхода, как представляется, дает возможность рассматривать конфликты не только как отдельные события столкновения частных интересов, а как элементы общей системы управления и принятия решений, причем в институциональном

отношении, что, в свою очередь, позволяет ориентироваться на продуктивность конфликтов, и, наконец, расширяет наше понимание практик управления конфликтами.

### **Список литературы:**

1. *Schakel A.H.* Applying multilevel governance // Handbook of research methods and applications in political science / eds H.Keman, J.Woldendorp. Cheltenham: Edgar Elgar, 2016.
2. Handbook on Multi-Level Governance / eds H.Enderlein, M.Zürn, S.Wälti. Cheltenham: Edgar Elgar. 2010.
3. Multi-level governance: conceptual challenges and case studies from Australia // eds K.A. Daniell, A. Kay. ANU Press, The Australian National University, Australia 2017.
4. *Hooghe L. and Marks G.* Unraveling the central state. But how? Types of multi-level governance // American Political Science Review. 2003. No. 97(2). P. 233–243.
5. *Alcantara C., Broschek J., Nelles J.* Rethinking Multilevel Governance as an Instance of Multilevel Politics: A Conceptual Strategy // Territory, Politics, Governance. 2016. Vol. 4. P. 33–51.

### **Сунами А.Н.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

### **КОНФЛИКТОЛОГИЯ РИСКА\***

### **Sunami A.N.**

St Petersburg State University, St Petersburg

### **CONFLICT STUDIES OF THE RISK**

Несмотря на то что изучение риска, обусловленное концепциями У. Бека, Н. Лумана, Э. Гидденса, М. Дуглас, А. Вилдавски К. Дейка и ряда других, стало одним из наиболее перспективных направлений наук об обществе и человеке, конфликтология до последнего времени игнорировала бросающую в глаза близость понятий конфликта и риска. В своей гипотезе о схожести риска и конфликта, мы исходим из того, что оба эти феномена предполагают открытость социального пространства, необходимость выбора между настоящим

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00115).



и будущим, выход из зоны комфорта. Таким образом, игнорирование конфликтной природы риска, на наш взгляд не позволяет, в полной мере осветить все стороны этого явления, соотнести риска с реальным взаимодействием людей в социальном пространстве.

Эффективность одних и тех же мер и начинаний может коренным образом различаться в зависимости от рефлексий о рискогенности социальных явлений и процессов. Рефлексивные практики могут быть нацелены, с одной стороны, на оценку опасности потерь или возможностей выигрыша, осознанную готовность осуществлять политический выбор в условиях неопределенности, личностное и национальное принятие вызовов. С другой стороны, они могут быть нацелены на формирование упрощенных представлений о реальных рисках и опасностях, формирование чувства социальной тревоги и страха. Современная научная литература предлагает множество обзоров исследований на предмет связи реакции на риск и выбираемых конфликтных стратегий. Культурное познание относится к склонности согласовывать свои убеждения о социальных рисках с предпочтениями человека относительно организации общества. Так, например, на основе опросов и экспериментов, в которых приняли участие около 5000 американцев, Второе национальное исследование риска и культуры представляет эмпирические данные о влиянии этой динамики на возникновение конфликта о глобальном потеплении, школьных перестрелках, домашнем терроризме, нанотехнологиях и т. д. [1].

Конфликтная активность граждан как ответ на актуализировавшиеся для них риски в таком случае может характеризоваться неконкретностью фрустраций, бескомпромиссностью участия, нацеленностью на конфликт как самоценный результат участия. В результате искажается воздействие существующих социальных правил поведения, резко сужается поле определения возможных вариантов развития, выработки наиболее эффективных способов решения проблем и общенациональных коллективно значимых решений на основе адекватных и своевременных риск-рефлексий.

Теоретические ресурсы междисциплинарных исследований рисков и их рефлексий, хотя и опираются на весьма солидную научную базу, структурированы пока недостаточно четко, имеются существенные лакуны, и многие нюансы в изучении особенностей, механизмов и конфликтов в восприятии риска остаются невыясненными. В первую очередь представляется необходимым изучить соотнесение мер усиления конструктивного и девальвации

деструктивного влияния риск-рефлексий на существующие социальные напряженности с известными стратегиями управления конфликтами: инициации и рутинизации конфликта с целью консолидации общества в борьбе с реальными или мнимыми угрозами, предупреждение конфликта через институционализацию «предохранительных клапанов» с целью деэскалации социальной напряженности, урегулирование и разрешение конфликта через манифестацию снятия беспокоящих рисков, вытеснение конфликта на другие уровни политической ответственности.

### **Список литературы:**

1. *Kahan D.M., Braman D., Slovic P., Gastil J., Cohen G.L.* The Second National Risk and Culture Study: Making Sense of — and Making Progress // The American Culture War of Fact (October 3, 2007). GWU Legal Studies Research Paper No. 370; Yale Law School, Public Law Working Paper No. 154; GWU Law School Public Law Research Paper No. 370; Harvard Law School Program on Risk Regulation Research Paper No. 08-26.

### **Сунами А.Н., Павлова Е.В.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

### ***ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: РИСКИ И КОНФЛИКТЫ\****

### **Sunami A.N., Pavlova E.V.**

St Petersburg State University, St Petersburg

### ***DIGITALIZATION OF EDUCATION: RISKS AND CONFLICTS***

Продвижению грядущего цифрового общества уделяется очень много внимания, что тем не менее не означает однозначно благоприятную реакцию на процессы цифровой трансформации со стороны граждан. Зачастую в отношении данного процесса граждане испытывают определенное беспокойство. Так по результатам все-российского исследования, проведенного в марте 2019 г. Аналитическим центром НАФИ совместно с Институтом менеджмента объединений предпринимательства, выяснилось, что более половины россиян опасаются потери работы в связи с цифровизацией

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00115).

экономики. Риск-рефлексии, обусловленные процессами цифровизации в других сферах, в том числе и связанных с образованием, артикулируются не менее часто.

Внедрение всевозможных цифровых технологий в российскую систему образования уже можно считать в определенном смысле новым национальным проектом. Так одним из направлений реализации государственной программы «Развитие образования на 2013–2020 годы» является федеральный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», в ходе реализации которого предполагается «модернизировать систему образования и профессиональной подготовки, привести образовательные программы в соответствие с нуждами цифровой экономики, широко внедрить цифровые инструменты учебной деятельности и целостно включить их в информационную среду, обеспечить возможность обучения граждан по индивидуальному учебному плану в течение всей жизни — в любое время и в любом месте».

Как правило, внедрение информационных технологий экспертами оценивается положительно. В целом можно выделить несколько основных аргументов, которые чаще всего высказываются в пользу данного процесса: сокращение издержек обучающихся с одновременным ростом возможностей совмещать учебу с работой и семейной жизнью; расширение доступа к получению знаний и навыков от профессионалов со всего мира; опция выбирать темы курсов и их содержание соответственно индивидуальным потребностям обучающихся; повышение экономической привлекательности образовательных учреждений и т. д. [1; 2].

Вместе с тем существует и обратное мнение. В частности, бурную реакцию аудитории по всему миру вызвал лонгрид от Н. Боулз под громким названием «Человеческий контакт становится предметом роскоши», опубликованный в Нью-Йорк Таймс в марте 2019 г. В частности, автор утверждает, что социология потребления информационных услуг, использования гаджетов в повседневности постепенно становится частью жизненного стиля скорее малообеспеченных граждан, нежели чем представителей средних и высших классов [3]. Такая же тенденция отмечается и в образовании, где офлайн-формы, имеющие гораздо более высокую себестоимость, нежели чем онлайн-курсы, становятся признаком высокого уровня жизни.

Можно сделать вывод, что одна из целей цифровизации образования, а именно повышение общего уровня компетенций и постепенное сокращения в этом смысле дистанции между различными

социальными группами, может привести к еще большему расслоению граждан по признаку доступа к классическому образованию с «живыми» преподавателями. Соответственно, можно предположить возможные риски конфликтов, особенно в странах с высоким уровнем индекса человеческого капитала, к коим относится и Россия, предметом которого будет доступность традиционных форм образования.

### **Список литературы:**

1. *Bell B. S., Fedeman J. E.* E-learning in postsecondary education // *The Future of Children*. 2013. No. 23(1). P. 165–185.
2. *Finch, D., Jacobs K.* Online education: Best practices to promote learning // *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics. 56<sup>th</sup> Annual Meeting*. 2012. P. 546–550.
3. Human Contact Is Now a Luxury Good [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/03/23/sunday-review/human-contact-luxury-screens.html> (дата обращения: 01.09.2019).

### **Сунами А.Н., Труфанов Г.А.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

### ***НАРКОКОНФЛИКТ И НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ СВОБОДА\****

### **Sunami A.N., Trufanov G.A.**

St Petersburg State University, St Petersburg

### ***DRUG CONFLICT AND NEOLIBERAL FREEDOM***

Отрицание неолиберализмом непримиримости антагонистических аспектов жизни общества, на наш взгляд, является одним из факторов кризисного состояния антинаркотической политики сегодня, то есть невозможность и нежелание взглянуть в лицо проблеме — вот что характеризует конфликт, сложившийся между государством и наркорынком сейчас. Депрессия, кризисы, тотальность капиталистического общества — это то, что подпитывает наркоторговлю, рекрутируя каждый день новых потребителей. Наркотик стал не просто средством развлечения, он стал как проводником наркорреальности в рамках объективного мира, так

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31376.

и ментальным наркозом, дающим ощущение контроля в своем внутреннем мире, где основным креационистом является сам реципиент вещества. Истинный враг — целостность общества и невозможность его целостного постижения субъектом, выражающаяся в невозможности занятия точки тотальности — уровня качественного и дистанцированного обзора существующей репрессивной реальности в целях отказа от навязанного свыше нарратива. Насилие, побои, война, прививаемые культуриндустрией, — паттерны нашей жизни или жизни, выстраиваемой для нас; капитализм и его культура все более себя проявляют как «вещь в себе», ведь истинная картина замутнена ажиотажем потребления, но также и нежеланием выхода индивида XXI в. из «зоны комфорта».

Потребление, отоваривание, овеществление — пребывание в одной плоскости реальности бытия. Суть постиндустриального общества — рационально-иррациональная репрессивность и воспроизводство самого себя в реальности и повседневности. И здесь одно из центральных мест занимает наркоконфликт. Наркоконфликт агонален, а также несет в себе потенциал негативной кооперации индивидов, и здесь неважен момент потребления, важен аспект распространения в большей степени. Но что есть основная причина наркотизации? Тут необходимо принять объективность и субъективность характера таковых причин. Объективная причина, на наш взгляд, — иррациональность рационализованного потребления и воспроизводство человека как отчужденного индивида — он в мире, но не с миром, мир для него непостижим по причине фрагментированности реальности, посредством культуриндустрии в первую очередь. Субъективная причина кроится в коннотации той самой свободы, что дает неолиберальная доктрина, многообразие политических, экономических свобод, а также возможностей реализации своих скрытых асоциальных потенциалов поражает воображение, и кредо разрешения всего, что не запрещено законом превращается в лозунг вседозволенности в потреблении. Наркотизация также навязывается ложными потребностями, так активно продвигаемыми массмедиа: подражание, ненависть, надуманная любовь — все эти потребности репрессивны так как они не важны на индивидуальном уровне для самой жизни человека, но репрессивны, поскольку навязаны извне, как продукты общества, интересы которого требуют репрессии, по причине тотальности этих самых интересов, и служат индикатором «свой — чужой» внутри социальных групп.

Стоит также отметить, что чем больше индивид стремится рационализировать свой быт, сделать его максимально понятным, распространенным на все свои жизненные интересы, тем больше неконтролируемого становится в его жизни, на первый взгляд выбор — свобода, свободный и выбор кажутся синонимами, но ни свобода, ни выбор не снимают противоречия, заложенного в том, что для каждого конкретного общества эта свобода и этот выбор понимаются по-разному на двух абсолютно разнополярных уровнях «социального верха» и «социального низа». Именно в невозможности и в нежелании принятия того, что противоречия выбором не снимаемы, а сам выбор — эфемерен постольку, поскольку он сдавлен тотальностью и репрессивностью социального строя, а также в ложной рациональности капиталистического общества и заложен конфликтный потенциал развития наркотизации. Здесь себя и обнаруживает скрытый потенциал наркотика — создания собственного мира, полного контроля за своим бытием в нем, хотя в иллюзиях, а также механизм «бегства от свободы», объясненный еще Э. Фроммом. Стремясь выйти из действительности и приходя к иллюзии, индивид убивает себя попытками ложной эмансипации.

### **Сухенко В.А.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

#### ***ОЦЕНКА РИСКОВ В ПРОЦЕССЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ УБЫТКОВ КАК ФАКТОР ВЫБОРА СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ СТРАХОВЫМ КОНФЛИКТОМ\****

### **Sukhenko V.A.**

St Petersburg State University, St Petersburg

#### ***RISK ASSESSMENT IN THE CLAIM HANDLING PROCESS AS A FACTOR CONFLICT MANAGEMENT STRATEGY CHOICE IN INSURANCE COVERAGE DISPUTES<sup>1</sup>***

Рынок страховых услуг продолжает свое активное развитие и постепенно проникает во все сферы деятельности. Современные

---

\* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №19-18-00115 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом»).

вызовы диктуют новые условия эффективного функционирования страхового бизнеса. Развитие информационных технологий вносит значительный вклад в формирование имиджа страховщика, требует особого внимания к взаимодействию с клиентом и управлению конфликтом.

Урегулирование убытков является одной из основных процедур взаимодействия страховщика и клиента, представляет собой комплекс мероприятий, осуществляемый страховщиком в силу необходимости выполнения принятых ранее обязательств по выплате возмещения при наступлении страхового случая [1]. Урегулирование убытка начинается с подачи заявления о наступлении страхового случая и завершается с осуществлением страховой выплаты при признании страховой природы случая или отказом в выплате при признании случая нестраховым. Соответственно, результаты урегулирования тесно связаны с экономической эффективностью страховщика [2], значительно влияют на характер взаимоотношений с клиентом, обладают высоким потенциалом конфликтности. Видятся необходимыми оценка рисков, сопутствующих процедуре урегулирования убытков, осуществление последующих действий в рамках оптимальной стратегии управления конфликтом, соответствующей наиболее благоприятному сценарию развития обращения.

В общем виде сопутствующие процедуре урегулирования убытков риски можно разделить на юридические, репутационные и финансовые.

Юридические риски связаны с возникновением юридических последствий в результате оценки действий, решений страховщика по урегулированию убытка как неправомерных в соответствии с процедурами и нормами законодательства. Последствия юридического характера могут быть итогом судебного процесса, разбирательства в рамках компетенции Центрального Банка.

Репутационные риски связаны с неблагоприятным воздействием на имидж страховщика, его взаимоотношения с страхователями, ввиду негативного освещения или отрицательной оценки действий страховщика действующими или потенциальными клиентами, СМИ. Значительное влияние на данный аспект оказывают социальные сети, позволяющие распространять информацию без проверки подлинности, нередко выступая инструментом манипуляции со стороны клиента. Так, с развитием информационных ресурсов у клиента появляются новые инструменты воздействия на страховщика, трансформируется баланс сил.



Финансовые риски связаны с необходимостью выплаты возмещения при наступлении страхового случая, сопровождают репутационные и юридические риски при необходимости исполнения финансовых обязательств, наложенных в результате разбирательства, оплаты расходов на участие в процессе, а также возникают при падении продаж, расторжении договорных отношений, отказе от пролонгации договора или заключения планируемой сделки вследствие ухудшения репутации.

В соответствии с результатами оценки рисков страховщик выбирает оптимальную стратегию поведения в возможном конфликте, выражающуюся в борьбе, уходе, уступке, компромиссе или сотрудничестве [3], принимает соответствующее решение по заявлению.

Стратегия борьбы приоритетна, когда репутационные и юридические риски являются минимальными, предполагает отказ в возмещении расходов, мотивируемый условиями договора страхования. Дальнейшее развитие конфликта в таком случае, как правило, не предполагает уступок со стороны страховщика, а решение остается неизменным на протяжении всего процесса.

Уступка оптимальна при высоких уровнях юридических и репутационных рисков и выражается в беспрепятственном удовлетворении требований клиента. Оптимальна при полном соблюдении необходимых для возмещения расходов условий, случаев, предполагающих последующий уход значимого страхователя, при обращении лиц с особым статусом, когда расходы на урегулирование убытка ниже вероятных потерь при наступлении прогнозируемых последствий.

Уход предполагает отказ страховщика от принятия конечного решения, целесообразен при представлении неполного пакета документов, недостатке информации для принятия решения при наличии соответствующего обоснования для востребования дополнительной документации.

Компромисс характерен для случаев со средними уровнями рисков, предполагает определенные уступки со стороны страховщика при неполном удовлетворении требований заявителя. Классическим примером стратегии является принятие решения о частичной оплате в соответствии с условиями договора.

Стратегия сотрудничества целесообразна для сложных случаев, случаев с высокими рисками, особенно репутационными, при ограниченной свободе страховщика в принятии решения. Стратегия предполагает активное взаимодействие страховщика



с клиентом, открытость, нацеленность на принятие решения в достаточной мере удовлетворяющего интересам обеих сторон. Стратегия обоснована необходимостью сохранения благоприятных отношений с клиентом, юридической безопасности при сохранении экономической стабильности страховщика.

Оценка рисков, последующий выбор стратегии, а также сам процесс урегулирования значительно опосредован участием человеческого ресурса, имеющейся в распоряжении страховщика информацией. Так, имеющаяся информация, ее субъективное восприятие лицами, принимающими решения или влияющими на данные процессы, их личностные характеристики и конфликтные стратегии также оказывают влияние на данные процессы. По ходу урегулирования убытка в результате обновления информации, консультаций с экспертами возможна переоценка рисков и последующая корректировка стратегии. Соответственно, для процесса урегулирования также характерно применение смешанных стратегий управления конфликтом.

Таким образом, оценка потенциальных рисков служит регулятором деятельности страховщика по урегулированию убытка и управлению конфликтом, предполагает последующий выбор оптимальной стратегии с целью развития наиболее благоприятного для страховщика сценария. Однако упоминаемые процессы дополнительно опосредованы информационным и человеческим факторами. Соответственно, представляется значимым и актуальным исследование влияния данных аспектов на формирование стратегии страховщика.

### **Список литературы:**

1. Ефимов С.Л. Урегулирование убытков // Экономика и страхование: Энциклопедический словарь. М.: Церих-ПЭЛ, 1996. С. 478.
2. Кукина Е.Е. Урегулирование убытков — залог положительного финансового результата страховой компании // Российское предпринимательство. 2016. № 23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uregulirovanie-ubytkov-zalog-polozhitel'nogo-finansovogo-rezultata-strahovoy-kompanii> (дата обращения: 24.10.2019).
3. Thomas K.W., Kilmann R.H. The Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument. CPP Inc.: Mountain View, CA, USA, 1974.

## **Тимофеева Л.Н.**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы,  
Москва

### ***МАКРОКОНФЛИКТЫ СОЦИАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИКЕ: ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ***

## **Timofeeva L. N.**

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public  
Administration, Moscow

### ***MACRO-CONFLICTS OF SOCIALITY IN POLITICS: CHALLENGES AND SOLUTIONS***

В последнее время все чаще стали говорить о макроконфликтах социальности, которые в каждой стране имеют свои особенности, но связаны с общими тенденциями мирового процесса. Социальность рассматривается как совокупность экзистенциальных потребностей человека в удовлетворении им гражданских прав и прав на достойное социальное существование, обеспечение. Недовольство этих потребностей из-за дефектности и дисфункциональности современной демократии и кризиса социального государства вызывает конфликты по всему миру и требует серьезного осмысления.

В последние десятилетия в массовых протестах на планете участвуют миллионы. Только в 2019 г. массовые протесты по разным поводам — социальным и политическим — охватили Ливан, Ирак, Чили, Боливию, Эквадор, китайский Гонконг, Барселону, Лондон, Париж и т. д. Обеспокоенность социальным неравенством, бедностью, коррупцией, подавлением демократических прав и свобод, климатическими изменениями, недовольство политическими элитами, сепаратистские настроения из-за ущемления прав — основные причины. Почему это происходит?

Есть точка зрения, что современная демократия и социальное государство в свое время возникли как компромисс зарождающегося капитализма с народом. И нынешний финансиализированный капитализм сегодня расторгает этот компромисс. Более того, он перестал служить производству, созданию новых рабочих мест, а занялся выгодным для себя делом — спекуляцией, дающей ему прибыль, демократия же перестала быть уделом большинства, она обслуживает немногих, сохраняя преимущество для политической и корпоративной бизнес-элиты [1–4].

Вместе с тем исторически понятие современной демократии было тесно связано с возникновением социального государства. Ибо цель демократии — это правление народа ради его преуспеяния, в основе демократии лежит метод коллективного принятия решений равным воздействием участников на исход процесса или на его существенные стадии, а цель социального государства — перераспределение материальных благ ради достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, сглаживания социальных различий и помощи нуждающимся. Эволюцию социального государства можно проследить по нескольким периодам: первичное социальное государство со времен прусского (германского) опыта введения социального страхования; государство социальных услуг; государство социального благоденствия; социальное государство. Особый опыт принадлежит социалистической системе построения общественно-производственных отношений. Однако уже в конце XX в. социальное государство стало разрушаться.

После распада СССР в мире возобладала единая система глобального капитализма. Происходит ослабление регулирующих функций национальных государств и общественных структур (прежде всего профсоюзов) в пользу глобального рынка и ТНК. Демократические процедуры скорее используются для сохранения власть имущих в политике и экономике. На вопрос о том, что делать, есть различные ответы. Требуется политика по обузданию корпоративной элиты, возрастанию функций государственного контроля за ТНК, общественного контроля за властью, по изменению роли оппозиционных партий в парламенте и демократизации избирательных процедур. Есть идеи относительно построения нового социализма, нового ведущего класса информалиата и т. д. Все это требует глубокого и настоящего обсуждения.

### **Список литературы:**

1. *Деягин М.* Кризис человечества: выживет ли Россия в нерусской смуте? Владимир: АСТ Астрель, 2010.
2. *Капустин Б.Г.* Почему демократия перестает работать. Полит-экономический взгляд на современный мир // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pochemu-demokratiya-perestaet-rabotat> (дата обращения: 15.07.2019)
3. *Крауч К.* Постдемократия. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.

4. *Паренти М.* Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США / пер. с 7-го англ. изд. В. Горбатко. М.: Поколение, 2006. С.307, С.410.

**Титов В.Б.**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва

***ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ УПРАВЛЯЕМОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА***

**Titov V.B.**

Russian presidential Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation, Moscow

***USING THE METHODOLOGY OF DIFFERENTIAL PSYCHOPHYSIOLOGY TO STUDY THE MANAGEABILITY OF SOCIO-POLITICAL CONFLICT***

Методология социально-политического конфликта не получит дальнейшего развития, если мы не отойдем от устоявшейся парадигмы воспитания как формирования у человека требуемых качеств. В условиях демократии мы видим, что такой подход все чаще дает сбои. Поэтому уместно обратить внимание на А. Дистервега, который еще в первой половине XIX в. предлагал понимать воспитание как «шлифовку звеньев одной цепи, связывающей во едино все человечество». Но, несмотря на почтенный возраст, социометрический инструментарий данного направления психологизированной социологии остается прежним: социометрическая матрица, отображающая положение человека в группе, и социограмма — положение группы в коллективе. Главное средство воспитания — социометрическая процедура, заключается в приспособлении «внешней структуры» отношений в коллективе или группе к внутренним симпатиям и влечениям (внутренней структуре обучающихся).

Сегодня появилась возможность измерять в психофизиологическом эксперименте с использованием метода динамической электропунктурной диагностики «врожденную спонтанную социометрическую одаренность» (Дж. Морено) людей. Для этого,

с использованием теории интегративной медицины, изучается уровень коррелированности процессов функциональных систем организма членов коллектива. Согласно данной теории, биологически активные точки кожи человека образуют сеть, по которой способны распространяться электромагнитные колебания, отражающие эмоциональное единство между индивидуумами. В социометрии такой процесс единения обозначается понятием «теле». По представлениям Дж. Морено содержание теле составляют чувства, возникающие у индивида и с разной степенью интенсивности направленные на людей из непосредственного окружения.

Для системы управления социально-политическим конфликтом важным является то, что эффективность передачи теле (веса связи) от человека к человеку может меняться. Подобная модель используется в биологии и медицине для анализа нервной системы, когда изучаются контакты между нейронами — синапсы. В теории интегративной медицины в качестве аналога синапсов выступают биологически активные точки.

Важным для изучения управляемости социально-политического конфликта является то, что теле имеет не только проективный (исходящий от гражданина), но и репроективный (возвращающийся к гражданину) компонент. Очевидно, для повышения эффективности управления представляет интерес именно обратная задача: тождественность разработанных индивидуумами алгоритмов решения задачи адаптации в одной и той же социально-политической ситуации.

При решении обратной задачи в ходе констатирующего эксперимента используется близнецовый метод. Биологическая и социальная адаптация монозиготных близнецов изучается путем возбуждения их акупунктурных систем. Используется психофизиологический аппаратно-программный комплекс (Кривоконь В.И., Коломийцев А.И., Титов В.Б., патент России № 1675854). Результат эксперимента представляется в виде полипараметрического образа функционального состояния каждого из близнецов. Высокая степень подобия графиков позволяет предположить физиологическую и психологическую однородность социально-политического процесса и, соответственно, нулевой уровень конфликтности.

Возможность отнесения всего типологического многообразия граждан к двенадцати психофизиологическим группам доказана на основе дифференциально-психофизиологических исследований в рамках научной школы И. В. Боева. Принадлежность человека

к одной из групп характеризует его функциональное и психологическое состояния. Доказанная физиологическая обусловленность возникающей в коллективе психосоциальной напряженности позволяет, во-первых, говорить о возможности мониторинга всей совокупности сочтенных факторов социально-политического процесса на основе изучения биологической и социальной адаптации. Во-вторых, появляется возможность изучать социально-политический конфликт в реальном масштабе времени.

**Титова Л.Г.**

Ярославский университет им. П.Г. Демидова, Ярославль

***КОНФЛИКТЫ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИУМА:  
ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ УСТОЙЧИВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ***

**Titova L. G.**

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl

***CONFLICTS IN THE SPACE OF SOCIETY: THE PROBLEM  
OF CREATING A SUSTAINABLE SOCIAL ENVIRONMENT***

Пространство современного социума — среда углубляющихся противоречий и конфликтов, грозящих кризисами и нестабильностью развития в целом. Множество моделей описания причин социальной неустойчивости обусловлено сложностью социального пространства и многофакторностью причин, приводящих к разбалансировке действия социальных субъектов и институтов на уровне как отдельной территории, так и на всем протяжении социальных взаимодействий.

Социальное пространство — как реальное (конкретизирующееся как данная территория) и мыслимое (выраженное в слове, в концептуальных построениях, информационных сообщениях) многомерно и динамично, подвержено действию внутренних и внешних, объективных и субъективных факторов. Как вещная реальность — социальное пространство представляет собой систему институтов, связей и отношений на определенной территории, действия которых создают ресурс развития социума, насыщают его энергетикой действующих людей, создают импульс продвижения в будущее. В мыслимом пространстве создается образ (имидж) территории (региона, села, города), представления о путях и перспективах

развития, формируются исследовательские программы и модели социально-экономического и социально-политического развития.

Идентичность социального пространства складывается в течение длительного времени как специфическая историко-культурная система, Столкновение различных целей, интересов, представлений, мировоззренческих позиций идеологий субъектов, участвующих в социальных процессах субъектов, неизменно придают им противоречивый и конфликтный характер, на каждом этапе развития создавая угрозу дестабилизации, кризиса и разрушения системы. В вещном пространстве этому предшествуют материальные, финансовые, кадровые потери, сокращение профессиональных трудовых ресурсов, свертывание производства, сокращение медицинских и образовательных учреждений, Мыслимое пространство искажается недостоверной информацией, созданием символических ресурсов, способствующих продвижению утопических, радикальных или экстремистских идей или теорий.

Сами по себе социальные, политические или экономические противоречия закладывают основы социальных конфликтов. Для их реализации необходимо создание таких ситуаций, в которых начинается рассогласование внутри коалиций, созданных ранее для решения каких-либо проблем, десинхронизация взаимодействий, увеличение требований к системе со стороны социума и отказ в выполнении этих требований со стороны государственных структур по объективным (недостаток ресурсов) и субъективным причинам (низкий уровень государственного мышления политиков, влияние лидеров мнений в лице олигархов, преследующих свои интересы, внешние влияния — ограничение ресурсов санкциями со стороны ведущих государств). Такие процессы имеют место как в условиях стагнации, так и в начале модернизационного пути. В первом случае неустойчивость социального развития существует как перспектива в ходе накопления неразрешенных противоречий и взрыва в виде переворота в существующих отношениях (смена режима власти, системы управления). В процессах модернизации главное противоречие между старым и новым — традицией и инновацией — вызывает острую борьбу в обществе между агентами модернизационной мобилизации, консервативными структурами и субъектами, олицетворяющими уходящую систему. Эта борьба разворачивается на всех уровнях социального пространства, принимая на начальных этапах перехода криминальный характер, когда для достижения своих целей обе стороны конфликта

используют любые цели. Формирование нового социального пространства осуществляется в острой борьбе за умы людей, именно в этот период особенно активизируются агенты мобилизации в мыслимом пространстве, начиная с образовательной системы и кончая информационной. Немаловажное значение в этот период имеют распространяющиеся слухи, мифы, мистики.

Формирование устойчивого социального пространства — задача взаимного действия государственных и гражданских структур общества.

### **Федорин С.Э.**

Российский государственный педагогический университет  
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

#### ***О ПРЕДМЕТЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЛОСОФИЯ КОНФЛИКТА»***

### **Fedorin S.E.**

Herzen University, St Petersburg

#### ***ABOUT THE SUBJECT OF THE DISCIPLINE “PHILOSOPHY OF CONFLICT”***

Преподавание дисциплины «Философия конфликта» с самого начала предусматривалось государственными стандартами по направлению «Конфликтология». С тех пор создано несколько учебных пособий. Они подходят к делу преимущественно историко-философски. Можно согласиться с целесообразностью такого построения дисциплины, однако следует поставить вопрос о возможности собственно теоретического рассмотрения. В этом плане следует предположить существование ряда фундаментальных проблем, касающихся сущности конфликта, которые дают себя знать во множестве философских учений. С нашей точки зрения, можно выделить по крайней мере две таких проблемы. В рамках каждой из них имеет место принципиальное расхождение (оппозиция) точек зрения по вопросу сущности конфликта.

Прежде всего выделим проблему, которую условно обозначим как «горизонтальность / вертикальность конфликта». *Первая* из имеющихся тут позиций трактует конфликт как то, что имеет место между вполне независимыми акторами, которые различно заинтересованы в решении некоторого важного для каждого из них вопроса.



Характерный случай — соперничество по поводу обладания некоторым предметом («ресурсом»), каковым может быть материальная вещь, влияние, чье-то расположение и т. п. Сторонами конфликта могут быть индивиды или самые различные группы. Акторы тут — элементы некоей социальной системы: семьи, фирмы, страны, международного сообщества и т. п. Конфликты между ними могут возникать и прекращаться, но само ее существование не предполагает с необходимостью конфликт каких-то определенных ее элементов. Скажем, могут вступать в войну те или иные страны, но они же могут заключить мир и стать надежными союзниками. В качестве примера тут выступают концепции антагонизма у Канта, «столкновения цивилизаций» Хантингтона, расовые доктрины и др.

*Вторая* позиция оппозиции предлагает в корне отличное видение конфликта как необходимо имеющего место внутри некоей системы. Система предполагает самой своей структурой перманентный конфликт между определенными своими подсистемами. Притом преимущественно дело идет о структурных уровнях, находящихся в отношениях иерархии господства и подчинения. Можно говорить, что конфликт имеет «вертикальное» измерение. Вариации такого понимания конфликта находим уже в платоновском «Горгии». Затем — в учении Руссо о неравенстве, далее — у Маркса, Ницше, Валлерстайна, Гальтунга, геополитиков типа Маккиндера.

Еще одна кардинальная проблема касается оценки конфликта с точки зрения его конструктивного и/или деструктивного влияния на общественные процессы. *Первая* позиция состоит в том, что конфликт способен нести конструктивную функцию, «конфликты могут иметь важное позитивное влияние при формировании социальной структуры» [1, с. 77]. Особо важно, что конфликтность в широком ее понимании полезна не только для стабилизации системы, но и для стимулирования прогрессивного развития, в связи с чем подчеркивается огромная творческая роль конкуренции. Однако напряженность в отношениях между субъектами полезна при условии, что действуют некие общие правила поведения («честная конкуренция»). Кант выразил это, говоря о правовом гражданском обществе как о сочетании свободы и принуждения.

*Противоположная* точка зрения не оспаривает утверждений первой как таковых. Однако суть ее в том, что наиболее существенны «нелегитимные» конфликты, которые не могут быть поставлены «на службу» системе, не укрепляют, но разрушают ее. Эти конфликты также способствуют развитию. Однако это не развитие

данной системы, но развитие за счет этой системы: посредством ее упразднения и замены на новую. В истории философской мысли признание главенствующей роли нелегитимных конфликтов («войн») вместо упорядоченной конкуренции находим у Гераклита, софистов, Платона. Неотвратимость падения любых порядков в диалектическом процессе отрицания утверждал Гегель, а неизбежность насилия — Маркс или Кожев.

### **Список литературы:**

1. *Черепанова Е.С.* Философия конфликта. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2016.

### **Фейгин А.В.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

### ***КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ЭКСТРЕМИЗМА***

### **Feygin A.V.**

St Petersburg state University, St Petersburg

### ***CONFLICTOLOGICAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF EXTREMISM***

Рассматривая экстремизм как форму проявления конфликта, необходимо обозначить ряд его структурных и содержательных элементов. Таким образом, анализ должен включать в себя определение субъектов конфликтного взаимодействия, возможных объектов агрессии экстремистских движений, а также отношения к тому или иному движению со стороны государства; исследование состава и интересов экстремистских движений, их ценностей и идеологий, характера и степени их радикальности, роли конфликта для достижения целей. Кроме того, подобный анализ позволяет обозначить несколько типов экстремизма, которые будут отличаться друг от друга по некоторым из обозначенных элементов.

Важно обратить внимание на то, что тип экстремизма оказывает значительное влияние на структуру конфликта. Так, экстремистские движения, нацеленные на изменение системы, будут вступать в конфронтацию с государством, соответственно противоборствующих субъектов будет два. В то же время если движение обращено против определенной аутгруппы, конфликт будет состоять из

взаимодействия трех субъектов. Государство, что вполне ожидаемо, крайне негативно настроено по отношению к движениям, объектом агрессии которых является система. Однако вражда между группами при определенных обстоятельствах может быть ему даже выгодна. В свою очередь, группа, воспринимающая себя как жертву, также может обладать некоторой заинтересованностью в сохранении данного статуса, поскольку он способен обеспечивать безопасность и нередко используется для лоббирования собственных интересов.

Согласно Ш. Шварцу, можно обозначить ряд ценностей, которые являются базовыми и могут быть разделены на четыре попарно взаимоисключающие группы [1]. Исходя из этого, можно заключить, что состав движений, равно как и их ценностные ориентации, могут значительно различаться. Ценности играют важную роль, поскольку они лежат в основе идеологии и вместе с ней являются важной детерминантой поведения индивидов. В то же время стоит отметить, что идеология не обязательно является продуктом ценностей, но и сама может создавать их.

Степень радикальности различных экстремистских движений также не является одинаковой. Экстремистские группы всегда используют радикальные методы для достижения поставленных целей, однако, в то время как цели одних по крайней мере теоретически могут быть достигнуты, другие стремятся к результату, даже теоретически вряд ли достижимому в действительности, а для некоторых групп конфликт и вовсе может быть не столько средством, сколько непосредственно целью. Перспектива проведения переговоров с экстремистской группой складывается из оценки притязаний данной группы, а также из оценки политической ситуации в целом.

Статистические данные указывают на то, что больше других к экстремизму склонны люди до 30 лет [2], чему может способствовать маргинальное и неопределенное положение молодежи, ее ненадежное финансовое состояние, предрасположенность мыслить в «крайних» категориях, обостренная потребность в принадлежности к группе и т. д.

М. Липсет также отмечает, что к радикальным взглядам больше тяготеют представители рабочего класса, которые являются более авторитарными, нежели представители среднего и высшего классов, в вопросах, не касающихся распределения ресурсов. По всей видимости, это замечание в первую очередь будет иметь отношение к экстремизму, связанному с чувством враждебности к аут-группе.

В свою очередь, дестабилизация политической ситуации скорее является прерогативой среднего класса, который испытывает серьезную фрустрацию из-за разрыва между собственным положением и высшим классом. Представители среднего класса нуждаются не столько в материальных ресурсах, сколько в ощущении значимости собственного статуса и признании своих прав. Недовольство среднего класса, который, как правило, включает в себя большинство граждан, приводит к поляризации общества и становится двигателем перемен.

### **Список литературы:**

1. *Schwartz, S. H.* An overview of the Schwartz Theory of Basic Values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. No. 2(1). URL: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116> (дата обращения: 04.10.2017).
2. Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 04.10.2017).

### **Храмова Е.В.**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

### **МЕТОДОЛОГИЯ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО АУДИТА В ИССЛЕДОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ\***

### **Khramova E.V.**

Kazan Federal University, Kazan

### **CONFLICTOLOGY AUDIT METHODOLOGY IN RESEARCH OF TECHNOLOGIES OF INFLUENCE ON IDEOLOGICAL YOUTH EXTREMISM**

В понимании явления экстремизма авторы представляемого исследования находятся в рамках конфликтной концепции. Согласно ей экстремизм — это способ конфликтного действия,

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31376 «Конфликтологический аудит как система технологий воздействия на идеологический молодежный экстремизм в современной России».

характеризующегося крайними формами насилия, пренебрежением существующими в данном обществе формальными и неформальными стереотипами конфликтного поведения, отрицанием компромиссных моделей выхода из конфликта.

Основным концептом, лежащим в основе методики исследования, является конфликтологический аудит. Конфликтологический аудит — оценка состояния социального субъекта, способного влиять на процессы управления конфликтом как внутри него, так и между ним и иными социальными субъектами.

Конфликтологический аудит проводится с целью отлаживания механизма управления социальным конфликтом, в котором задействован оцениваемый субъект.

Результатом аудита могут стать:

1. Вердикт об отсутствии / не участии субъекта в (предполагаемом) социальном конфликте. Подразумевает отчет о проделанной аудиторской работе, включающий обоснование отсутствия социального конфликта, в который предположительно включался оцениваемый субъект;

2. Аналитическая записка, содержащая рекомендации по управлению конфликтом, в котором задействован оцениваемый субъект.

Аналитическая записка подразумевает продолжение взаимодействия аудиторской группы с заказчиком конфликтологической оценки в целях разработки стратегии / дорожной карты / тактических мероприятий по управлению конфликтом, в котором задействован субъект аудита.

Специфика конфликтологического аудита:

— аудит заключается в сборе, анализе и оценке информации об эффективности деятельности конкретного субъекта;

— цель аудита представляет собой выявление соответствия действий относительно показателей, установленных критериями;

— результаты аудита предоставляются заинтересованным пользователям с целью удовлетворения их информационных потребностей. Заинтересованными пользователями могут выступать собственники и руководители коммерческих организаций, которые заинтересованы в улучшении качества деятельности, минимизации рисков, за счет повышения компетенций сотрудников организации.

Методологически конфликтологический аудит в рамках проводимого грантового исследования представляет собой систему

технологий выявления и воздействия на деструктивную активность молодежи.

Методология конфликтологического аудита базируется на критериальности оценки, которая складывается из двух составляющих:

- маркерная составляющая;
- критериальная (в числовом выражении) составляющая.

Технология использования первой заключается в поиске и фиксации маркеров, обозначающих наличие того или иного явления. В нашем случае это идеологический молодежный экстремизм.

В число маркеров здесь входят:

- дерационализирующее влияние идеологического молодежного экстремизма на осознание неудовлетворенности социальным положением;
- манифестирование требований;
- стратегии участия в протестных движениях;
- доминирование «идеологического бессознательного» (квази-идеологий);
- наличие негативной модели идентичности (например, чрезмерной идентификации с носителями той или иной радикальной идеологии);
- несформированность политических установок;
- отсутствие выработанных моделей политического участия;
- отсутствие опыта политического участия с использованием традиционных форм;
- нереалистический конфликт:
  - неудовлетворение определенных требований участников,
  - несправедливое распределение между участниками конфликта каких-либо преимуществ,
  - субъективность оценки (эмоциональность при отсутствии аргументации);
- «смещенные» и «неверно приписанные» конфликты:
  - приписывание причин конфликта не тем сторонам (осознанное),
  - косвенная связь воспринимаемых причин с базовыми причинами конфликта.

Технология использования маркеров как единиц анализа, носит семантическую окраску. С помощью их определяется, во-первых, наличие / отсутствие элементов проявления идеологического молодежного экстремизма; во-вторых, дается описательная картина,

насколько глубоко выявленный маркер входит в систему ценностей исследуемого субъекта.

Критериальная (числовая) составляющая выявляется с использованием метода семантического дифференциала. Применяется в экспертных оценках, в процессе проведения глубинных интервью или фокус-групповых опросов по проблеме.

### **Черномаз П.А.**

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Харьков

#### ***ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД КАК ОСНОВА ПОНИМАНИЯ ПРИЧИН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ***

### **Chernomaz P.A.**

V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv

#### ***CIVILIZATIONAL APPROACH AS A BASIS FOR UNDERSTANDING THE CAUSES OF INTERNATIONAL CONFLICTS***

Большинство современных международных конфликтов происходит в результате противостояния между разными наднациональными суперсистемами, которые в научной литературе получили название цивилизаций.

Впервые понятие о социальных суперсистемах как основных субъектах исторического процесса обосновал русский философ и публицист Николай Данилевский в своем труде «Россия и Европа» (1869), дав им название «культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации». Он сформулировал закон: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа» [4, с. 113]. Вслед за ним социальные суперсистемы, именуемые разными терминами, исследовали Освальд Шпенглер («высокоразвитые культуры»), Арнольд Тойнби и Сэмюэл Хантингтон («цивилизации»), Питирим Сорокин («культурные суперсистемы»), Лев Гумилев («суперэтноты») и ряд других ученых.

Обобщая видение предыдущих исследователей, под **цивилизацией** принято понимать исторически сложившуюся наднациональную морально-религиозную, социокультурную и общественно-политическую суперсистему, отличающуюся уникальным способом общественного воспроизводства, базирующимся на принимаемых



на веру основополагающих установках (ценностях и нормах) и соответствующем им стереотипе поведения.

Ядро цивилизации составляет **тип верования** — принимаемые на веру установки, регулирующие внутреннюю и внешнюю жизнь человека (основы мировоззрения, иерархия ценностей, представление о добре и зле, о возможном и невозможном, правила поведения, регламентация семейных и общественных отношений, критерии приличного и неприличного). Тип верования определяет особенности культуры, которая становится базисом общественного развития, в том числе и экономики [6].

Британский историк А. Тойнби в своем 12-томном труде «Постижение истории» (1934–1961) рассмотрел мировую историю как систему цивилизаций, проходящих одинаковые фазы развития от рождения до гибели и составляющих ветви «единого дерева истории». Он связал развитие цивилизаций с необходимостью преодоления ими насущных проблем, сформулировав **закон вызова и ответа** [7]. В соответствии с ним историческая ситуация или природные факторы ставят перед обществом проблему («вызов»), а дальнейшее развитие общества определяется с выбором варианта решения («ответом»). А. Тойнби утверждал, что благоприятные условия дают слабый стимул, поэтому не способствуют зарождению и развитию цивилизации. Однако крайне суровый вызов становится чрезмерным и неэффективным стимулом. Так, византийская православная цивилизация не смогла противостоять натиску «крестоносцев» и турок, поэтому исчезла под их ударами. Русская православная цивилизация, получив вызов в виде постоянного внешнего давления (кочевые орды, татаро-монгольское нашествие, вторжение поляков, нападение Наполеона и нацистской Германии), сумела выстоять, дав достойный ответ на этот вызов.

Русским историком и географом Л. Гумилевым в работе «Этногенез и биосфера Земли» (1979) была предложена одна из теорий этногенеза (возникновения и развития народов), названная пассионарной. В ней он привел доказательства того, что существуют **суперэтнотсы** как группы этносов, «одновременно возникших в определенном регионе, взаимосвязанных экономическим, идеологическим и политическим общением, что отнюдь не исключает военных столкновений между ними» [2]. Каждый суперэтнос самобытен и не может перенять признаки другого. Однако «остается возможным отрыв отдельных этносов и присоединение их к другому суперэтнотсу» [3, 182]. В суперэтнотс могут объединяться народы



разного этнического происхождения, принявшие определенную «систему ценностей» и соответствующий ей «стереотип поведения», что свидетельствует о тождественности этого понятия термину цивилизация. Кстати, нами показано, что пассионарная теория этногенеза хорошо отражает сущность и причины нынешнего украинско-российского конфликта [9].

Американский политолог С. Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций» (1996) изложил **концепцию «столкновения цивилизаций»**, описывающую динамику международных отношений сквозь призму цивилизационных конфликтов. По его мнению: «...столкновения цивилизаций являются наибольшей угрозой миру во всем мире, и международный порядок, основанный на цивилизациях, является самым надежным средством предупреждения мировой войны». При этом «наиболее потенциально опасная вражда всегда возникает вдоль «линий разлома» между основными мировыми цивилизациями» [8]. Рассматривая Украину, находящуюся на линии разлома православной и западной цивилизаций, С. Хантингтон привел важное высказывание Джона Моррисона: «...российско-украинские отношения значат для Восточной Европы то же самое, что франко-немецкие для Западной. Точно так же, как последние две страны образуют ядро Европейского Союза, первые две являются стержнем, необходимым для единства православного мира» [8]. Следовательно, в русле логики цивилизационного подхода подписанное 22 января 2019 г. президентами Германии и Франции Аахенское соглашение об углублении немецко-французского сотрудничества [1] призвано консолидировать западную цивилизацию в ответ на существующие вызовы — выход из ЕС Великобритании и растущий евроскептицизм, а отсоединение Украины от России с помощью Соглашения об ассоциации с ЕС в 2014 г. является вызовом для православной цивилизации, а именно попыткой разрушить ее единство.

Цивилизационный подход применим для понимания причин нынешней геополитической обстановки в мире. Сегодня наблюдается конфликт исламской цивилизации с западной и православной цивилизациями, ярко выразившийся в вооруженной борьбе с «Исламским государством». Кроме того, нарастает противостояние между западной и православной, западной и китайской цивилизациями. Это подтверждают слова Президента США Д. Трампа, сказанные в Конгрессе США 30 января 2018 г. во время доклада «О положении страны», когда он открыто заявил, что Россия и Китай

являются «соперниками» США, «бросающими вызов ее интересам, ее экономике и ее ценностям» [5]. В последнее время это противостояние усиливается в экономической сфере в результате введения санкций со стороны ЕС и США по отношению к России и развязывания США торговой войны с Китаем в виде наложения дополнительных ввозных пошлин на товары.

**Выводы.** Человечество не однородно, а мозаично, оно состоит из разных народов (этносов), возникших и локализованных в определенных регионах их идеологически, политически и экономически взаимосвязанных групп в виде социокультурных суперсистем — цивилизаций. Цивилизационные различия становятся первопричиной многих международных конфликтов, что важно учитывать при их изучении. Решение глобальной проблемы, связанной со столкновением существующих цивилизаций, требует многостороннего дипломатического подхода, основанного на уважении ценностей каждой цивилизации, терпимости и стремлении к продуктивному взаимодействию ради мирного будущего всего человечества. Конец межцивилизационным конфликтам может быть положен только тогда, когда человечество сможет изменить взгляд на мир, то есть увидит его как взаимодополняющую мозаику различных цивилизаций, каждая из которых имеет собственные ценности. Представители одной цивилизации должны быть терпимыми к ценностям других цивилизаций, пытаться познать другие цивилизации и принять их ценности, а не навязывать собственные ценности другим.

### Список литературы:

1. Гулевич В. Аахенское соглашение Германии и Франции [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/02/05/aahenskoe-soglashenie-germanii-i-francii-47552.html> (дата обращения: 07.05.2019).
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/ЕВЕ/index.html> (дата обращения: 07.05.2019).
3. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экопрос, 1993. 575 с.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: 2-е изд. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.
5. Дональд Трамп выступил с докладом «О положении страны» [Электронный ресурс] // Веб-сайт «Радио Свобода». URL:

<https://www.svoboda.org/a/trump-state-of-the-union/29008800.html> (дата обращения: 07.05.2019).

6. *Компанієць В.В.* Управління розвитком соціально-економічних систем у духовно-моральному та соціокультурному вимірі: моногр. Харківков: УкрДАЗТ, 2011.Ч. I. 305 с.
7. *Тойнби А., Хантингтон С.* Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации: пер. с англ. URL: <https://librusec.pro/b/587744/read> (дата обращения: 07.05.2019).
8. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций: пер. с англ. [Электронный ресурс]. URL: <https://librusec.pro/b/79038/read> (дата обращения: 29.04.2019).
9. *Черномаз П.А.* Пассионарная теория этногенеза — духовная основа украинско-российских отношений [Электронный ресурс] // Международный научный вестник (Вестник Объединения православных ученых). 2016. № 2 (10). С. 7–10. URL: [http://ortsci.ru/files/OPU\\_10\\_2016web.pdf](http://ortsci.ru/files/OPU_10_2016web.pdf) (дата обращения: 07.05.2019).

### **Черняк Т.В.**

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС  
при Президенте Российской Федерации, Красноярск

### **КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В СИТУАЦИИ ОБВИНЕНИЯ В РАЗЖИГАНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ РОЗНИ**

### **Chernyak T.V.**

Siberian Institute of Management — Branch of the RANEPА under the President  
of the Russian Federation, Krasnoyarsk

### **CONFLICT EXAMINATION IN SITUATION CHARGES OF INCITING ETHNIC HATRED**

Проблема экстремизма является одной из самых жизненно важных и серьезных проблем современности, и борьба с экстремизмом — актуальная задача современного общества. Автор статьи проводила конфликтологическую экспертизу в 2006 г. по уголовному делу Сата В.А. (ч.1 ст.282 УК РФ) и Кудирмекова В.Д. (п. «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ) в Республике Алтай (далее РА). Главный редактор частной газеты «Улалу» Кудирмеков В.Д. и один из активных авторов газеты пенсионер Сат В.А. обвинялись в «разжигании межнациональной розни». Но свою вину они не признали и потребовали

проведения повторной лингвистической экспертизы своих публикаций учеными вузов Томска, а потом и Новосибирска. Конфликт длился с 2000 г., и к 2006 г. уже были созданы правовые основы противодействия экстремизму: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», гл. 1 и 2 Конституции РФ, Уголовный кодекс РФ ст. 282, 282.1, 282.2, что предусматривало уголовную ответственность за публичные призывы к экстремистской деятельности, возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства, организацию экстремистского сообщества. Но анализ теоретических источников по проблеме экстремизма и лингвистической экспертизы говорит о том, что: 1) до сих пор правоведы не имеют единого мнения о содержании понятия «экстремизм»; 2) многие авторы настаивают на комплексном анализе ситуации экстремизма, не только с решающих позиций права, но и с привлечением экспертов — психологов, социологов, конфликтологов в сфере межэтнических отношений [2; 3; 6].

Количественный и качественный контент-анализ текстов авторов выявил, что данные статьи поднимали типичные для полиэтнических регионов России проблемы (Сат В.А.: изучение алтайского языка и национального самоопределения населения в РА; Кудирмеков В.Д.: решение кадровых вопросов и кадровой политики в РА). Это были не этнические, а культурно-языковые проблемы — защита родного языка и национальной культуры и статусные — повышение статуса и увеличение объема реальных прав и полномочий этносов. И в общем контексте содержания статей были допустимы некоторые полемические приемы, концентрирующие внимание читателя на поднимаемых проблемах. Задачей эксперта было найти ответы на вопросы: 1. Выражают ли использованные в статьях авторов словесные средства унижительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки и негативные установки в отношении какой-либо этнической, расовой, религиозной, социальной группы или отдельных лиц как ее представителей? 2. Содержится ли в данных статьях информация, побуждающая к действиям против какой-либо нации, расы, религии, социальной группы или отдельных лиц как ее представителей? Контент-анализ дал отрицательные ответы на оба вопроса. Социологический анализ анкет граждан РА, опрошенных свидетелями-потерпевшими показал, что именно и только в малочисленной группе свидетелей-потерпевших, а не рядовых читателей было

выявлено негативное восприятие материалов статей, в том числе и к этнической группе (а именно к русским), что и привело к их обращению в суд. Это позволило отрицательно ответить и на два следующих вопроса: 3) содержатся ли в данных статьях информация, побуждающая к действиям против какой-либо нации, расы, религии, социальной группы или отдельных лиц как ее представителей? 4) способны ли данные статьи вызвать у читателя чувство ненависти либо вражды в отношении какой-либо нации, расы, религии, социальной группы или отдельных лиц как ее представителей? Таким образом, опыт показал, что комплексный подход обеспечивает большую объективность при принятии решения по столь сложной проблеме [1; 4; 5; 7–9; 11], поскольку на основании результатов лингвистической и конфликтологической экспертизы дело в отношении обвиняемых было прекращено.

### Список литературы:

1. Авсентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 1996. № 12.
2. Ворошилова М.Б., Каранетян А.А. К определению круга вопросов судебной лингвистической экспертизы по делам о преступлениях экстремистской направленности // Научный ежегодник Ин-та философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С.495–505.
3. Галяшина Е.И., Никишин В. Д. Судебная лингвистическая экспертиза материалов экстремистско-террористической направленности: квалификация и компетенции судебного эксперта-речевода // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89). С.130–139.
4. Глухова А. В. Типология политических конфликтов. Воронеж, 2001.
5. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1996.
6. Клюковская И.Н., Майборода Э.Т. Проведение комплексной экспертизы материалов экстремистской направленности // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 197–200.
7. Козырев Г.И. Введение в конфликтологию. М.: ВЛАДОС, 2001.
8. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. М.: Аспект Пресс, 1997.
9. Мацнев А.А. Этнополитические конфликты: природа, типология и пути урегулирования // Социально-политический журнал. 1996. № 4.

10. Черняк Т.В. Технологии разрешения конфликтов. Новосибирск: СибАГС, 2002. С. 132–141
11. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. М.: Добросвет, 1998. С. 212–228.

**Шакиров С. Е.**

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан

***СУД БИЕВ КАК ИНСТИТУТ ПОСРЕДНИЧЕСТВА  
В КУЛЬТУРЕ КАЗАХСКОГО НАРОДА***

**Shakirov S. E.**

The Eurasian National University of. L.N. Gumilyov, Nur-Sultan, Kazakhstan

***THE COURT OF BIYS AS A MEDIATION INSTITUTION  
IN THE KAZAKH CULTURE.***

С древних времен жизнь кочевников определялась казахским обычным правом, которое тесно связано с нормами патриархальной клановой системой.

Древний закон, возникший в кочевом мире, господствовал в степях в устной форме. Экспертами этого закона являлись бии, руководившие самостоятельно всей судебной системой, зависевшей, в свою очередь, от исторического развития общества, особенностей природно-географической среды и других факторов. Суду биев удалось приобрести качества, которые оказались благоприятными и для номадов, и позже для казахов -- прозрачность, открытость и демократия. Обладая чертами, схожими с подобными чертами правовых систем в центрально-азиатском регионе, тем не менее он имел и ряд особенностей. Наиболее важной особенностью этого суда являлось то, что кочевники верили в обоснованность решения.

Устная форма казахского законодательства существовала достаточно долго, так что биям выпало быть и блюстителями, и толкователями.

С исторической точки зрения основной функцией судей является регулирование межродовых отношений и балансировка между ханской властью и народом [1]. Грамотное решение судебных разбирательств, умение использовать цитаты и пословицы могли помочь получить статус бия. Однако данный статус могли получить

лишь выходцы из этой социальной группы, он передавался от отца к ребенку [2].

Народ уважал тех биев, которые знали, как избежать конфликта, как разрешить спор мирным путем.

Переломный момент в истории Казахстана происходит в XVIII–XIX вв., когда законы хана Тауке содействовали гармонизации межклановых отношений, что способствовало стабильности общества. Сложный процесс освоения казахских земель Российской империей начался в 30-е годы XVIII в. В XIX в. российское правительство начало реформировать административно-политическую структуру казахского общества путем реорганизаций.

Российское право и традиционная судебная площадка в Казахстане столкнулись с трудностями сосуществования.

Во второй половине XIX в. был введен чрезвычайный съезд биев, послуживший смене традиционного права и трансформации правосознания казахского народа. Местная власть была передана губернаторам уездов, которые стали законными органами (в нарушение традиционного юридического консенсуса) в форме прецедентов новых правил, называемых казахами «ереже» [3, с. 14].

Реформы 1867–1868 гг. сохранили суды биев как низшую инстанцию, функции которой были существенно сокращены путем ограничения рассматриваемых преступлений. Практика вмешательства административных органов в судебный процесс привела к неспособности решать данных судебных органов на таком уровне.

В конце XIX в. официально распространялись идеи о возвращении традиционных рычагов судам биев путем ослабления законодательного регулирования, однако это было невозможно. Суд биев окончательно утратил свое значение и репутацию среди казахского народа.

Одним из современных институтов является возрождаемый совет старейшин (аксакалов). Тем не менее это не является аналогией суда биев. С одной стороны, это связано с тем, что сегодняшние советы наследуют некоторые черты традиционных социальных институтов и общественного правосудия, а с другой стороны, они не выполняют своих судебных функций.

Реформы изменили суд биев, но он не потерял своей актуальности и в советский период, и на современном этапе.

Перед казахстанской наукой должны быть поставлены задачи проведения сопоставительного анализа между судом биев



и медиаторством, с целью выработки рекомендаций для использования позитивного опыта института посредничества в настоящее время.

### **Список литературы:**

1. Оразбаева А.И. Қазаққоғамындағыбилер институты: тарихи-бастаулары, орныжәне рөлі (XVIII). Алматы, 1998.
2. Казахстанский центр медиации [электронный ресурс]. URL: <http://kazmediation.kz/mediation-in-the-world-and-kazakhstan/95-institute-of-fundamental-biy-in-kazakh-society.html> (дата обращения 11.07.2014).
3. Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен / сост., автор вступ. статьи, коммент. и глосс. А.А. Никишенков; под ред. Ю.И. Семенова. М.: Старый Сад, 2000.

### **Шевелева Д.А.**

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,  
Санкт-Петербург

### ***СТОЛКНОВЕНИЕ С ДРУГИМ КАК ИСТОЧНИК КОНФЛИКТА В АСПЕКТЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ\****

### **Sheveleva D.A.**

St Petersburg University of Humanities and Social Sciences,  
St Petersburg

### ***COLLISION WITH OTHER AS THE SOURCE OF CONFLICT IN THE ASPECT OF THE COEXISTENCE OF WESTERN AND EASTERN CIVILIZATIONS***

Современные исследователи уделяют достаточное внимание диалогу западной и восточной цивилизаций, особенно в свете тех теоретических недосказанностей и нерешенных проблем, которые продолжают определять социально-гуманитарный дискурс. В частности, нет решения проблемы самой необходимости межкультурного диалога, нет решения того, как можно разумно

\* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-511-00015 Бел\_а «Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации и диалога культур».



сгладить углы при неэффективном и травматичном межкультурном взаимодействии. Возникающие теоретические вопросы рассматриваются по большей части с позиций социологических или политических.

Тем не менее необходимо отметить рассмотрение столкновения с Другим в этом аспекте. Множество работ посвящены как частным проблемам, так и общетеоретическим вопросам, однако традиционно Другим занимается скорее философская традиция.

Междисциплинарный анализ позволит увидеть с другой позиции проблемы столкновения с Другим, оставаясь в русле конфликтологического знания. Мы бы хотели рассмотреть две основные.

Первая: само понятие Другого для конфликтологии — не первичной важности, что значительно сужает дискурс, связанный с пониманием межкультурного диалога и появлением возможных конфликтогенов в процессе взаимодействия западной и восточной цивилизаций.

Современные исследования, например, акцентируют внимание на конкретных трудностях, с которыми сталкиваются западная и восточная цивилизация в процессе вынужденного, определенно-го экономикой и политикой сосуществования. Например, М. Корстанье в своей работе «Терроризм, туризм и исход западного гостеприимства» [1; р. 92–96] выводит современный терроризм, в том числе из стремления к нивелированию культурных различий между государствами, государственными строями и обществами.

Вторая проблема заключается в том, что Другой существует в качестве безликого концепта, то есть в ситуации реального конфликтного (да и любого другого) взаимодействия с реальными людьми теоретические выкладки перестают действовать.

В качестве первой иллюстрации второй проблемы можно привести две диаметрально противоположные книги, как по времени написания, так и по идее: одиозный «Ориентализм» Э. Саида [2] и не менее одиозная «Германия. Самоликвидация» Т. Саррацина [3]. Обе работы вызвали оживленную реакцию в обществе, спровоцировали целый ряд откликов и исследований, однако ни та, ни другая не вскрывают многосложность процессов, происходящих в обществе. Притом, что в обеих проводится глубокий анализ конкретных явлений, проходящих в обществе и гуманитарном дискурсе, этот анализ не затрагивает общего вопроса, касающегося в целом возможности и необходимости существования бесконтактного взаимодействия. Саррацин не хочет это затрагивать,

так как настроен глубоко пессимистически в отношении будущего Германии в свете принятия лояльных к мигрантам законов. Его вполне закономерно упрекают в страхе потери власти и престижа: никакой *политической* объективности [4; с. 158]. Саид также не хочет заниматься этим вопросом, поскольку для него любое западное исследование является заведомо политически направленной репрезентацией [2, с. 313]: никакой *теоретической* объективности.

Вторая иллюстрация — работа «Доверие — основа общества» Петра Штомпки [5], в которой до крайности доведена мысль о взаимодействии с Другим в условиях современной «текущей современности» (по З. Бауману [6]). Штомпка настаивает, в некоторой степени с известной долей иронии, на том, что любое столкновение с внешним миром должно зиждиться на принятии конкретного Другого и доверии к нему. При этом он оговаривается, что современная глобализация для такого доверия губительна [5, с. 415 и далее]. Однако же даже если мы согласимся с его тезисом относительно социологического значения доверия в западном обществе (с оговорками), мы не можем говорить о современном обществе без упоминания социально-политических процессов, которые подталкивают нас напрямую к вопросу о сосуществовании западной и восточной цивилизаций. Другой опять ускользает из сферы нашего понимания, хотя Штомпка и делает акцент именно на том, что общество не в состоянии функционировать без доверия к Другому.

Таким образом, промежуточный вывод, который можно было бы сделать, гласит, что проблемное поле понимания Другого и его роль в качестве конфликтогенного фактора в процессе межкультурной коммуникации значительно расширяется с каждым новым исследованием, однако конфликт с Другим понимается либо с позиций отсутствия решения частных проблем, либо с точки зрения теоретико-дисциплинарных отвлеченных исследований.

### **Список литературы:**

1. *Korstanje M.E.* Terrorism, Tourism and the End of Hospitality in the 'West'. Basingstoke, United Kingdom and New York, United States: Palgrave-Macmillan, 2016.
2. *Саид Э.В.* Ориентализм / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. 637 с.
3. *Саррацин Т.* Германия. Самоликвидация / пер. с нем. Т.А. Набатниковой. М.: Рид Групп, 2012. 400 с.

4. Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности / пер. с англ. А.И. Самаринной. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. 368 с.
5. Штомпка П. Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012. 440 с.
6. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008, 240 с.

**Шевченко А.В.**

Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва

***ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО НЕДОВЕРИЯ,  
ИЛИ БЛЕСК И НИЩЕТА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА***

**Shevchenko A.V.**

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

***THE VERBALIZATION OF GLOBAL MISTRUST,  
OR THE BRILLIANCE AND POVERTY OF DIPLOMATIC DISCOURSE***

В XXI в. доминирующим типом поведения государств, в той или иной степени сопровождаемого дипломатическими службами, становится аффективный тип (по Веберу), подчиняющий себе не только традиционный, но и ценностно-рациональный и целерациональный типы. Особенность современной структуры международных отношений заключается в острой оппозиции принципов безопасности — независимости (свободы) и формировании агрессивно-конфликтного международно-политико-дипломатического дискурса. С позиций политико-коммуникативного подхода процесс объясним очевидной трансформацией информационной структуры и коммуникативных функций мировой политической системы: от однополюсной иерархии к системно-сетевой организации и далее, через дисфункции и полифуркации, к хаотизации и перерождению системы.

Устойчивость структуры и состояний определяется способностью системы восстанавливать динамические характеристики своего положения посредством урегулирования конфликтных состояний во времени и пространстве. В политических системах мирового масштаба, охватывающих обширную нелинейную зону

обеспечения жизненно важных интересов, цикл устойчивости / неустойчивости имеет нелинейную конфигурацию. Здесь флуктуации не затухают, а усиливаются в конфликтогенном режиме и завладевают всей системой. В результате она переходит к новому режиму, который может быть качественно отличным от стационарных состояний. Тогда теряется устойчивость равновесного, симметричного состояния, и система, вступив в процесс бифуркации, закономерно переходит на другой уровень или разрушается.

Катализатором конфликта выступают информационно-коммуникативные технологии, влияющие на весь спектр международных отношений, насыщая их эмоциями и определяя характер национальных политик. Эмоциональное напряжение мирового информационного пространства усиливается в случаях импульсивных, спонтанных решений политических лидеров государств, фиксируемых в глобальных сетях. При этом атрибутивные свойства системы международных отношений — динамическая устойчивость, нормативная наблюдаемость и управляемость — ослабевают, что негативно отражается на синергетических и особенно на рефлексивных потенциях международных отношений.

В рамках рефлексивного подхода к обеспечению устойчивости мировой политической системы к деструктивным информационно-политическим процессам вырабатываются специфические параметры порядка, представляющие собой мощные политико-правовые механизмы на уровне государств. Они формируются как информационно-коммуникативные динамические комплексы — сложные (дискретные) рефлексивные гомеостаты. Сверхзадача дипломатической деятельности в век глобальной информационной нестабильности заключается в профессиональном создании коммуникативных гомеостатических систем — дискурсов, обеспечивающих снятие международных противоречий несиловыми средствами.

Состояние устойчивости/безопасности обеспечивается собственными информационно-коммуникативными процессами, происходящими в системе и / или в среде. Они порождаются внешними условиями (возмущениями) и внутренними свойствами структуры мировой системы. Поддерживать динамическое постоянство информационно-коммуникативных параметров в зависимости от цели движения системы — суть управлять информационной устойчивостью / безопасностью мировых процессов. Но и сама дипломатия оказывается в зоне риска истощения

своего институционального потенциала. На пространстве ее бытования осуществляют экспансии политика, идеология, пропаганда, псевдокультуры. Кадровый дипломатический корпус страдает от проникновения в его состав дилетантов и непрофессионалов.

Задача дипломатии заключается в том, чтобы предвидеть, наблюдать и управлять свойствами и способностью мировой элиты делать выборы развития, гармонизируя международные отношения.

### **Шентякова А.В.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

#### ***ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА КОНФЛИКТОГЕННЫХ ФАКТОРОВ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ\****

### **Shentyakova A.V.**

St Petersburg State University, St Petersburg

#### ***EXPERT ASSESSMENT OF CONFLICT-GENERATING FACTORS IN THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC IDENTITY POLICY***

Тема идентичности в междисциплинарных исследованиях является актуальной и популярной как в российских, так и в зарубежных научных публикациях. В отечественной политической науке важное место занимает направление, акцентирующее внимание на разработке методов оценки и анализа процессов конструирования идентичностей. Существуют различные подходы к трактовке понятия политика идентичности. В рамках проведенного исследования наиболее корректным представляется понимание политики идентичности как комплекса мер, решений и программ со стороны государства для поддержания определенного уровня консолидации общества и стабильности политического режима. «В данном случае политика идентичности рассматривается скорее как одна из разновидностей политического курса (policy), проводи-

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы».

мого политическими, экономическими или культурными элитами, нежели как борьба отдельных социальных групп за признание» [1].

В российском политическом процессе ключевую роль выполняет государство, и изучение механизмов государственной политики идентичности позволяет оценить не только способы реализации выбранного курса по символической консолидации общества, но и определить степень результативности / эффективности принятых решений и программ. Для достижения поставленных задач в ходе выполнения проекта был выбран метод экспертной оценки. Серия экспертных полуструктурированных интервью позволила выделить несколько факторов, которые негативно влияют на результативность курса государственной политики идентичности и способствуют обострению конфликтов.

*Первый фактор — субъектный.* В числе наиболее значимых акторов конструирования политики идентичности эксперты выделили органы государственной власти. Таким образом, политические и административные элиты признаются одним из наиболее влиятельных субъектов разработки и реализации курса политики идентичности. Внутри этого фактора необходимо выделить два равнозначных конфликтогенных компонента. Первый элемент затрагивает классическую парадигму дихотомии элита — масса. Поиск возможности сплотить российское общество и примирить его с последствиями распада советского государства для властной элиты сохраняет актуальность на протяжении всех последних 25 лет. Экономическое расслоение и недоверие к политическим институтам усугубляют разрыв между властью и простыми гражданами, что обуславливает фрагментарность конструирования гражданской идентичности. Второй компонент данного фактора затрагивает степень конфликтности / сплоченности внутри элиты. Борьба за экономические ресурсы и несогласованность действий между федеральными и региональными органами власти в процессе реализации мер политики идентичности зачастую нивелируют положительный эффект от принимаемых решений и провоцируют конфликты на национальной и конфессиональной почве.

*Второй фактор — нормативный.* Многие эксперты отмечали, что отсутствие четко сформулированной и артикулированной долгосрочной стратегии в сфере политики идентичности несет в себе угрозу роста региональных идентичностей и ослабление государственно-национальной идентичности. Отсутствие такого документа позволяет на региональном и локальном уровне

местным элитам по-своему трактовать и реализовывать решения в сфере политики памяти, культурной и языковой политики.

*Третий фактор — институциональный.* На локальном и региональном уровне важную роль в конструировании идентичности, по мнению экспертов, выполняют институты гражданского общества. Построение консенсусной модели взаимодействия между активными сообществами / организациями и местными властями необходимо стимулировать мерами постоянной финансовой поддержки со стороны федерального центра в рамках специализированных программ и проектов.

### **Список литературы:**

1. Цумарова Е.Ю. Политика идентичности: politics или policy? // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2012. № 2. С. 5–16.

### **Шибанова Н.А.**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

### **МАРКЕРЫ КОНФЛИКТА В ГРУППАХ МОЛОДЕЖНОГО ГЕНДЕРНОГО ЭКСТРЕМИЗМА\***

### **Shibanova N.A.**

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan

### **MARKERS OF CONFLICT IN YOUTH GENDER EXTREMISM GROUPS**

Понятие гендерного (полового) экстремизма в отечественной науке сложно называть разработанным, однако практика свидетельствует о наличии данного явления в современном российском обществе. Под гендерным экстремизмом можно понимать отверженность к крайним взглядам и действиям, мотивированную ненавистью либо враждой по признакам гендерной (половой) принадлежности индивида или социальной группы, а также публичные призывы к совершению таких деяний [1].

В рамках исследования был проведен конфликтологический аудит контентов двух интернет-групп гендерного экстремизма в сети «ВКонтакте», против основателей которых 2018 г. были

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31001.



возбуждены уголовные дела по статье 282.1 УК РФ «Организация экстремистской организованной группы или экстремистского сообщества (организации)» по факту возбуждения ненависти к социальным группам «мужчин» и «женщин». В мужской группе состоят более 20 тысяч, в женской — более 5000; около 80 % участников — молодежь (до 35 лет).

Группа «Твоя ужасная леди» ([https://vk.com/lame\\_dame](https://vk.com/lame_dame)) позиционирует себя как политическое движение, значительная часть контента отдана просветительской работе — публикация материалов российских и зарубежных теоретиков и практиков феминизма. Движение выступает против церкви, как института патриархата и угнетения женщин, против запрета аборт, против работоторговли и секс-торговли, против домашнего насилия и против нарушения прав женщин. Конфликт с обществом носит черты как рационального, так и дерационализованного (конфликт как самоцель). Маркеры рационального конфликта: традиционные формы политического участия (сбор подписей), достаточно четкая манифестация требований, использование легальных форм протестной активности.

Контент NAP — Международный, общественно-социальный проект (<https://vk.com/natiopat>), в основном содержит патриархальные ценности и установки, за которыми четко прослеживается политический характер проекта. Основные тренды контента: мезогиния, национализм, скрытый призыв к несанкционированным протестам, выступление против социальных институтов (СМИ, судебная система, РПЦ, правоохранительные органы, избирательная система и др.), против любых нетрадиционных гендерных проявлений. К маркерам рационального конфликта можно отнести незначительный опыт традиционных форм политического участия; к дерационализованному: отсутствие выработанных моделей политического участия, частое отсутствие четко сформулированного запроса или интереса, либо протестный запрос (против чего-либо).

Ряд маркеров дерационализованного конфликта присущ обеим группам: присутствие значительного эмоционального компонента, субъективность оценок, негативная идентичность, отрицание инакомыслия и неготовность к компромиссам, требование подчинения к приверженцам, директивный характер «правильных» эмоций, мыслей, поступков, выступление против стабильных социальных структур. К маркерам рационального конфликта можно отнести достаточно сдержанный непровокационный визуальный



контент. Таким образом, конфликтологический аудит контента интернет-групп позволяет сфокусировать внимание на необходимости перевода конфликта в рациональную сферу, в том числе и через проработку эмоциональных, бессознательных компонентов конфликта.

### **Список литературы:**

1. *Яворский М.А.* Интерпретация тендерного (полового) экстремизма // Человек: преступление и наказание 2014. № 2. С. 129–133. URL: <http://https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-gendernogo-polovogo-ekstremizma> (дата обращения: 12.09.2019); *Бутаева М. А.* Дискурс гендерного экстремизма // Социосфера. 2010. № 2. С. 13–14.

### **Ширяев Э.**

Университет Джорджа Мейсона, Фэрфакс, США

#### ***АТАКИ НА РЕПУТАЦИЮ В ПОЛИТИКЕ: ВКЛАД В КОНФЛИКТОЛОГИЮ***

### **Shiraev E.**

George Mason University, Fairfax, USA

#### ***CHARACTER ATTACKS IN POLITICS: A CONFLICTOLOGY APPROACH***

Almost a decade of research and publications conducted by an international group of scholars affiliated with the Character Assassination and Reputation Politics research laboratory at George Mason University (USA) allows us to formulate several principles directly applicable to the theory and practice of Conflictology.

The ultimate goal of character attacks is character assassination, which is the deliberate destruction of a person's reputation or credibility. We make a distinction between "character" and "reputation". While character is about personal traits we actually possess, reputation is as a complex social evaluation by others of an individual's character and behavior. Smearing someone's reputation is a not new phenomenon. While character assassination certainly has been helped by the advent of social media and other communication, character attacks are a timeless phenomenon dating back to the advent of human civilization.

Character attacks are not limited to the realm of politics. They occur in business, education, religious circles, science, sports, entertainment, and all other professional areas. Because of character attacks, a person's professional community and associates, as well as the general public may reject individuals under attack. They often withdraw their support including voting. The process of character attacking may resemble an annihilation of a human life, as the damage sustained can last a lifetime. For some historical figures that damage endures for centuries.

Many character assassination practices stem back to ancient times, but there had been little academic interest until lately. The widespread use of character assassination in recent years is directly related to the rise of the social media, proliferation of fake news, growth of incivility in contemporary politics, and the emerging new methods of cyberwarfare (i-warfare) associated with a deliberate spread of information with the purpose to weaken or defeat an opponent in a domestic or an international conflict.

Character assassination goes well beyond our personal use of social media to smear other people for personal reasons. It is also a powerful tool in the struggle for political influence. It is used in business in attempts to compromise competitors and thus increase revenues. In international politics character attacks against national leaders are on the rise. Such attacks against political leaders have become part of modern cyberwarfare (both domestic and international) to target people's knowledge, attitudes, manipulate them, sway them, influence public opinion on important social and political issues, and impacting voting behavior.

Studying character attacks brings new interdisciplinary research to studies into Conflictology and suggests various applications to Conflict Resolution theory and practice. In structural terms, examining character assassination contributes to a better understanding of a conflict's instigation, its dynamics, and its resolution.

1. Character attacks can be a source of or a contributing factor to a conflict. Character assassination consists of both direct and indirect attacks in the form of verbal and non-verbal assaults and accusations, truthful or not, aimed at a person's public image. If a government official or a politician makes rude or disparaging remarks about a character of a foreign leader, this act can cause significant backlash in foreign country thus provoking political and diplomatic tensions. Such attacks can also influence public opinion in a foreign country and foster negative perceptions about the country from which that attack has been launched.

2. Character attacks can also serve as a means of a conflict. They include cheap shots, rumors, negative advertising, pamphlets, cartoons,

Internet memes, inopportune photos, and many other techniques. Other methods include the erasing of collective memory through history distortion, editing Wikipedia entries, or deliberately silencing or completely erasing someone's merits or professional achievements in the public sphere. Although such attacks target a public figure, their practical goal is to mobilize and sustain public opinion in support of that attacker. Very often the targets of character attacks should spend enormous resources and time to defend their reputation, which not only is a distraction but also becomes a serious political obstacle.

3. Character attacks can also be a means of defense and counterattacks. The target of character attacks can launch retaliatory attacks against the opponent, either foreign or domestic. This counteraction can considerably worsen the conflict and lead to its escalation. On the other hand, both sides could realize that personal insults and other forms of attack can you eventually become unproductive, which would motivate them to seek a resolution to the conflict. Even threats of character attacks and counter-attacks can serve as a conflict-resolution technique for the conflicting sides can quickly realize the height cost associate with launching and defending from character attacks.

### **Шрайбер А.Н.**

Алтайский государственной университет, Барнаул

#### ***МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И КОНФЛИКТНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ\****

### **Shrayber A.N.**

Altai State University, Barnaul

#### ***INTERDISCIPLINARY ANALYSIS OF THE MAIN FACTORS OF SOCIAL TENSION AND CONFLICT IN A REGIONAL SOCIETY***

Актуальность анализа основных факторов социальной напряженности и конфликтности в региональном социуме обусловлены реальными социальными процессами, происходящими в регионах

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-411-220001 «Разработка и продвижение комплекса мер социального характера по снижению уровня социальной напряженности и конфликтности населения в Алтайском крае в 2018–2020 гг.».

РФ и связанными в первую очередь со снижением уровня жизни населения, ростом недовольства граждан, усугублением социальной дифференциации общества.

Социальная напряженность и конфликтность — многоуровневые феномены общественной жизни, которые, с одной стороны, определяют множество аспектов жизнедеятельности социума, с другой — подвержены влиянию множеству факторов. Но так или иначе данные феномены не сводятся к простой сумме возникающих в обществе недовольств и конфликтов. Необходимо признать, что в отечественной науке изучение данных феноменов происходит фрагментарно без целостного осмысления. Наиболее распространен психологический подход применительно к конфликтности отдельной личности (Г.А. Андреева, Н.В. Гришина, А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов). Первые попытки определения, структурирования и измерения данных социальных феноменов осуществил представитель алтайской социологической школы профессор Ю.Е. Растов. В разное время анализом конфликтности занимались А.В. Дмитриев, Е.И. Степанов, А.И. Стребков и др. [1]. Отсутствие комплексных научных разработок по указанной проблематике приводит к затруднению реализации эмпирических исследований.

Междисциплинарность анализа социальной напряженности и конфликтности, а также факторов, их определяющих, обуславливается потребностью в интеграции теоретико-методологических и методических подходов социальных наук. Разработка данного подхода предполагает несколько взаимосвязанных этапов: 1) уточнение и операционализация понятий социальной напряженности и конфликтности в региональном социуме; 2) установление механизмов возникновения и измерения их уровня в конкретной социальной системе; 3) определение системы факторов, влияющих на количественные и качественные характеристики изучаемых феноменов; 4) выявление путей управления социальной напряженностью и конфликтностью в региональном социуме путем оптимизации факторов, влияющих на них.

Система факторов, определяющих специфику и уровень социальной напряженности и конфликтности представляет собой комплекс региональных особенностей социальной системы и индивидов, входящих в нее. В эту систему включены следующие факторы: 1) экономические (экономические преимущества и проблемы региона); 2) социальные (уровень жизни населения, социальная дифференциация, структура социальных связей);

3) политико-институциональные (соответствие полномочий и решаемых задач органами власти); 4) экологические (состояние окружающей среды); 5) геополитические (пограничный характер территории); 6) правовые (специфика регионального законодательства); 7) демографические (специфика демографических характеристик региона); 8) культурные (наличие поликультурности, контркультур); 9) религиозные (поликонфессиональность региона); 10) коммуникативные (позиции СМИ, общественная пропаганда); 11) психологические (общественные настроения, уровень удовлетворенностью жизнью, перспективы на будущее) [2].

Важность учета системы факторов — центральная идея междисциплинарного анализа заявленной проблематики. Данный анализ обеспечивается использованием совокупности социологических, математико-статистических и эконометрических методов, позволяющих компетентно оценить вес и степень влияния факторов различной направленности на социальную напряженность и конфликтность в конкретном региональном социуме.

### **Список литературы:**

1. *Нагайцев В.В., Пустовалова Е.В.* Уровень социальной напряженности и конфликтности в системе показателей социального благополучия населения региона // *Известия Алтайского гос. ун-та.* 2010. № 2-2 (66). С. 209–213.
2. *Внукова Л.Б., Челпанова Д.Д., Пашенко И.В.* Социально-политическая напряженность в полиэтничном регионе / *Л.Б. Внукова, Д.Д. Челпанова, И.В. Пашенко; [отв. ред. Л.В. Батиев]. — Ростов н/Д.: Изд-во Южного научного центра РАН, 2014. 192 с.*

**Щербакова О.И.**

РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва

***ПСИХОТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ  
КОНФЛИКТОЛОГИИ***

**Shcherbakova O.I.**

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

***PSYCHOTECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF TEACHING  
CONFLICTOLOGY***

В психолого-педагогической литературе представлены несколько классификаций психолого-педагогических технологий — В. Г. Гульчевской, В. Т. Фоменко, Т. И. Шамовой и Т. М. Давыденко. В наиболее обобщенном виде все известные в науке и практике технологии систематизировал Г.К. Селевко [5].

К числу современных психолого-педагогических технологий можно отнести: развивающее обучение; проблемное обучение; технологию проектной деятельности; технологию использования в обучении игровых методов; информационно-коммуникационные технологии и т. п.

Результаты анкетирования студентов и магистрантов 1-х курсов показали, что не все участники, среди которых мы проводили исследование, знают, что такое психотехнологии. Таких примерно 65 %. Остальные 25 % дали положительный ответ.

Одной из самых эффективных форм усвоения информации являются игровые технологии.

Например, по теме: «Сущность понятия “конфликт”» студентам предлагается написать на небольших листах определения конфликта («Конфликт — это...»). После этого в «корзину конфликтов» (коробка, мешок, шапка, сумка) складываются листки с ответами и перемешиваются. Ведущий подходит по очереди к каждому участнику, предлагая взять один из листков и прочитать написанное. Таким образом, можно обсуждать определение конфликта и его разбирать.

При обучении используется и технология создание ситуации успеха на занятиях [3]. Существует немало приемов создания ситуации успеха «Холодный душ», «Эмоциональное поглаживание», «Даю шанс», «Эврика» и другие. Ситуация успеха достигается тогда, когда сама личность определяет этот результат как успех.

Главная задача развивающего обучения — развитие мышления, так чтобы учащийся сам мог использовать заложенный в него потенциал. Учебная деятельность изначально организуется в атмосфере коллективного размышления поисков решения проблемы [4, с. 102].

Технология «кейс-стади» используется в рамках развивающего обучения. Кейс-стади технология — обучение, при котором необходимо анализировать реальные ситуации.

Кейс-технологии при обучении молодежи на занятиях развивают аналитическое мышление, способствует развитию профессиональных умений и навыков. Нами используются кейс-технологии при осуществлении контроля знаний, умений и навыков студентов при изучении конфликтов.

Студентам предлагается обучающий кейс и дается задание по его анализу:

- 1) укажите его вид и оцените его учебные возможности;
- 2) проанализируйте возможные варианты ответов на поставленные вопросы в кейсе;
- 3) выберите лучшую альтернативу как рекомендуемый курс действий;
- 4) объясните Ваш выбор в противовес другим альтернативам.

Динамическое мышление представляет собой набор инструментов и методов мышления, позволяющий переключать сознание из одного контекста возникшей проблемы в другой, чтобы найти решение всех причин возникновения данной проблемы и определить источник их появления. Существуют несколько техник развития динамического мышления [2, с.213].

Мы использовали следующие методы гибкого мышления в обучении студентов с помощью техники «Карта мыслей» или «mindmap». Тему «Сущность конфликт» мы рассматривали, применяя интеллект-карту. Данную «mindmap» целесообразно использовать в конце изучения темы «Конфликт», когда студенты уже изучили все, что связано с этим понятием. Эта техника может применяться при обобщении и систематизации изученного материала. С помощью этой техники удобно обрабатывать и структурировать информацию, полученную на занятиях [1, с. 257].

Нами был также проведен опрос, который помог выявить наличие и развитие динамического мышления у студентов. Всего в опросе приняло участие 53 человек, среди которых было 28 юношей и 25 девушек. Анализ ответов респондентов показал, что у девушек более развито динамическое мышление, чем у юношей.

В основу технологии критического мышления положен базовый дидактический цикл, состоящий из трех этапов. «Вызов» — активизируются имевшиеся ранее знания; «Осмысление» — работа с текстом; «Рефлексия» — размышление. Процесс мышления, скрытый от глаз, становится наглядным, создается определенный образ.

Для развития критического мышления студентов и магистрантов на занятиях нами использовался метод структурно-психологического анализа конфликта.

Структурно-психологический анализ конфликта / конфликтной ситуации осуществляется по определенной схеме, с которой студентов знакомят на занятиях.

Обучающиеся делают анализ на примере коротких рассказов, басен. В конце занятия проводится рефлексия: какое значение для жизнедеятельности, практики работы с конфликтующими имеет структурно-психологический анализ конфликта и понимание конструктивной и деструктивной сторон конфликта?

### **Список литературы:**

1. *Бьюзен Т.* Интеллект-карты. Практическое руководство / Т. Бьюзен, Б. Бьюзен. Минск: Попурри, 2016. — С. 257.
2. *Дуэк К.* Гибкое сознание. Новый взгляд на психологию развития взрослых и детей. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 213
3. *Ждановских С.А.* Ситуация успеха как фактор, способствующий развитию творческих способностей ребенка // *Детство, открытое миру: актуальные проблемы образования периода детства: V Всерос. науч.-практ. конф. для преподавателей и студентов пед. вузов и колледжей / Урал. гос. пед. ун-т; ред. Е. В. Коротаева [и др.]. Екатеринбург, 2014. С.156–158.*
4. *Кашапов М.М.* Психология творческого мышления: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 102.
5. *Узлов Н.Д.* Психотехнологии: к проблеме определения понятия // *Вестник Пермского университета. Сер. «Философия. Психология. Социология».* 2011. Вып. 1(5). С. 32–42.



**Юрченко И.В.**

Кубанский государственный университет, Краснодар

***КОНФЛИКТНЫЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ  
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ  
ОБЩЕСТВЕ: ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ\****

**Yurchenko I.V.**

Kuban State University, Krasnodar

***CONFLICT AND INTEGRATION ASPECTS OF THE DEVELOPMENT  
OF THE POLITICAL PROCESS IN MODERN RUSSIAN SOCIETY:  
POLYPARADIGM ANALYSIS***

В социальном пространстве идет процесс постоянного образования зон интеграции и конфликта. Структурирование конфликтующих групп, как правило, происходит под влиянием властных воздействий на группы и общности по известному принципу «разделяй и властвуй». Одновременно внутри этих групп в результате артикуляции некой идеологической формулы, в том числе и в виде партийной программы, происходит легитимация ролевой иерархии и укрепление значимости ценностных ориентаций, объединяющих индивидов в контексте взаимопонимания и единой интенциональности. В то же время внутригрупповая интеграция не отменяет перманентные статусные и ролевые конфликты по поводу лидирующих позиций и функций. По-прежнему мощными факторами интеграции остаются религиозная и этническая принадлежность. С другой стороны, эти же причины приводят к самым острым и напряженным конфликтам: межэтническим и межконфессиональным. Но развитие политического процесса в современной России, как отмечают эксперты, не носит характер межэтнических или межконфессиональных противоречий. Это положение не может являться окончательным выводом, а может рассматриваться только как гипотеза. Для ее подтверждения необходим всесторонний комплексный анализ характера и содержания взаимодействий государства и гражданского общества по самым разнообразным вопросам политической повестки дня. Многоставное, сложноустроенное российское общество до сих пор еще не

---

\* Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. Проекта АААА– А19-119011190170-5.

завершило стадию своего формирования после распада Советского Союза. Его трансформация продолжается в форме флуктуаций между рыночными, конкурентными отношениями и принципами политики этатизма. Кроме этого, идут системообразующие процессы адаптации народов и культур российского общества к новым условиям конкурентных отношений, которые очень часто в реальности становятся конфликтогенными факторами политических отношений и взаимодействий различных заинтересованных групп в пространстве борьбы за власть. Разнонаправленность и многофакторность этих сложных социально-политических отношений, последствия борьбы за право доминирования в информационном поле и многие другие аспекты развития политического процесса в современной России требуют аналитического инструментария из разнообразных научных парадигм. Согласно К. Попперу, «существует три мира — мир физических вещей (мир 1), мир ментальных состояний, или мир индивидуального мышления (мир 2) и мир объективного содержания мышления (мир 3). Очевидно, что личностное знание индивида относится к «миру 2», а научное знание и знание коллективного опыта человечества принадлежит к «миру 3», которое эволюционирует в силу познавательной деятельности человека. Для методологии науки, с точки зрения К. Поппера, центральной идеей является эволюция проблемы — ее формулирование, построение пробной теории, устранение ошибок и выдвижение новой проблемы, изменяющей исходную. Именно таким образом, по его мнению, происходит «эволюция проблем, допускающая... конкуренцию соответствующих им теорий». Полипарадигмальный анализ в конфликтологии основывается на понимании того, что существует различие между «научными» и «жизненными» проблемами, о чем пишет Б.Г. Капустин. Проводя эту необходимую грань, он отмечает, что научная проблема — это проблема прояснения высказывания относительно факта. Жизненная проблема — это проблема «переживания» мира. Полипарадигмальный анализ в конфликтологии включает как рационально-прагматические познавательные модели, так и феноменолого-герменевтические, социально-психологические и др. Учитывая пространственное разнообразие Российского общества, необходимо включать изучение субрегиональных моделей конфликтного социально-политического процесса. Таким образом, конфликтные и интеграционные аспекты развития политического процесса в современном Российском обществе необходимо

исследовать с помощью различных объяснительных моделей, включая системный, структурно-функциональный политический анализ, а также дискурсный и контент-анализ, синергетическую парадигму, социометрию, конфликтологическую экспертизу и диагностику.

### **Список литературы:**

1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 72.
2. *Капустин Б.Г.* Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 1999. С. 14.
3. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 365.

### **Яковенко А.Д.**

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва

### ***СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ»***

### **Yakovenko A.D.**

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow

### ***THE SPECIFICS OF TRAINING STUDENTS IN «PEDAGOGICAL CONFLICTOLOGY»***

Педагогическая сфера в последнее время подвергается технологическим усложнениям образовательной деятельности, отсюда идет деформация психологической структуры, и педагогу становится сложнее; здесь пригождается его конфликтологическая компетентность.

С.Ф. Фролов считает, что конфликтологическая компетентность зависит от степени ориентированности в масштабе возможных стратегий поведения в конфликте и умений применять и воплощать эти стратегии в той или иной жизненной ситуации.

Целью обучения по данному направлению в образовательных организациях является подготовка профессионалов, умеющих формировать бесконфликтную образовательную среду и осуществлять научно-методическую деятельность, которая подразумевает

создание разных инновационных систем управления конфликтами. Учитывая факт, что педагогическая деятельность заключается в умении грамотно упорядочивать свои действия и действия обучающихся, конфликтологическая подготовка студентов должна включать в себя познание педагогических конфликтов, выявление их особенностей и усвоение основ разрешения педагогических конфликтов. Особое значение имеет изучение принципов профессионального образования и принципов целостного педагогического процесса. Изучение понятий: инцидент, конфликтная ситуация, конфликтное взаимодействие.

Согласно Дж. Леви, в учебной программе подготовки студентов следует рассматривать вопросы, связанные с возникновением и причиной конфликтов, а также связанные с предупреждением, разрешением и управлением конфликтами.

В целях освоения конфликтологической компетенции студенты изучают специальные дисциплины («Развитие психолого-педагогической компетентности», «Педагогическая конфликтология», «Управление конфликтами» и т. п.), которые усиливают психологические и педагогические знания программы обучения.

Специфика подготовки студентов по направлению «Педагогическая конфликтология» состоит в тренировке не только знаний, но и умений, способностей реализовывать нужные трудовые функции. Обучаются студенты не только в формате аудиторных очных занятий, добавляется самостоятельная деятельность в условиях реальной профессиональной среды на базе образовательной организации. Студент осваивает базовые виды и формы профессиональной педагогической деятельности посредством осуществления самостоятельных профессиональных проб. Организуется конструктивное пространство «школа-вуз», в котором каждый имеет возможность и учиться, и учить.

Конфликтологическая компетентность формируется у обучающихся при помощи осуществления таких условий, как внедрение будущих специалистов в информационное пространство конфликтологии в течение всего периода обучения, использование инновационных интерактивных технологий обучения, активизирующих конфликтологическую деятельность обучающихся и уклон обучающихся в самообразовательную конфликтологическую деятельность.

Студенты, имеющие достаточно высокий уровень знаний схем поведения в конфликтных ситуациях и способные разрешить

практически любую возникшую конфликтную ситуацию, демонстрируют непосредственно высокий уровень сформированности компетенций по разрешению профессионально-личностных конфликтов. Такие студенты мотивационно заряжены в вопросах обучения. Относящиеся к данной категории обучающиеся посещают все аудиторные и внеаудиторные занятия, активно дискутируют, часто организуют мероприятия, активно проводят самостоятельную работу, дабы усилить свои приобретенные навыки и компетенции, а это является отличным началом вхождения в профессиональную рабочую стезю.

# **КОНФЛИКТОЛОГИЯ XXI ВЕКА ПУТИ И СРЕДСТВА УКРЕПЛЕНИЯ МИРА**

Материалы III Санкт-Петербургского  
международного конгресса конфликтологов

Санкт-Петербург  
15–16 ноября 2019 года

Фонд развития конфликтологии  
Юр. адрес: 199406, г. Санкт-Петербург, ул. Шевченко, д. 25, к. 1  
Адрес фактического нахождения:  
191023, г. Санкт-Петербург, Невский проспект, д. 54 литера А,  
пом. 20-Н, офис 4  
Тел.: 8 (812) 418-26-11  
e-mail: [fond\\_conflict@mail.ru](mailto:fond_conflict@mail.ru) ; <http://cdfconflict.com/>;  
<http://conflictology.ru>